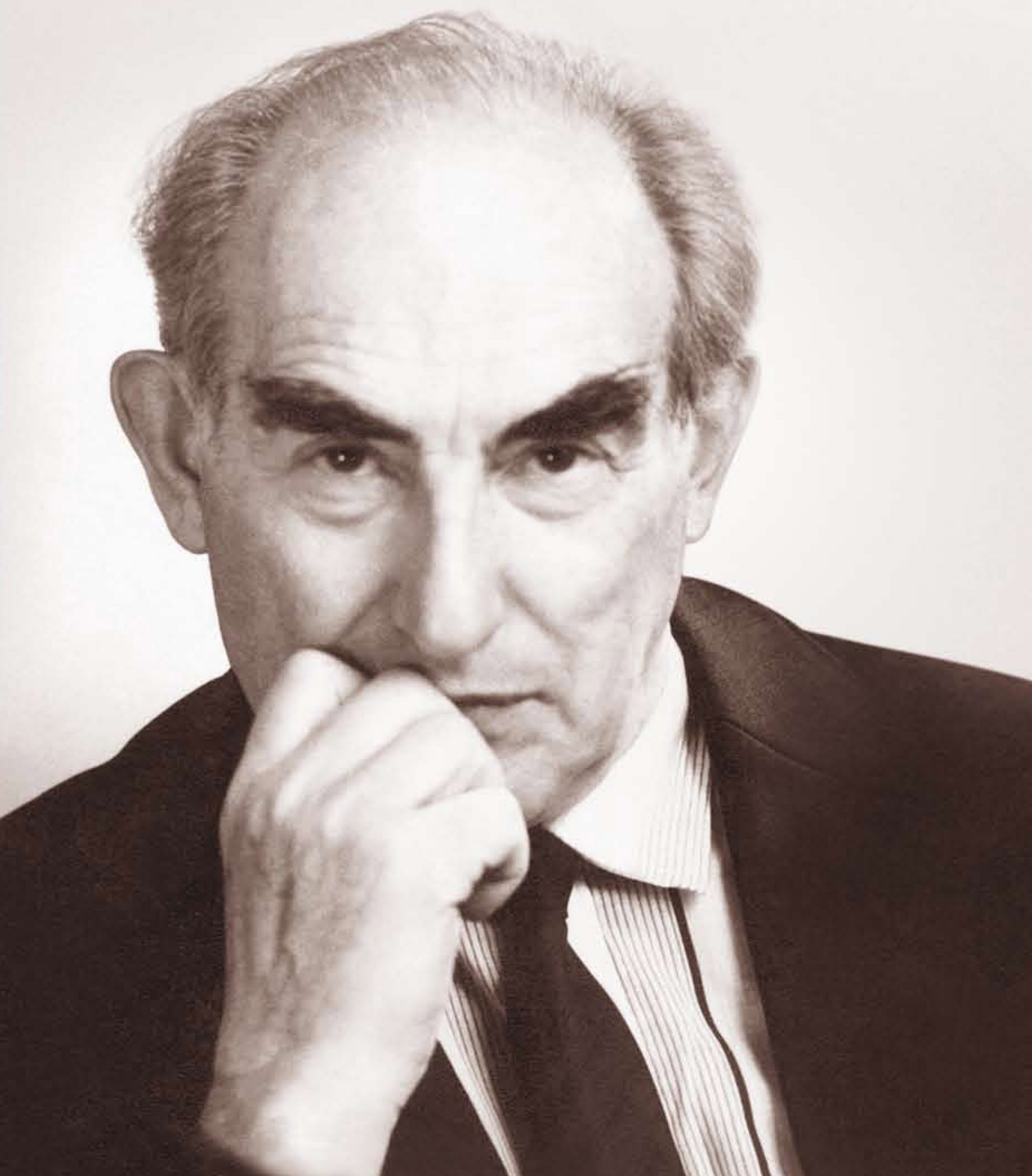

Виталий Лазаревич
ГИНЗБУРГ

Виталий Лазаревич Гинзбург

К 100-летию со дня рождения

Издание осуществлено при поддержке Федерального государственного бюджетного учреждения науки Физического института имени П. Н. Лебедева РАН.

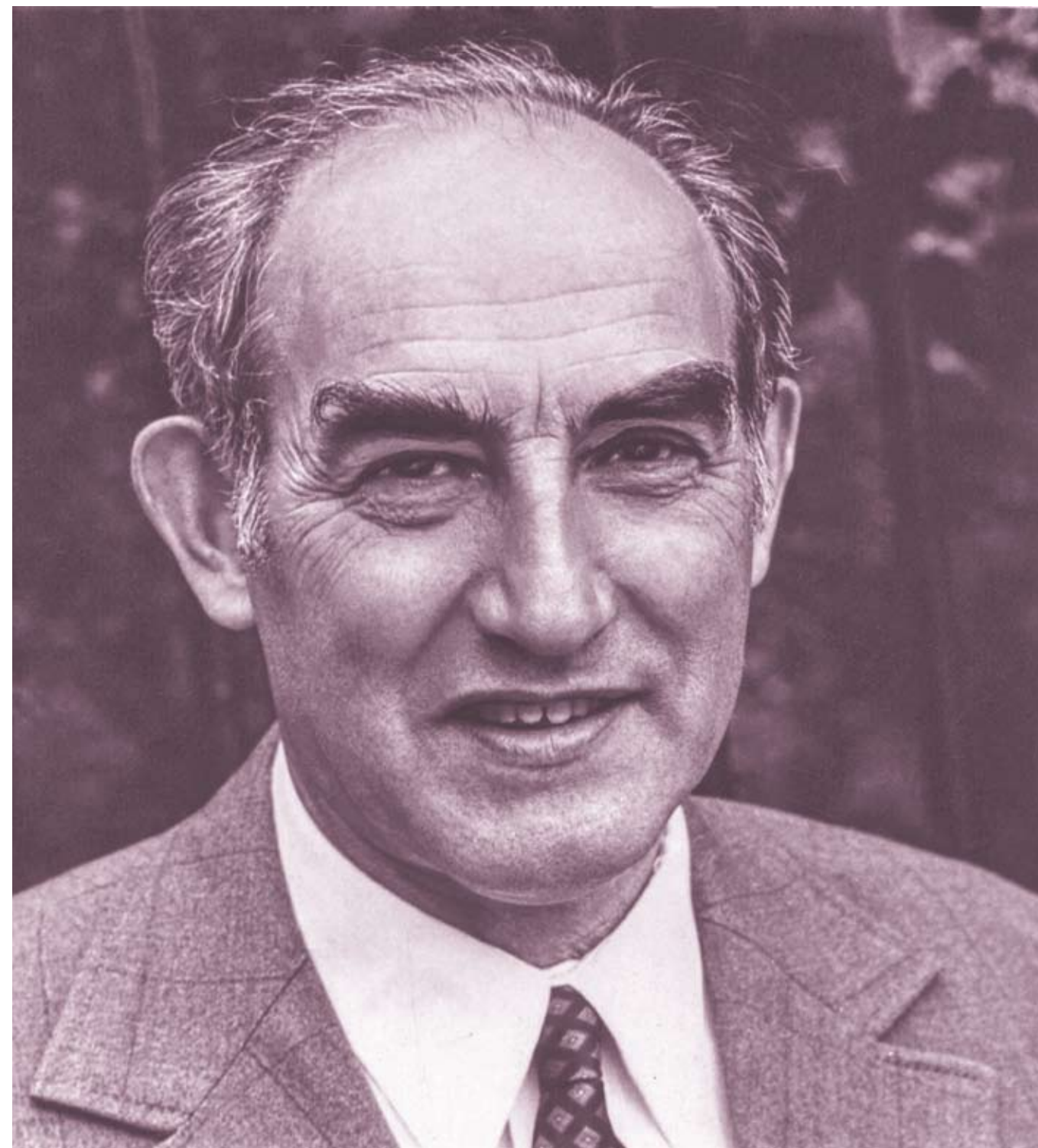
Книга-альбом «Виталий Лазаревич Гинзбург. К 100-летию со дня рождения».

Авторы-составители: В. М. Березанская, М. А. Лукичёв, Н. М. Шаульская.

Настоящий альбом (биография в фотографиях) посвящён 100-летию со дня рождения выдающегося учёного мирового уровня, основоположника многих ключевых направлений современной физики, лауреата Нобелевской премии 2003 года, оставившего неизгладимый след не только в науке, но и в нашем обществе.

Большая часть помещённых в альбоме материалов публикуется впервые.

Составители выражают глубокую благодарность за различного рода помощь и содействие И. Г. Таракановой (Архив РАН), Н. Б. Клешовой (Архив ФИАН), А. Н. Колобову (ФИАН), П. И. Арсееву (ФИАН), В. М. Пудалову (ФИАН), И. И. Ройзену (ФИАН), М. И. Зельникову (ФИАН), П. Д. Березину (ФИАН), Н. С. Колесовой (МГУ), К. Л. Сорокиной (журнал «Природа»), Е. В. Захаровой (УФН), К. А. Томилину (ИИЕТ), Н. Л. Сулович, а также сотрудникам Архива МГУ, мемориального кабинета В. Л. Гинзбурга и библиотеки ФИАН.

Он произвёл на меня неизгладимое впечатление своей энциклопедической эрудицией, глубокими знаниями в области астрофизики и творческим подходом к общей теории относительности. Только позже я смог оценить его вклад в развитие различных аспектов физики твёрдого тела (например, теория сверхпроводимости Гинзбурга-Ландау), оптики (открытие переходного излучения) и в разработку ядерного оружия (предложение использовать дейтерид лития в качестве термоядерного топлива в водородной бомбе). Невероятная широта мышления создала Гинзбургу прочную репутацию среди американских коллег – его считали одним из немногих физиков нашего времени, кого можно поставить в один ряд с гениями эпохи Возрождения... *(Kip S. Thorne, California Institute of Technology)*

Вклад В. Л. Гинзбурга в мировую физику настолько огромен и разнообразен, что лишь немногие учёные в состоянии компетентно оценить его научное творчество целиком. *(Ivan Bozovic, Brookhaven National Laboratory, USA)*

Наука – это смысл жизни, всё лучшее собрано в ней, а потому мы все так верно ей служим. *(В. Л. Гинзбург)*

© ФИАН – фотографии, документы из архива
© ООО «Издательство «РМП» – оформление, 2017

ISBN 978-5-91597-077-8

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга-альбом посвящена физику-теоретику Виталию Лазаревичу Гинзбургу (1916–2009), одному из крупнейших учёных XX века, Нобелевскому лауреату по физике 2003 года и очень яркому человеку. Мы все знаем, что физика как наука состоит из ряда разделов, таких как механика, электричество, физика элементарных частиц и атомного ядра и т. д. Каждый раздел настолько обширен, что для изучения его может не хватить человеческой жизни. В каждом разделе есть свои специалисты. Есть выдающиеся знатоки, много сделавшие, скажем, только в механике или только в физике газового разряда. Другими разделами физики эти специалисты, как правило, не занимаются. Но, на самом деле, физика – единая наука. Она не разделяется на отдельные области исследования. На разные области её разделили люди, чтобы легче было изучать конкретные явления.

Виталий Лазаревич Гинзбург знал все направления физики. Будучи редким в настоящее время физиком-универсалом, он сделал важные открытия в разных областях физической науки: в электродинамике, в квантовой физике, в физике атомного ядра. Виталий Лазаревич далеко продвинул наши знания о свойствах и поведении самых разных физических процессов – от ядерных реакций и излучения быстрых электронов во внешних полях до процессов, происходящих в недрах гигантских звёзд. Научное наследие В. Л. Гинзбурга – это живая ткань современной физики. Его статьи содержат важные идеи, которые долго ещё будут способствовать развитию физической науки, будут помогать исследователям, работающим на переднем крае. Он опубликовал около шестисот научных статей; им самим и в соавторстве с учениками и сотрудниками написано более двух десятков монографий, почти все они переведены и изданы в других странах и выходили несколькими изданиями как у нас в стране, так и за рубежом. По этим книгам училось и ещё будет учиться не одно поколение физиков.

Научная деятельность В. Л. Гинзбурга получила широкое признание мировой научной общественности. Он был избран во многие иностранные академии и научные общества, в том числе в Лондонское Королевское общество, Национальную академию наук США, Европей-

скую академию, Международную академию астронавтики, Академию наук и искусств США, академию наук Дании, Индии и других стран.

Много лет он был членом редакционной коллегии, а затем главным редактором журнала «Успехи физических наук». Этот журнал является одним из лучших в мире, каждый его выпуск переводится на английский язык, причём тираж английского издания превосходит тираж издания на русском языке. Еженедельный семинар по теоретической физике под его руководством в ФИАНе посещали физики всей страны и гости из-за рубежа.

Значительное место в жизни В. Л. Гинзбурга занимала педагогическая и просветительская деятельность, пропаганда научных знаний и борьба с лженаукой. Часто приходится слышать: «Знание – сила!» Но не следует забывать о том, что невежество тоже сила.

В. Л. Гинзбург считал своими учителями двух выдающихся российских физиков, Нобелевских лауреатов – Льва Давидовича Ландау и Игоря Евгеньевича Тамма. Но, будучи их учеником, он полностью сохранил свою индивидуальность. В свою очередь, он стал учителем многих известных физиков.

Книга-альбом представляет собой биографию В. Л. Гинзбурга в фотографиях и документах – с первых и до последних дней его жизни. Фотографии и копии документов представлены Н. И. Гинзбург, Архивом РАН, Архивом ФИАН, Архивом МГУ, Мемориальным кабинетом В. Л. Гинзбурга (ФИАН), Теоретическим отделом ФИАН, Кабинетом истории ФИАН, Музеем физического факультета МГУ, журналом «Природа», сотрудниками ФИАН из личных архивов.

Тексты, сопровождающие фотографии и документы, представляют собой фрагменты из книг и статей, перечисленных в конце альбома. Это в большинстве своём рассказы о В. Л. Гинзбурге его родных и близких, его учеников, сотрудников и друзей и воспоминания самого Виталия Лазаревича, написанные им в разное время.

Изобразительный материал и текст подобраны так, что они дополняют друг друга. Просмотрите эту книгу как альбом, прочитайте её – вы получите представление о замечательном человеке Виталии Лазаревиче Гинзбурге и о том времени, в котором ему довелось жить и работать.

*Доктор физико-математических наук
Борис Михайлович Болотовский*

INTRODUCTION

This illustrated edition is devoted to Vitaly Lazarevich Ginsburg (1916–2009), a theoretical physicist and one of the most prominent scientists of the twentieth century, the Nobel Prize laureate in physics in 2003, and an outstanding personality. We all know that physics as a science comprises a number of branches, such as mechanics, electromagnetism, the physics of elementary particles and atomic nuclei, etc. Each branch is so vast that a human life may not be enough to master it, and each has its own experts. There are outstanding savants who have made great contributions, for example, to only mechanics or physics of gas discharge but who typically do not work in other areas. But physics is not in fact divided into separate areas of research. It has been divided only conventionally, to facilitate the study of various phenomena.

Ginzburg knew all of physics. A uniquely rare universalist physicist, he made important discoveries in various areas of physical science such as electrodynamics, quantum physics, and the physics of the atomic nuclei. Ginzburg greatly advanced our knowledge of the properties and behavior of various physical processes, from nuclear reactions and emission of fast electrons in external fields to the processes occurring in the interior of giant stars. Ginzburg's scientific heritage is the live fabric of modern physics. His articles contain important ideas that will long contribute to the development of physical sciences and will be valuable for scientists working at the cutting edge of research. He published about six hundred scientific articles and more than two dozen monographs, written by him alone or in co-authorship with students and colleagues; almost all of them have been translated and published in other countries and have appeared in several editions both in this country and abroad. These books have been and will be studied by generations of physicists.

Ginzburg's scientific achievements were widely recognized by the world scientific community. He was elected a member of many foreign academies and scientific societies including the London Royal Society, the National Academy of Sciences (USA), the European Academy, the International Academy of Astronautics, the Academy of Sciences and Arts

of the USA, the Academies of Sciences of Denmark, India and other countries. He was a member of the editorial board for many years and then editor-in-chief of the journal *Physics–Uspekhi* (*Advances in Physical Sciences*), one of the best journals in the world. Each issue is translated into English, and the English edition circulation exceeds the Russian one. Ginzburg's weekly seminar on theoretical physics at the Lebedev Physical Institute (LPI) was attended by physicists from all over the country and guests from abroad.

Pedagogical and educational activities, dissemination of scientific knowledge, and the fight against pseudoscience occupied a significant place in Ginzburg's life. We can often hear that «knowledge is power», but we must not forget that ignorance also is power. Ginzburg considered two outstanding Russian physicists, Nobel laureates Lev Davidovich Landau and Igor Evgenievich Tamm, to be his teachers, but being their disciple, he completely retained his individuality. He in turn became the teacher to many well-known physicists.

This illustrated edition is Ginzburg's biography told in photographs and documents from early in his life to his last days. Photos and copies of documents were provided by N. I. Ginzburg, the RAS Archive, the LPI Archive, the Archive of Moscow State University, the Ginzburg Memorial Cabinet (LPI), the Theoretical Department of the LPI, the LPI Cabinet of History, the Museum of the Department of Physics of Moscow State University, the journal *Priroda* (Nature), and by the LPI staff from their personal archives.

The accompanying text and documents represent fragments from books and articles listed at the end of this book. These are mostly stories about Ginzburg told by his family members, relatives, students, colleagues, and friends, as well as recollections by Ginzburg himself written at different periods of his life.

The pictorial material and the text are meant to complement each other. Browsing through the pictures or reading the text will deliver the idea of an outstanding personality, Vitaly Lazarevich Ginzburg, and of the times he happened to live and work in.

*Boris Mikhailovich Bolotovskiy,
Doctor of Physics and Mathematics*

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. Л. ГИНЗБУРГА

4 октября 1916 г. в Москве родился Виталий Лазаревич Гинзбург.

1931 г. – окончил семилетнюю школу (Москва).

1932–1933 гг. – работал лаборантом в рентгеновской лаборатории Машиностроительного института (Москва).

1934–1938 гг. – студент физического факультета Московского государственного университета.

1938–1940 гг. – аспирант физического факультета МГУ, руководитель – Г. С. Ландсберг.

1940 г. – разработал квантовую теорию эффекта Вавилова-Черенкова и теорию черенковского излучения в кристаллах.

1940 г. – защитил кандидатскую диссертацию на тему «Некоторые вопросы квантовой электродинамики».

1940–1942 гг. – докторант Физического института им. П. Н. Лебедева АН СССР (ФИАН, Москва).

1941–1943 гг. – находился в эвакуации в г. Казани вместе с сотрудниками ФИАН, где занимался прикладными работами по распространению радиоволн в ионосфере.

1942 г. – защитил докторскую диссертацию на тему «К теории элементарных частиц»;

- старший научный сотрудник ФИАН;

- вступил в ряды КПСС.

1944 г. – заместитель заведующего сектором Теоретического отдела ФИАН.

1945–1961 гг. – исполнял обязанности заведующего кафедрой распространения радиоволн на радиофизическом факультете Горьковского государственного университета (ГГУ) (по совместительству).

1946 г. – создал (совместно с И. М. Франком) теорию переходного излучения, возникающего при пересечении частицей границы двух сред;

- награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

1947 г. – Президиумом АН СССР присуждена премия имени Л. И. Мандельштама за работу «О диэлектрических свойствах ферроэлектрических сегнетоэлектрических кристаллов и титаната бария»;

- командирован в Бразилию в составе экспедиции учёных АН СССР по наблюдению полного солнечного затмения.

1947–1953 гг. – проводил работы по проекту термоядерной реакции.

1949 г. – утверждён в учёном звании профессора по кафедре «Излучение и распространение электромагнитных волн»;

- опубликовал книгу «Распространение радиоволн в ионосфере».

1950 г. – создал (совместно с Л. Д. Ландау) полуфеноменологическую теорию сверхпроводимости (теория Гинзбурга-Ландау).

1953 г. – избран членом-корреспондентом Академии наук СССР;

- присуждена Сталинская премия I степени.

1954 г. – награждён орденом Ленина;

- награждён орденом «Знак Почёта».

1956 г. – награждён орденом Трудового Красного Знамени.

1956–1966 гг. – принял участие в создании Научно-исследовательского радиофизического института (НИРФИ) в Нижнем Новгороде, был заведующим теоретическим отделом (по совместительству).

1958 г. – создал (совместно с Л. П. Питаевским) полуфеноменологическую теорию сверхтекучести (теория Гинзбурга-Питаевского);

- ответственный редактор журнала «Радиофизика».

1961 г. – член Международного астрономического союза (МАС).

- член редколлегии журнала «Наука и жизнь»;

- член Научного совета по комплексной проблеме «Радиоастрономия» АН СССР;

- член бюро Научного совета по комплексной проблеме «Космические лучи» АН СССР.

1962 г. – Президиумом АН СССР присуждена премия имени М. В. Ломоносова за работы по теории излучения при сверхсветовом движении в среде;

- командирован в Польшу для участия в работе Международной конференции по теории гравитации.

1963 г. – член Бюро Отделения общей физики и астрономии АН СССР;

- член редколлегии журнала «Космические исследования».

1964 г. – командирован в Болгарию для участия в работе III Национальной конференции по физике;

- член Научного совета по комплексной проблеме «Распространение радиоволн» АН СССР;

- член редколлегии журнала «Успехи физических наук».

1965 г. – избран членом-корреспондентом Международной академии астронавтики (МАА);

- командирован в США для участия в церемонии открытия Лаборатории астрофизики и кос-

мических исследований Чикагского университета и для чтения лекций;

- командирован в Грецию для участия в работе XVI конгресса Международной астронавтической федерации.

1966 г. – избран действительным членом Академии наук СССР;

- присуждена Ленинская премия за разработку теории сверхпроводящих сплавов и свойств сверхпроводников в сильных магнитных полях;

- командирован в Чехословакию для участия в работе Международного симпозиума по сверхпроводимости;

- командировал в Голландию для участия в работе Международного симпозиума № 31 МАС;

- командирован в Болгарию для участия в работе Международной летней школы по космофизическому аспекту космического излучения.

1967 г. – командирован в Англию для чтения лекций.

1967 г. – член Научного совета по проблеме «Физика низких температур» АН СССР.

1968 г. – основал и возглавил кафедру проблем физики и астрофизики Московского физико-технического института (МФТИ); профессор;

- участвовал в работе Международной конференции по теории относительности (Тбилиси);

- командирован в Италию для участия в работе Международного симпозиума по современной физике.

1969 г. – избран действительным членом Международной академии астронавтики;

- командирован в Голландию для чтения лекций;

- командирован в США для участия в работе международных конференций по сверхпроводимости.

1970 г. – избран иностранным членом Королевского астрономического общества Великобритании;

- присуждена почётная степень доктора наук honoris causa Сассекского университета (Англия);

- командирован в Англию для участия в работе XIV Генеральной ассамблеи МАС, где выступил с докладами.

1971–1988 гг. – заведующий Отделом теоретической физики ФИАН;

- заведующий кафедрой в МФТИ (по совместительству);

- избран иностранным членом Американской академии искусств и наук в Бостоне.

1972 г. – присуждена почётная степень доктора наук honoris causa Лидского университета (Англия).

1975 г. – награждён орденом «Знак Почёта» за заслуги в развитии советской науки и в связи с 250-летием Академии наук СССР;

- член Научного совета по проблеме «Внеатмосферная астрономия» АН СССР.

1976 г. – командирован во Францию для участия в работе XVI Генеральной ассамблеи МАС, где выступил с докладами.

1977 г. – избран иностранным членом Королевской академии наук Дании;

- избран почётным членом Индийской академии наук;

- принял участие в работе Всемирного электротехнического конгресса (Москва), где выступил с докладом;

- командирован в Болгарию для участия в работе XV Международной конференции по космическим лучам, где выступил с докладом.

1981 г. – избран иностранным членом Индийской национальной академии наук;

- избран иностранным членом Национальной академии наук США.

1986 г. – награждён орденом Трудового Красного Знамени.

1988 г. – советник при дирекции Физического института им. П. Н. Лебедева АН СССР.

1989 г. – народный депутат СССР от Академии наук.

1995 г. – награждён Золотой медалью им. С. И. Вавилова;

- награждён Золотой медалью имени М. В. Ломоносова.

1996 г. – награждён орденом «За заслуги перед Отечеством» III степени.

1998 г. – главный редактор журнала «Успехи физических наук».

2002 г. – лауреат премии «Триумф» в области науки.

2003 г. – присуждена Нобелевская премия по физике за вклад в развитие теории сверхпроводимости и сверхтекучести.

2006 г. – награждён орденом «За заслуги перед Отечеством» I степени.

2008 г. – член Совета по науке при Президенте России.

8 ноября 2009 г. Виталий Лазаревич Гинзбург умер в Москве. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

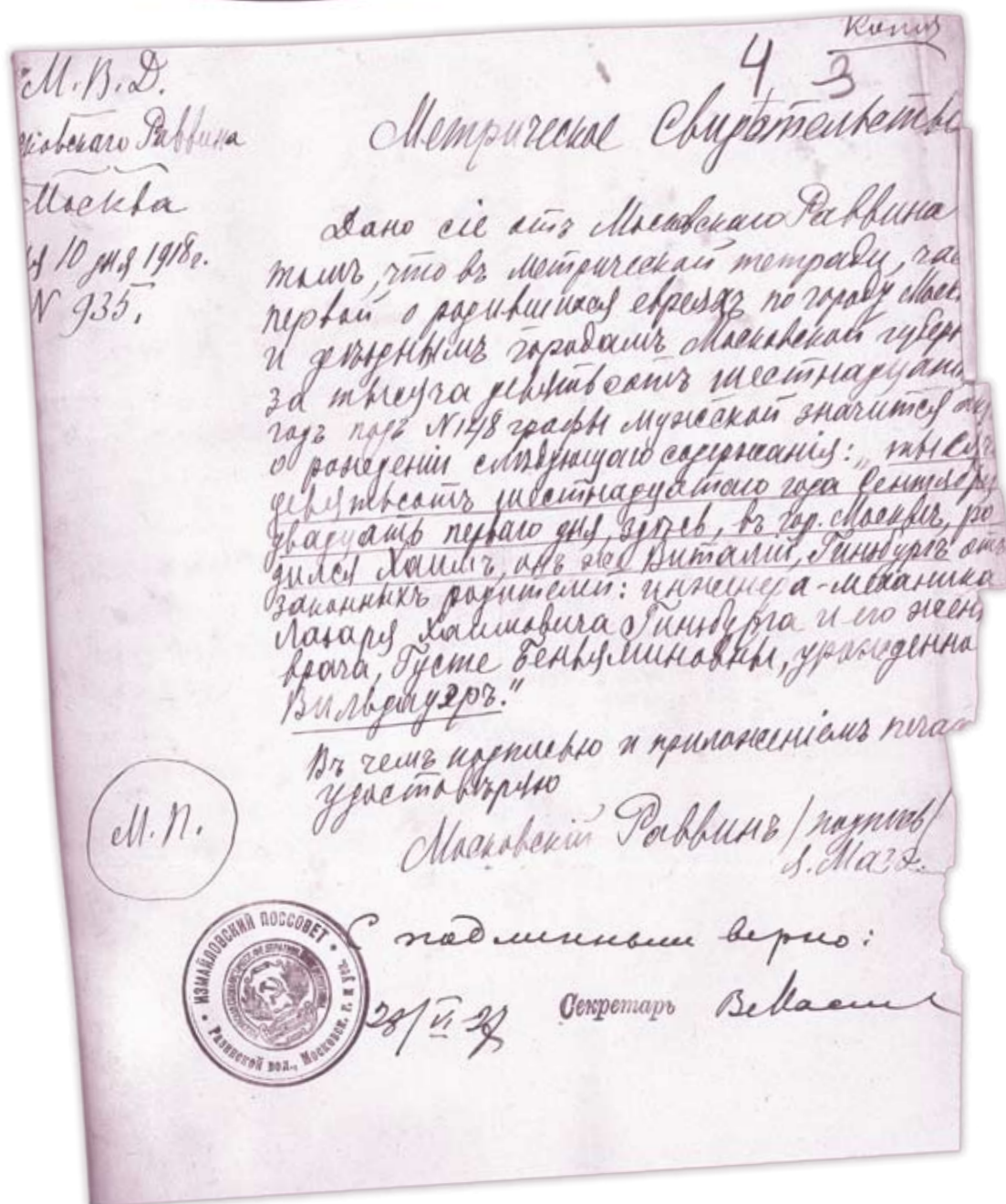

Родители
В. Л. Гинзбурга –
Августа Вениаминовна
Вильдауер-Гинзбург
и Лазарь Ефимович
Гинзбург.
28 февраля 1915 года.
V. L. Ginzburg's parents –
Augusta Veniaminovna
Vildauer-Ginzburg and
Lazar Yefimovich Ginzburg.
February 28, 1915.

Я – единственный сын,
и родился, когда отцу
было уже 53 года. Отец
очень хотел иметь сына
и во мне души не чаял.
(В. Л. Гинзбург)

I am the only son in the
family and was born when
father was already 53. He had
been longing to have a son
and adored me. (V. L. Ginz-
burg)

Копия метрического
свидетельства
В. Л. Гинзбурга. 1918 г.
A copy of V. L. Ginzburg's
birth certificate. 1918.

Виталий Гинзбург в возрасте
примерно одного года. 1917 г.
Vitaly Ginzburg at the age
of about one year old. 1917.

Я родился в Москве 4 октября
1916 года ещё в царской России
(даже календарь тогда исполь-
зовался другой, и по старому
стилю дата моего рождения
21 сентября).

Моя мать Августа Вениа-
миновна Вильдауер-Гинзбург
была врачом. Она родилась
в 1886 году в городе Митава
(Латвия). Её отец был часовщи-
ком, т. е. чинил часы и, возмож-
но, продавал их.

Во время войны и револю-
ции мама работала в госпитале,
там и скончалась в 1920 году
от брюшного тифа. Я помню
лишь один эпизод у её постели
и её похороны. (В. Л. Гинзбург)

Виталику Гинзбургу 2 года 4 месяца и 17 дней. 1918 г.
Vitalik Ginzburg is 2 years 4 months and 17 days old. 1918.

Визитная карточка мамы
Августы Вениаминовны Вильдауер-Гинзбург.
Mother's visiting card: Augusta Veniaminovna
Vildauer-Ginzburg.

Бабушка и дедушка В. Л. Гинзбурга – родители отца (сидят). Стоят (слева направо): младшая сестра отца Лиза, отец Лазарь Ефимович Гинзбург, сестра отца Хася-Либа. Москва, 1889 г.

V. L. Ginzburg's grandparents – his father's parents (sitting). Standing from left to right are his father's younger sister Lisa, father Lazar Yefimovich Ginzburg, father's sister Khasya-Liba. Moscow, 1889.

СОБСТВЕННЫЙ МАЛЫЙ БИЗНЕС

Мой отец Лазарь Ефимович Гинзбург почти половину своей жизни прожил ещё в XIX веке, он родился в 1863 году, всего через два года после ликвидации крепостного права в России.

Отец был явно способным человеком. После окончания реального училища успешно сдал экзамены и поступил то ли в Петербургский университет, то ли в какой-то технический вуз в Петербурге. Но был исключён по какому-то поводу, кажется, за участие в студенческой забастовке. Через некоторое время он поступил в Рижский политехнический институт и успешно окончил его, став инженером ещё в конце XIX века. Инженеров тогда готовили штучным образом, их было не так уж много.

Став инженером, отец работал в какой-то фирме, на заводе или в лаборатории. Но затем завёл своё собственное «дело» – предприятие по очистке воды. Чистить воду от солей необходимо при её использовании в паровых котлах и ряде других случаев. У отца были патенты, в частности заграничные.

«Малый бизнес» отца, как теперь бы сказали, состоял из химической лаборатории, занимавшей четырёхкомнатную квартиру в том же доме, где мы жили, а также из довольно большой мастерской, расположенной в Измайловском парке. В этой мастерской изготавливалась некая машина, в которой производилась очистка воды. К сожалению, масштаб этого «дела» был таков, что после революции мастерскую заведомо не национализировали. Это позволило отцу в период нэпа снова возродить свой «бизнес».

Но в тридцатые годы эта деятельность вместе с нэпом прекратилась, и отец, как и в годы военного коммунизма, работал инженером в ВСНХ и каких-то других учреждениях. По-видимому, он был крупным специалистом, поскольку занимал довольно крупные инженерные должности. Поэтому мы мирно жили – отец работал в каком-то тресте. (В. Л. Гинзбург)

Анкетные данные о прохождении службы
Л. Е. Гинзбурга (отца В. Л. Гинзбурга).

В хронологической последовательности указать: зачисления, увольнения, назначения, перевода, увольнения и выписки, связанные с про		ДАННЫЕ О ПРОХОЖДЕНИИ СЛУЖБЫ		РАЗДЕЛ	
ФАКТ		ОСНОВАНИЕ		ПРИМЕЧАНИЯ	
1	1901-1921	Служил инженером в водопроводном управлении в г. Петроград. Работал на водопроводных заводах.	Удостоверение № 2934 от 16 января 1921 г.		
2	1921-1922	Служил инженером в водопроводном управлении в г. Петроград.	Удостоверение № 301 от 30 января 1922 г.		
3	1922-1923	Служил инженером в водопроводном управлении в г. Петроград.	Удостоверение № 301 от 30 января 1923 г.		
4	1923-1924	Служил инженером в водопроводном управлении в г. Петроград.	Удостоверение № 301 от 30 января 1924 г.		
5	1924-1925	Служил инженером в водопроводном управлении в г. Петроград.	Удостоверение № 301 от 30 января 1925 г.		
6	1925-1926	Служил инженером в водопроводном управлении в г. Петроград.	Удостоверение № 301 от 30 января 1926 г.		

Personal particulars about
labour activities
of L. Ye. Ginzburg
(V. L. Ginzburg's father).

Первая страница патента
(привилегии) инженера-механика
Л. Е. Гинзбурга на аппарат
для очищения воды. Патент
заявлен 30 мая 1900 года.

The first page of the patent
(Privileges) for the water purification
device of the mechanical engineer
L. Ye. Ginzburg. The patent was
applied for on May 30, 1900.

Виталий Гинзбург
в возрасте семи
с половиной лет.
27 августа 1924 года.

Vitaly Ginzburg
at the age of 7 and a half.
August 27, 1924.

Помню себя лет в восемь. Так, напри-
мер, помню похороны Ленина, а было это
в 1924 году. Мало что могу сообщить
о раннем детстве, но ощущение такое,
что был ухоженным и любимым ребён-
ком. (В. Л. Гинзбург)

I remember myself at 8. Thus, for example,
I remember Lenin's funeral, though it took
place in 1924. There are few things I can tell
about early childhood, but I have the feeling
that I was a well-groomed and beloved child.
(V. L. Ginzburg)

ПОД ОПЕКОЙ ЛЮБИМОЙ ТЁТИ РОЗЫ

Смерть матери (в 1920 году) не обернулась для меня появлением мачехи и тяжёлой участью ребёнка в развалившейся семье. Дело в том, что у матери была незамужняя сестра лет на пять её моложе – моя тётя Роза, и эта сестра через некото-рое время приехала жить с нами, то есть с отцом и мною.

Тётя Роза стала второй женой отца. Правда, в те тяжёлые времена брак не был оформлен из каких-то имущественных соображений.

Тётя, так же как и мама, училась в мед-институте, собиралась стать зубным врачом, но так им и не стала. Пользуясь знанием ино-странных языков, служила в «Международной книге» – организации, оформлявшей выписку иностранной литературы научным учреждениям и отдельным научным работникам, находившейся в ведении Народного комиссариата просвеще-ния (НКП) РСФСР. (В. Л. Гинзбург)

Сестра матери Роза Вениаминовна Вильдауер.

Mother's Sister Rosa Veniaminovna Vildauer.

ОДИНОЧЕСТВО

Из детства мне запомнилось одиночество. Оно усугубилось в связи с тем, что меня послали в школу только в 11 лет – в 1927 году я поступил в 4-й класс. Вероятно, родители (или, точнее, отец и тётя) боялись, что школа в советские времена стала совсем плохой, а направлять детей в школу не было обязательным.

Та 57-я школа Сокольнического отдела народ-ного образования, в которую я поступил, не ка-жется мне плохой. Это была бывшая французская гимназия, в которой сохранилось много хороших старых учителей.

Правда, насколько помню, практически не преподавалась история, вместо которой изла-галось содержание каких-то докладов товарища Сталина и, кажется, другие подобные материалы. (В. Л. Гинзбург)

НЕ ПО ПРАВИЛАМ

В 1931 году, когда я окончил 7 классов, в СССР произошла очередная школьная реформа, и пол-ная средняя школа была упразднена. После 7 классов полагалось поступать в фабрично-заводское училище (ФЗУ), где готовили, по идее, квалифицированных рабочих. Затем можно было, в принципе, сразу через рабфаки – рабочие факультеты – поступать в высшие учебные заве-дения (вузы). Я пишу так, несколько неопреде-лённо, ибо не пошёл по этому пути – поступать в ФЗУ мне совсем не хотелось. (В. Л. Гинзбург)

Виталию Гинзбургу – 10 лет. На обороте рукой Виталия старательно написано: «На добрую память дорогой тёте Розе от любящего её Муси. Москва, 29/1-1927 г.» («Муся» – семейное прозвище Виталия Гинзбурга в детстве.)

Vitaly Ginzburg is 10 years old. Overleaf it is diligently written by Vitaly's hand: «For good memories to dear Aunt Rosa from loving her Musya. Moscow, 29/1-1927». («Musya» is the family nickname of Vitaly Ginzburg in childhood.)

Москва. Начало 1930-х гг.
Moscow. Early 1930s.

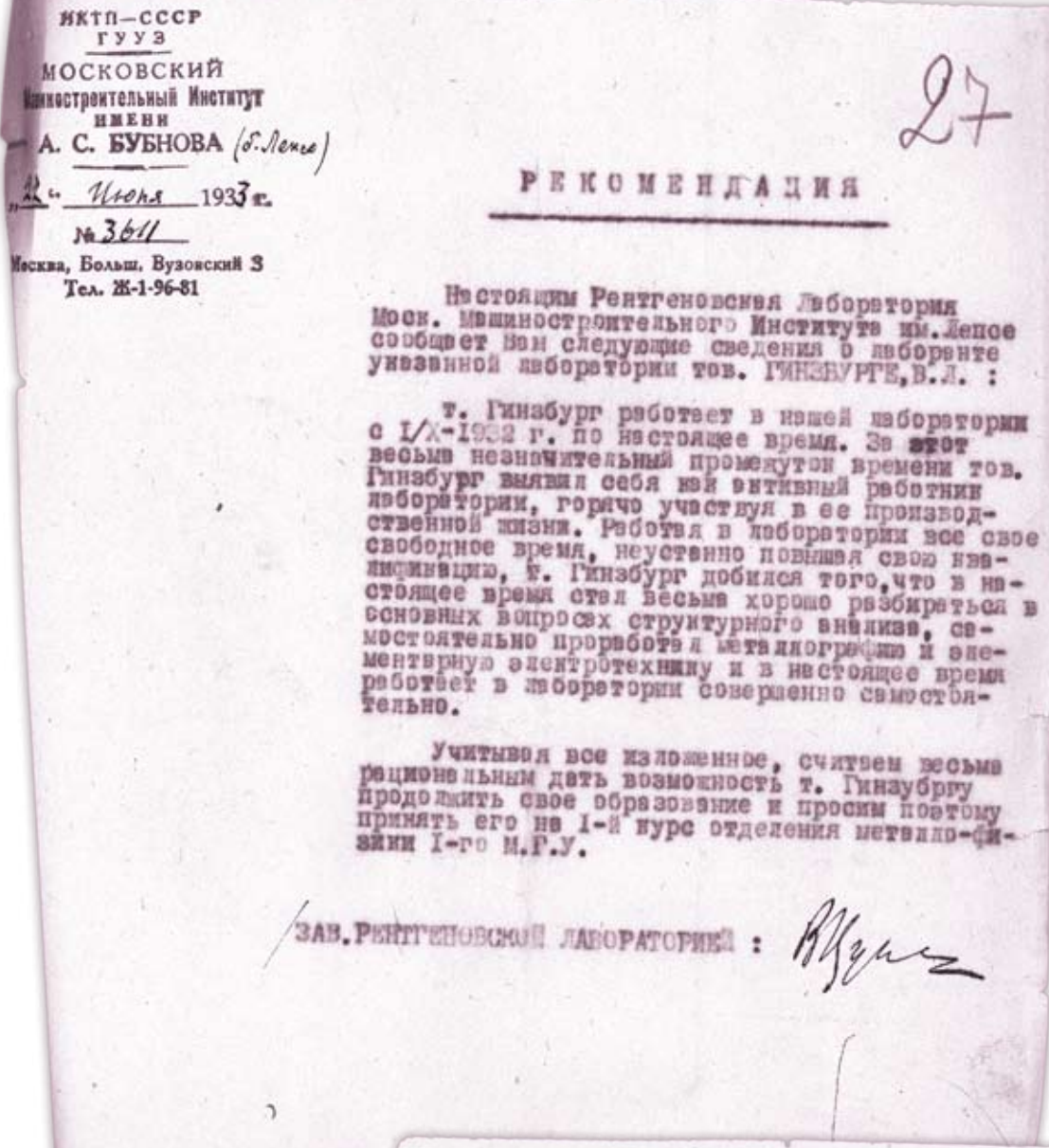
В РЕНТГЕНОВСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ

Некоторое время я оставался каким-то неприкаянным и несчастным 15-летним мальчиком. Моя тётя работала в организации, связанной с покупкой иностранной научной литературы, а клиентом этого учреждения был Евгений Бахметьев – профессор одного технического вуза. В 1931 году с его помощью я устроился лаборантом в рентгеновскую лабораторию технического вуза, где он преподавал.

Главной фигурой в лаборатории был Вениамин (Веня) Цукерман, совсем молодой человек (лишь

на три года старше меня), обладавший редкостной изобретательностью и инициативой. Вот с ним и его школьным другом и ровесником Львом Альтшулером мы года два общались и работали вместе. Веня гордо именовал нас «ВВВ» – «Всегда впереди всех» (или «Веня, Витя, Владимирович Лева»).

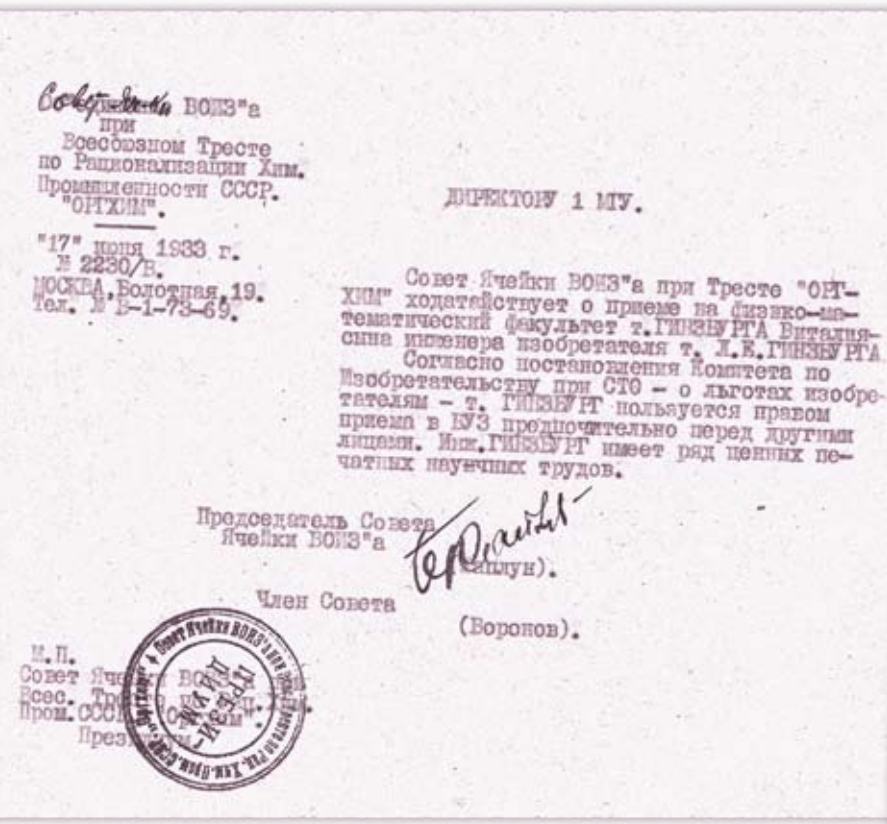
В лаборатории я приобрёл не столько конкретные знания, сколько вкус к работе, физике, изобретательству. Там я обучился экспериментальным навыкам. (В. Л. Гинзбург)

Рекомендация
для поступления в МГУ
из рентгеновской
лаборатории
Московского
машиностроительного
института имени
А. С. Бубнова.

The recommendation
from the X-ray Laboratory
of A. S. Bubnov Moscow
Machine-Building
Institute for admission
to the Moscow State
University.

Справка о результатах
вступительных
экзаменов
В. Л. Гинзбурга в МГУ.

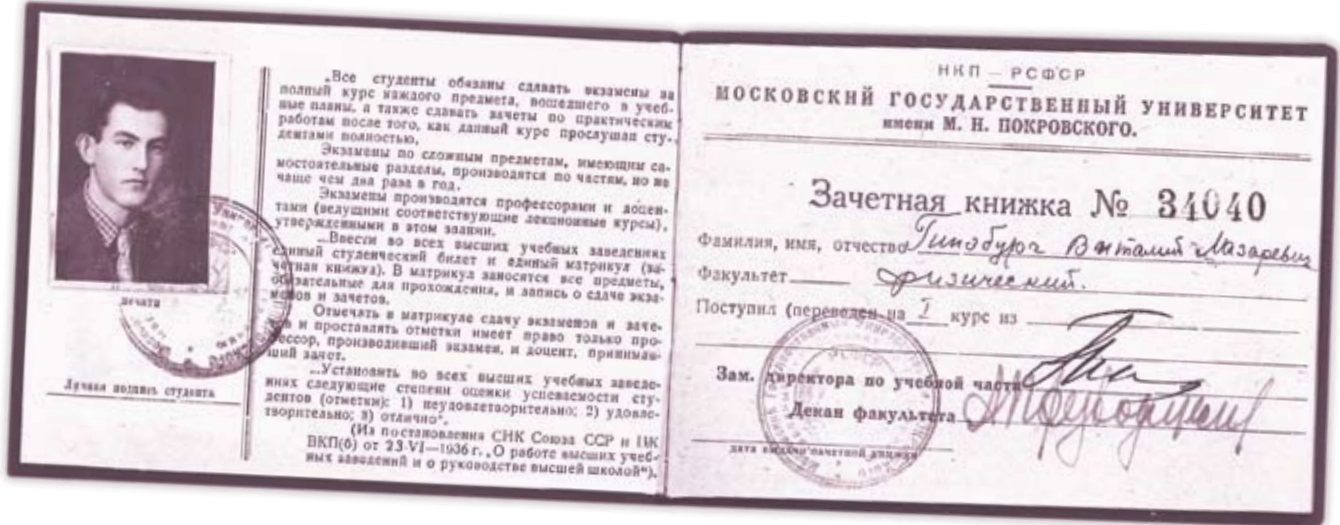

Ходатайство о приёме В. Л. Гинзбурга
в МГУ от Треста «Оргхим», в котором
работал отец Л. Е. Гинзбург.

The petition for admission of V. L. Ginzburg
to the Moscow State University from the Trust
«ORGHIM», where Father, Lazar Yefimovich,
worked.

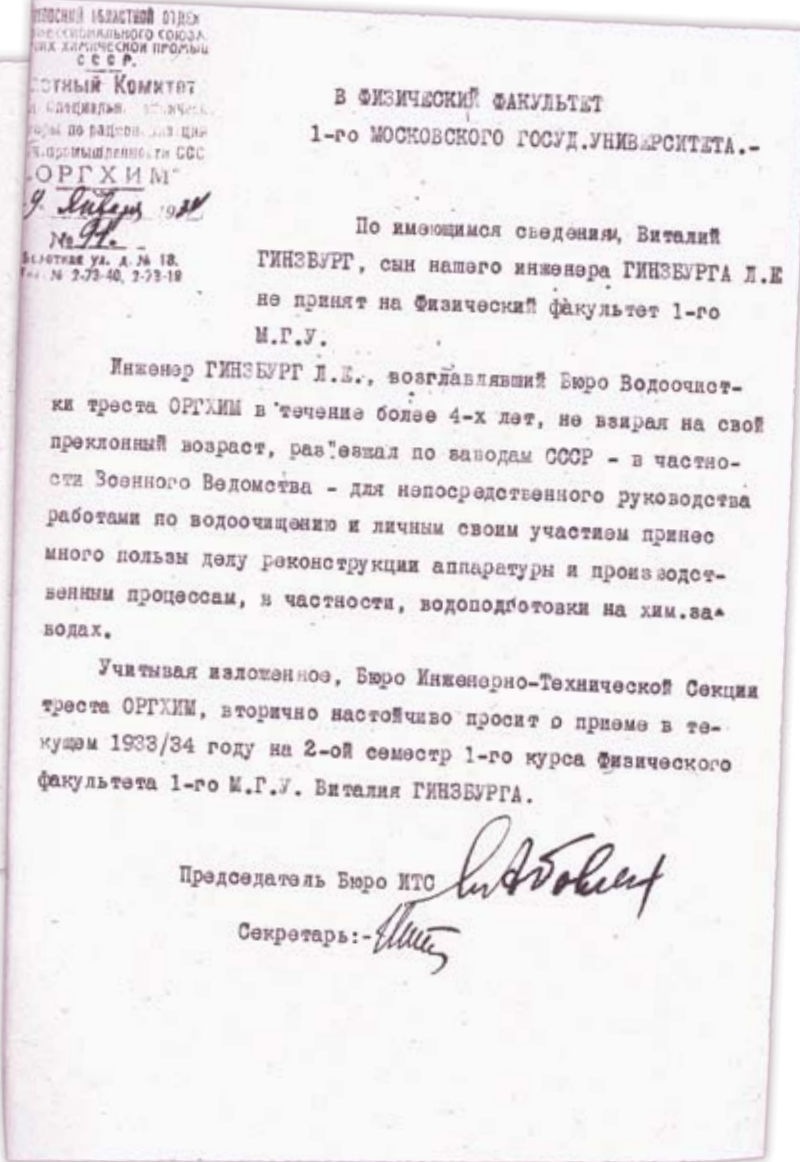
Зачётная книжка студента 1-го курса
Виталия Гинзбурга.

The first year student's record
book of Vitaly Ginzburg.

О ПРЕИМУЩЕСТВАХ ОЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В 1934 году мне удалось перевестись на очное отделение, на второй курс, я догнал своих товарищей и стал учиться, как все. Но узнал, насколько богаче и ярче была их жизнь при наличии всяких факультативных курсов и т. д. Я уже не говорю

Повторное ходатайство о приёме В. Л. Гинзбурга
в МГУ от Треста «Оргхим».

The repeated petition for admission of V. L. Ginzburg
to the MSU from the Trust «ORGHIM».

Reference of
V. L. Ginzburg's
entrance examinations
results at the MSU.

СТУДЕНТ ФИЗИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

Я поступил, вернее, я не вполне поступил в МГУ в 1933 году. Это был первый год, когда уже появился конкурс. До этого несколько лет поступали в МГУ после рабфака, была определённая система. В общем, первый конкурс в МГУ был в 1933 году. И это совпало с разделением физфака. Раньше был физико-математический факультет, а с 1933 года стал мехмат и физфак. Вот на этот физфак был уже открытый конкурс и вполне справедливый, с экзаменами. Я вроде сдал, но без всякого блеска.

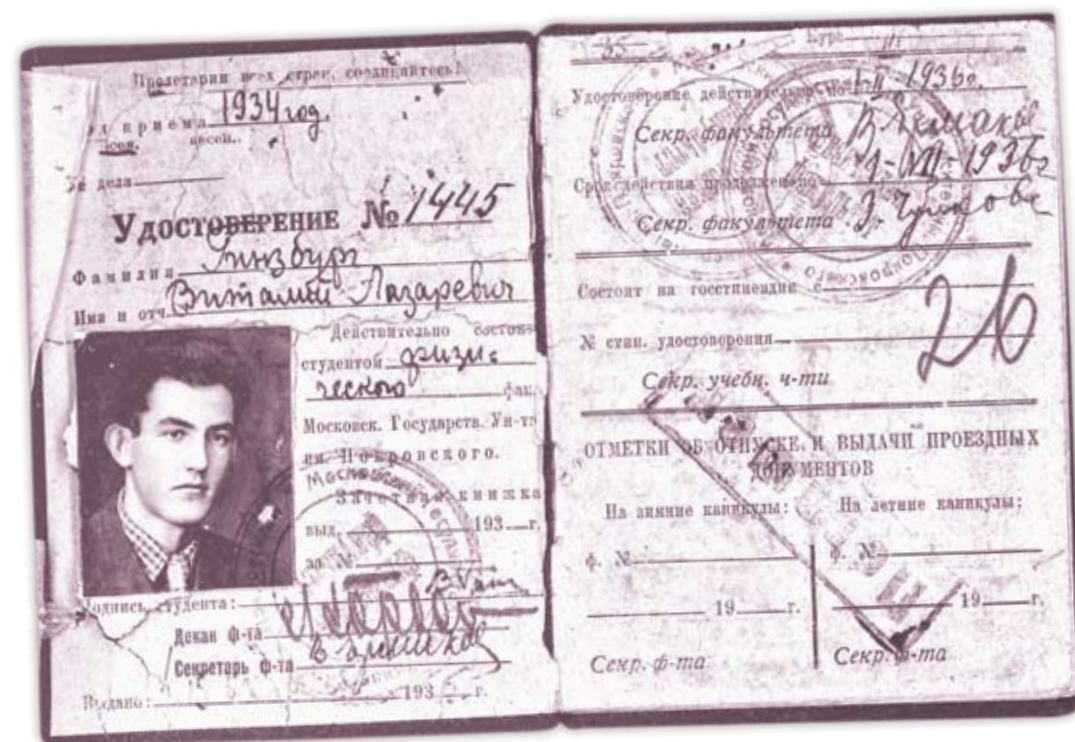
В результате меня в университет не приняли, хотя и прошли абитуриенты, сдавшие несколько хуже, но с лучшими анкетными данными (я не был комсомольцем или рабочим, родители тоже не были пролетариями и т. д.).

Некоторые мои товарищи, тоже не принятые, решили год подождать, но я уже ушёл с работы и как-то втянулся в учение, поэтому поступил на заочное отделение, что оказалось возможным. (В. Л. Гинзбург)

Корпус Московского государственного университета имени М. Н. Покровского на ул. Моховой.

The building of the Moscow State University named after M. N. Pokrovsky in Mokhovaya street.

Удостоверение Виталия Гинзбурга – студента физического факультета МГУ имени М. Н. Покровского.

Vitaly Ginzburg's student ID card of the Physics Department of the Moscow State University named after M. N. Pokrovsky.

СТРУМА. ОТБОР В ГРАЖДАНСКУЮ ГРУППУ

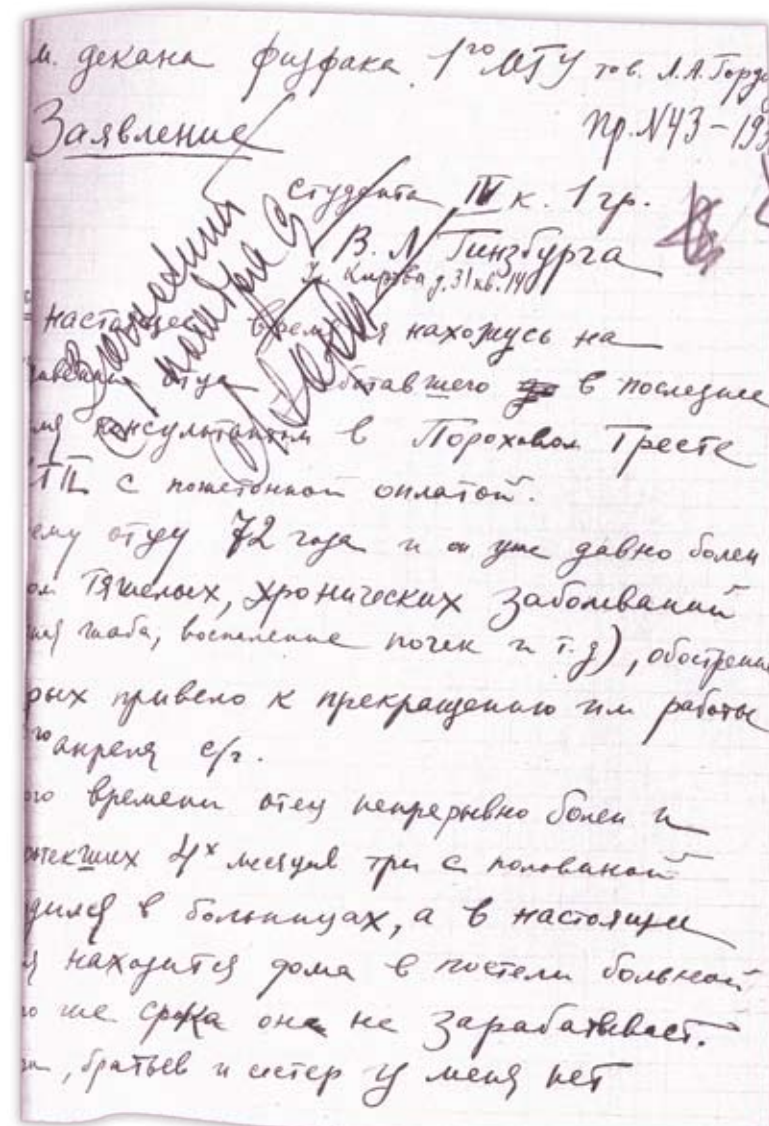
На втором курсе МГУ всех определяли в группы двух типов – военные и гражданские. В военные группы посылали только мужчин, и они проходили военную подготовку, а выпускали их уже офицерами. Так вот, при переходе на очное отделение меня послали в военный госпиталь для решения вопроса о том, куда меня направлять. Был я довольно неспортивным юношей (рост 180 см, вес килограммов 60). Военный врач ткнул меня рукой в шею, произнёс диагноз «струма» и направил в гражданскую группу. Струма – это какое-то увеличение щитовидной железы, которое осталось мной незамеченным и до сих пор.

Практически все мои товарищи, попавшие в военные группы, погибли на войне. Не скажу, что я рвался на фронт, но ни в какой мере не уклонялся от этого. (В. Л. Гинзбург)

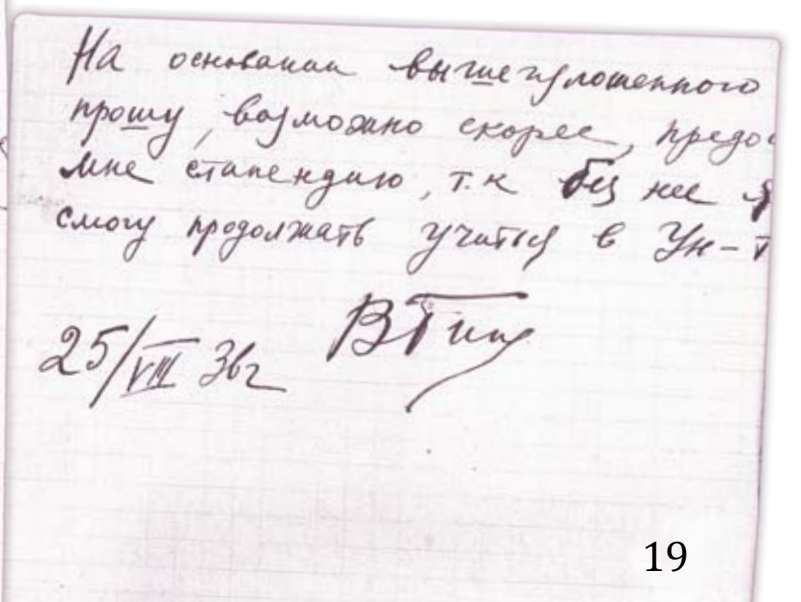
Преподавательский состав физического факультета МГУ.

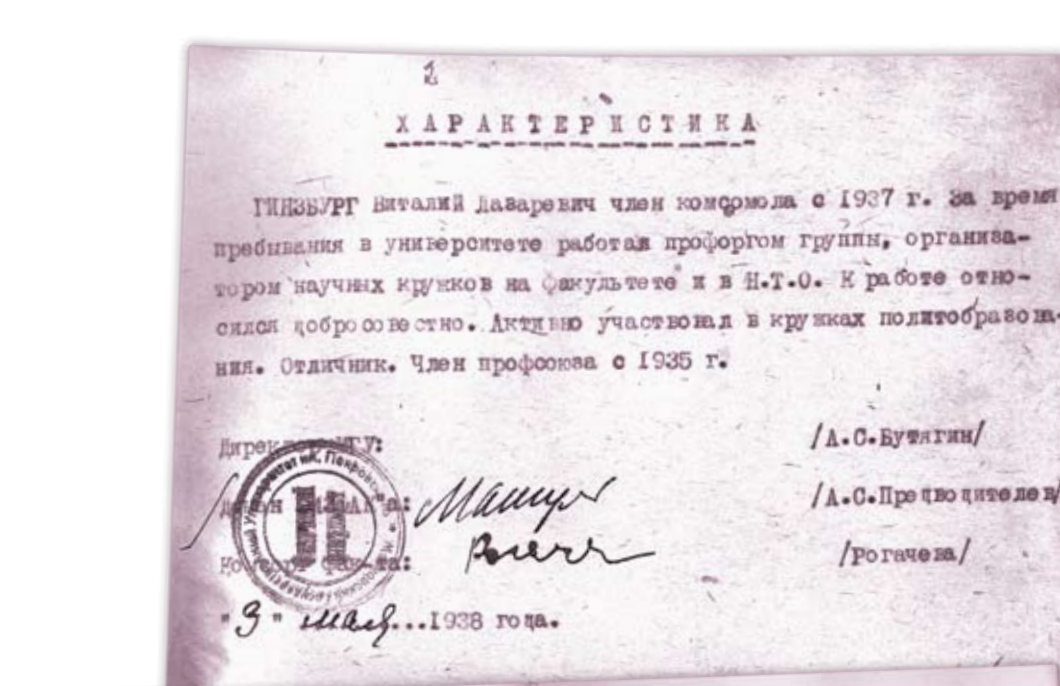
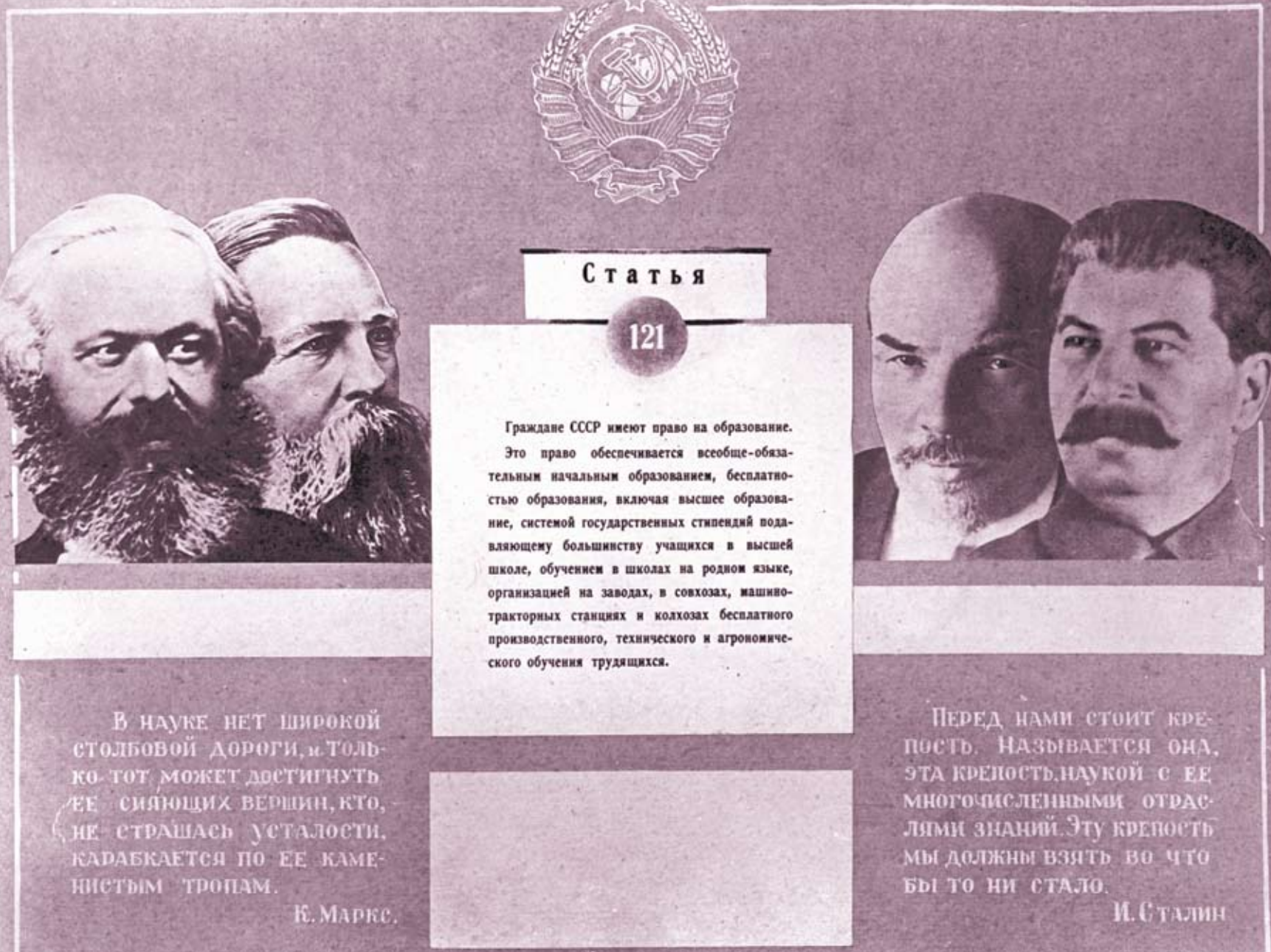
Teaching staff of the Physics Department of the Moscow State University.

Заявление студента 4-го курса В. Л. Гинзбурга о предоставлении стипендии, ввиду тяжёлого материального положения.

The written application of the fourth-year student V. L. Ginzburg for student's grants in view of the difficult financial situation.

ИЗ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОТ 3 МАЯ 1938 ГОДА

Гинзбург Виталий Лазаревич член комсомола с 1937 года. За время пребывания в университете работал профоргом группы, организатором научных кружков на факультете и в НТО. К работе относился добросовестно. Активно участвовал в кружках политобразования. Отличник. Член профсоюза с 1935 года.

Учет успеваемости

III Семестр

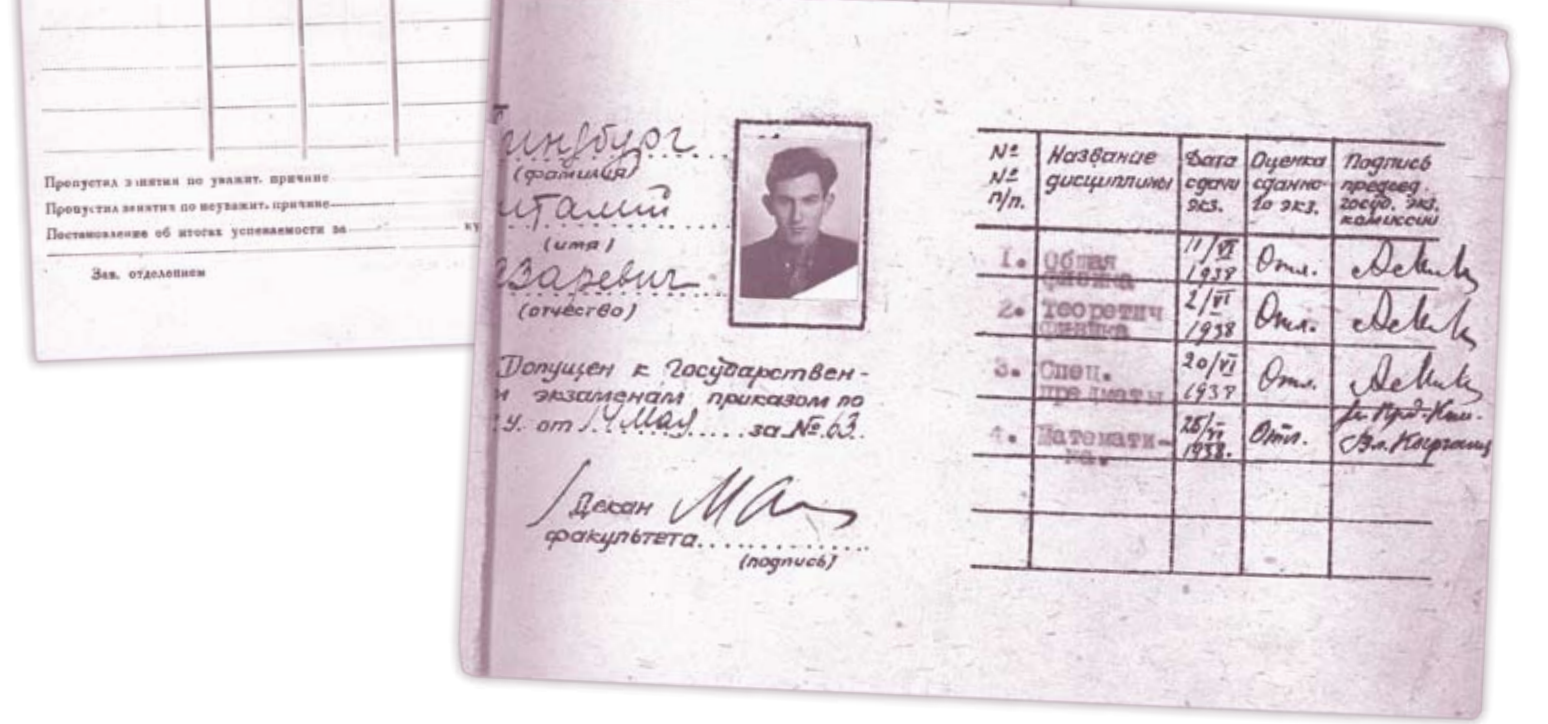
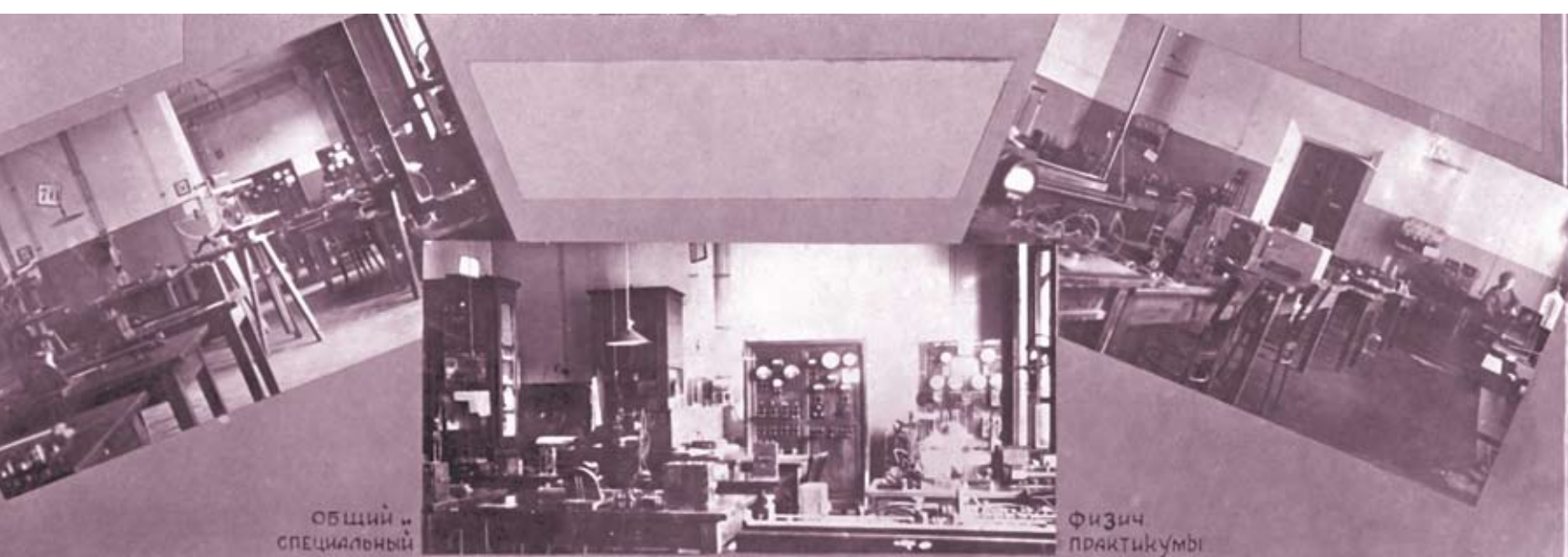
Учебные предметы	Дата сдачи курса	Оценка успеваемости	Примечание и подпись преп.
Анал. м.с.	19/VI 35	отлично	Романов
Физика об.	20/VI 35	отлично	Романов

IV Семестр

Учебные предметы	Дата сдачи курса	Оценка успеваемости	Примечание и подпись преп.
Физика	19/VI 35	отлично	Романов
Диф. урав.	20/VI 35	отлично	Романов
Диф. мат.	28/VI 35	отлично	Романов
Физическая практика	—	отлично	Романов
Классическая физ.	—	отлично	Романов

В таблице успеваемости Виталия Гинзбурга только отличные оценки.

In the report card Vitaly Ginzburg had only excellent marks.

ПРЕКРАСНАЯ ШКОЛА НАСТОЯЩЕЙ ФИЗИКИ

С 1934 по 1938 год я вполне добросовестно учился на физическом факультете МГУ. Это был период расцвета физфака. Мои симпатии сразу же были отданы Л. И. Мандельштаму и его школе. К ней относились И. Е. Тамм, Г. С. Ландсберг и другие, в том числе А. А. Андронов, хотя он к тому времени уже переехал в Горький, и я познакомился с ним позже.

Имя Л. И. Мандельштама, по-видимому, мало известно на Западе, хотя его научные заслуги в области оптики и радиофизики огромны.

Достаточно сказать, что Л. И. Мандельштам и Г. С. Ландсберг одновременно и, конечно, совершенно независимо от Рамана открыли эффект, носящий имя последнего; впрочем, мы в СССР пользуемся также термином «комбинационное рассеяние света». Л. И. Мандельштам читал факультативные курсы лекций на различные темы, собиравшие широкую аудиторию. Как лекции, так и сопровождавшие их обсуждения, а иногда и семинары были прекрасной школой настоящей физики. (В. Л. Гинзбург)

НОВАЯ ЖИЗНЬ
ПОСЛЕ КОНСУЛЬТАЦИИ ТАММА

Шёл 1938 год. Надвигалась война, и отсрочки от призыва в армию, предоставляемые аспирантам, были отменены. Я был призван и, помню, получил какой-то документ, где значился «аспирантом». Однако физический факультет всё же добился затем отсрочки от призыва для своих аспирантов, и это в 1938 году произошло в последний раз.

Не сомневаюсь в том, что будь я тогда призван, я не писал бы эту статью. Из моих товарищей по университету, попавших в армию, войну пережили лишь немногие.

Ожидая призыва в армию, я не стремился в комнату без окон с окрашенными в чёрный цвет стенами, где проводил измерения. Вместо этого, я попытался как-то объяснить ту странную угловую зависимость излучения каналовых лучей, которую мы пытались найти. И мне пришла в голову мысль, что электромагнитное поле движущегося заряда может играть такую же роль, как поток фотонов и, в частности, вызывать индуцированное излучение. Теперь я знаю, что эта идея ошибочна, ибо поле заряда не эквивалентно свободному полю. Но в те времена ситуация была далеко не столь ясна. Во всяком случае, когда я осенью 1938 года (кажется, это историческое для меня событие произошло 13 сентября) обратился с соответствующим вопросом к И. Е. Тамму, он заинтересовался проблемой, посоветовал мне посмотреть литературу, отнёсся ко мне очень доброжелательно.

Как я вскоре выяснил, различие в методах, используемых в классической и квантовой электродинамике, породило недоразумения и неясности, которые мне и удалось частично разъяснить, причём дело здесь было не в применении сложного математического аппарата, а в понимании постановки вопроса.

Так я стал физиком-теоретиком, навсегда забросив эксперимент. Получение каких-то собственных, пусть и скромных результатов, понимание, что я могу продуктивно заниматься теоретической физикой, преобразило меня, началась новая жизнь. Я многим обязан в этом И. Е. Тамму, его отношению к людям. Я понял, что могу работать, получать результаты, придумывать новые возможности. Всё это доставляет большую радость, это счастье. (В. Л. Гинзбург)

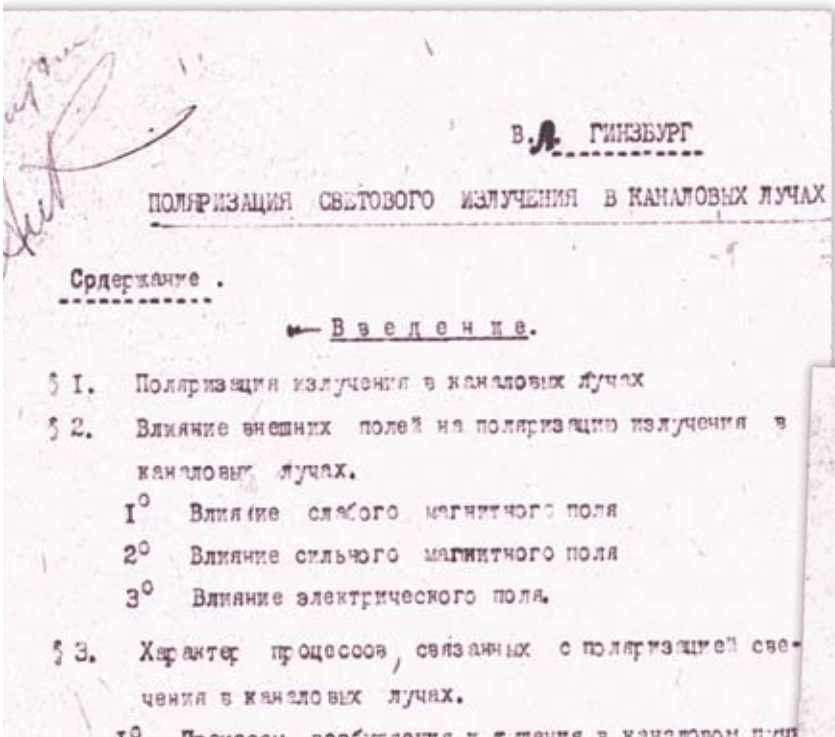
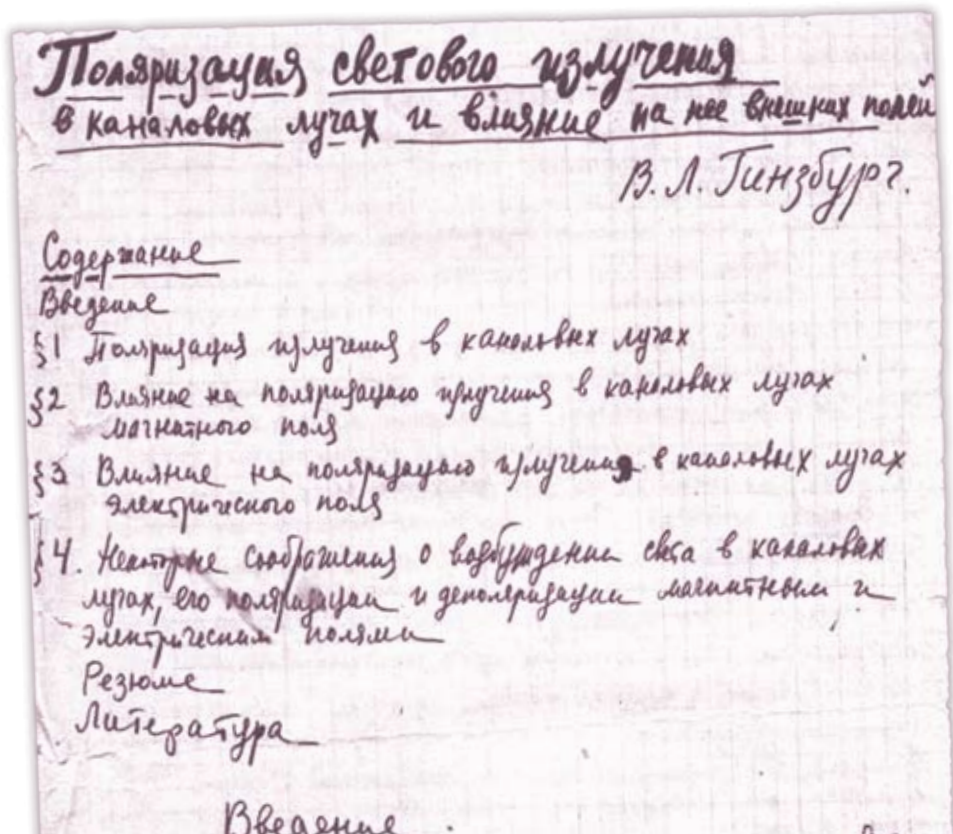

В. Л. Гинзбург – экспериментатор. Фотография из многотиражной газеты МГУ: «Аспирант физического факультета МГУ комсомолец В. Л. Гинзбург взял на себя обязательство защитить к юбилею университета диссертацию на учёную степень кандидата физико-математических наук».

V. L. Ginzburg – an experimenter. Photo from a large-circulation newspaper of the MSU: «Postgraduate student from the Physics Department of the Moscow State University the Young Communist League member V. L. Ginzburg has assumed the obligation to defend the thesis for PhD in Physics and Mathematics by the University jubilee».

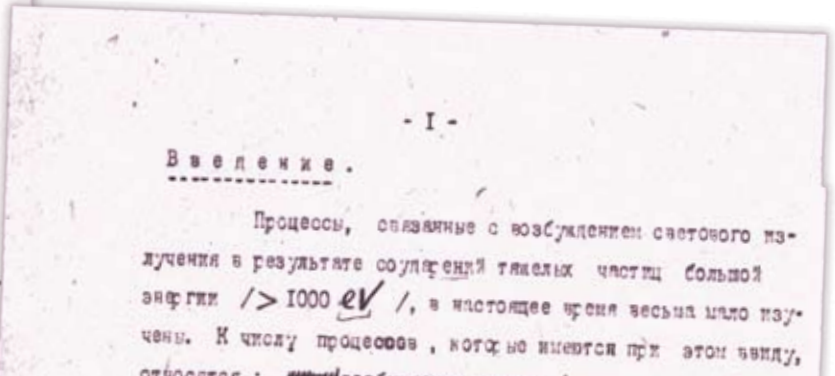
Уже в 1939 году я написал три статьи, представленные известным физиком-теоретиком академиком Фоком для опубликования в «Докладах Академии наук СССР». Оптику я забросил и стал физиком-теоретиком. (В. Л. Гинзбург)

In 1939 I already wrote 3 articles which were submitted for publication in the «Reports of the Academy of Sciences of the USSR» by a well-known theoretical physicist Academician Fock. I gave up optics and became a theoretical physicist. (V. L. Ginzburg)

Я тогда ещё был экспериментатором и написал некий обзор «Поляризация излучения в каналовых лучах». Это было связано с темой моей дипломной работы. Послал я этот обзор в УФН, но он принят не был. (В. Л. Гинзбург)

At that time I was still an experimenter and wrote a certain review «Polarization of radiation in channel beams». It was connected with the theme of my thesis. I sent that review to UFN («Uspekhi Fizicheskikh Nauk», from 1993 – «Physics-Uspekhi» – Editor) but it was not accepted. (V. L. Ginzburg)

В 1937 году Виталий Лазаревич женился на студентке физического факультета МГУ (выпуск 1938 года) Ольге Ивановне Замша.

In 1937 Vitaly Lazarevich married a student of the Physics Department of the Moscow State University (graduation of 1938) Olga Ivanovna Zamsha.

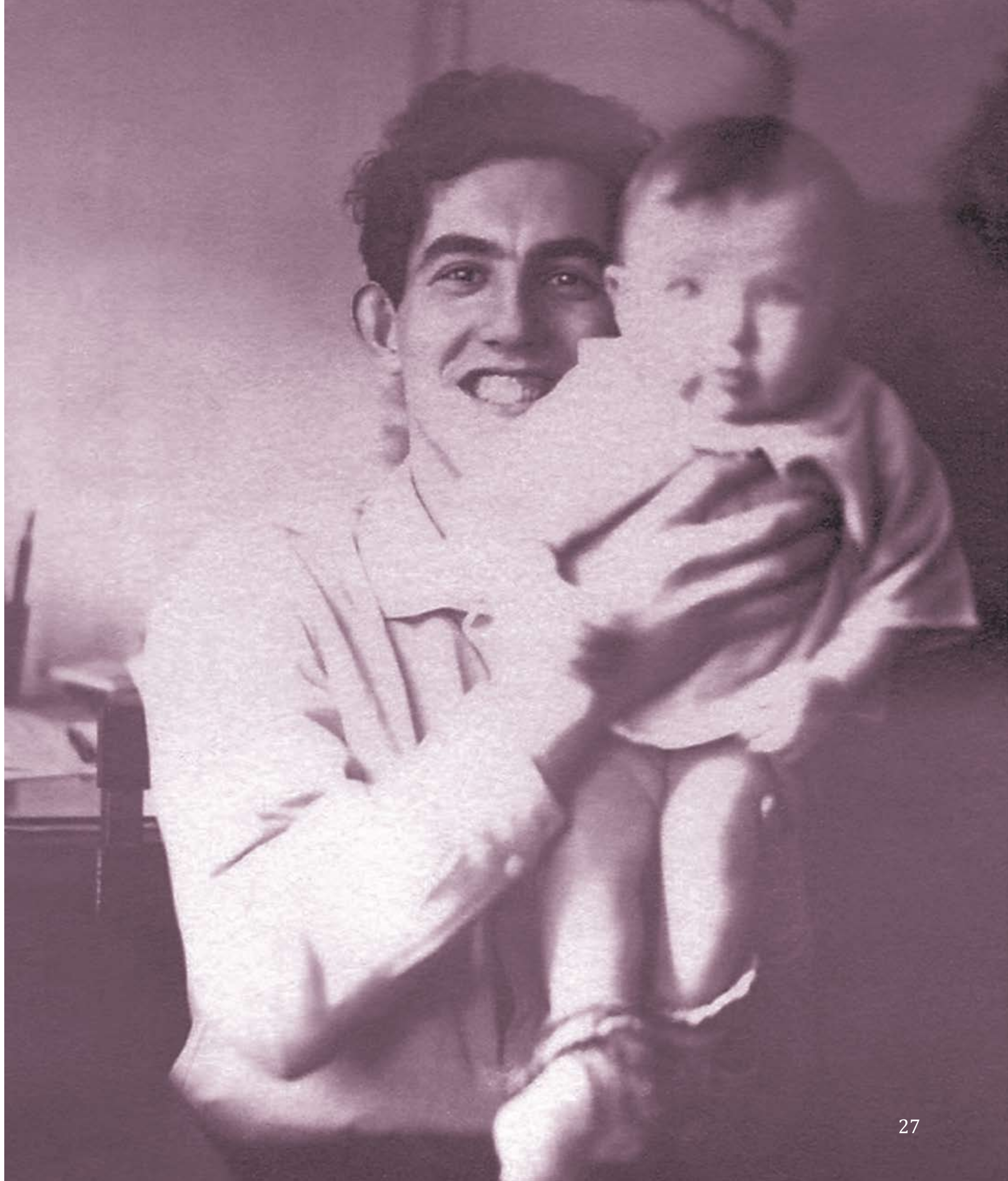
ПОЗДНЕЕ РАСКАЯНИЕ

В одном сохранившемся письме отца или просто его заметках говорится, что у меня в 1939 году родилась дочь, и её назвали Ириной. Отец недоумевает, почему девочку не назвали Августой или просто Густой.

Помню, как спорили о том, как назвать ребёнка, но имя Густа было отвергнуто, казалось слишком редким. Сейчас я понимаю, что не назвать дочь именем моей покойной матери – это чёрт знает что! Вот и приходится жалеть об ошибках 70-летней давности. (В. Л. Гинзбург)

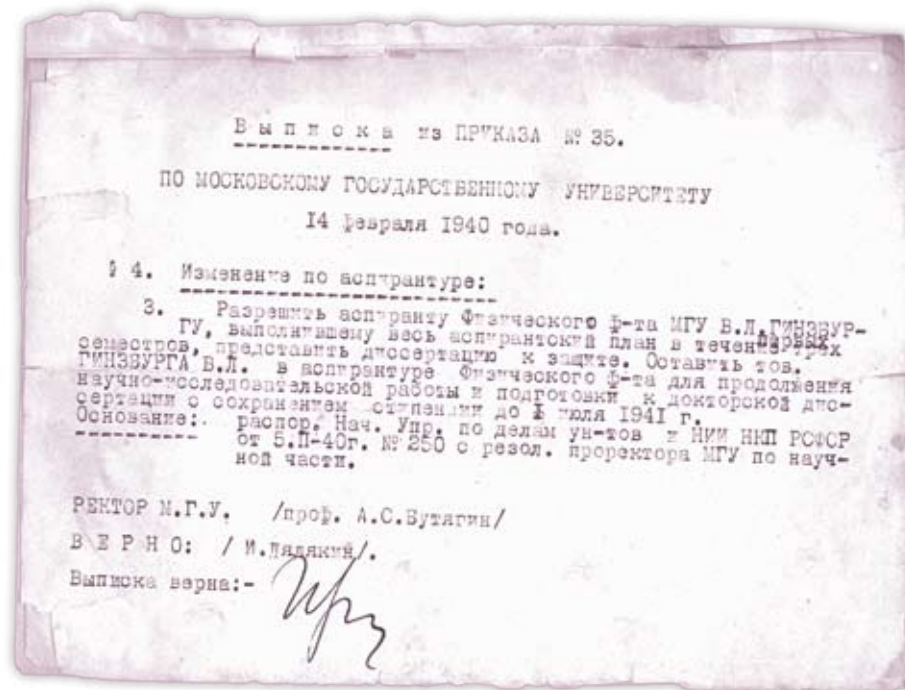
*Виталий Лазаревич
Гинзбург с дочерью Ириной.
1940 г.*

*Vitaly Lazarevich Ginzburg
with his daughter Irina.
1940.*

Выписка из приказа
о представлении диссертации
В. Л. Гинзбурга к защите.

Extract from the order
on the submission of V. L. Ginzburg's
thesis for the defense.

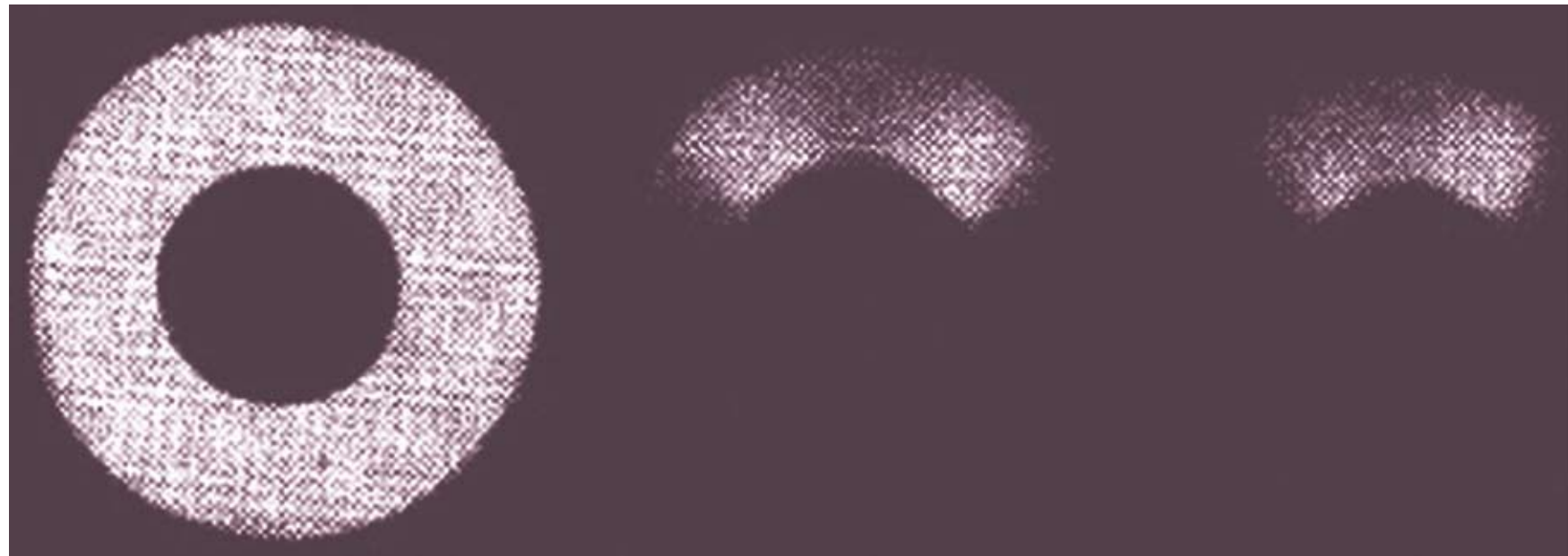
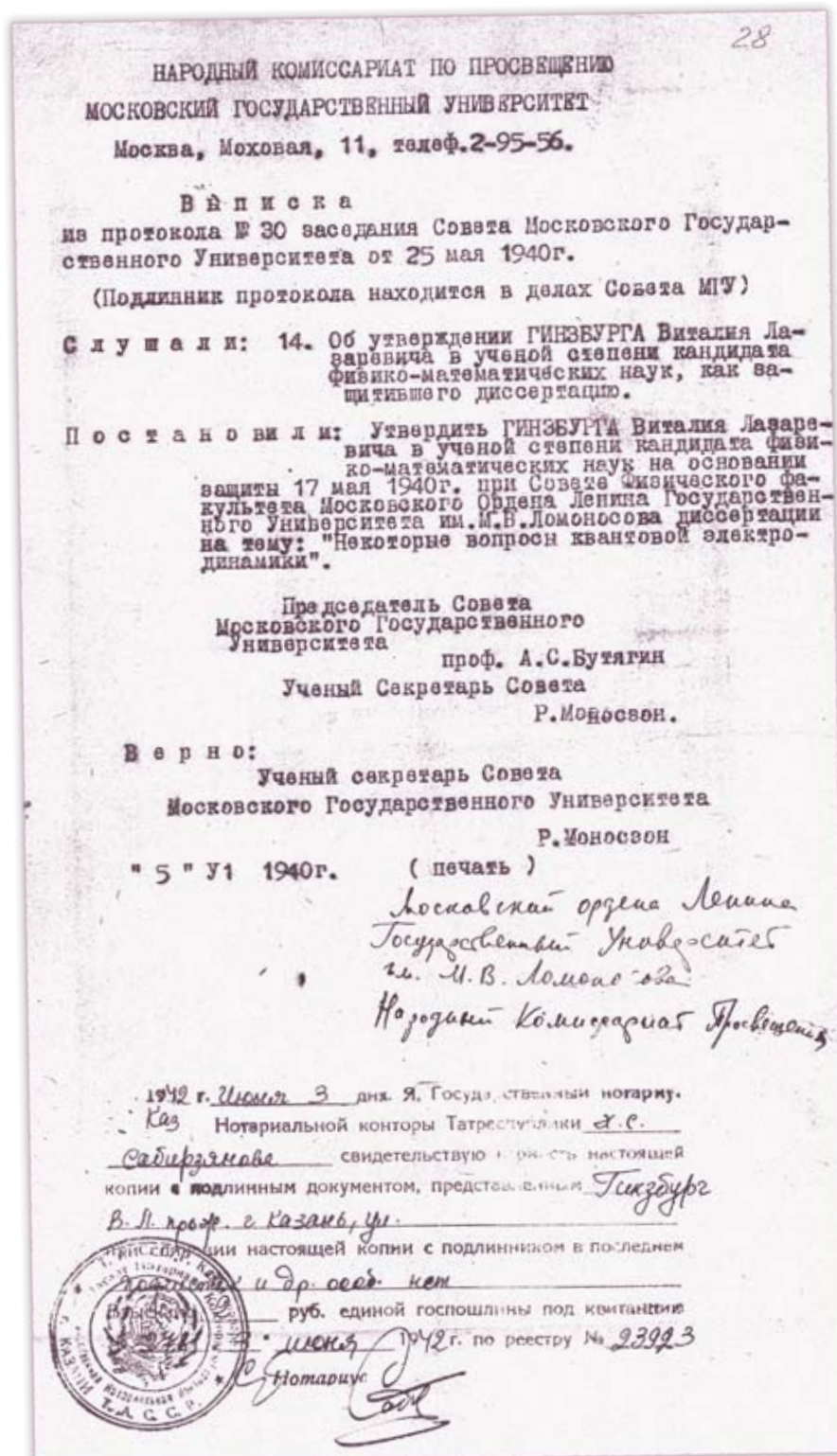

Виталий Лазаревич Гинзбург.
1940 г.

Vitaly Lazarevich Ginzburg. 1940.

Выписка о присвоении
В. Л. Гинзбургу учёной
степени кандидата
физико-математических наук.

Extract from the minutes
on awarding V. L. Ginzburg the degree
of PhD in Physics and Mathematics.

Фотографии углового распределения интенсивности излучения: обычная люминесценция (снимок слева),
свечение этилциннамата ($n = 1,58043$, снимок в центре), свечение воды ($n = 1,3371$, снимок справа).

Photos of the angular distribution of the radiation intensity: ordinary luminescence (left image),
Glow of ethyl cinnamate ($n = 1.58043$, snapshot in the center), water glow ($n = 1.3371$, right image).

КВАНТОВАЯ ТЕОРИЯ ЭФФЕКТА ВАВИЛОВА-ЧЕРЕНКОВА

В 1934 году в Физическом институте АН СССР было открыто свечение электронов, движущихся быстрее скорости света в среде. Впоследствии его стали называть излучением Вавилова-Черенкова.

Природу этого замечательного явления объяснили в 1937 году И. Е. Тамм и И. М. Франк. За открытие и объяснение эффекта Вавилова-Черенкова трём советским физикам – И. Е. Тамму, И. М. Франку и П. А. Черенкову – была присуждена Нобелевская премия. Излучение Вавилова-Черенкова стало первым примером оптики сверхсветовых скоростей и казалось в то время экзотическим, удивительным феноменом, как бы обособленным от всех физических явлений.

Неудивительно, что молодого исследователя, 23-летнего В. Л. Гинзбурга, полностью захватила эта задача. В 1940 году В. Л. Гинзбург разработал квантовую теорию эффекта Вавилова-Черенкова, а также классическую теорию этого явления в анизотропных средах, то есть таких, в которых не все направления равноправны.

Уже после первых расчётов стало очевидно, что, помимо классического излучения Вавилова-Черенкова, генерируемого зарядом, который движется в веществе со скоростью, большей скорости света в данной среде, возможны и другие проявления оптики сверхсветовых скоростей. Однако наблюдение таких эффектов интуитивно представлялось крайне сложным. Необходимо было срочно разобраться в возможности экспериментального обнаружения излучений от сверхсветовых источников. Это становилось важным как с фундаментальных физических позиций, так и с прикладной точки зрения, связанной с ускоренным развитием ядерной физики. (По материалам публикации в журнале «Наука и жизнь» № 10, 1986 г.)

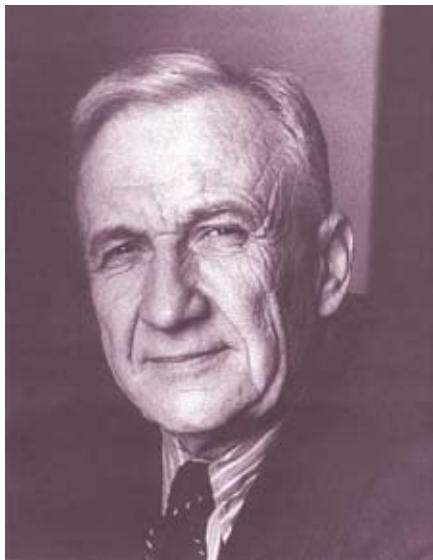
АСПИРАНТ-РЕКОРДСМЕН

Занявшись квантовой электродинамикой, я в 1940 году построил квантовую теорию излучения Вавилова-Черенкова, а также рассмотрел этот эффект в анизотропной среде. С тех пор излучение равномерно движущихся источников стало одной из моих любимых областей.

Квантовая теория излучения Вавилова-Черенкова представляет не только узко методический интерес, так как существенно проясняет ситуацию в применении к эффекту Доплера в среде.

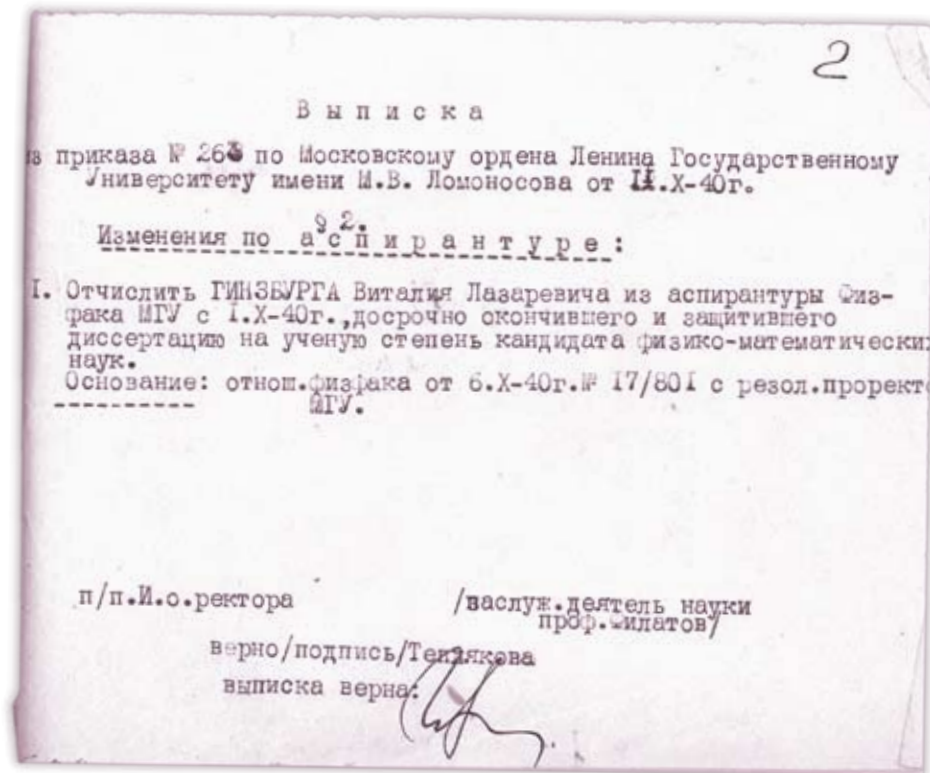
Работы по квантовой теории были сделаны за год-полтора и составили основу моей кандидатской диссертации, защищённой в МГУ в мае 1940 года.

Я окончил аспирантуру на физфаке МГУ за два года вместо положенных трёх. Это там был, кажется, первый такой случай. (В. Л. Гинзбург)

Игорь Евгеньевич Тамм.
Советский физик-теоретик,
лауреат Нобелевской премии
по физике (совместно
с П. А. Черенковым и И. М. Франком,
1958).

Igor Evgenievich Tamm.
Soviet theoretical physicist,
Nobel Prize Laureate in physics
(jointly with P. A. Cherenkov and
I. M. Frank, 1958).

Выписка об отчислении из аспирантуры, ввиду защиты диссертации.
Extract from the order on the expulsion from the graduate school
in view of the defense of the thesis.

НЕДРУЖЕЛЮБНЫЙ ФОН

Физфак МГУ был вполне хорошим. Было много сильных преподавателей. Но с физфаком был тесно связан научно-исследовательский институт физики МГУ (НИИФ). Там тоже работало много квалифицированных специалистов, но была исключительно плохая атмосфера.

Это было связано с общей ситуацией в стране: в 1930 году – дело «Промпартии», в 1934 году – смерть Кирова, ну, а в 1937–1938 гг. – всем известно, что было. Был как раз этот период. И это отражалось, конечно, и на ситуации на физфаке. Там были враждебно настроенные группы.

Я, как студент, мало в чём участвовал, мало что понимал, но одно событие я помню прекрасно. В большой физической аудитории происходил диспут. С одной стороны были «механисты», с другой – сторонники современной физики, и спор был о том, может ли электромагнитное поле распространяться без механического перемещения. На стороне современной физики были Игорь Евгеньевич Тамм, Григорий Самуилович Ландсберг и Борис Михайлович Гессен.

Вот Гессен – интересная фигура. Это был старый большевик, между прочим, друг Игоря Евгеньевича ещё с гимназических лет. В это время он был деканом физфака. Он участвовал в этом диспуте. В феврале 1933 года Гессен был избран в члены-корреспонденты АН, а в августе 1936 года арестован по ложному обвинению. 20 декабря 1936 года Военная Коллегия Верховного суда СССР приговорила его к высшей мере наказания, и в тот же день он был расстрелян. Конечно, потом его реабилитировали. (В. Л. Гинзбург)

Борис Михайлович Гессен.
Советский физик, философ
и историк науки, член-корреспондент АН СССР (1933).

Boris Mikhailovich Gessen.
Soviet physicist, philosopher
and historian of science,
a corresponding member
of the Academy of Sciences
of the USSR (1933).

Здание на Миуссах, в котором размещался ФИАН
с 1934 по 1951 год.

The building in Miussy, which housed LPI
from 1934 to 1951.

СТИЛЬ СОВЕТСКИХ ФИЗИКОВ

Ещё до поступления в ФИАН я занялся теорией частиц: высшими спинowymi состояниями. Эта работа продолжалась много лет частично совместно с И. Е. Таммом, а также молодыми сотрудниками.

В аспирантуре моим руководителем числился Г. Ландсберг, поскольку предполагалось, что я буду заниматься оптикой. Но он благородно не мешал мне заниматься совсем другим. А в докторантуре моим куратором считался И. Тамм, тоже не мешавший заниматься, чем хочу. В общем, это стиль, присущий физикам-теоретикам в СССР и России, во всяком случае во многих местах и, несомненно, в ФИАНе. (В. Л. Гинзбург)

В ФИАНЕ. СРЕДИ ПОРЯДОЧНЫХ ЛЮДЕЙ

Я счастлив, что попал в ФИАН, потому что я попал в окружение порядочных людей. Это важно. Я к этому очень чувствителен. Совершенно не могу работать, когда рядом – негодяй. Я помню, сколько нервной энергии я потратил на негодяев в Университете. К определённым людям я питаю очень сильные негативные чувства. И если бы таких людей было много, то я, наверное, жить бы не мог.

Я счастлив тем, что у нас среди сотрудников Теоретдела ФИАНа нет ни одного человека, к которому я питал бы какое-то недоброжелательство. С одними – ближе, с другими – дальше. Но я не знаю ни одного не порядочного человека. Это великое счастье, когда находишься среди приличных людей, и это нужно чрезвычайно ценить. Когда человек кого-то ненавидит, это, прежде всего, мешает ему самому. (В. Л. Гинзбург)

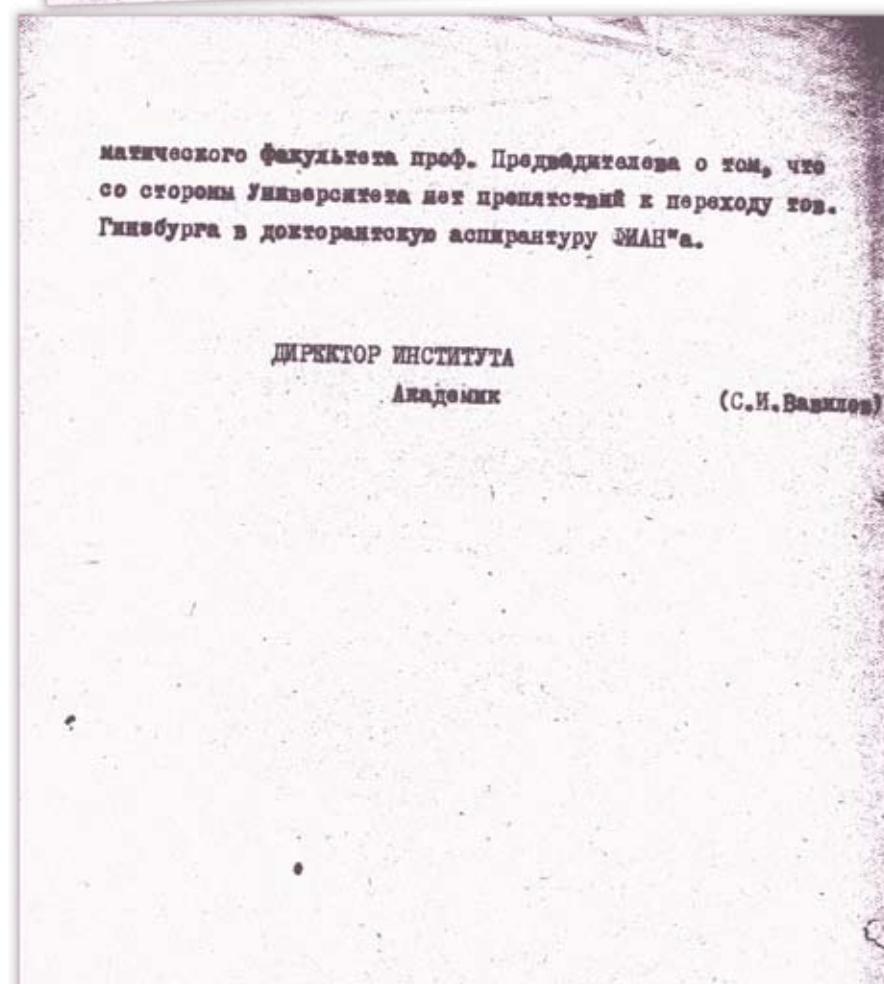
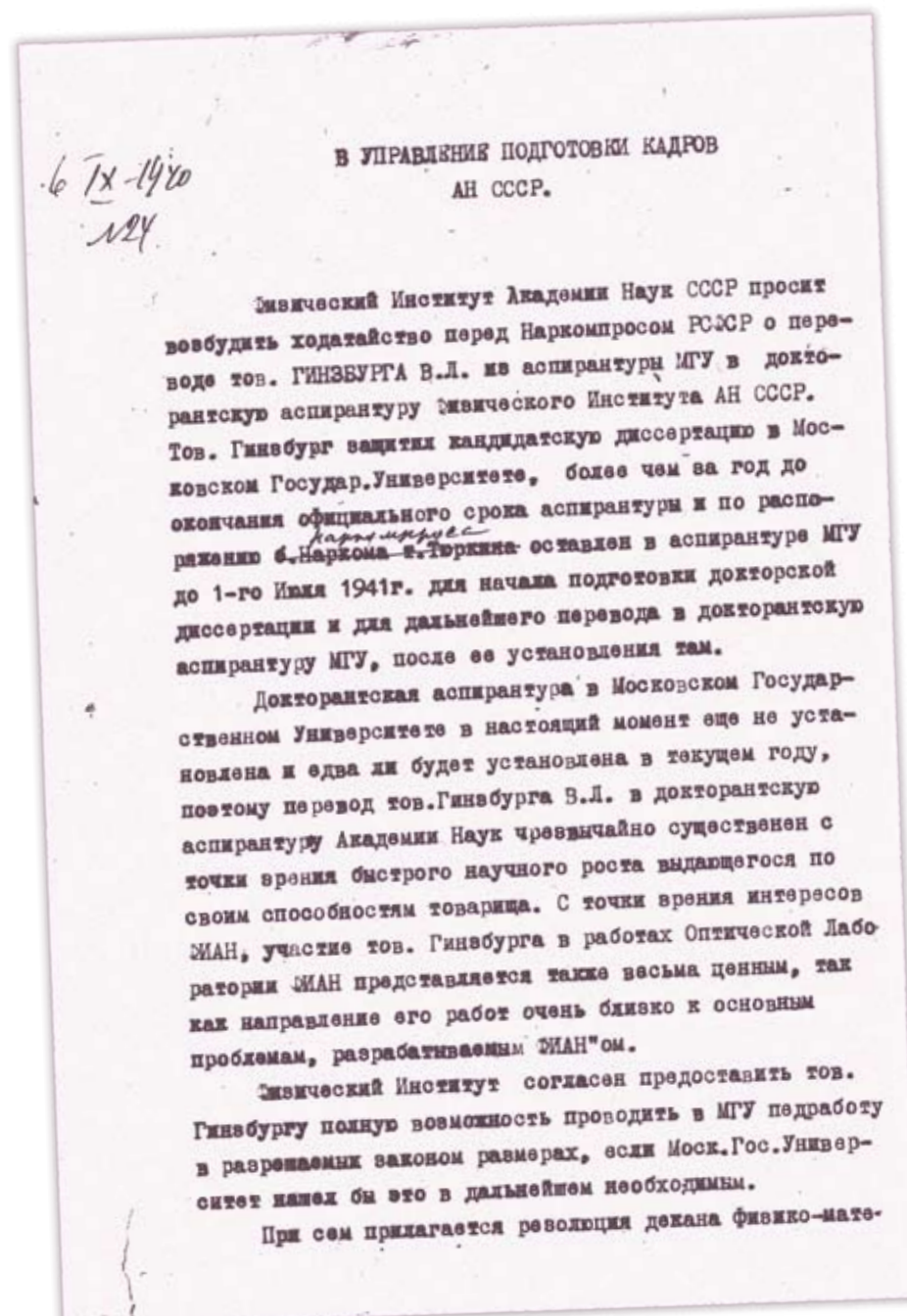

Сергей Иванович Вавилов.
Директор Физического института
Академии наук СССР.
Советский физик, основатель
научной школы физической оптики
в СССР, действительный член
(1932) и президент АН СССР (1945–
1951), общественный деятель
и популяризатор науки.

Sergey Ivanovich Vavilov.
Director of the Physical Institute
of the USSR Academy of Sciences.
A Soviet physicist, the founder
of the Scientific School of Physical
Optics in the USSR, full member (1932)
and President of the USSR Academy
of Sciences (1945–1951), a public
figure and popularizer of science.

Ходатайство о переводе
В. Л. Гинзбурга из аспирантуры
МГУ в докторантуру ФИАН,
подписанное директором ФИАН
С. И. Вавиловым.

The petition for transfer
of V. L. Ginzburg from the graduate
school of the Moscow State University
to the doctoral school of LPI signed
by the director of LPI S. I. Vavilov.

В ДОКТОРАНТУРЕ ФИАН

В 1940-е годы в Академии наук СССР существовали специальные вакансии для лиц, которые в течение трёх лет должны были подготовить докторскую диссертацию. На такое место в Теоретическом отделе Физического института им. П. Н. Лебедева Академии наук СССР (ФИАНе) я и был зачислен с 1 сентября 1940 года. В ФИАНе была совершенно другая атмосфера.

Дело в том, что в 1925 году в Университет был приглашён Леонид Исаакович Мандельштам. Он стал заведовать кафедрой теоретической физики. Он жил в здании Университета, и вокруг него сплотилась группа хороших людей. Это – И. Е. Тамм, которого я считаю своим учителем, С. Э. Хайкин, А. А. Андронов, А. А. Витт, Г. С. Горелик, М. А. Леонтович и др. Так что были хорошие люди и на физфаке. Но в ФИАН перешли как раз приличные люди. Тамм возглавил Теоретический отдел, Мандельштам и Папалекси заведовали Лабораторией колебаний, Фок числился в ФИАНе, но жил в Ленинграде и как-то не принимал участия в жизни института.

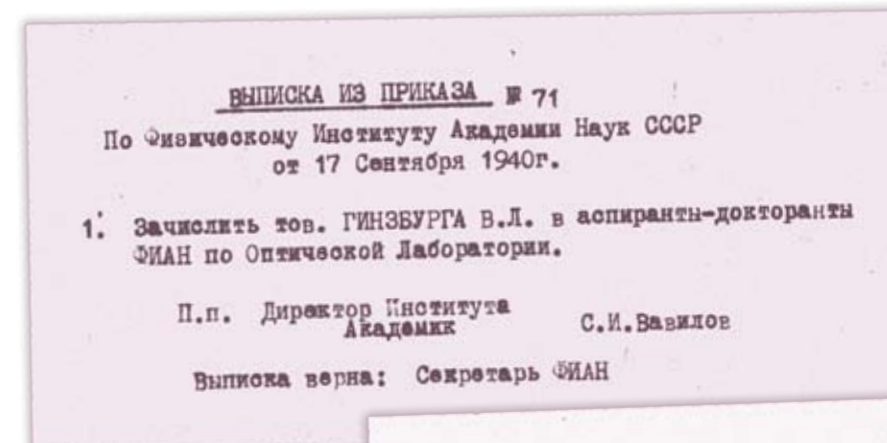
И, в общем, когда я поступил в 1940 году, основными сотрудниками Теоретического отдела, помимо Игоря Евгеньевича, были Евгений Львович Фейнберг, Моисей Александрович Марков, Дмитрий Иванович Блохинцев, Исаак Яковлевич Померанчук и я. Вот несколько человек.

Жизнь шла вокруг кабинета Игоря Евгеньевича, переоборудованного из бывшей уборной. Это вообще характерный стиль в советские времена, потому что не хватало площадей. (В. Л. Гинзбург)

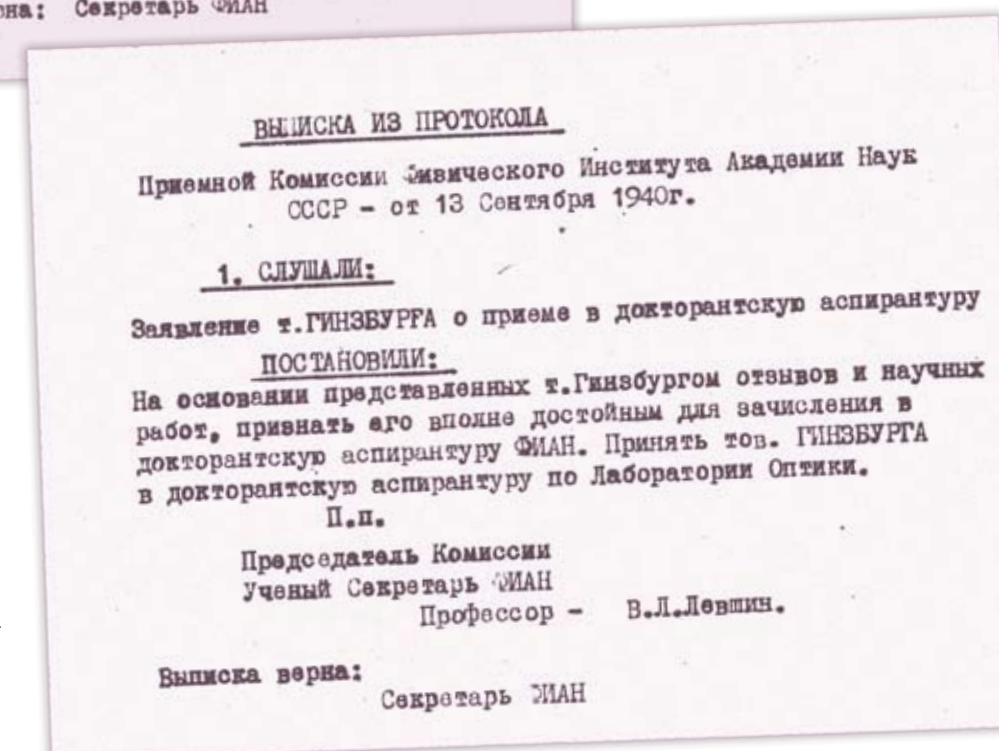
Леонид Исаакович Мандельштам.
Советский физик,
один из основателей
отечественной научной школы
по радиофизике,
академик АН СССР (1929).

Leonid Isaakovich Mandelstam.
Soviet physicist, one of the founders
of our scientific school
on radio-physics. Academician
of the USSR Academy of Sciences
(1929).

Выписка из протокола
приёмной комиссии
о зачислении
В. Л. Гинзбурга
в докторантуру ФИАН.

Extract from the minutes
of the Admission Committee
on the enrollment
of V. L. Ginzburg to
the doctoral school of LPI.

После отбоя воздушной тревоги люди покидают станцию метро «Площадь Свердлова» и ждут транспорт у гостиницы «Москва». Москва, 1941 г.

After ceasing the air-raid alarm, people are leaving the metro station «Sverdlov Square» and waiting for transport by the hotel «Moscow». Moscow. 1941.

Игорь Евгеньевич Тамм был единственным из нас, у кого был приёмник. Весь июнь 1941 года он рассказывал, что слушал передачи из Анкары – которые вёл человек по фамилии, по-моему, Авронский, корреспондент BBC – и сообщал: «Авронский передаёт, что 22 июня немцы вторгнутся в Россию». Не могу даже сейчас равнодушно вспоминать! Все считали, что это всё блеф. (В. Л. Гинзбург)

«РЯДОВОЙ НЕОБУЧЕННЫЙ»

22 июня 1941 года Германия вторглась в СССР. Уже много часов шли бомбёжки ряда городов, но лишь часов в 12 дня по радио выступил Молотов, сообщивший о начале войны. Ясно помню, как я слушал его с двухлетней дочкой на руках.

Я был «рядовым необученным», поэтому мобилизован не был. Но для мне подобных, да, кажется, для всех немобилизованных, было организовано «народное ополчение».

Вскоре огромная масса людей из этого «ополчения» была уничтожена или взята в плен под Москвой. Разумеется, я так же сразу попал в ополчение и провёл целый день в какой-то школе, где нас «формировали», а вечером отпустили с указанием явиться «с вещами» по первому зову. (В. Л. Гинзбург)

ЧТОБЫ БЫТЬ ПОЛЕЗНЫМ РОДИНЕ

Когда началась война, мы все оказались не у дел. Никаких заданий, никаких планов военных, ничего абсолютно не было. Мы все начали искать, чем бы заняться полезным.

Мне один старый радиотехник дал совет, – а я работал тогда над теорией частиц с высшими спинами, – заняться важной проблемой распространения радиоволн в ионосфере. Я этим занялся. Евгений Львович Фейнберг сразу занялся акустикой, а сам Игорь Евгеньевич – размагничиванием кораблей, чем, кстати, занимался Курчатов. Он тогда ещё не занимался ядерными проблемами. Короче говоря, мы искали, чем бы заняться. (В. Л. Гинзбург)

ЭВАКУАЦИЯ В КАЗАНЬ

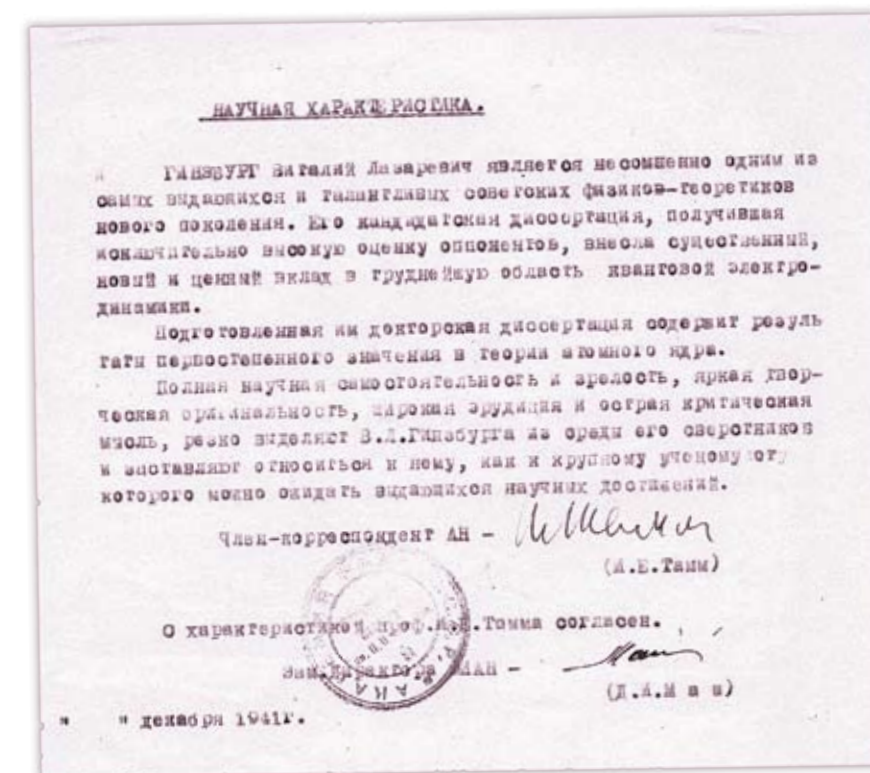
Я сам только один раз попал под бомбёжку, и то – косвенно. Дело в том, что я был около метро, когда бомбёжка началась. И в метро сидел всю ночь: никого не выпускали. А когда я вышел, единственные следы войны, которые я видел – всё-таки бомбёжка Москвы была, – раненые, какие-то разрушения.

Ровно через месяц после начала войны Академия была эвакуирована. Я большой критик советского режима, но нужно сказать, что эвакуация была разумно организована. Был приказ, что людей, не имеющих военной подготовки, сразу не брать, а как-то резервировать, чтобы потом использовать. Вот Академия была эвакуирована.

Я с престарелым отцом (ему было 78 лет), тётей и женой уехал в Казань. Моя единственная дочь была эвакуирована с бабушкой несколько ранее. (В. Л. Гинзбург)

18 млн человек, 2,5 тысячи промышленных предприятий, 1,5 тысячи колхозов и совхозов были эвакуированы за первые четыре месяца войны на восток страны.

18 million people, 2,5 thousand industrial enterprises, 1,500 collective farms and state farms were evacuated to the East of the country during the first four months of the war.

Научная характеристика на В. Л. Гинзбурга, составленная И. Е. Таммом. Декабрь 1941 года.

Scientific reference of V. L. Ginzburg, written by I. E. Tamm. December 1941.

В Казани. 1941 г.

In Kazan. 1941.

ЧЕЧЕВИЧНАЯ ПОХЛЁБКА НА ВЫНОС

В Казани нам предоставили жильё. Людей распределили по-разному. Игорь Евгеньевич, например, жил в квартире своего бывшего аспиранта С. А. Альтшулера. Это рядом с Университетом. А мы с Евгением Львовичем и почти все, кого я знаю, попали в общежитие Казанского университета на Клыкровке. Я, моя первая жена, тётя и отец жили в маленькой комнатке. По четырём углам были кровати. Было холодно. Вода замерзала зимой. Так жили. Ходили пешком на работу довольно далеко, требовалось около часа. Обычно мы шли и «трепались» по дороге в Университет. Было голодно, холодно, но бодрость духа была, и наукой занимались.

Одно из воспоминаний – это столовая, где официантки давали за некую мзду чечевичную похлёбку. Помню солидных людей, которые приходили туда с портфелями со вставленной в них жестяной ёмкостью, наполняли её кашей или супом и выносили. (В. Л. Гинзбург)

В РЯДЫ ПАРТИИ

В 1942 году я вступил в ряды коммунистической партии (КПСС). Было это как раз в то время, когда немцы вышли на Волгу, и мы отнюдь не оптимистически смотрели в будущее. Таким образом, вряд ли меня кто-либо может заподозрить в карьеристских соображениях, не говоря уже о том, что я, конечно, ненавидел фашистов, а все недостатки коммунистического правления тогда отступали на задний план.

Вместе с тем, я не могу не сообщить с большим сожалением и горечью, что многие годы был буквально слеп в оценке коммунизма-большевизма. Так или иначе, я разделил участь миллионов людей, не понявших неизбежной судьбы тоталитарного строя, скатывающегося к бесправию и террору. (В. Л. Гинзбург)

Отчёт о работе
аспиранта-докторанта Физического Института Академии Наук СССР – В. Л. ГИНЗБУРГА (специальность – теоретическая физика).

По зачислении в докторантуру 1. IX-1940г. я был прикреплен к Оптической лаборатории Физического Института АН СССР и занялся вопросом о рассеянии света в жидкости, в первую очередь, в связи с актуальностью этой проблемы для работ Лаборатории. Здесь раньше всего нужно было выяснить вопрос о форме линии релеевского рассеяния и о причинах появления в жидкости так называемых "крыльев" релеевской линии. По указанным вопросам в литературе существовал целый ряд неверных утверждений, относящихся также к механизму уширения линий рассеяния в газах. Поэтому первым этапом работы явился исследование уширения линий рассеяния в газах и влияния на этот эффект давления (последнее с целью проследить переход к жидкости). Это исследование выяснило механизм уширения линий в газах (его результаты опубликованы в статье¹): "О влиянии от давления уширения линий релеевского рассеяния света в газах" ДАН, том 30, 397, 1941г. и одновременно показало, что "крылья" линии в жидкости не могут быть объяснены флуктуациями плотности. Следующим этапом должно было по плану явиться рассмотрение флуктуаций анизотропии и их влияния на "крылья". Однако, как раз в этот момент в печати появилась работа Гросса, а затем в МАН² была выполнена работа Леонтовича, учитывающие флуктуации анизотропии и приходящие теории вопроса в состояние, удовлетворяющее вопросу эксперимента. Поэтому, а также по причинам, ясным из нижеизложенного, работа в области рассеяния света была прекращена, хотя работы Гросса и Леонтовича перекрывали лишь часть намеченного мной плана. Развитие в это время, в частности, И. В. Таммом, теории мезона, поставило ряд проблем, приходящих к тематике интересовавшей меня ранее и составлявшей предмет моей кандидатской диссертации (ИИФФ АН У, 1940г.). Результат

Х) Примечание: Здесь, также как везде ниже я подробно привожу названия статей, в которых изложены полученные результаты той или иной работы, так как эти статьи могут рассматриваться в качестве отчета о соответствующем исследовании, остававшихся на судействе которого нет обычно возможности в рамках данного отчета.

Отчёт о работе

В. Л. Гинзбурга.

1942 г.

Report

on V. L. Ginzburg's

work. 1942.

я занялся выяснением вопроса об отражении радиосигналов от ионосферы (этот вопрос был поставлен Лабораторией одним обзорным институтом). Это исследование, прерывавшееся переездом МАН в гор. Казань было закончено 15-го сентября 1941г. Его результаты изложены в разрешенной к опубликованию статье "Об отражении электромагнитного импульса от слоя Хевисайда" ДАН, 31, 857, 1941 (в печати). Примерно с 15 сентября до 10 декабря, с перерывом, связанным с посылкой на фронт, я опять занимался в основном вышеуказанной диссертационной темой и именно за этот период работа была окончена и изложена в виде диссертации. В то же время выполнялись отдельные мелкие задания, главным образом Лаборатории Колебаний МАН, связанные с ее спецификой. С начала декабря я был прикреплен к Лаборатории № 1 МАН (руководитель доктор И. А. Векслер), где с этого времени и до сих пор выполняю теоретические расчеты, необходимые для работ Лаборатории.

Одновременно, за период с начала декабря до настоящего времени выполнены и написаны две небольшие работы: "О парамагнитных эффектах, влияющих на распространение радиоволн в атмосфере" и "О дисперсии звука высокой частоты в жидкости".

"9" мая 1942г.

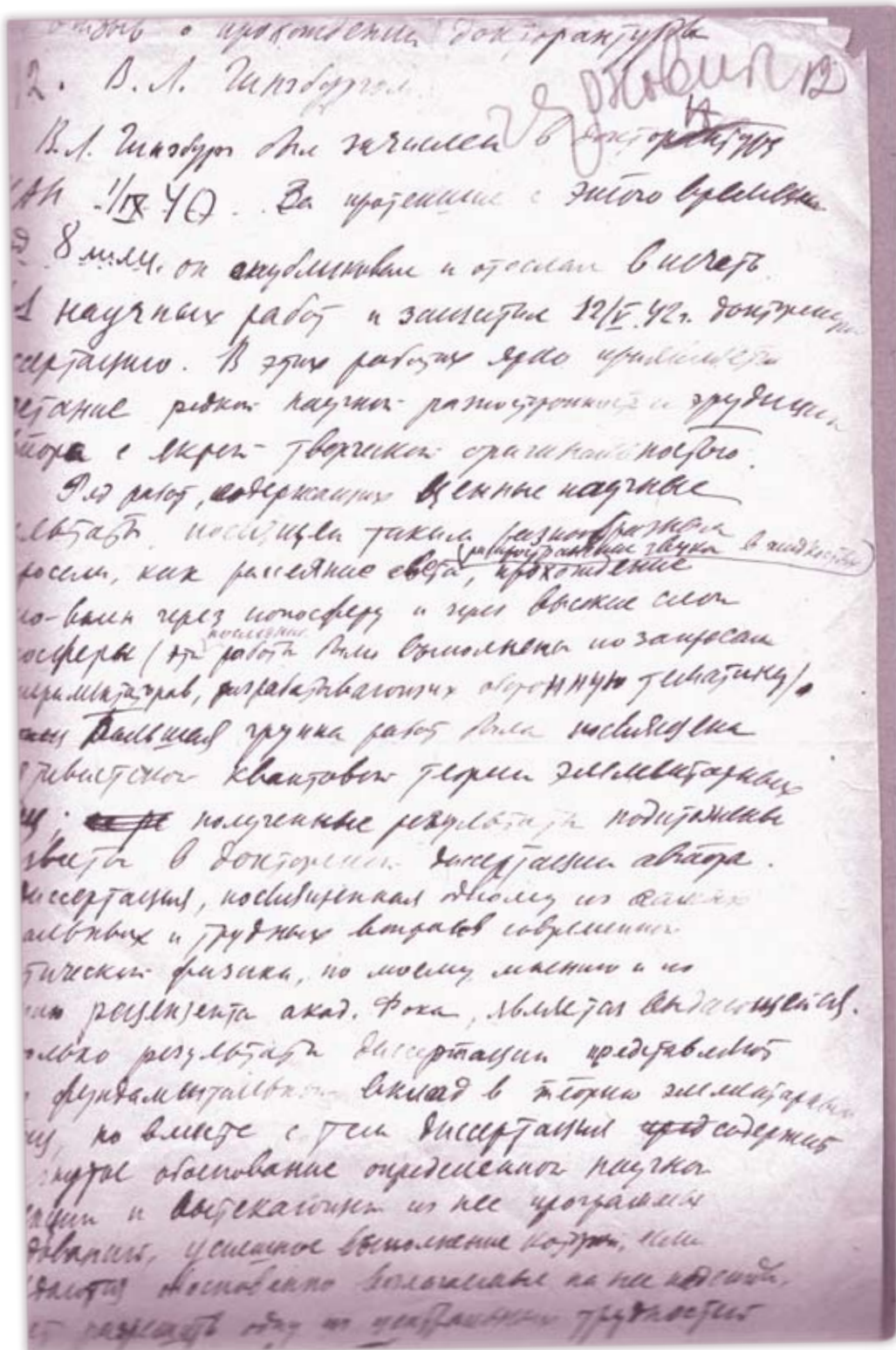
(В. Л. Гинзбург)

исследования (статья: "К теории взаимодействия электромагнитным полем" ДАН, 31, 857, 1941 (в печати). Примерно с 15 сентября до 10 декабря, с перерывом, связанным с посылкой на фронт, я опять занимался в основном вышеуказанной диссертационной темой и именно за этот период работа была окончена и изложена в виде диссертации. В то же время выполнялись отдельные мелкие задания, главным образом Лаборатории Колебаний МАН, связанные с ее спецификой. С начала декабря я был прикреплен к Лаборатории № 1 МАН (руководитель доктор И. А. Векслер), где с этого времени и до сих пор выполняю теоретические расчеты, необходимые для работ Лаборатории.

Одновременно, за период с начала декабря до настоящего времени выполнены и написаны две небольшие работы: "О парамагнитных эффектах, влияющих на распространение радиоволн в атмосфере" и "О дисперсии звука высокой частоты в жидкости".

исторической диссертации

В. Л. Гинзбург. Примерно с 15 сентября до 10 декабря, с перерывом, связанным с посылкой на фронт, я опять занимался в основном вышеуказанной диссертационной темой и именно за этот период работа была окончена и изложена в виде диссертации.

Отзыв И. Е. Тамма
о работах
В. Л. Гинзбурга.
1942 г.

Review of I. E. Tamm
on V. L. Ginzburg's
works. 1942.

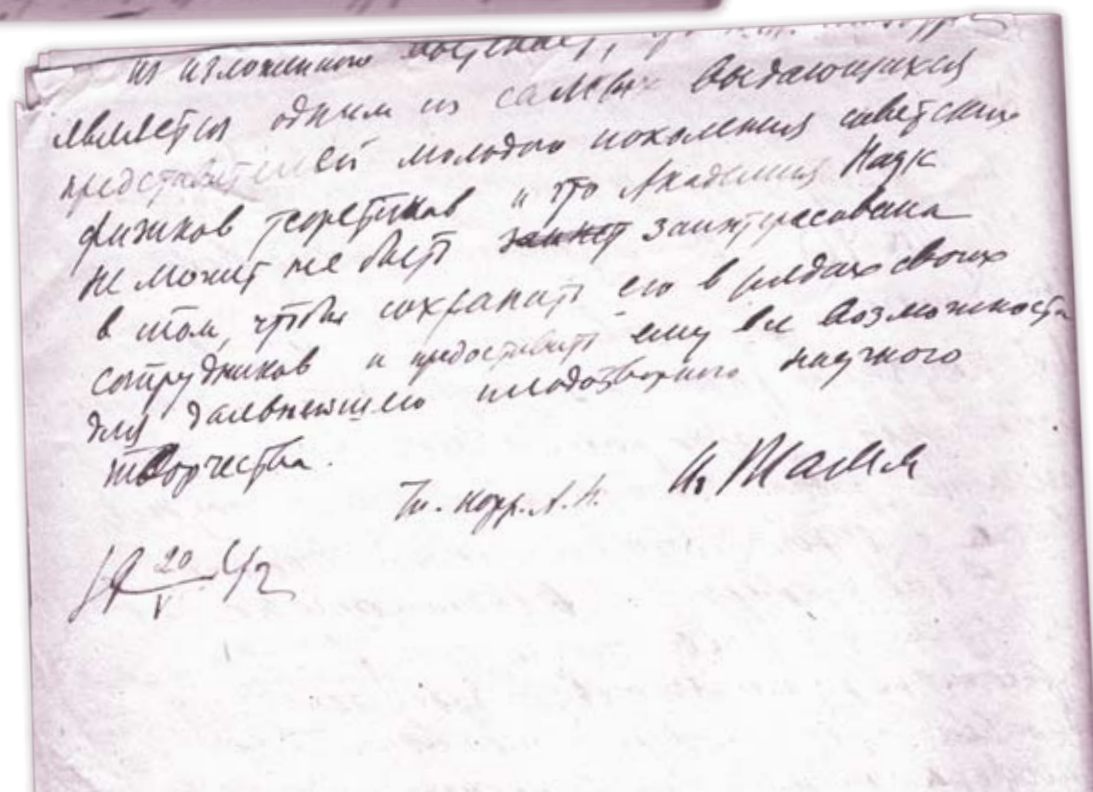
МНОГОТЕМЬЕ И УНИВЕРСАЛИЗМ

Одно из условий успеха в науке – широта взглядов. Нередко бывает, что какая-то ассоциация или информация совсем из другой области порождает идею и становится определяющей для всей последующей жизни.

Многотемье я не считаю ни плюсом, ни минусом. За быстрый переход от одной темы к другой приходится платить. Наверное, постоянная концентрация на одной проблеме могла бы привести к большей глубине. Но универсальных правил и рецептов нет. (В. Л. Гинзбург)

На фронт меня не взяли, хотя я дважды подавал заявление, чтобы пойти добровольцем. (В. Л. Гинзбург)

I was not taken to the front, although I applied twice to go on as a volunteer. (V. L. Ginzburg)

На строительстве Казанского обвода.

On the construction of the bypass of Kazan (defensive line).

НА ТРУДОВОМ ФРОНТЕ

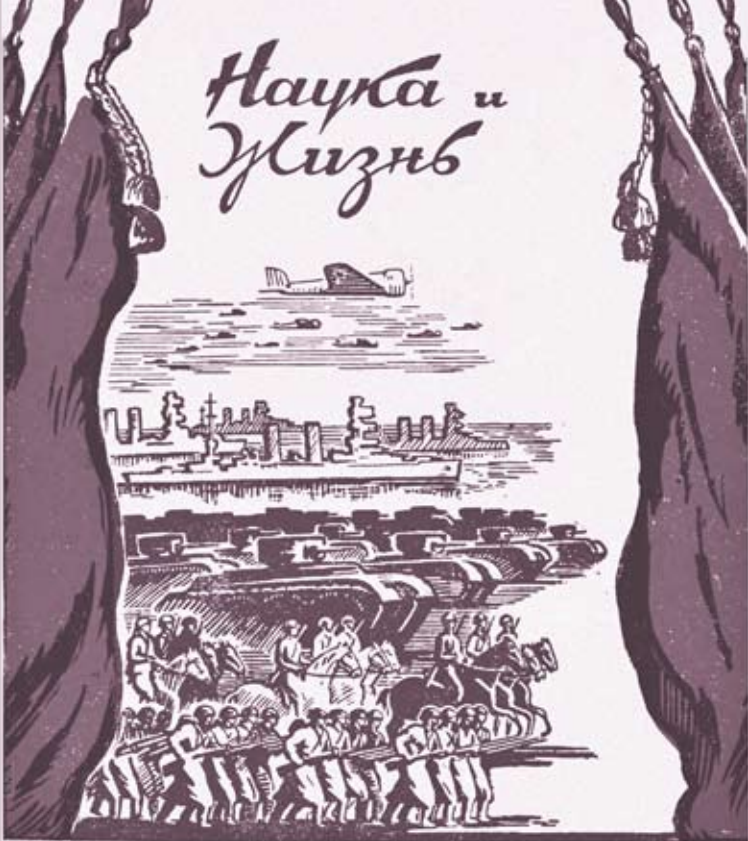
Для военного времени было естественно, что сотрудники Института использовались на различных работах. И вот нас однажды послали разгружать баржи с брёвнами или дровами на Волге. Кстати, в этом участвовали все, в том числе казавшиеся нам не очень молодыми, например И. Е. Тамм.

Моя роль сводилась к переносу брёвен с баржи на берег. На мне была надета так называемая «коза» – нечто вроде рюкзака со ступенькой сзади. Такие «козы» широко применялись в России в старые времена для переноса тяжестей, и, действительно, они эффективны. Два человека клали бревно на «козу», и тот, на кого она надета, тащил бревно на берег. До сих пор удивляюсь, сколь тяжёлые бревна удаётся перетаскивать таким способом. Но, видимо, всё же я перегнул палку, и на следующий день у меня пошла, хоть и не сильно, кровь горлом. Очевидно, лопнул какой-то сосудик. Меня направили в больницу, а там нашли в моих лёгких какие-то петрифицированные очаги. Кровотечение прекратилось и, как и в случае со струмой, не сказывалось в дальнейшем. Но в это же время был объявлен набор в какие-то воздушно-десантные части, и я, тогда комсомолец, записался в эти части. Но меня не взяли, хотя я ни на какие болезни не ссылался и, если правильно помню, даже не знал, что нахожусь на медицинском учёте. (В. Л. Гинзбург)

Виталий Лазаревич Гинзбург.
Начало 1940-х гг.

Vitaly Lazarevich Ginzburg.
Early 1940's.

Изд-во Академии наук СССР
Журнал для самообразования
1 1942

В. Гинзбург

При взрыве фугасной бомбы образуются в воздухе области высокого давления, распространяющиеся затем в виде так называемой ударной волны. Свойства и особенности ударной волны представляют большой интерес, так как на действии ударной волны основаны многие физические эффекты, сопровождающие взрыв.

Ударная волна во многих отношениях отличается от звуковой волны. Звуковые волны представляют собой поперечные колебания, распространяющиеся со скоростью звука. Для звуковых волн характерна малая амплитуда колебаний, малая энергия, малая скорость распространения. Ударная волна имеет большую амплитуду, большую энергию, большую скорость распространения.

Для звуковых волн характерна малая амплитуда колебаний, малая энергия, малая скорость распространения. Ударная волна имеет большую амплитуду, большую энергию, большую скорость распространения.

Если зарегистрировать в какой-либо точке звуковой волны изменение давления с течением времени, то будет записана картина, подобная той, что изображена на рис. 1. По ординате на этом рисунке отложено избыточное давление, т. е. разность между давлением в звуковой волне и давлением в окружающей среде.

Рис. 1

Аналогичная картина наблюдается и в случае ударной волны (рис. 2). Ударная волна имеет чрезвычайно резкий скачок давления, который называется ударным фронтом. Для ударной волны характерна большая амплитуда колебаний, большая энергия, большая скорость распространения. Ударная волна имеет большую амплитуду, большую энергию, большую скорость распространения.

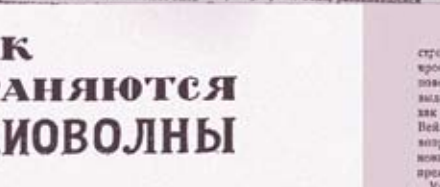

Рис. 2

Ударная волна имеет большую амплитуду, большую энергию, большую скорость распространения. Ударная волна имеет большую амплитуду, большую энергию, большую скорость распространения.

Ударная волна имеет большую амплитуду, большую энергию, большую скорость распространения. Ударная волна имеет большую амплитуду, большую энергию, большую скорость распространения.

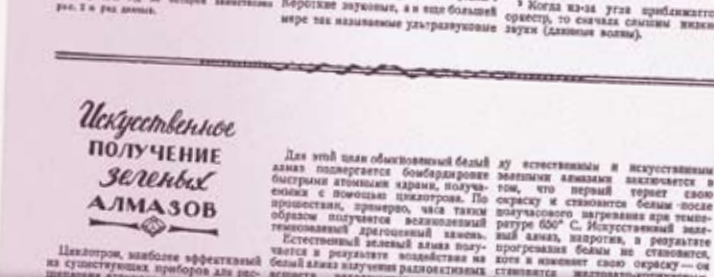
Ударная волна имеет большую амплитуду, большую энергию, большую скорость распространения. Ударная волна имеет большую амплитуду, большую энергию, большую скорость распространения.

Ударная волна имеет большую амплитуду, большую энергию, большую скорость распространения. Ударная волна имеет большую амплитуду, большую энергию, большую скорость распространения.

Ударная волна имеет большую амплитуду, большую энергию, большую скорость распространения. Ударная волна имеет большую амплитуду, большую энергию, большую скорость распространения.

Содержание	
Чл.-корр. АН СССР Н. Д. Мерзляков — Очерк о науке	1
Чл.-корр. АН СССР А. И. Рибников — Научные и технические приложения фотографии	4
Лаврент Сталинский — Вехи 1942 г. д-р техн. наук, проф. А. А. Гершуни — Механика в динамике	16
В. Гинзбург — Ударная волна	21
Е. Фейгин — Как распространяется радиоволна	23
Я. Смирновский — Волны	26
Акад. В. Г. Фосберг — Планетарное землетрясение 21 сентября 1941 г.	31
Проф. Г. Г. Босса — Давление растительных тканей	34
Д-р с.-с. наук А. М. Никитин и Н. Ф. Батраков — Замечательные случаи из зоологии	39
Я. Д. Гальперин — Никитин	43
А. А. Казанов — Агитатор	47
Новости науки и техники	
Метод регистрации падающих звезд днем и в полноту	15
Температура 20 000°	15
Новые научные материалы	21
Новые искусственные радиоактивные вещества	25
Проволочная резина	25
Полосовая лампа будущего	48

Действия ударной волны в воздухе объясняются тем, что ударная волна имеет чрезвычайно резкий скачок давления, который называется ударным фронтом. Для ударной волны характерна большая амплитуда колебаний, большая энергия, большая скорость распространения. Ударная волна имеет большую амплитуду, большую энергию, большую скорость распространения.

Ударная волна имеет большую амплитуду, большую энергию, большую скорость распространения. Ударная волна имеет большую амплитуду, большую энергию, большую скорость распространения.

Ударная волна имеет большую амплитуду, большую энергию, большую скорость распространения. Ударная волна имеет большую амплитуду, большую энергию, большую скорость распространения.

Ударная волна имеет большую амплитуду, большую энергию, большую скорость распространения. Ударная волна имеет большую амплитуду, большую энергию, большую скорость распространения.

Ударная волна имеет большую амплитуду, большую энергию, большую скорость распространения. Ударная волна имеет большую амплитуду, большую энергию, большую скорость распространения.

ДРУЖБА С ФЕЙНБЕРГОМ. ЖАЖДА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В Казани я подружился с Евгением Львовичем Фейнбергом (он стал моим ближайшим другом), хотя формально мы были знакомы и раньше. Вначале мы оказались в поезде в одном купе, потом — в одной комнате, перегородженной простыней.

Институт физпроблем находился под нами. Так и жили. Теоретический отдел в это время был распущен. Числилось, что нет отдела. Но мы собирались, был семинар.

Мы работали, старались что-то делать. Старались изо всех сил, честно старались. У нас с Евгением Львовичем была дикая идея пеленговать (или радиолоцировать) артиллерийские выстрелы. В Казани был знаменитый пороховой завод, и мы ходили туда, пытались что-то сделать. Ничего хорошего у нас не вышло. Но что было делать? Старались работать, но, конечно, пользы приносили мало.

Мы с Евгением Львовичем то ли для заработка, то ли из энтузиазма писали во время войны статьи в «Науку и жизнь» под псевдонимами Гинф и Фейгин или Фейгин и Гинф. Мы так это варьировали. (В. Л. Гинзбург)

ДОКТОРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ. УСПЕТЬ ДО ПРИЗЫВА

Какой-либо отсрочки от призыва — «брони» — у меня не было. Она тогда предназначалась только людям, занимавшим более видное положение. Но, как не имеющий военной специальности, я не представлял и особой ценности, и, так или иначе, меня не призывали.

Ожидая призыва в армию, я хотел всё же поскорее закончить докторскую диссертацию и действительно защитил её в мае 1942 года. Посвящена она была теории частиц с высшими спинами.

Я не имею оснований считать свою диссертацию слабой, и она получила вполне хорошую оценку. Однако, если бы условия были мирными, я, конечно, не спешил бы с защитой. Но в упомянутой ситуации, да ещё в силу дальнейшего перехода на другую тематику, поспешность была оправдана. (В. Л. Гинзбург)

Ударная волна имеет большую амплитуду, большую энергию, большую скорость распространения. Ударная волна имеет большую амплитуду, большую энергию, большую скорость распространения.

Ударная волна имеет большую амплитуду, большую энергию, большую скорость распространения. Ударная волна имеет большую амплитуду, большую энергию, большую скорость распространения.

Ударная волна имеет большую амплитуду, большую энергию, большую скорость распространения. Ударная волна имеет большую амплитуду, большую энергию, большую скорость распространения.

Ударная волна имеет большую амплитуду, большую энергию, большую скорость распространения. Ударная волна имеет большую амплитуду, большую энергию, большую скорость распространения.

Ударная волна имеет большую амплитуду, большую энергию, большую скорость распространения. Ударная волна имеет большую амплитуду, большую энергию, большую скорость распространения.

Ударная волна имеет большую амплитуду, большую энергию, большую скорость распространения. Ударная волна имеет большую амплитуду, большую энергию, большую скорость распространения.

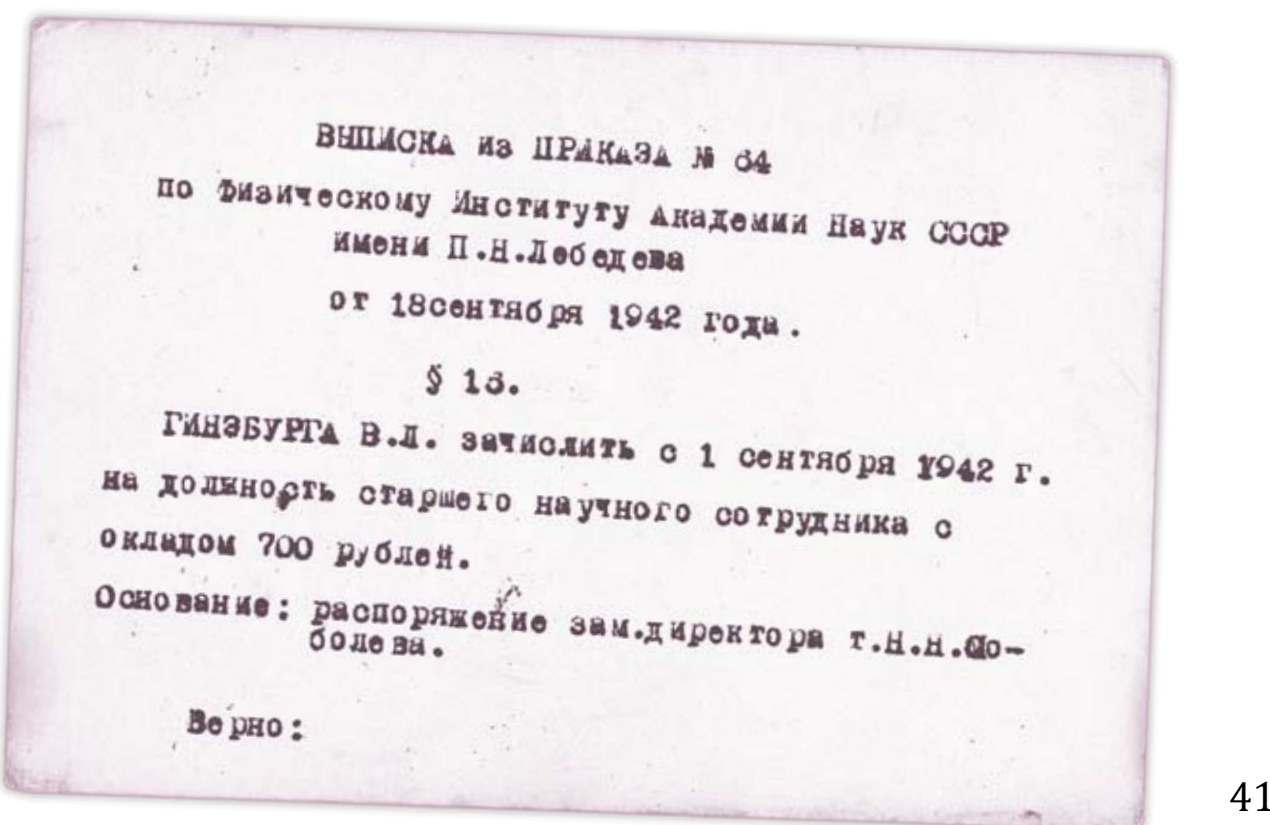

Евгений Львович Фейнберг.
Советский и российский физик-теоретик, академик РАН.

Evgeny Lvovich Feinberg.
Soviet and Russian theoretical physicist, Academician of the Russian Academy of Sciences.

1 сентября 1942 года В. Л. Гинзбург был переведён на должность старшего научного сотрудника. (Приказ по ФИАН № 64 от 18.09.1942 г.)

On September 1, 1942 V. L. Ginzburg was transferred to the post of the senior researcher (LPI Order № 64 of 18.09.1942)

НЕВОСПОЛНИМАЯ ПОТЕРЯ

В Казани было, конечно, голодно, но я всё же находился на работе, и жена тоже работала. Но отцу с тётёй, думаю, приходилось особенно несладко. К сожалению, не помню деталей, но тётя сломала ногу, хотя через некоторое время всё же могла ходить, а отец резко сдал.

Мне горько вспоминать это время, и я корю себя, что уделял отцу недостаточно много внимания. Но, по существу, что я мог сделать? Помимо больного сердца, у отца начала развиваться болезнь Альцгеймера – потеря памяти. Собственно, тогда в Казани этот диагноз не был поставлен, но речь идёт, думаю, именно об этой болезни.

Летом 1942 года пришлось поместить отца в больницу, где он и скончался 20 июля 1942 года в возрасте около 79 лет. Отец похоронен на еврейском кладбище в Казани. (В. Л. Гинзбург)

Выписка об утверждении В. Л. Гинзбурга доктором физико-математических наук.

Extract from the minutes on the approval of V. L. Ginzburg as Doctor of Physics and Mathematics.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В МОСКВУ

В 1943 году ФИАН эвакуировался, мы вернулись в Москву.

Известно, что ФИАН вначале находился на Миуссах в здании, которое было построено для Петра Николаевича Лебедева, но он, к сожалению, скончался раньше окончания строительства. Кстати, он скончался в возрасте 46 лет. Как обидно! Он был действительно очень талантливый и приличный человек, судя по всему. То, что талантливый – это все знают, но из его биографии видно, что он был ещё и порядочный человек, что, к сожалению, не всегда совпадает.

Так вот, дело в том, что во время войны, когда мы были эвакуированы, это здание на Миуссах передали какому-то заводу. И когда мы вернулись в 1943 году, здание было в очень плохом состоянии. Поэтому мы сначала оказались в Харитоньевском переулке, там находилось академическое Отделение технических наук, и нас вселили в какую-то комнату этого Отделения технических наук. Мы там некоторое время пребывали. (В. Л. Гинзбург)

ВЫСШАЯ АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ
ВСЕСОЮЗНОГО КОМИТЕТА ПО ДЕЛАМ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ПРИ СНК СССР
Москва, Рождественка, д. 11. Телеграфный адрес: Москва, КОМШКОЛ

ВЫ П И С К А

из протокола № 6 от 27 марта 1943 г.

(Подлинник протокола находится в делах Высшей Аттестационной Комиссии)

§ 17. СЛУШАЛИ:

Об утверждении ГИНЗБУРГ Виталия Даваревича в ученой степени доктора физико-математических наук на основании защиты 12/У-1942г. на заседании Совета Физического института им. П.Н. Лебедева Академии Наук СССР диссертации "К теории элементарных частиц".

ПОСТАНОВИЛИ:

Утвердить ГИНЗБУРГ Виталия Даваревича в ученой степени доктора физико-математических наук.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВЫСШЕЙ АТТЕСТАЦИОННОЙ КОМИССИИ
За УЧЕНОГО СЕКРЕТАРЯ

Верно: За Ученого Секретаря Высшей Аттестационной Комиссии

С. Кафтанов
А. Ипполитова

Ипполитова
/А. Ипполитова/

9. апреля 1943г.

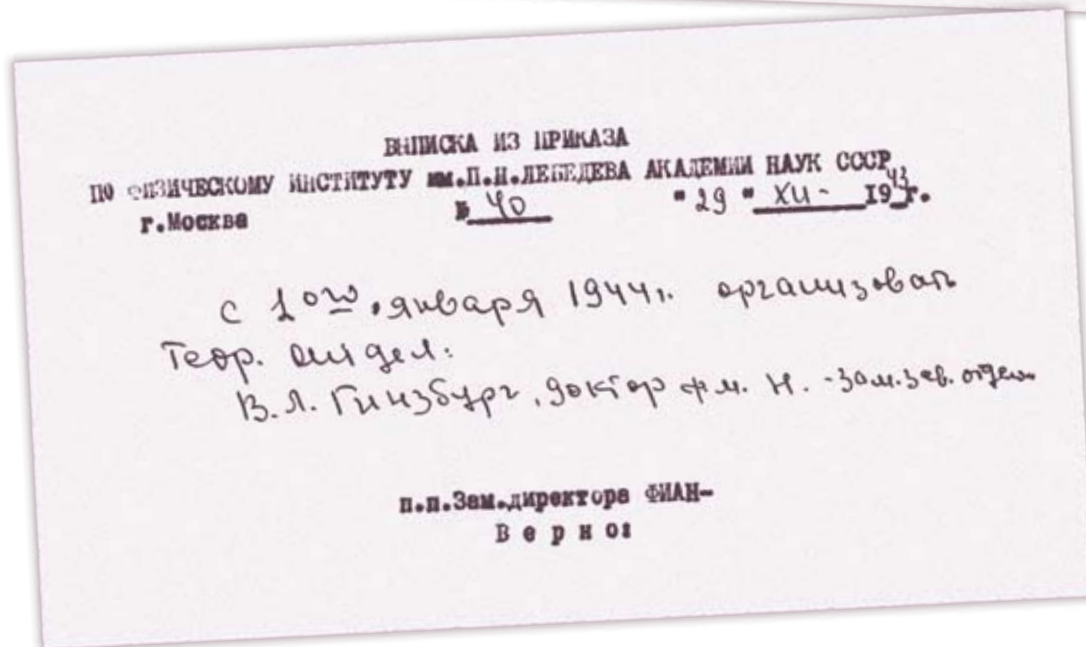
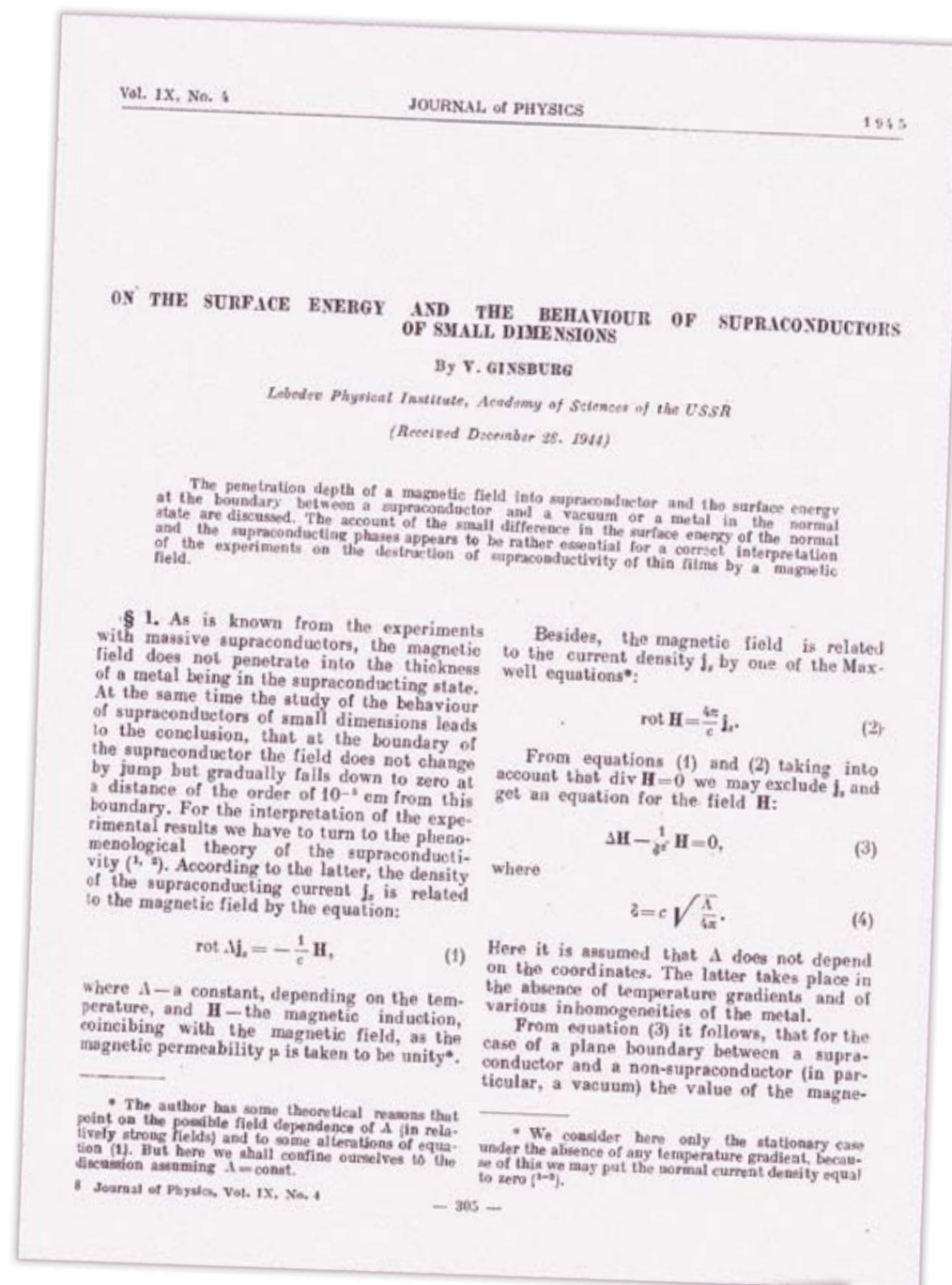
Ген. «Красное знамя», Москва, Суздальская, 11. Заказ 2902

ДОВОЛЬСТВОВАЛИСЬ МАЛЫМ

Мы дружно работали в ФИАНе. Не было никаких проблем. У меня был какой-то закуток. Чтобы предоставить место, где можно сидеть сотрудникам, кроме переоборудования туалетов, отгораживали тупики коридоров около окон. У меня была именно такая маленькая клетушка. У Евгения Львовича была клетушка такого же типа, только на другом этаже. Там помещались только стол и стул. И это сохранялось очень долго.

Помню, как у нас в ФИАНе впервые появился Ефим Самойлович Фрадкин. Я проводил с ним собеседование, и у меня был только один стул. Я сидел на столе, а стул предоставил Фиме. Больше ничего в этой клетушке не было. Фима учился во Львове, где были ещё старые профессора, такие почтенные солидные дяди. Помню, он мне потом рассказывал, как он был потрясён тем, что профессор Гинзбург сидел на столе. Я был старше его на восемь лет. А он маленький такой, ещё в солдатской шинели.

В этих клетушках мы сидели, работали, проводили семинары. (В. Л. Гинзбург)

С дочкой Ириной.
With daughter Irina.

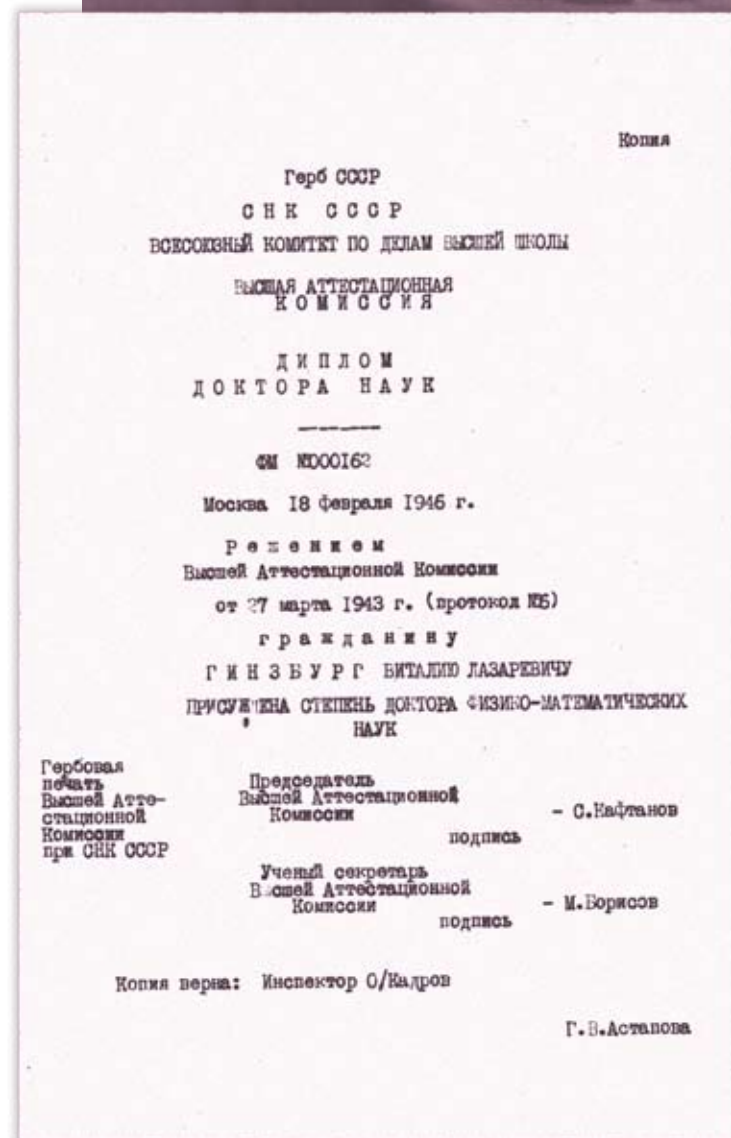
Слева направо: 1-й ряд – В. Л. Гинзбург, ?, И. М. Франк, ?, Г. С. Ландсберг, ?; 2-й ряд – С. З. Беленький, ?, ?, И. Л. Фабелинский, П. А. Черенков, ?, ?, ?; 3-й ряд – ?, ?, ?, ?, Н. А. Добротин, ?, ?, Е. Л. Фейнберг, ?, М. А. Марков, ?, ?, ? ФИАН. 1945 г.

From left to right: 1st row – B. L. Ginzburg, ?, I. M. Frank, ?, G. S. Landsberg, ?; 2nd row – S. Z. Belenky, ?, ?, I. L. Fabelinsky, P. A. Cherenkov, ?, ?, ?; 3rd row – ?, ?, ?, ?, N. A. Dobrotin, ?, ?, E. L. Feinberg, ?, M. A. Markov, ?, ?, ? LPI, 1945.

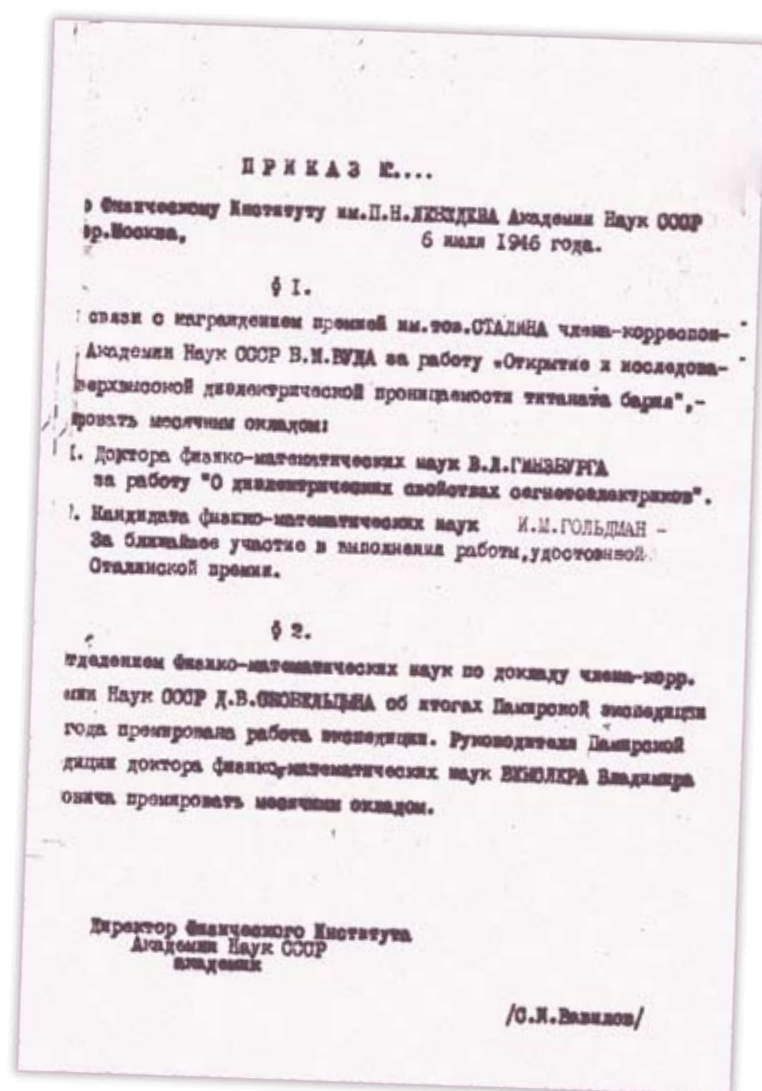
Д. В. Скобельцын, С. И. Вавилов, Фредерик Жолио-Кюри. 1945 г.
D. V. Skobeltsyn, S. I. Vavilov, Frederic Joliot-Curie. 1945.

В 1945 году, в конце войны, устроили международное совещание. Приезжали Фредерик и Ирэн Жолио-Кюри. Я их помню. Потом по случаю их приезда был «пир во время чумы», что называется. (В. Л. Гинзбург)

В начале 1940-х годов В. Л. Гинзбург принимает участие и в исследованиях «по теории сегнетоэлектрических явлений и мягких мод», и в исследованиях ферромагнетиков. Его первая основополагающая работа в этой области «О диэлектрических свойствах сегнетоэлектриков и титаната бария» опубликована сразу после войны, что отмечено в знаменитом курсе Л. Д. Ландау и Е. М. Лифшица: «Количественная теория сегнетоэлектричества может быть развита в соответствии с общей теорией фазовых переходов второго рода; это было сделано В. Л. Гинзбургом в 1945 году».

Б. Т. Гейликман, В. Л. Гинзбург,
С. З. Бельский, Я. Л. Альперт. 1946 г.

B. T. Gailikman, V. L. Ginzburg,
S. Z. Belenky, Ya. L. Alpert. 1946.

«АВАНТЮРА» В ГОРЬКОМ

После окончания войны физики были в СССР уже в большом почёте. Бурно росли имевшиеся институты, создавались новые научные учреждения и высшие учебные заведения.

В городе Горьком ещё в 30-е годы в университете образовалась сильная группа физиков и математиков, самым выдающимся из которых был А. А. Андронов. И вот эта группа решила организовать особый радиофизический факультет. Своих специалистов всё же не хватало, и из Москвы (из ФИАНа) были приглашены три профессора, которые должны были работать «по совместительству», время от времени приезжать и читать лекции.

Одним из них был я, причём мне поручили организовать и возглавить кафедру распространения радиоволн, ибо с начала войны я занялся именно этой проблемой и успел уже опубликовать ряд статей.

Помню, как в конце 1945 года приехал на поезде (от Москвы до Горького ночь езды) в малокомфортабельных условиях и нанял какого-то мужичка, доставившего на санках (мы шли пешком) мой чемодан от вокзала до центральной части города, где находились университет и предназначенная мне гостиница.

На «моей кафедре» был вначале, если не ошибаюсь, только один сотрудник (М. М. Кобрин) и одна странная студентка, потом ушедшая. Но вскоре появились способные студенты, а затем и аспиранты. Многие окончившие кафедру давно доктора наук, кафедра существует и до сих пор. Занятие этой кафедры в тех тяжёлых послевоенных условиях кажется мне сейчас авантюрой. Но тогда мне было 29 лет, я, как доктор наук, имел право заведовать кафедрой, хотелось учить молодёжь, а в Москве это было трудно сделать. Скорее всего, как и мои коллеги, ездившие из Москвы, я через пару лет всё же оставил бы Горький, но судьба сложилась иначе. (В. Л. Гинзбург)

Научное творчество В.Л. Гинзбурга характеризуется тремя отличительными чертами: 1) исключительная равносторонность научных интересов, прекрасное владение всеми областями теоретической физики и широкая научная эрудиция; 2) Оригинальность научной мысли и 3) исключительная научная плодотворность (За последние 7 лет им опубликовано около 50-ти научных работ).

В кандидатской диссертации по квантовой электродинамике ему впервые удалось выяснить, что ряд трудностей теории, считавшихся специфическими для квантовой теории, имеет чисто классическое происхождение. Так, например, казалось парадоксальным, что согласно квантовой электродинамике равномерно движущийся в вакууме электрон должен излучать свет. Гинзбург выяснил, что объясняется это просто тем, что в квантовой электродинамике в нулевом приближении не учитывается магнитное поле, возбуждаемое движением электрона.

В ряде работ по теории эффекта Черенкова им была дана квантовая теория этого эффекта, совместно с И.М. Франком развита теория излучения возникающего при прохождении равномерно движущегося электрона через границу раздела двух сред и т.п. В ряде работ Гинзбург показал, что рассмотрение эффекта Черенкова позволяет весьма просто решить некоторые принципиальные вопросы теории излучения. Так, например, этим путем он выяснил, что при релятивистских скоростях существует коренное различие между связанными со спином магнитными свойствами электрона с одной стороны и частицы со спином 1 с другой.

В ряде работ Гинзбург существенно развил и углубил высказанную Хейзенбергом мысль, что аномальный рост с энергией рассеяния света на частицах со спином 1 и рассеяния мезонов на нуклонах обуславливается пренебрежением (электромагнитным или ядерным) моментом инерции диполя. Он показал, что учет соответствующих эффектов эквивалентен в квантовой области введением в рассмотрение возбужденных спинных состояний элементарных частиц и впервые построил релятивистскую теорию частиц с переменным спином, рассмотрев различные ее варианты.

Из цикла оптических работ Гинзбурга упомянем в качестве иллюстрации только о двух. Им было показано, что зависящее от давления расширение линий релеевского рассеяния света в газах объясняется тем, что доплеровское смещение вынужденного излучения рассеивающих свет атомов скачкообразно изменяется при соударениях этих атомов. В другой работе он показал, что кажущееся несоответ-

ствие с теорией сравнительной интенсивности линий триплета в релеевском рассеянии света в жидкостях объясняется различной формой линий этого триплета.

В обширном цикле работ по распространению волн в ионосфере Гинзбургим была подробно исследована деформация радиосигналов при их отражении от ионосферы; им впервые было показано, что соударение электронов и ионов с ионами может оказывать на поглощение радиоволн несравненно большее влияние, чем соударение их с молекулами. Им дана количественная теория этого эффекта и т.д. В очень важной работе Гинзбург впервые показал, что влияние магнитного поля немаловажно приводит к удвоению отраженных от ионосферы сигналов, должно приводить к утроению этих сигналов вблизи земного магнитного полюса.

Перенеся теорию ионосферы в область астрофизики, Гинзбург в недавней работе показал, что измерение излучения Солнца в определенном диапазоне радиочастот должно позволить подтвердить или опровергнуть существующие воззрения об очень высокой температуре солнечной короны.

Из цикла работ по сверхпроводимости упомянем о данной Гинзбургим теории термоэлектрических явлений в сверхпроводниках, которые до сих пор экспериментально не были обнаружены. Гинзбург показал, что это объясняется спонтанной компенсацией сверхпроводящего и нормального термоэлектрических токов, и что эта компенсация нарушается и термоэлектричество должно наблюдаться при определенных условиях в сверхпроводящих монокристаллах. В другой работе Гинзбург показал, что кажущаяся зависимость гелиевым прозрачностью магнитного поля в сверхпроводнике от толщины образца в действительности обуславливается разницей поверхностных энергий проводящего и сверхпроводящего состояний.

В работе по сегнетоэлектрикам Гинзбургим была построена термодинамическая теория сегнетоэлектрического перехода *непараэлектрика* в параэлектрик, найдено подтвержденное опытом теоретическое соотношение между спонтанным пьезоэлектрическим эффектом и температурой перехода и, наконец, указано, что обнаруженные В.Н. Вулом электрические свойства титаната бария объясняются его сегнетоэлектрическим.

Помимо упомянутых работ, принадлежащих большей частью к тематическим циклам, необходимо отметить ряд отдельных работ (дисперсия звука в жидкостях, рефракционное свойство и радиоволн в ионосфере, работы по космическим лучам и т.д.).

Отзыв о научных работах В. Л. Гинзбурга,
написанный И. Е. Таммом. 1946 г.

A review of V. L. Ginzburg's scientific works
written by I. E. Tamm. 1946.

стие с теорией сравнительной интенсивности линий триплета в релеевском рассеянии света в жидкостях объясняется различной формой линий этого триплета.

В обширном цикле работ по распространению волн в ионосфере Гинзбургим была подробно исследована деформация радиосигналов при их отражении от ионосферы; им впервые было показано, что соударение электронов и ионов с ионами может оказывать на поглощение радиоволн несравненно большее влияние, чем соударение их с молекулами. Им дана количественная теория этого эффекта и т.д. В очень важной работе Гинзбург впервые показал, что влияние магнитного поля немаловажно приводит к удвоению отраженных от ионосферы сигналов, должно приводить к утроению этих сигналов вблизи земного магнитного полюса.

Перенеся теорию ионосферы в область астрофизики, Гинзбург в недавней работе показал, что измерение излучения Солнца в определенном диапазоне радиочастот должно позволить подтвердить или опровергнуть существующие воззрения об очень высокой температуре солнечной короны.

Из цикла работ по сверхпроводимости упомянем о данной Гинзбургим теории термоэлектрических явлений в сверхпроводниках, которые до сих пор экспериментально не были обнаружены. Гинзбург показал, что это объясняется спонтанной компенсацией сверхпроводящего и нормального термоэлектрических токов, и что эта компенсация нарушается и термоэлектричество должно наблюдаться при определенных условиях в сверхпроводящих монокристаллах. В другой работе Гинзбург показал, что кажущаяся зависимость гелиевым прозрачностью магнитного поля в сверхпроводнике от толщины образца в действительности обуславливается разницей поверхностных энергий проводящего и сверхпроводящего состояний.

В работе по сегнетоэлектрикам Гинзбургим была построена термодинамическая теория сегнетоэлектрического перехода *непараэлектрика* в параэлектрик, найдено подтвержденное опытом теоретическое соотношение между спонтанным пьезоэлектрическим эффектом и температурой перехода и, наконец, указано, что обнаруженные В.Н. Вулом электрические свойства титаната бария объясняются его сегнетоэлектрическим.

Помимо упомянутых работ, принадлежащих большей частью к тематическим циклам, необходимо отметить ряд отдельных работ (дисперсия звука в жидкостях, рефракционное свойство и радиоволн в ионосфере, работы по космическим лучам и т.д.).

характере и т.д.) Наконец, Гинзбургим написана монография о сверхпроводимости и обзор по распространению радиоволн в ионосфере.

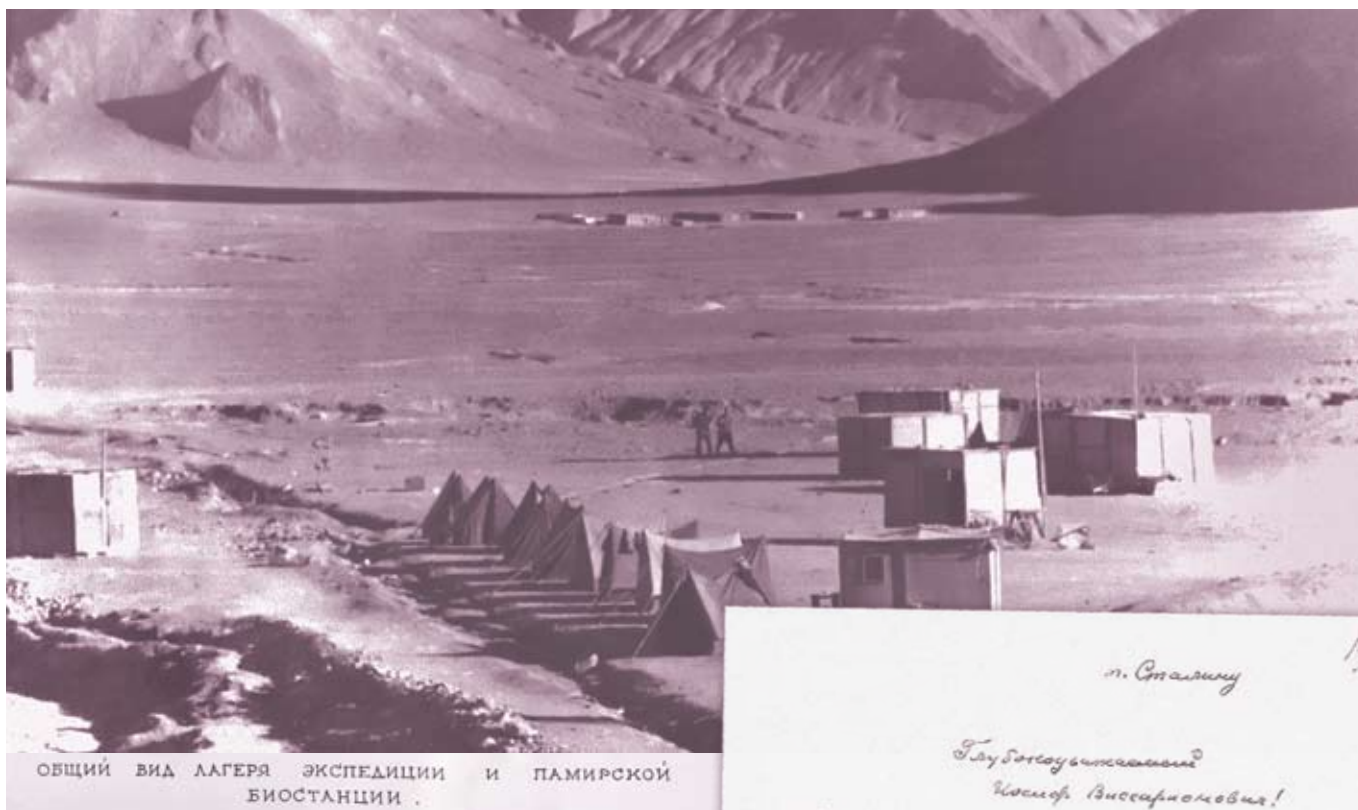
Впрочем уже ясный опыт далеко неполный обзор работ В.Л. Гинзбурга дает представление об оригинальности и ценности научных результатов, полученных им в разнообразнейших областях теоретической физики.

Из изложенного следует, что В.Л. Гинзбург является достойным кандидатом для избрания в члены-корреспонденты АН СССР.

Член-корреспондент АН СССР

И. Е. Тамм

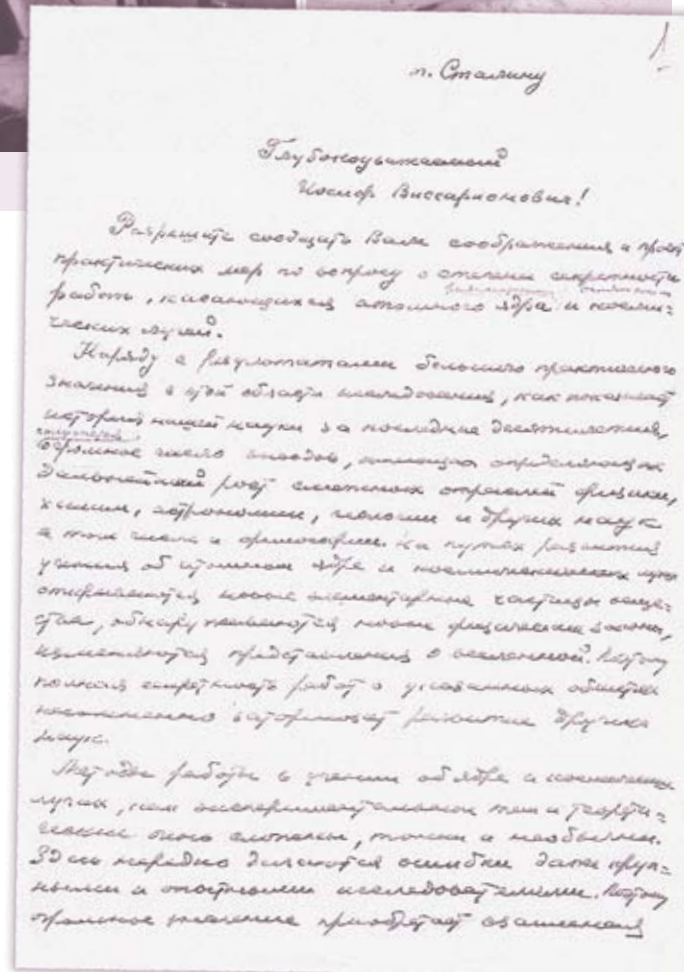
14. VI - 1946 г.

ДВА ПИСЬМА СТАЛИНУ

После использования американцами атомного оружия С. И. Вавилов передал И. В. Сталину два письма. В обоих письмах речь шла о важности исследований космических лучей для фундаментальной ядерной физики и физики элементарных частиц и о том, что эти и родственные (далёкие от ядерно-оружейных задач) исследования не должны быть секретными. «Полная секретность, – резюмировал Вавилов, – грозит принести большой ущерб объёму и качеству науки о ядре и космических лучах».

Через два дня после этих записок Сталин подписывает постановление СНК СССР «О мерах развития исследований космических лучей» (от 4 марта 1946 г.), в котором «в качестве ближайших задач» одобрялись предложения Вавилова, Алиханова и Скобельцына по изучению космических лучей и заодно – по «проведению исследовательских и конструкторских изысканий по разрешению проблемы искусственного получения потоков частиц с энергией, сравнимой с космическими лучами», т. е. по ускорительной тематике. Именно Академии наук, ФИАНу и Лаборатории № 3 поручалось этим заняться, в частности организовать в текущем году высокогорные станции на Памире и Эльбурсе, а также в Армении на горе Алагез (Арагац), подземную лабораторию на станции метро «Кировская» и станции по изучению космических лучей в стратосфере.

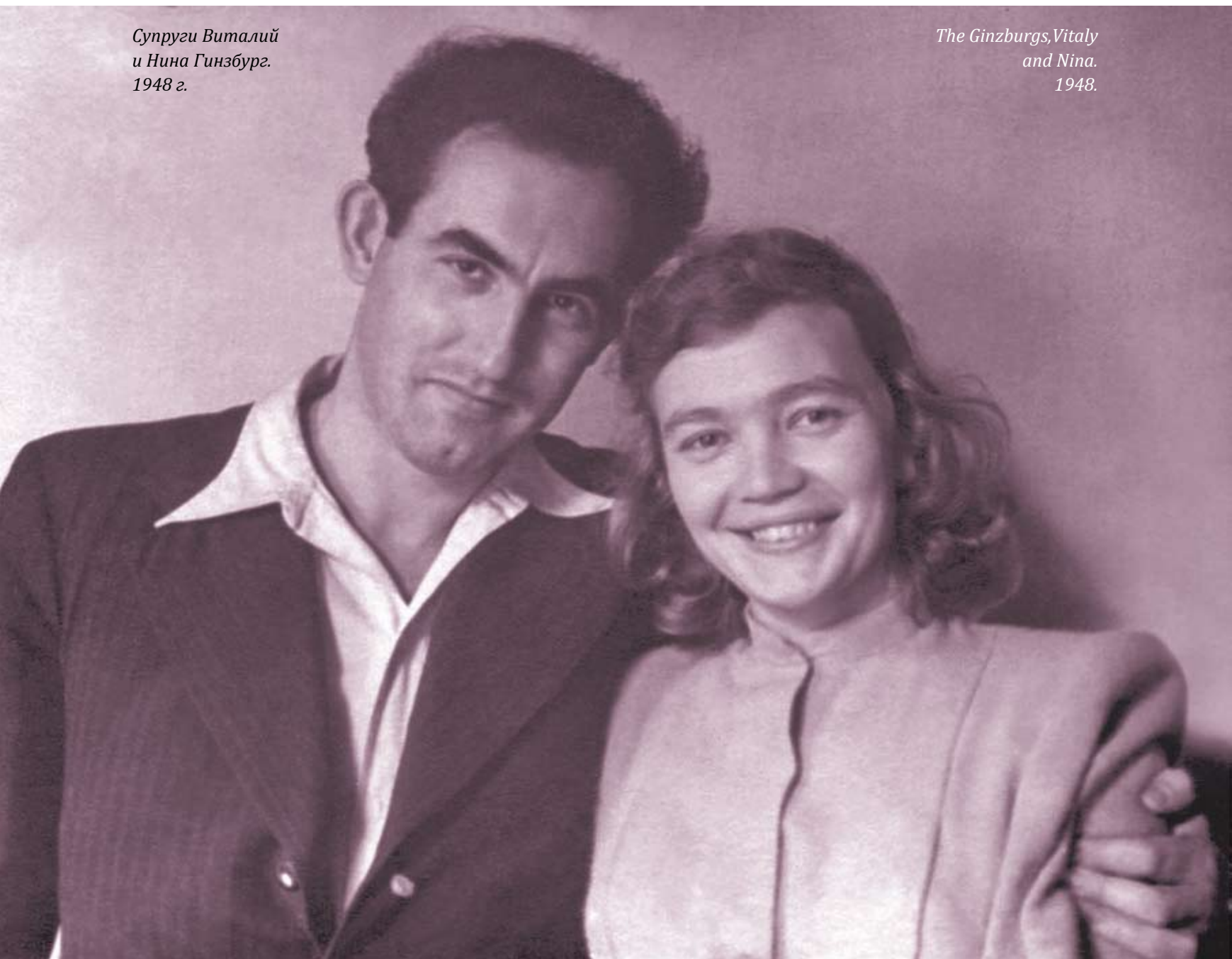

Письмо С. И. Вавилова к И. В. Сталину по вопросам секретности работ по атомному ядру и космическим лучам.

Letter from S. I. Vavilov to J. V. Stalin on the questions of the secrecy of work on the atomic nucleus and space rays.

В 1945 году я был на Памире только один раз. Тем не менее эти воспоминания самые хорошие. Это была экспедиция по изучению космических лучей в урочище Чичекты. Там был Игорь Евгеньевич Тамм. Мы с ним – теоретики. Это обычное явление во всём мире. Теоретиков берут с собой в виде такой премии за то, что они интересуются соответствующей тематикой. Ну, и неплохо используются в качестве тягловой силы. Тогда же всё переносилось руками: свинец и так далее. И я надеюсь, что мы оправдали доверие. (В. Л. Гинзбург)

Супруги Виталий
и Нина Гинзбург.
1948 г.

The Ginzburgs, Vitaly
and Nina.
1948.

СУДЬБОНОСНОЕ ЗНАКОМСТВО НА ЛЕКЦИИ

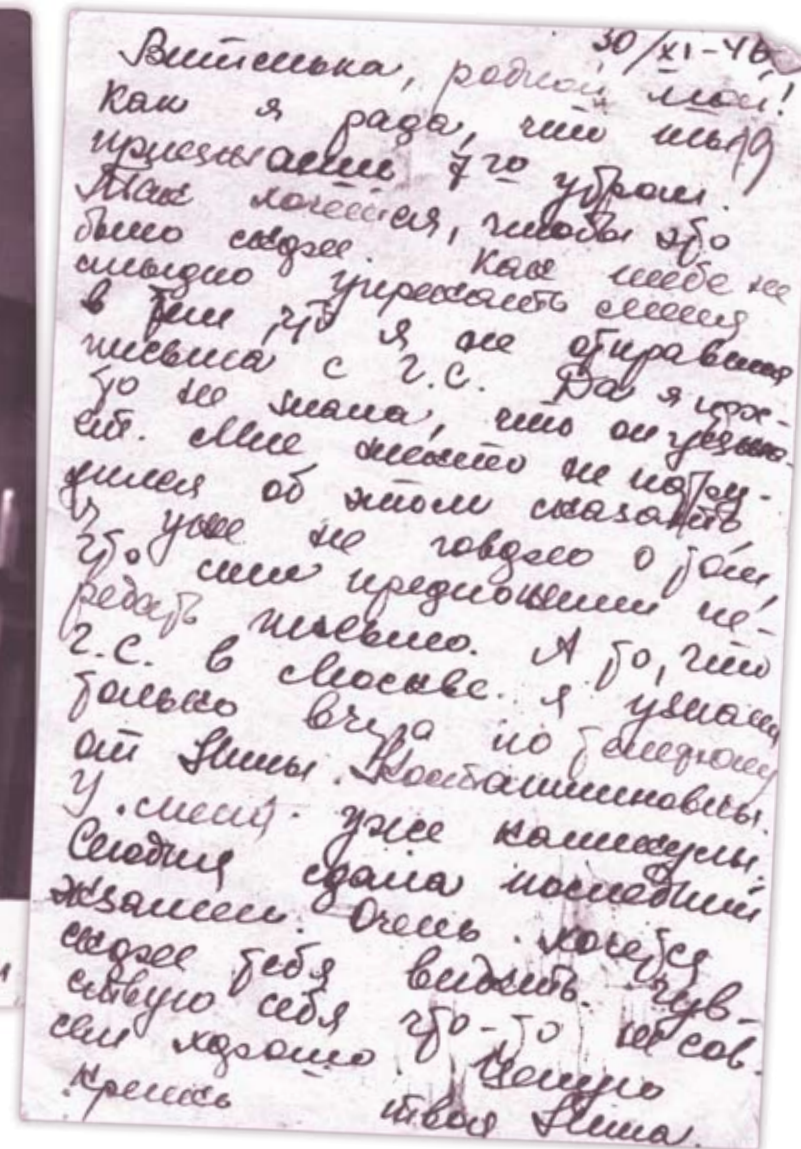
Мы познакомились с Виталием Лазаревичем в 1946 году в городе Горьком, где я проживала после освобождения из лагеря. Точнее, проживала в селе Бор. Мне, как бывшей политзаключённой, было запрещено жить в больших городах, а тем более в режимных, каковым являлся Нижний Новгород. И я почти каждый день на пароме переправлялась на противоположный берег, где училась в Политехническом институте. Однажды даже чуть не утонула, когда паром на середине Волги напоролся на баржу и перевернулся, и я оказалась в ледяной воде – дело происходило поздней осенью. Из почти 270 человек спаслись только 14. Мне удалось выплыть,

потому что была хорошей пловчихой: ещё учась в МГУ, сдала норматив на мастера спорта.

После катастрофы сняла комнату в Горьком и жила там полулегально. Виталий Лазаревич приехал однажды читать лекции, и в честь столичного гостя устроили вечеринку, там мы познакомились и влюбились с первого взгляда друг в друга. Роман развивался бурно, и вскоре мы поженились. Любовь – великое чувство, но время было далеко не простое. Со стороны молодого доктора наук это был дерзкий поступок, вызов властям – жениться на ссыльной, дочери врага народа, задумавшей убить самого товарища Сталина! (Н. И. Гинзбург)

Нина Ивановна. Подпись, сделанная
В. Л. Гинзбургом: «Комментарии излишни».
Nina Ivanovna. Signed by V. L. Ginzburg:
«Comments are needless».

Письмо Нины Ивановны Виталию Лазаревичу. 1946 г.
A letter from Nina Ivanovna to Vitaly Lazarevich. 1946.

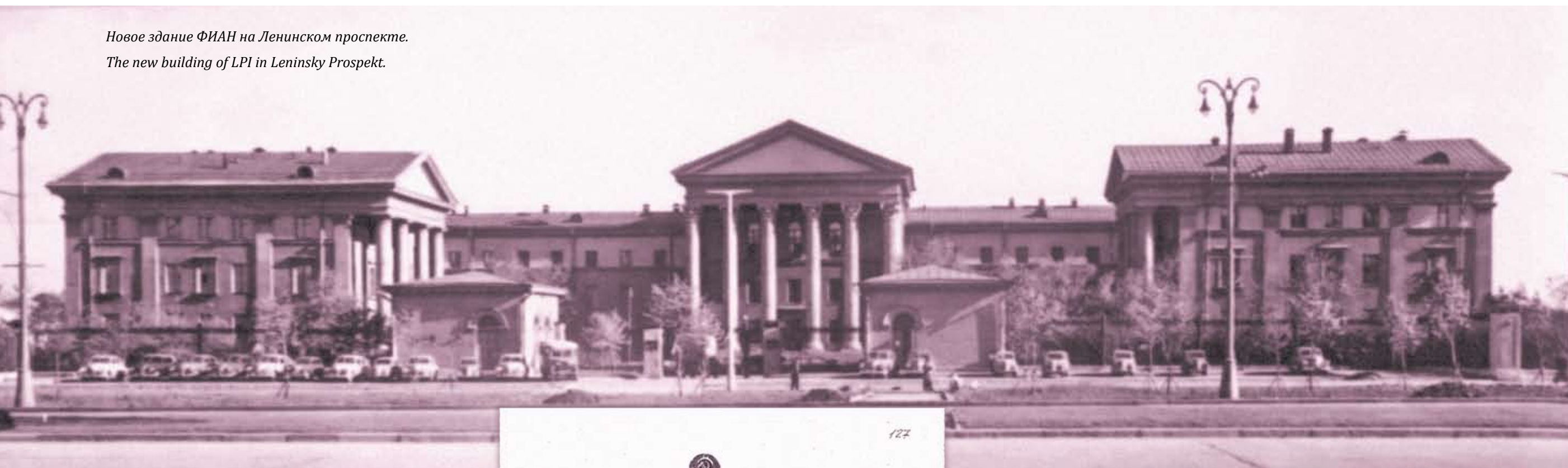
ИЗ ИСТОРИИ ДОЧЕРИ ВРАГА НАРОДА

Я попала под карающий меч «органов» по совершенно дикому обвинению в заговоре на убийство товарища Сталина. Якобы из окна нашей квартиры на Арбате, по которому обычно проезжал И. В. Сталин, направляясь на свою дачу в Кунцево, в вождя должны были стрелять заговорщики. И только на следствии выяснилось, что я с матерью проживала в комнате, выходящей окнами во двор, а две другие, которые у нас отняли после ареста отца и которые действительно выходили окнами на Арбат, занимали чекисты. И тем не менее я просидела почти год сначала в Лубянской, а затем в Бутырской тюрьме, пока шло следствие, и, несмотря на полную невиновность, получила три года лагерей. Меня освободи-

дили досрочно по амнистии в честь Победы над фашистской Германией.

Отца же моего, Ивана Петровича Ермакова, посадили ещё в 38-м как английского шпиона. Он был инженером, крупным специалистом по холодильному оборудованию и часто бывал за границей в командировках для закупок техники. Ему присудили 15 лет лагерей и отправили в Воркуту. С началом войны его перевели в саратовскую тюрьму. Там он оказался в одной камере с академиком Николаем Ивановичем Вавиловым, генетиком. С лета 1942-го заключённых практически перестали кормить, и поздней осенью отец умер от голода, а в январе 43-го умер и Вавилов – тоже от голода. (Н. И. Гинзбург)

Новое здание ФИАН на Ленинском проспекте.
The new building of LPI in Leninsky Prospekt.

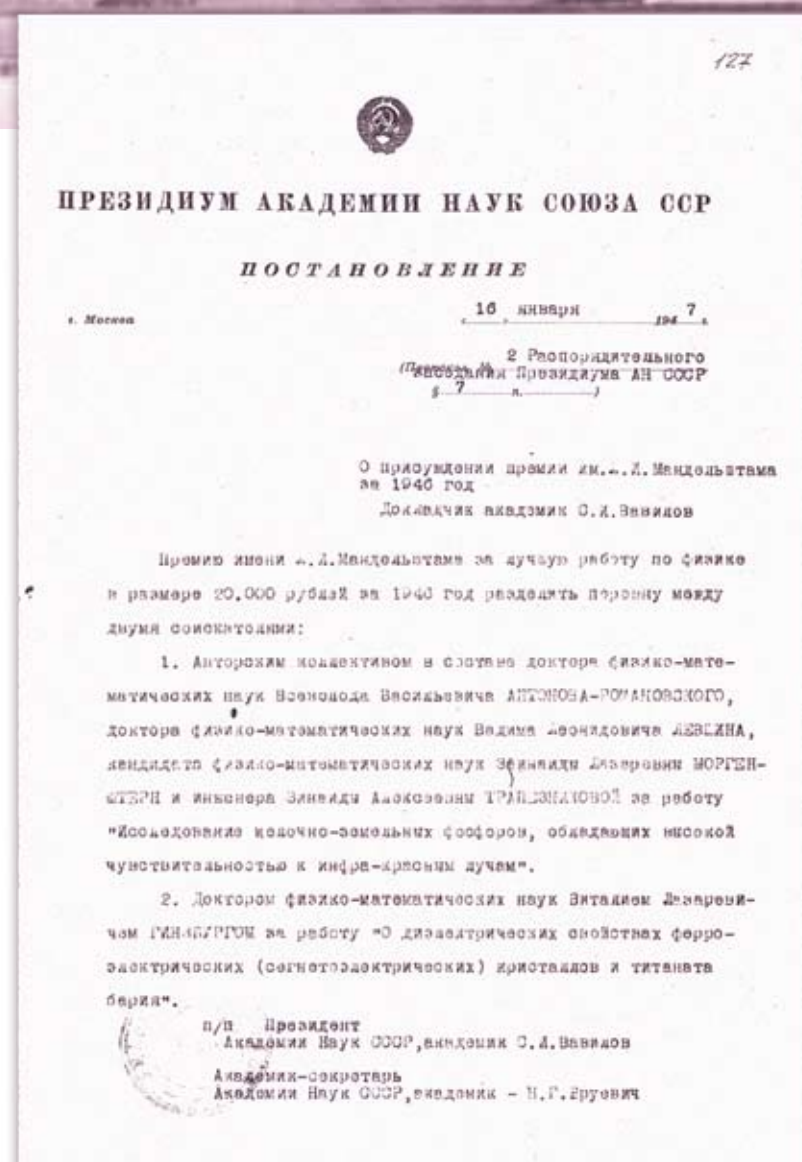

ДОМ НА ЛЕНИНСКОМ ПРОСПЕКТЕ

Дело в том, что территория на Ленинском проспекте была ещё до войны отведена ФИАНу. И здесь находился только Акустический корпус. Я не знаю, как он называется сейчас. Он принадлежит Институту общей физики. Это дом, где потом Матвей Самсонович Рабинович пребывал. Это единственное, что стояло на этом поле. И вот, когда началась война и нужно было демонтировать оборудование, я участвовал в том, чтобы ломать в этом здании всё, что можно, и это эвакуировалось частично в Казань.

Когда война кончилась, здесь, на пустыре, и начали строить теперешние здания. Мы здесь сажали картошку. Я почему-то очень хорошо помню, как участвовала в этом жена Евгения Львовича Валентина Джозефовна. Мы сажали картошку на этом поле. А второе воспоминание – построили дом для сотрудников напротив ФИАНа. Я там долго жил, в этом фиановском доме, но забыл даже номер дома. Он был построен раньше, чем ФИАН, и я из окна моей комнаты единственный в жизни раз наблюдал заключённых, которые строили ФИАН. Собаки вокруг, всё как нужно, как описано в классических сочинениях. Почему-то запомнил сцену, как один из заключённых полез куда-то и к нему бросились собаки.

Мы здесь катались на лыжах. Улица, называвшаяся Свалочным шоссе, потом была переименована в честь академика Вавилова. (В. Л. Гинзбург)

Постановление о присуждении премии имени Л. И. Мандельштама за 1946 год, среди награждённых – В. Л. Гинзбург.

Decision on awarding the L. I. Mandelstam Prize for 1946, among the awarded – V. L. Ginzburg.

ТЕОРИЯ ПЕРЕХОДНОГО ИЗЛУЧЕНИЯ

Оказалось, что теория излучения заряда при сверхсветовой скорости весьма непроста. В 1947 году появилась статья В. Л. Гинзбурга и И. М. Франка, в которой рассматривалось излучение частицы, движущейся в пустоте по оси узкого канала. Впервые на возможность такого излучения указал выдающийся советский физик, академик Л. И. Мандельштам.

Начиная с 1947 года, В. Л. Гинзбург неоднократно возвращался к излучению частицы, движущейся в канале. Эта задача породила несколько замысловатых парадоксов и имеет, помимо практического, большое методическое значение. Именно ей посвящены научные статьи академика В. Л. Гинзбурга, написанные в самое последнее время.

Стенки канала, вдоль которого движется частица, по существу, представляют собой границу раздела двух сред. Если радиус канала сделать очень большим, в пределе – бесконечным, то частица не будет чувствовать кривизны стенок («чувствительность» частицы ограничивается размерами её электромагнитного шлейфа, то есть масштабом порядка длины излучаемой волны). Другими словами, заряд полетит вдоль плоской границы раздела. А что будет, если он вдруг вильнёт и пересечёт эту границу или по крайней мере уткнётся в вещество? Оказывается, при этом возникнет новое и весьма своеобразное излучение, которое называется переходным. Переходное излучение было открыто В. Л. Гинзбургом вместе с И. М. Франком «на бумаге» в 1945 году, за 13 лет до появления первого экспериментального исследования этого эффекта. Тот факт, что от предсказания интересного, универсального и полезного явления до попыток его обнаружить прошло столько лет, ещё долго будет изумлять историков науки. («Наука и жизнь» № 10, 1986 г.)

Илья Михайлович Франк.
Советский физик, лауреат
Нобелевской премии (1958).

Ilya Mikhailovich Frank.
Soviet physicist, laureate of
the Nobel Prize (1958).

В 1946 году В. Л. Гинзбург совместно с И. М. Франком создал теорию переходного излучения, возникающего при пересечении частицей границы двух сред.

In 1946, V. L. Ginzburg, together with I. M. Frank, created the theory of transition radiation arising when a particle crosses the boundary of two media.

Николай Дмитриевич Папалекси. Физик, академик АН СССР. Основатель советской радиоастрономии.

Nikolai Dmitrievich Papaleksi. Physicist, Academician of the USSR Academy of Sciences. The founder of Soviet radioastronomy.

Академия назначила главой экспедиции Н. Д. Папалекси, а заместителем по просьбе С. И. Вавилова был назначен Я. Л. Альперт.

Однако 3 февраля 1947 года Н. Д. Папалекси скончался от сердечного приступа. Руководство экспедицией было возложено на директора Пулковской астрономической лаборатории в Ленинграде члена-корреспондента АН СССР А. А. Михайлова, его заместителем по научной части и руководителем радиоастрономической и ионосферной групп стал Семён Эммануилович Хайкин – один из учеников Л. И. Мандельштама, родоначальник советской экспериментальной радиоастрономии. Командиром корабля был назначен В. С. Гинцберг.

Подготовка радиоастрономической экспедиции длилась около года. Практической организацией экспедиции занимался Я. Л. Альперт, сотрудник Н. Д. Папалекси и друг В. Л. Гинзбурга.

В БРАЗИЛИЮ ЗА ЗАТМЕНИЕМ

В 1946 году Николай Папалекси предложил С. И. Вавилову, директору ФИАНа и недавно избранному президенту АН СССР, организовать экспедицию в Бразилию с целью наблюдения солнечного затмения, которое должно было произойти в будущем году. Необычной в этом затмении была его продолжительность. Обычно полное солнечное затмение продолжается только полторы минуты. Продолжительность полного затмения в Бразилии должна была составлять 3 мин. 36 сек. Частичное затмение тоже обещало быть долгим – 2 ч. 32 мин. 29 сек. От этого необычного затмения ожидали многого: оно должно было стать источником большого количества новейших данных.

Папалекси предложил также, что, кроме оптических наблюдений, члены экспедиции смогут изучить радиоизлучения солнца. Радиоастрономия в те годы была ещё в зачаточном состоянии.

Вавилов принял предложение Папалекси и решил встретиться со Сталиным, чтобы получить его одобрение. Сама идея предложить в 1946 году Советскому Союзу организовать экспедицию с чисто научными целями на другое полушарие носила очень рискованный характер. Сталин мог рассердиться и сказать, что средства, которые будут затрачены на эту экспедицию, следует направить на восстановление народного хозяйства в послевоенный период. Но этого не произошло. Напротив, Сталин одобрил саму идею и приказал, чтобы все официальные учреждения содействовали в организации этого проекта.

Решение правительства об организации этой экспедиции было обнародовано, и в ФИАНе началась подготовка. (Я. Л. Альперт)

СОСТАВ ЭКСПЕДИЦИИ

В состав экспедиции входили две группы физиков из ФИАНа, три группы астрономов из Москвы, Ленинграда и Грузии и группа из четырёх ботаников из Ленинграда. Программа работ физиков и астрономов предусматривала проведение пяти групп экспериментов, причём каждой группой экспериментов руководил старший научный сотрудник. Группы экспериментов: эффект Эйнштейна: отклонения в гравитационном поле солнечного света (Александр Михайлов); радиоизлучения солнца (Семён Хайкин); ионосфера (Яков Альперт); различные свойства наружной части солнечной короны (Александр Лебединский, Михаил Вашихидзе и Сергей Калиняк); хромосфера и внутренняя часть солнечной короны (Мстислав Гневывшев).

В свою группу я включил физика-теоретика Виталия Гинзбурга, а Николай Парийский в группу по исследованиям поляризации Солнечной короны ввёл астрофизика-теоретика Иосифа Шкловского. Программы работ экспедиции были разнообразны. Как только мы очутились на борту «Грибоедова», многие из нас стали работать со своим инструментарием. Были организованы ежедневные семинары, на которых мы рассказывали о том, как подвигаются наши эксперименты, и о прочих моментах.

Например, Ушаков рассказывал интересные истории о своих приключениях в Арктике, Балувев повествовал о различных тропических болезнях, а Гинзбург рассказывал о физических проблемах атомной бомбы. Когда мы приехали в Либаю, Семён Хайкин и Борис Чихачев при помощи судовой команды начали собирать и воздвигать громадную подвижную антенну для проведения радиоастрономических экспериментов. (Я. Л. Альперт)

Участники бразильской экспедиции АН СССР по изучению затмения Солнца на палубе теплохода «Грибоедов». Сидят (слева направо): библиотекарь экспедиции, Я. Л. Альперт, капитан «Грибоедова» В. С. Гинцберг, Г. А. Ушаков, Б. К. Шишкин, А. И. Лебединский и С. Э. Хайкин. Стоят в 1-м ряду (слева направо): второй – М. Н. Гневывшев, четвёртый – В. Л. Гинзбург, шестой – Калиняк, девятый – Б. М. Чихачев; во 2-м ряду второй справа – И. С. Шкловский, шестой – Н. М. Балувев. Либава, Латвия, 1947 г.

Members of the Brazilian expedition of the USSR Academy of Sciences aimed at studying Sun eclipse on deck of the ship «Griboyedov». Sitting (from left to right): the librarian of the expedition, Ya. L. Alpert, the captain of «Griboyedov» V. S. Ginsberg, G. A. Ushakov, B. K. Shishkin, A. I. Lebedinsky and S. E. Khaikin. Standing in the first row (from left to right): the second – M. N. Gnevyshev, the fourth – V. L. Ginzburg, the sixth – Kalinyak, the ninth – B. M. Chikhachev; in the second row, the second from the right – I. S. Shklovsky, the sixth – N. M. Baluyev. Liepāja-Libava, Latvia, 1947.

Включение меня в состав экспедиции явилось, скорее, своеобразной премией за работу в области зарождавшихся тогда радиоастрономических исследований в СССР. (В. Л. Гинзбург)

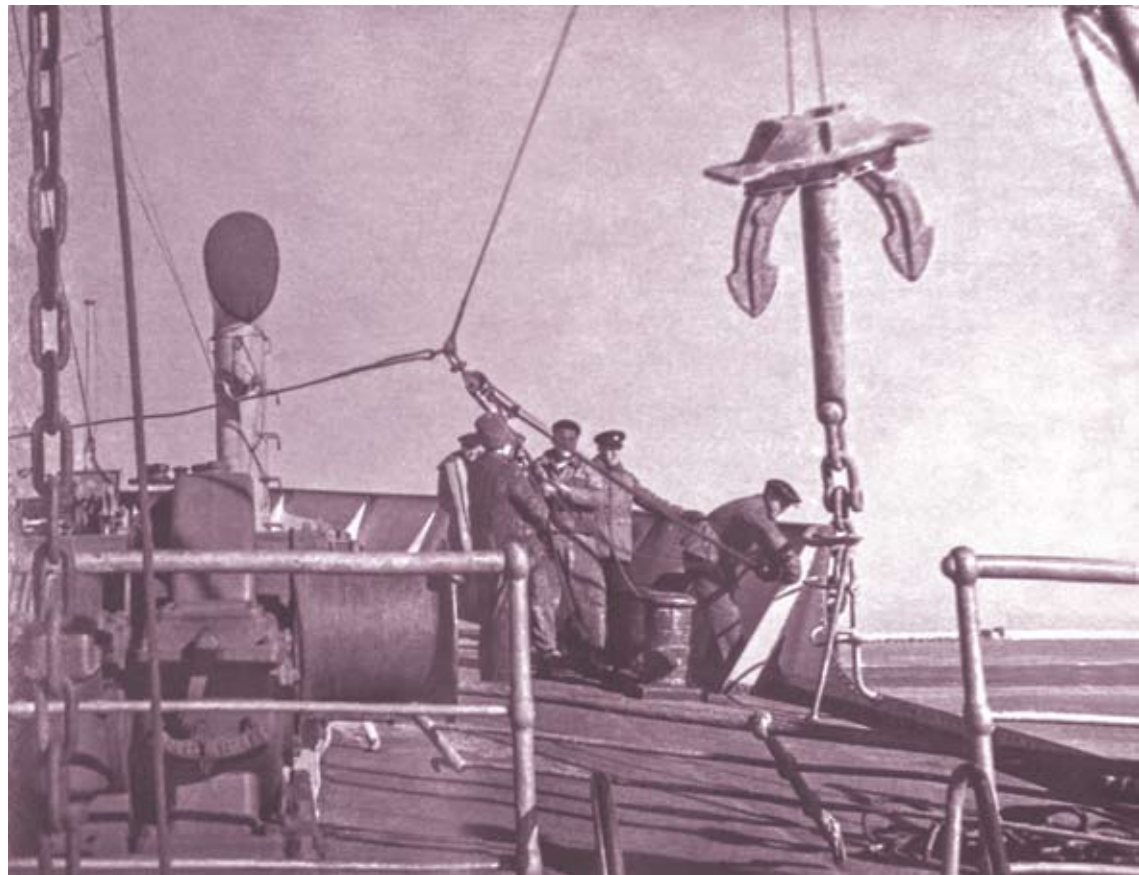
Inclusion of me in the expedition was, rather, a kind of bonus for the work in the field of emerging at that time in the USSR radio astronomy studies. (V. L. Ginzburg)

V. L. Ginzburg on board the ship «Griboyedov». 1947.

В. Л. Гинзбург на борту теплохода «Грибоедов». 1947 г.

На теплоходе «Грибоедов».

On the ship «Griboyedov».

БРАЗИЛЬСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

22 апреля «Грибоедов» снялся с якоря и направился в Бразилию. 17 мая мы начали наши наблюдения в ионосфере и закончили их 24-го. Наш цикл наблюдений был необходим, чтобы сравнить состояние в ионосфере до и после солнечного затмения. Так что к 20 мая всё оборудование, включая радиоприборы, было готово для начала проведения наблюдений.

Но вот – судьба! Солнце оказалось закрыто облаками, и это продолжалось некоторое время, как раз в период полного солнечного затмения. Конечно, мы были обескуражены и несколько упали духом. Мы не могли проводить оптические астрономические наблюдения.

Однако радиоастрономические наблюдения оказались удачными. Успех нашего эксперимента объяснялся тем, что ионизация атмосферы уменьшается во время затмения и совершенно прекращается в момент полного затмения. Мы хотели понять, отчего уменьшается отражение радиоволн. Мы также хотели бы удостовериться в уменьшении времени ионизации, так как если после затмения оно бывает достаточно долгим, то перед затмением уровень ионизации снижается до обычного уровня.

В Москву мы вернулись 28 июля. Наше замечательное и интересное путешествие в Бразилию продолжалось 134 дня. *(Я. Л. Альперт)*

РАДИОИЗЛУЧЕНИЯ СОЛНЦА

Узким местом радиоастрономии в послевоенный период было низкое угловое разрешение, не позволявшее исследовать на Солнце области, даже составляющие минуты дуги. В этой связи Н. Д. Папалекси предложил провести измерения радиоизлучения Солнца во время полного солнечного затмения 20 мая 1947 года с помощью установленной на пароходе антенны с широкой диаграммой направленности, работавшей на волне 1,5 м. Эти измерения удались и оказались первыми в своём роде. Если интенсивность оптического излучения Солнца во время полного затмения уменьшается на несколько порядков, то на волне 1,5 м интенсивность во время затмения не уменьшалась более чем на 60%. Тем самым было доказано, что метровое радиоизлучение исходит из короны (остающейся непокрытой Луной даже при полном оптическом затмении).

В самих измерениях радиоизлучения Солнца я участия не принимал: они производились с корабля. Основная же часть экспедиции направилась вглубь Бразилии с целью проведения оптических измерений (они, к сожалению, не удались из-за плохой погоды). К этой основной части экспедиции относилась и небольшая ионосферная группа, руководимая Я. Л. Альпертом, я входил в состав именно этой группы; погодные условия ионосферным измерениям, естественно, не помешали. *(В. Л. Гинзбург)*

ВСЮ ВАЛЮТУ НА ПОДАРОК СУПРУГЕ

На пути в Бразилию теплоход зашёл в Стокгольм, и там Виталий Лазаревич купил подарок, о котором я давно мечтала, – хороший фотоаппарат. Я увлекалась фотографией, у меня был простенький отечественный «ФЭД». А Гинзбург смолodu отличался широтой натуры: купил не какой-нибудь, а самый лучший на то время в мире аппарат – «Экзакту», потратив на него почти всю выделенную ему валюту.

Я очень быстро освоила новинку и уже через год фотографировала как заправский профессионал. У аппарата имелось приспособление для автоматической съёмки. И на годовщину свадьбы (она же и день рождения Гинзбурга), 4 октября 1948 года, я установила свою «Экзакту» на штатив, сама устроилась на коленях мужа и запечатлела сей миг прекрасный. *(Н. И. Гинзбург)*

Виталий Лазаревич был счастливейшим человеком, ну на 90%. В его жизни была любовь на всю жизнь к Нине Ивановне и к науке.

Он имел настоящих друзей – Евгения Фейнберга и Вадима Сидура.

Был искренним, честным к себе, открытым к общению. (А. А. Андронов)

Виталий Гинзбург, по словам А. Д. Сахарова,
«один из самых талантливых и любимых учеников
Игоря Евгеньевича Тамма».

Vitaly Ginzburg, according to A. D. Sakharov,
«is one of the most talented and beloved pupils of Igor Tamm».

Тамм был весь мягкость и сила. Ему были свой-
ственны редкая доброта и благожелательность
к людям, как и твёрдость, мужество и строгая
принципиальность. Человек по натуре отзывчи-
вый, он материально поддерживал нуждавшихся
знакомых, а также талантливую молодёжь (на это
ушла немалая доля нобелевских денег), неодно-
кратно помогал невинно пострадавшим людям.
(И. Дондик)

Эта книга Гинзбурга подверглась критике в статье академика Немчинова в «Литературной газете» от 4 октября 1947 года за «замалчивание наших работ и пропагандирование работ Шиффа по атомному ядру».

This Ginzburg's book was subjected to criticism in the article of Academician Nemchinov in «Literaturnaya gazeta» («Literary newspaper») of October 4, 1947 for «hushing up our works and promotion of Schiff's works on the atomic nucleus».

В ДИКОМ ПЕРЕПЛЁТЕ. ЛОЖНЫЕ ОБВИНЕНИЯ

В послевоенные годы я попал в дикий переплёт. Во-первых, я имел счастье жениться. Моя жена сидела в тюрьме, потому что якобы собиралась убить товарища Сталина из окна своей квартиры. Потом она была сослана под Горький, а я на ней женился, о чём не жалею. Коротко говоря, у меня была такая нехорошая статья в биографии.

Потом я, как известно, еврей, что тоже плохо, по крайней мере, тогда было.

Наконец, третье – я довольно задиристый, поэтому я сцепился с нехорошими людьми из Университета. В частности, был такой Д. Д. Иваненко, из-за которого Игоря Евгеньевича не выбрали в академики в 1946 году. Иваненко написал донос в ЦК, и Жданов запретил выбирать Тамму.

В общем, на меня навалилось всё это, и в день моего рождения 4 октября 1947 года в «Литературке» был опубликован призыв привлечь меня к суду чести.

В статье, инспирированной физиком Д. Д. Иваненко, я обвинялся вместе с биологом А. Р. Жебраком, противником Лысенко, во всех грехах. В тот же день Высшая аттестационная комиссия при Министерстве высшей школы по инициативе того же Д. Д. Иваненко не утвердила меня в звании профессора, к которому я был представлен Горьковским университетом. После этого моё имя стали везде, где можно, упоминать в качестве отрицательного примера.

Даже нашему институту пришлось, видимо, вывести меня из состава Учёного совета «для его укрепления». Какая мне была уготовлена судьба в этой ситуации в то время – могу только гадать. Думаю, что не сносить бы мне головы, но меня спасла водородная бомба. (В. Л. Гинзбург)

БЕЗ НАКАЗАНИЙ

24 мая 1949 года на заседании Учёного совета ФИАна «О космополитических ошибках, допущенных сотрудниками ФИАна» С. И. Вавилов напомнил, что «за последние месяцы по всей нашей стране, во всех научных учреждениях, высших учебных заведениях прошли оживлённые обсуждения различных значительных ошибок, допущенных в работе в самых разных областях, начиная с литературы, искусства, театральной критики и кончая наукой и техникой».

Обвинялись четверо сотрудников ФИАна – С. Э. Хайкин, С. М. Рытов, Я. Л. Альперт и В. Л. Гинзбург. О последнем Вавилов сказал: «Работы Виталия Лазаревича Гинзбурга, и популярные и научные, также не без греха. Всем известна кампания, которая велась некоторыми физиками против Гинзбурга, обвинение его во всевозможных ошибках. Но всё же в этих обвинениях оказалось много правильного. Виталий Лазаревич в своих книгах, в своих популярных брошюрах, статьях также допустил значительную недооценку достижений того, что сделали наши учёные, советская наука... Это, может быть, и мелочи, но из таких дифференциалов вырастают неприятные интегралы».

На речь Вавилова Гинзбург сказал: «Обвинения, что я где-то замалчивал достижения советских учёных в своих обзорных работах, являются необоснованными. Есть лишь отдельные промахи».

Постановление Учёного совета осудило идеологические ошибки «космополитов», но никаких существенных наказаний не последовало. (А. С. Сонин)

Против низкопоклонства!

Акад. В. НЕМЧИНОВ

Великий русский ученый К. А. Тимирязев всегда и везде высоко поднимал авторитет русской науки. Доказывая заслуги творцов русской научной мысли в развитии мировой науки, он утверждал, что «русская наука заявила свою равноправность, а порой и превосходство».

Этого не хотели замечать в дореволюционной официальной России. Царский министр Макаров широчайше декларировал, что, мол, науку удобнее импортировать из-за границы.

Великая Октябрьская социалистическая революция разбила цепи экономической и духовной зависимости нашей страны от иностранщины. Резко изменилось положение науки в обществе. Она поставлена на службу своему народу и выступает, как законный и единственный наследник всего лучшего, что создала отечественная и мировая культура в развитии мысли и знания.

За 30 лет советская наука добилась успехов поистине огромных. Наша наука заняла главенствующее положение, а зачастую ведет за собой мировую науку. Такие области, как биология растений, ботаника, агрохимия, почвоведение, сельскохозяйственная механика, оставили далеко позади успехи и открытия буржуазных ученых.

С победой социализма советская наука получила все условия и неограниченные возможности для всестороннего дальнейшего прогресса и новых научных завоеваний.

Думы и чаяния всей армии советских ученых прекрасно выразил наш знаменитый ученый И. П. Павлов в выступлении в 1935 году на Международном конгрессе физиологов. «Вы слышали и видели, — говорил академик Павлов, — какое исключительно благоприятное положение занимает в моем отечестве наука, и о сложившихся у нас отношениях между государственной властью и наукой... Мы, руководители научных учреждений, находимся прямо в тревоге и беспокойстве — будем ли мы в состоянии оправдать все те средства, которые нам предоставляет правительство».

В эпоху величайших сталинских пятилеток, в суровую годину Великой Отечественной войны, в период мирного строительства наши ученые обогатили сокровищницу мировой науки многими ценнейшими открытиями, изобретениями, усовершенствованиями, которые служат благу советских людей, делу укрепления могущества нашей социалистической державы, делу мирового прогресса.

В сознании того, что его деятельность направляется к осуществлению ленинско-сталинского учения о построении коммунистического общества в нашей стране, что его труд направляется на ускорение экономического и общественного развития страны, советский ученый-патриот находит высшее удовлетворение.

Понятно поэтому, сколь глубокое возмущение вызвало в научном коллективе нашей Тимирязевской академии поведение профессора А. Р. Жебрака.

Ученый коллектив академии с негодованием клеймит позорящее советского гражданина и ученого низкопоклонство профессора А. Р. Жебрака, его раболепие перед зарубежной наукой.

А. Р. Жебрак пресмыкается перед реакционером Карлом Саксом, напечатанным в американском журнале «Наука» клеветническую статью против советской биологической науки и социалистического государства. А. Р. Жебрак в своей статье, услужливо помещенной в том же журнале, фактически солидаризируется с Саксом.

Потеряв чувство простого советского достоинства, Жебрак подхалимски расписывается перед буржуазной наукой «в оценках нашей биологической науки, отрицая партийность в науке».

Зато в статье Жебрака нет недостатка в собственном самовосхвалении. В погоне за сомнительной популярностью Жебрак славословит свое имя, кичится своими работами, разразившимися в зарубежных журналах, и в то же время умышленно замалчивает научные достижения Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. Ленина и ее институтов, Института генетики Академии наук СССР и других со-

ветских научно-исследовательских учреждений.

Возмутителен тенденциозный обзор Жебрака современных советских работ по генетике. Так, он утверждает, что «наука может быть (?) свободной в социалистическом государстве», которое доктор Сакс «неправильно называет тоталитарным». Почему «может быть»? Значит, по Жебраку, может и не быть? Значит, свобода научного исследования не является неотъемлемой сущностью советского строя и государства? Глухая клевета!

В этой своей статье Жебрак пытается развить и буржуазную демагогию о надклассовости науки. Он презаказно обходит то общепринятое положение, что в современных условиях нет и не может быть единой мировой науки. Жебрак пишет: «Работая в области биологической науки, мы (подчеркнуто нами. — В. Н.) вместе с американскими учеными строим общую мировую биологическую науку». С кем это вместе строит Жебрак одну биологию мирового масштаба? Уж не с теми ли фашиствующими «учеными-генетиками», которые на Международном генетическом конгрессе выпустили манифест с проповедью человекоугодства? Не с теми ли американскими и немецкими учеными-фашистами, которые выводят расовую теорию из якобы научных положений той же генетики?

Жебрак выбрасывает вон тот решающий момент, что в науке о наследственности и изменчивости организмов, в генетической науке классовая борьба находит свое особое яркое выражение, не менее яркое, чем в общественных науках.

Переходя в той же статье к спору со своим соотечественником, представителем мичуринской школы, академиком Лысенко, Жебрак в своей клевете на советскую науку опережает даже реакционно-буржуазных ученых. Он пишет, что деятельность академика Лысенко, «основанная, по существу, на низких и чисто умозрительных заключениях, несмотря на энергичность натиска, не в состоянии помешать успешному развитию генетики в СССР».

Ученый совет Тимирязевской академии, имеющий в своем составе выдающихся представителей всех отраслей нашей агрономической науки, единодушно осудил антипатристические выкладки Жебрака.

Но патристический долг наших ученых заключается не только в том, чтобы осудить Жебрака. Главное — необходимо извлечь из этого, позорящего честь коллектива академии дела большевистские уроки. Главное в том, чтобы всегда и везде высоко держать знамя советской науки, самой прогрессивной науки в мире.

Элементы низкопоклонства перед зарубежной наукой еще живучи среди некоторых наших ученых. Так, профессор С. Г. Колеснев, проделав большую работу по созданию крайне нужного учебника по курсу организации социалистических сельскохозяйственных предприятий, допустил в этой работе некритическое отношение к заграничному опыту. Расписав в радужных тонах американскую и западноевропейскую технику, профессор Колеснев предпочел умолчать об ограниченном и противоречивом характере технического прогресса при капитализме. Его неверные высказывания подчас позволяют толковать его слова так, что нашей технической интеллигенции он отводит роль лишь копировщиков иностранного.

Колеснев ничего не говорит о выдающихся работах академика В. П. Горячкина, основоположника сельскохозяйственной механики, о работах в области механизации сельского хозяйства наших институтов, инженеров, конструкторов, создавших уникальные сельскохозяйственные машины и орудия.

Горячий протест вызывают и другие факты, дискредитирующие нашу советскую науку.

Речь идет о целой серии печатных выступлений, в которых беззастенчиво укрывается и замалчивается авторство выдающихся научных открытий и работ, осуществленных профессорами Тимирязевской сельскохозяйственной академии.

Приведу три примера, касающиеся работ членов нашего совета. Первый пример касается вопроса о приоритете в создании нейтронно-протоновой модели атомного ядра. В 1931—1933 годах профессора нашей академии Иваненко и Гапон изложили эту теорию строения атомного ядра. Ныне данная теория признана всей мировой наукой. Гейзенберг, нобелевский лауреат, на мировом Сольевском конгрессе в Париже в 1934 году вышесловившую модель атомного ядра назвал «моделью Иваненко—Гапона и Гейзенберга». Между тем многие советские ученые позволяют себе называть автором теории атомного ядра Гейзенберга, реже — Гейзенберга и Иваненко и совершенно замалчивают (за исключением академика Ферсмана) о работах в этой области профессора Гапона.

Так, например, в изданной в 1947 году массовым тиражом брошюре проф. Гинзбурга «Об атомном ядре» полностью бойкотированы фамилии Иваненко и Гапон, несмотря на подробное изложение модели атомного ядра. Два других советских ученых в работах 1946 и 1947 годов, подробно излагая модель ядра, абсолютно умалчивают, что начало созданию этой важнейшей главы современной физики было положено трудами советских профессоров Иваненко и Гапона.

Теперь о теории новой частицы — мезотрона. Мезонная теория ядерных сил разработана Иваненко и Соколовым в 1940—1941 годах. В книге Паули «Мезонная теория ядерных сил», переведенной на русский язык в текущем году, среди небольшого числа цитируемых авторов упоминается работа Иваненко и Соколова. Однако в недавней обзорной статье доктора Гинзбурга «Теория мезотрона и ядерные силы» (опубликованной в журнале «Успехи физических наук», № 2, 1947) беззастенчиво замалчивается и это достижение советской физики.

И вот совсем недавний пример, касающийся физического эффекта, полученного в зарубежной литературе название: «Излучение, указанное Иваненко и Померанчуком». Проф. Иваненко совместно с Померанчуком в «Докладах АН СССР» в 1944 году в своей статье указал, что при своем движении в новейшем ускорительном приборе типа бетатрона электроны будут довольно интенсивно излучать энергию. Это указание подтвердилось экспериментально в работах Блунта на гигантском бетатроне. Наконец, американцу Поллок в 1947 году удалось уже не косвенно, а непосредственно, визуально наблюдать в синхротроне излучение Иваненко—Померанчука в виде яркого белого пучка на пути движения электронов, ускоренного почти до скорости света. Это было опубликовано в американском журнале «Физическое обозрение» (№ 11, 1947). И совершенно нелепым пресмыканием перед американской наукой является последняя статья доктора Гинзбурга, опубликованная в журнале № 2 «Известия Академии наук СССР» (физическая серия). Доктор Гинзбург, являясь секретарем редакции журнала, говоря об интересующем нас излучении, замалчивает авторство Иваненко. Будучи вынужденным сослаться на предыдущих авторов, Гинзбург цитирует американский обзор Шиффа. И это в то время, когда даже сам Шифф многократно ссылается на работу Иваненко и Померанчука, безоговорочно признавая их приоритет. Дальше этого позорного стремления замалчивать открытия советской науки, затирать советских авторов — некуда идти.

Почетный член нашей академии, гениальный К. А. Тимирязев писал в 1919 году: «Все силы мрака ополчились против двух сил, которым принадлежит будущее: в области мысли — против науки, в жизни — против социализма».

Только наука и демократия, знания и труд, вступив в свободный, основанный на взаимном понимании, тесный союз, осененный общим красным знаменем, символом мира всего мира, все превозмогут, все пересоздадут на благо всего человечества».

В наши дни эти вещи слова приобретают еще более яркое значение. Они воплощены в создании теснейшего союза знания и труда, союза науки и социалистической демократии, на котором зиждется победное движение вперед советской науки, неразрывно связанной с народом, живущей его нуждами, отражающей стремления народа.

Патристический долг всей армии совет-

«Литературная газета» от 4 октября 1947 года.

«Литературная Газета» of October 4, 1947.

И. Е. Тамм, Ф. Дайсон, Р. Пайерлс и В. Л. Гинзбург на Международной конференции по физике элементарных частиц. Москва, 1956 г.

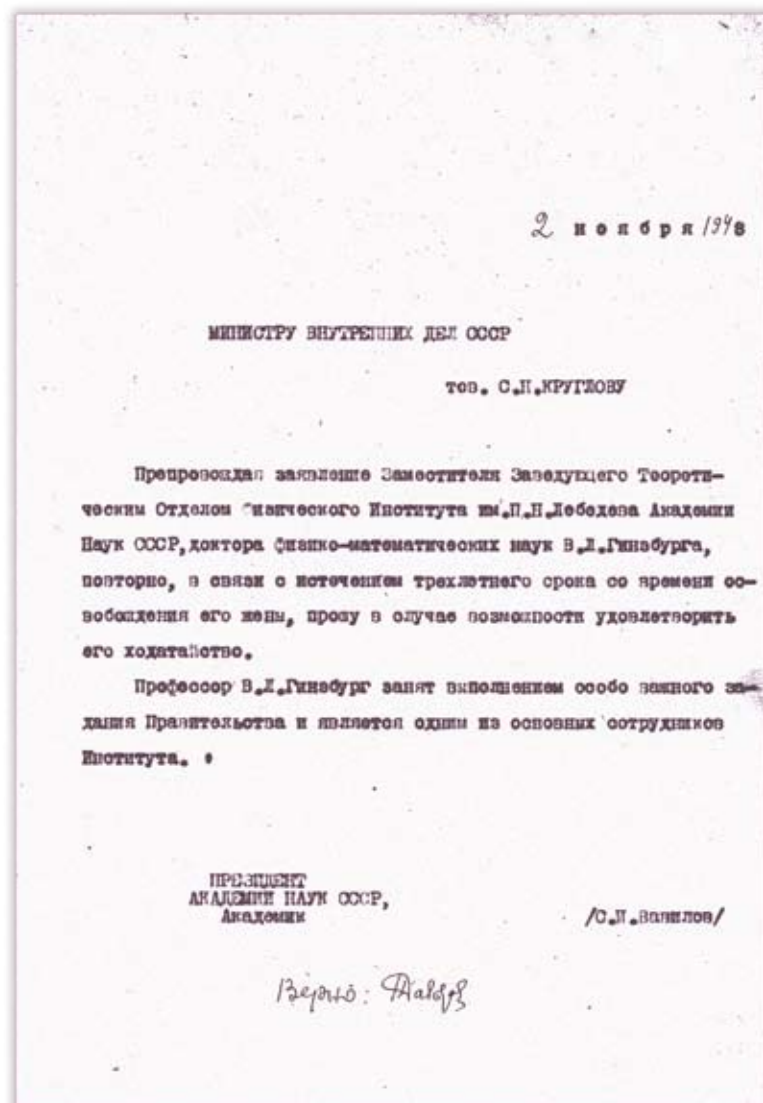
I. E. Tamm, F. Dyson, R. Peierls and V. L. Ginzburg at the International Conference on Physics of Elementary Particles. Moscow, 1956.

НА ДВА ГОРОДА

Виталий Лазаревич участвовал в атомном проекте, это и уберегло его, но отнюдь не помогло добиться разрешения на проживание законной жены в Москве. Семь лет мы так и жили: Виталий Лазаревич, имея постоянную работу в московском ФИАНе, подрядился в качестве нагрузки заведовать кафедрой в Горьковском университете и постоянно наезжал, ему даже дали комнату в коммуналке, куда я и переехала. И только после смерти Сталина мне разрешили вернуться в Москву. А в 1956 году полностью реабилитировали. (Н. И. Гинзбург)

Заявление министру внутренних дел от В. Л. Гинзбурга по поводу московской прописки жены, подкреплённое ходатайством президента Академии наук СССР С. И. Вавилова.

Application to the Minister of Internal Affairs from V. L. Ginzburg on Moscow registration of his wife, supported by the petition of the USSR Academy of Sciences President S. I. Vavilov.

«НИГДЕ ТАК ВОЛЬНО НЕ ДЫШАЛ ЧЕЛОВЕК»

Мы познакомились с супругой в конце сорок пятого года, в сорок шестом поженились, но расписаться смогли лишь в конце сорок седьмого.

Вот с этого времени я и начал писать заявления в НКВД с просьбой прописать жену в Москве. Но кто-то вразумил меня не писать в «органы», а сделать это через институт. Ведь в тюрьмах и ссылках находились миллионы людей. Рассчитывать на получение ответа, и тем более удовлетворительного, на «частное» заявление было особенно маловероятным. Коротко говоря, я писал заявления-просьбы о прописке и посылал их через 1-й (секретный) отдел института. Но для этого нужно было получать разрешение дирекции.

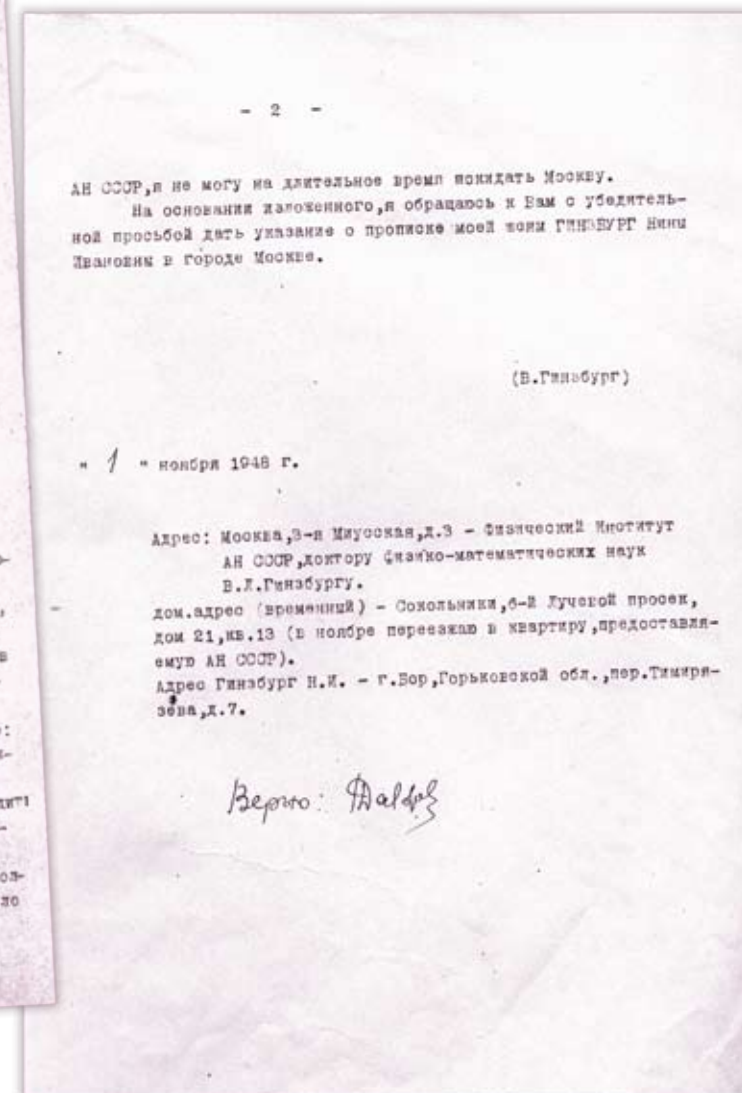
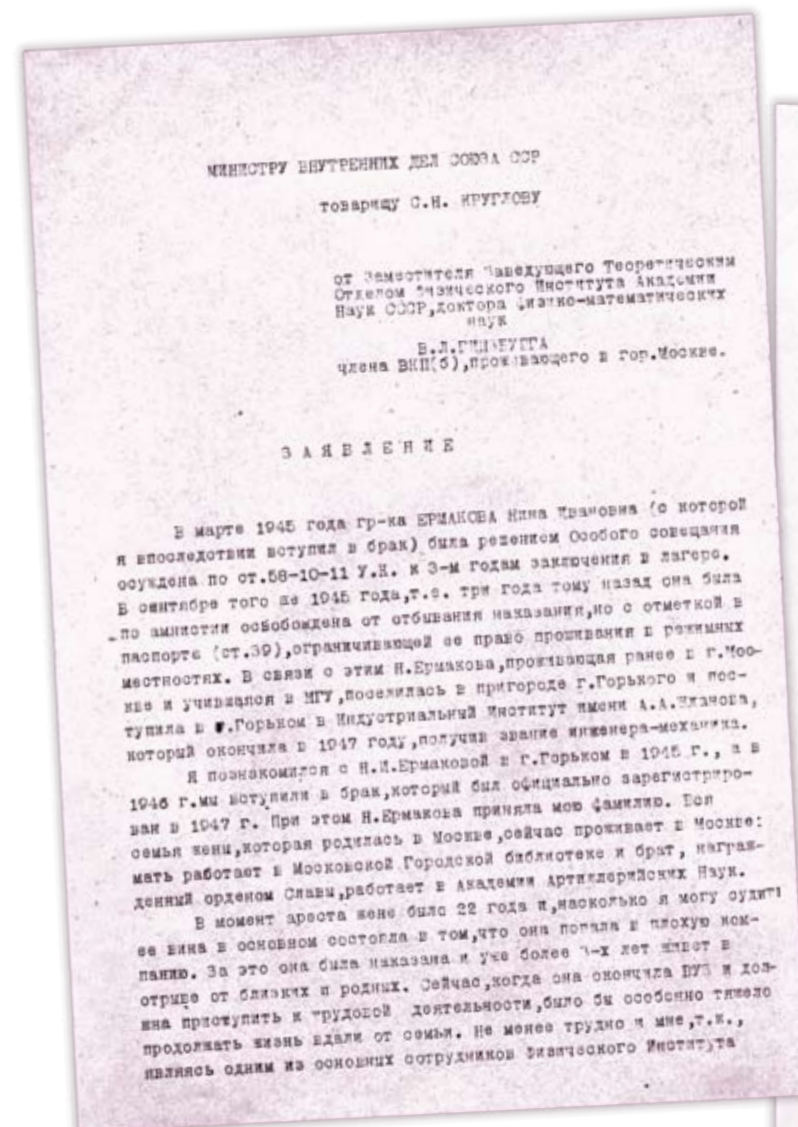
В первый раз, когда я пришёл к Сергею Ивановичу Вавилову (было это в 1948 году), он дал согласие «поддержать» моё заявление. То же произошло и на следующий год. В третий же раз Сергей Иванович сказал примерно так: «Я, конечно, поддерживаю, но, знаете, моя родственница – сестра жены, а она сестра не только моей жены, но и жены президента Академии архитектуры Веснина, – тоже выслана. И вот мы, два президента академий (С. И. был тогда уже президентом Академии наук СССР), просим о её прописке

в Москве, но нам отказывают. Ну, бедная женщина иногда ненадолго приезжает незаконно в Москву, но жить здесь не может».

В 1951 году Сергей Иванович скончался, не дожив и до шестидесяти. Он перенёс инфаркт, плохо выглядел; я видел его в вестибюле института совсем незадолго до смерти, таким и запомнил его – очень грустным.

Директором ФИАНа стал Дмитрий Владимирович Скобельцын, и последние два раза для отправки заявления я ходил к нему. Кажется, во второй раз он сказал мне: «Вот у меня брат сослан, а мою просьбу прописать его у меня в Москве отклонили».

Разумеется, в свете того, что мы сегодня знаем о жизни в сталинское время, никого такие сведения не удивят. Но всё же... Ведь С. И. Вавилов был президентом АН СССР, а Д. В. Скобельцын не только академиком, но и главным экспертом или даже главой делегации СССР на переговорах в ООН по запрещению ядерного оружия, а с 1950 года – председателем Международного комитета по Ленинским премиям «За укрепление мира между народами». И таким людям не разрешали поселить у себя чем-то якобы провинившихся родственников. Воистину нигде «так вольно не дышал человек». (В. Л. Гинзбург)

ИЗ ПИСЕМ ВИТАЛИЯ ЛАЗАРЕВИЧА ГИНЗБУРГА К СУПРУГЕ НИНЕ ИВАНОВНЕ

От 22 декабря 1948 г.

Вчера весь день был в ФИАНе, вечером был коллоквиум. Позвонив в ВАК, узнал, что меня президиум этого учреждения вторично рассматривал и не утвердил, так как нет доказательств, что я «исправился» и перестал «заниматься» низкопоклонством. Сволочи. <...>

Сегодня я зашёл к той даме, с которой говорил по телефону (по её предложению). Выяснил, что им нужна бумага от ректора о том, что я теперь не поклоняюсь. Напишу сейчас Мих Миху [Кобрину] об этом. Организую также с помощью нашего парторга письмо от ФИАНа в ВАК, может быть, выйдет.

От 24 декабря 1948 г.

В ФИАН поехал к 10 часам, так как И. Е. делал доклад. Затем болтался в институте как белка в колесе. Масса нагрузок, нужно срочно писать проект решения Учёного совета по поводу Маркова, готовил всякие антиидеалистические замечания. 24 января должно быть в Москве совещание АН СССР и МВО, целую неделю, насчёт положения в физике. Говорят, нужно быть, я даже намечен в числе выступающих, но, может быть, и не буду.

От 13 января 1949 г.

Позавчера меня облаял Кафтанов в «Известиях», немного расстроился, но уже привык, и прошло. Правда, что «за битого двух небитых дают». Вчера весь день меня мариновали в МВО, в связи с моим выступлением на совещании. Оно необходимо, и пока атмосфера относительно неплохая, и я могу не очень пострадать, может быть, и в звании утвердят.

Вечером вчера был философский семинар под моим председательством, а потом я не спал до 5 часов и проснулся в 9. Сейчас пишу и переписываю своё выступление.

От 3 февраля 1949 г.

Завтра должны меня разбирать на партбюро на предмет ошибок, и я об этом думаю и злюсь. Приятного мало, но очень угрожающих симптомов нет. К тому же общее положение улучшилось, по крайней мере в отношении формы. Кстати, о форме и содержании. Вчера слышал: «Формы должны быть такими, чтобы хотелось взять на содержание». Неплохо.

От 14 апреля 1949 г.

Вчера узнал, что Кессених выступал на заседании Радиосовета и обвинял меня в заимствовании какой-то закрытой работы, о которой я даже не слышал! Просто грязный негодяй. Я даже не огорчился, но может быть ещё одна волюнка. Сегодня был в Капичнике, говорил с Львом [Ландау] о науке, немного ведь занимаюсь сверхпроводимостью. Вечером было партсоборание. Опять всё то же. Выступал я неважно, но, в общем, ничего не изменилось. Ещё, к сожалению, на следующем собрании будет обсуждаться вопрос о взыскании (пока фигурирует «на вид»).

От 11 ноября 1949 г.

Вчера был в Капичнике после долгого перерыва. Потом трепался с Дау и Лифшицем, потом шёл пешком оттуда в Дом учёных...

...Сегодня должен был делать доклад о международном положении. Убил на это 2/3 дня, а потом мне повезло – сообщили, что нашёлся докладчик из другого места, и я оказался свободен. Пошёл поэтому у нас в институте на кино «Мелодия вальса». В общем, про Штраусов. Можно смело не смотреть подобные фильмы. Кстати, забыл написать, что дополнил брошюру об атомном ядре и послал её в Куйбышев, где собираются издавать. Внёс кучу советских авторов. Но, конечно, постарался максимально обхамить Иваненко (при этом абсолютно справедливо). Но упомянуть этого грязного типа всё же пришлось – так все советовали, чтобы он не мог или не имел больше повода привязаться...

УДИВИТЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК

В личной жизни Виталий Лазаревич для меня, привыкшего видеть его в фиановской обстановке, оказался неожиданным.

Он пил водку и не любил вин, даже очень хороших. Цивилизованному отдыху предпочитал рыбалку. Прекрасно знал художественную литературу и высказывал тонкие, очень интересные суждения и замечания.

Впервые попадая в крупный зарубежный культурный центр, спешил не в музей, а в зоопарк.

Волновался перед докладом! (*В. С. Березинский*)

МИНИСТРУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СССР
г.С.Д.Игнатьеву
от Заместителя Заведующего Теоретическим Отделом
Физического Института Академии Наук СССР, профе-
ссора, доктора физ.мат. наук В.Л.Гинзбурга,
чл.ВКП/б/, проживающего в г.Москве

В связи с тем, что прошло уже более 6 лет с тех пор как место-
жительство моей жены Гинзбург Нины Ивановны /урожд. Ермаковой/
ограничено статьей 39 Положения о Паспортах, я обращаюсь к Вам с
убедительной просьбой о снятии с Н.И.Гинзбург указанного ограни-
чения и о разрешении на ее прописку в занимаемой мной в г.Москве
квартире /по адресу Калужское шоссе, д.71а, корп.38, кв.28/ .

Н.И.Гинзбург /тогда Ермакова/ была в марте 1945г. осуждена
ССО по ст.58-10-11 У.К. к 3-м годам заключения в лагере, а в сен-
тябре того же 1945г. была по амнистии освобождена с применением
ст.39, ограничивающей проживание в режимных местностях. Поэтому
она, проживавшая ранее в Москве и учившаяся в МГУ, поселилась в при-
городе г. Горького и поступила в Горьковский Политехнический Ин-
ститут им. А.А.Худякова, который окончила в 1947г. Я познакомился
с ней в 1945г. в г.Горьком, где являюсь по совместительству про-
фессором Университета, и в 1946г. мы вступили в брак. С тех пор и
до настоящего времени, т.е. уже 6-й год мы большую часть времени
живем отдельно, т.е. она не имеет права жить в Москве, а я не могу
переехать в г.Горький в связи с выполнением соответствующих работ
в Физическом Институте АН СССР в Москве. В настоящее время жена
занимается переводами научно-технической литературы и учится на
3-м курсе заочного Горьковского Ин-та Инженеров; ее адрес: Горький,
ул.Минина 17, кв.16. Вся семья моей жены живет в Москве /мать инвалид-
пенсионер, брат-студент/.

Письмо В. Л. Гинзбурга министру
государственной безопасности
С. Д. Игнатьеву. 14 апреля 1952 г.

Letter from V. L. Ginzburg to the Minister
of State Security S. D. Ignatiev.
April 14, 1952.

№112-25-1346. 2 июля 52г.

МИНИСТРУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
товарищу С.Д. ИГНАТЬЕВУ.

Направляю Вам для рассмотрения письмо заместителя
заведующего теоретическим отделом Института профессора
В.Л.ГИНЗБУРГА. Профессор В.Л.ГИНЗБУРГ является одним
из крупных советских физиков-теоретиков и в Физическом
Институте Академии Наук СССР успешно руководит работой,
имеющей большое значение для нашего государства.

ПРИЛОЖЕНИЕ: по тексту, на 1 листе.

Директор Физического Института
им.П.Н.Лебедева АН СССР
академик -

(Д.В.Скобелецкий)

Сопроводительное письмо Д. В. Скобеляцына
к письму В. Л. Гинзбурга.

D. Skobeltsin's cover letter
to the letter of V. L. Ginzburg.

Виталий Лазаревич Гинзбург
с супругой Ниной Ивановной.

Vitaly Lazarevich Ginzburg
with his wife Nina Ivanovna.

ИЗ ПИСЕМ ВИТАЛИЯ ЛАЗАРЕВИЧА ГИНЗБУРГА К СУПРУГЕ НИНЕ ИВАНОВНЕ

От 26 августа 1952 г.

Читал вчера до 2 часов «Клима Самгина» (впер-
вые, как-то начинал и бросил, но читать, оказы-
вается, можно). Завтра в 10 утра на работу, есть
дела (экзамен, писать отзыв). В общем, пустая,
конечно, без тебя жизнь, стараюсь развлекаться,
но, конечно, променял бы всё это на один твой по-
целуй и нежный взгляд.

...Такое большое и редкое счастье, когда можно
и хочется писать так жене, прожив с ней несколь-
ко лет. Мне только немного сейчас неудобно, что
написал это на бумаге, если бы прочёл кто-либо
чужой, мог бы обозвать меня дураком и сенти-
ментальным слюнтяем. Так одиноко без тебя,
и так долго ждать, и так мало будем вместе.

От 28 августа 1952 г.

Я скучаю и не работаю (если не говорить о не-
обходимых служебных делах). Но это гораздо лег-
че страшных ям или приступов мнительности.
Поэтому жаловаться не считаю себя вправе.

Ты одна согреваешь мне сердце, и я полон
к тебе какой-то сверхчеловеческой нежности.
Не могу этого передать, и как-то стыдно писать
на бумаге. Я думаю, что это высшее чувство,
на которое способен человек, это и есть любовь,
которую никак нельзя путать с libido sexualis.
А ты, глупая, ворчишь и подозреваешь, что я могу
тебя разлюбить.

Общее руководство работами по первой советской водородной бомбе РДС-6с осуществлялось И. В. Курчатовым. Главным конструктором и непосредственным руководителем работ был Ю. Б. Харитон.

General management of works on the first Soviet hydrogen bomb RDS-6s was carried out by I. V. Kurchatov. The chief designer and direct supervisor of the work was Yu. B. Khariton.

Штаб-квартиру ядерной спец-физики с названием «Лаборатория № 2 АН СССР» возглавлял И. В. Курчатов, и по его заданиям работали спецгруппы в нескольких институтах. Обстоятельный доклад, полученный советской разведкой весной 1948 года, побудил руководство страны кардинально усилить работы по водородной бомбе, для чего было решено привлечь и теоретиков ФИАНа. И 10 июня 1948 года решением правительства в ФИАНе под руководством И. Е. Тамма была создана группа для работ по созданию водородной бомбы. (Г. Е. Горелик)

СЕКРЕТНЫЙ ПРОЕКТ

В конце 1940-х годов в нашей стране бурными темпами пытались создать атомную бомбу, которая сработала, кажется, 29 августа 1949 года. Но Игоря Евгеньевича Тамма не привлекли к этой работе, потому что считали контрреволюционным профессором.

По шпионским сведениям, стало известно, что американцы уже обдумывают водородную бомбу. Был некий проект Фукса и т. д. И поэтому решили, что на всякий случай надо заняться и водородной бомбой. Это дело было поручено Я. Б. Зельдовичу. Зельдович находился на объекте в Сарове и делал там, в основном, обычную бомбу. Но ему было поручено заниматься и водородной бомбой. Затем эту тему поручили параллельно и Игорю Евгеньевичу Тамму.

Сергей Иванович Вавилов хотел, чтобы ФИАН этим занимался, потому что, когда занимаются оборонной тематикой, институт получает дополнительные средства. И вот Игорю Евгеньевичу было поручено, параллельно с Зельдовичем – но мы их отчёты могли читать, – заниматься водородной бомбой. (В. Л. Гинзбург)

ВОПРЕКИ АНКЕТЕ

Игорь Евгеньевич Тамм, очевидно, составил список, кого он хотел привлечь к работе по водородной бомбе. Я уверен, что он вставил в список и меня, и Евгения Львовича. И нас обоих не допустили. В первую очередь был допущен Семён Захарович Беленький и Юрий Александрович Романов. Их сразу допустили, а Евгения Львовича не допустили, потому что его жена какое-то время жила в Америке. Так его совсем не допустили, а меня через некоторое время вдруг допустили. В чём дело, понять не могу. С моей-то анкетой! Я думаю, что у меня рейтинг был высокий.

Задачей нашей группы было помогать основной группе Якова Зельдовича, уже несколько лет занятой ядерной спецфизикой.

С середины 1948 года мы занялись работой, сначала читали имевшиеся материалы, не внушавшие, насколько помню, никакой надежды на решение задачи. (В. Л. Гинзбург)

Первая советская водородная бомба РДС-6с.

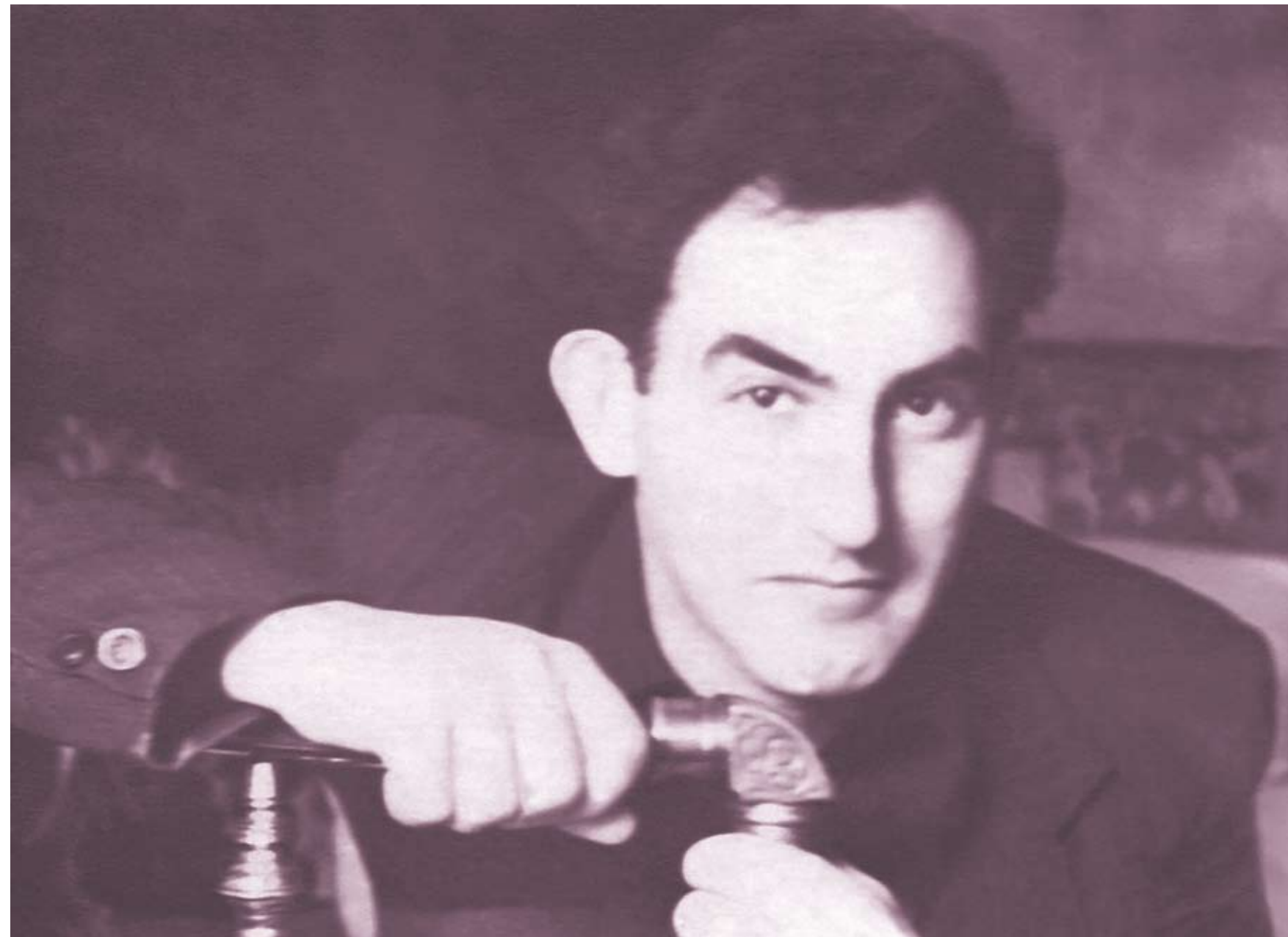
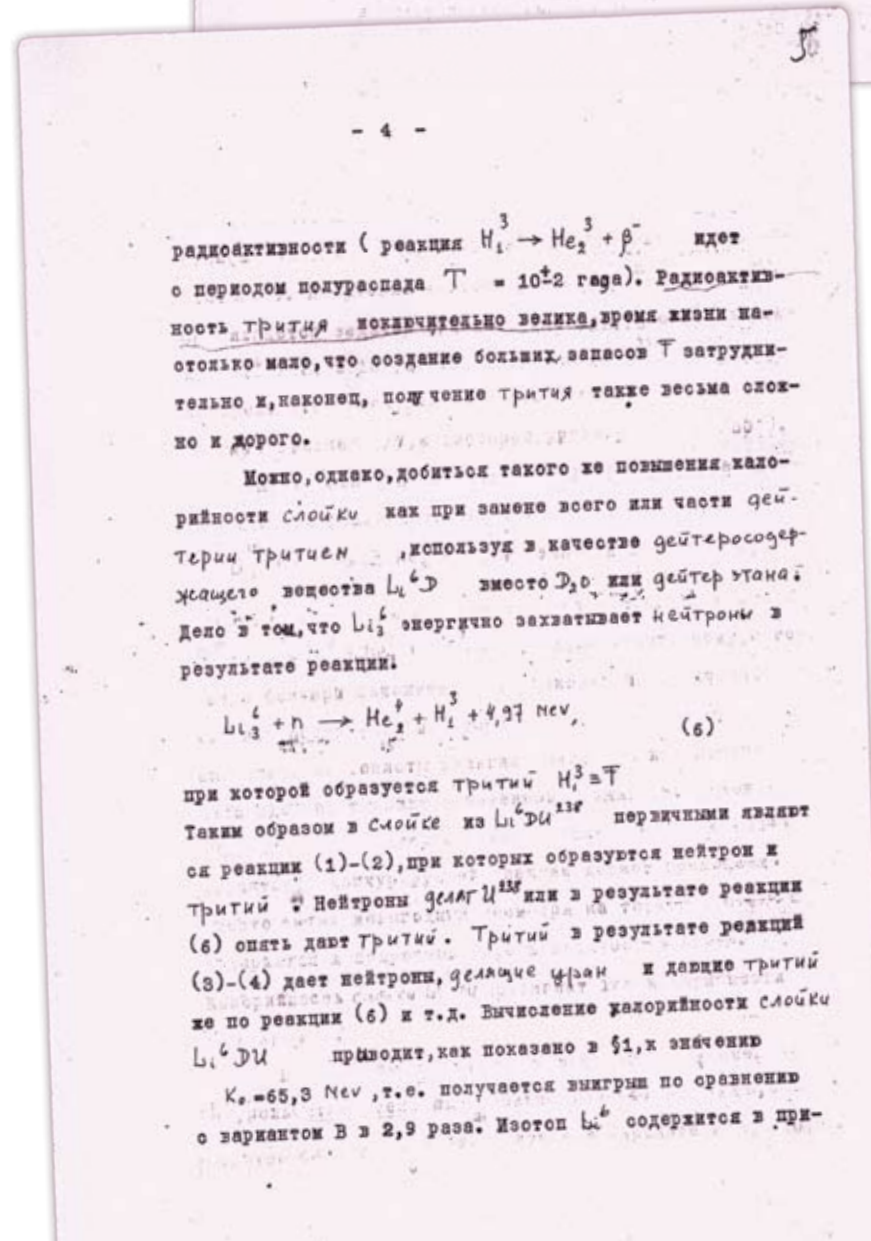
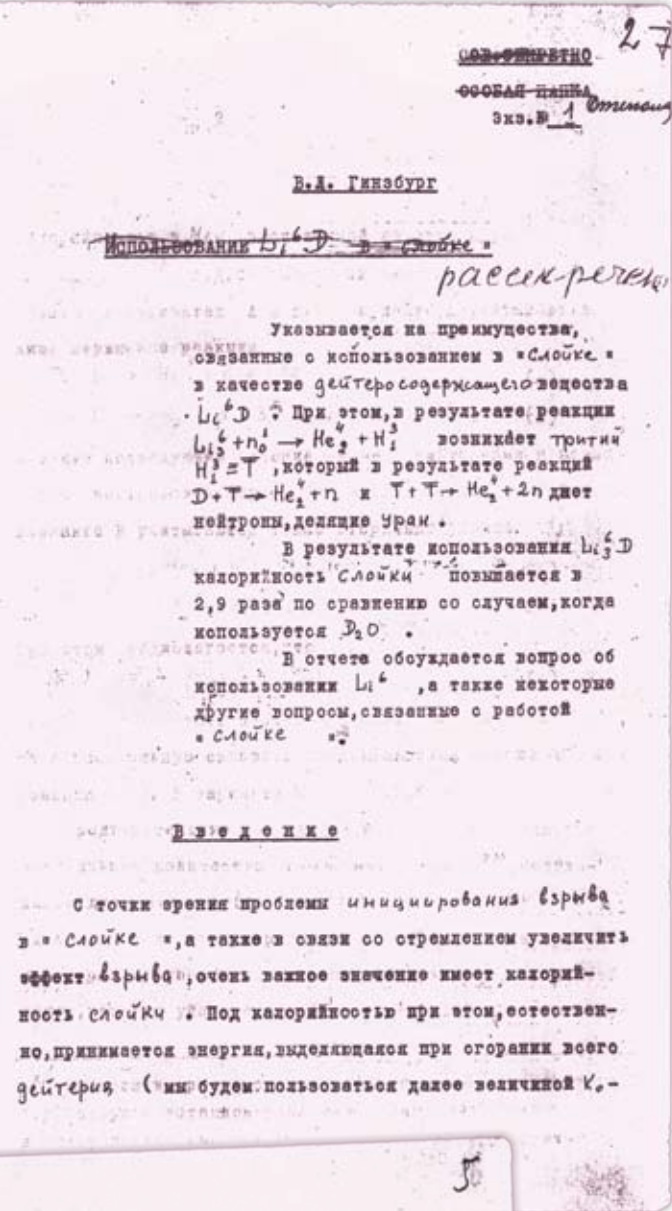
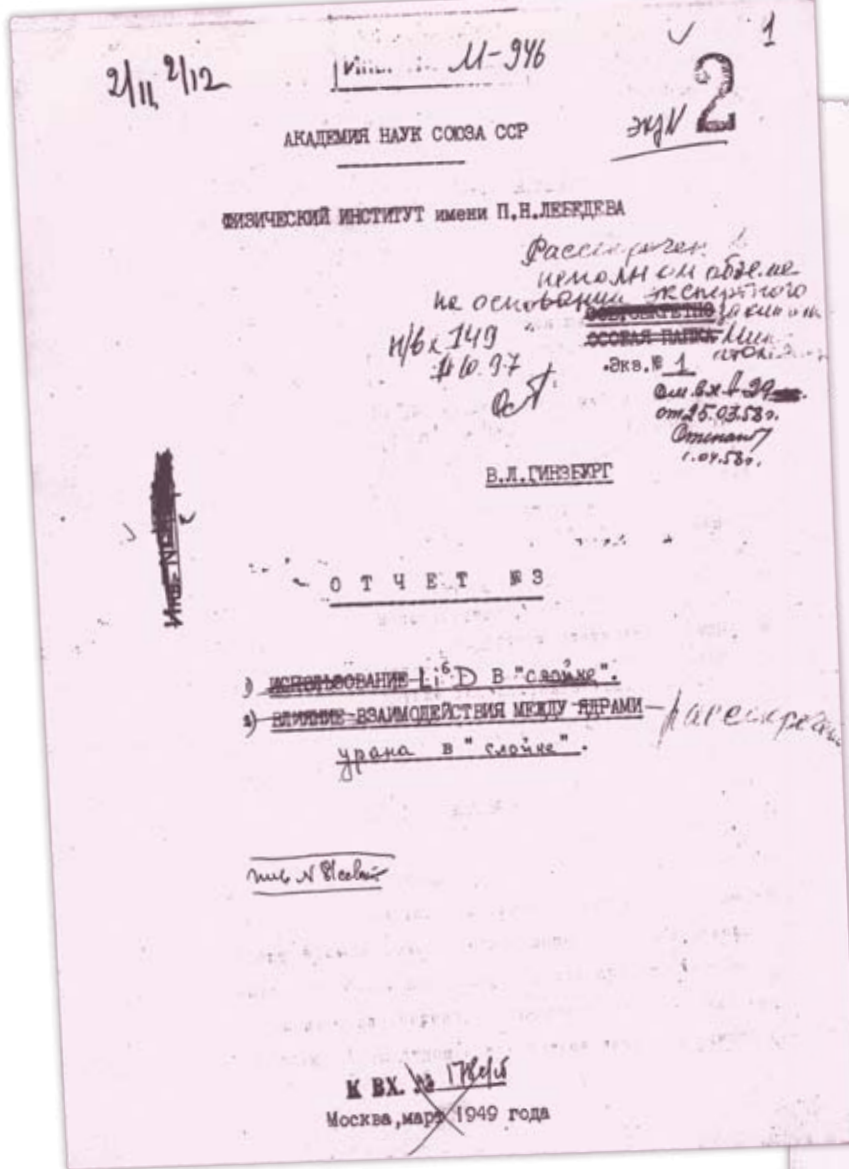
The first Soviet hydrogen bomb RDS-6s.

БЕЗ ДОЛЖНОГО ВНИМАНИЯ

В апрельском номере главного американского физического журнала (The Physical Review 75, № 8, 1949) была опубликована статья (Low Energy Cross Section of the D T Reaction and Angular Distribution of the Alpha-Particles Emitted, E. Bretscher and A. P. French) о взаимодействии ядер дейтерия и трития при низких энергиях. Увидев её, Виталий Лазаревич, что называется, не поверил своим глазам. Работа была посвящена отклонениям энергетической зависимости сечения реакции $D + T \rightarrow He^4 + n$ от так называемого закона Гамова. Отклонения были обнаружены, но в качестве by-product-a было обнаружено и нечто другое – само это сечение оказалось примерно на два порядка (!!) больше аналогичного сечения реакции $D + D \rightarrow T + p$, которая исследовалась теми же авторами в работе, опубликованной

годом раньше (The Physical Review 73, № 8, 1948) (Low Energy Yield of D (D p) H3 and the Angular Distribution of the Emitted Protons, E. Bretscher, A. P. French and F. G. P. Seidl).

Исследованиям явно не уделили должного внимания. Только этим можно объяснить то обстоятельство, что вторая работа появилась в открытой печати. Её авторы, два англичанина, работавшие тогда в Лос-Аламосской национальной лаборатории, но, вероятно, «вдали» от супербомбы, равно как и беспечные сотрудники американского «первого отдела», конечно же, не могли быть знакомы с совершенно секретным отчётом Виталия Гинзбурга и потому не поняли, какой бесценный вклад они вносят в советский термоядерный проект. (И. И. Ройзен)

ИДЕИ ДЛЯ БОМБЫ

По истечении двух месяцев я сделал крутой поворот в работе, а именно: я предложил альтернативный проект термоядерного заряда, совершенно отличный от рассматривавшегося группой Зельдовича по происходящим при взрыве физическим процессам и даже по основному источнику энерговыделения. Я ниже называю это предложение «1-й идеей».

Вскоре моё предложение существенно дополнил Виталий Лазаревич Гинзбург, выдвинув «2-ю идею». (А. Д. Сахаров)

ПОМОЩЬ ОТ ЗАКЛЯТЫХ ДРУЗЕЙ

В марте 1949 года, т. е. примерно за месяц до упомянутой выше американской публикации, Виталий Лазаревич Гинзбург представил отчёт, широко известный теперь как «вторая идея» по водородной бомбе, в котором было предложено вместо тяжёлой воды использовать в качестве термоядерной взрывчатки твёрдое химическое соединение Li^6D .

По созвучию такую термоядерную бомбу ласково называли «лидочкой». Было понятно, что эта взрывчатка намного более технологична и только она, быть может, способна придать «изделию» достаточную портативность, а значит, и транспортальность – другими словами, сделать его реальным оружием.

К тому же Виталий Лазаревич показал, что calorificity Li^6D в 2,5–3 раза больше, чем у тяжёлой воды. Это вселяло дополнительные надежды, но пока и только. Поэтому отчёт производит впе-

чатление остроумной и аккуратно обдуманной идеи, с которой не очень-то понятно что делать.

«Счастливое недоразумение» состояло в том, что в своём отчёте Виталий Лазаревич опирался, в частности, на предложенную А. Д. Сахаровым вполне разумную оценку: считалось, что скорости реакций $\text{D} + \text{D} \rightarrow \text{He}^3 + \text{n}$ (равно как и $\text{D} + \text{D} \rightarrow \text{T} + \text{p}$) и $\text{T} + \text{D} \rightarrow \text{He}^4 + \text{n}$ примерно одинаковы.

И тут вдруг оказалось, что, вопреки «здравому смыслу», последняя идёт в 100 раз быстрее! Это в корне меняло дело. Нежданно-негаданно заклятые друзья из-за океана вдохнули в «лидочку» жизнь. И к тому же сделали это абсолютно легальным путём! Виталию Лазаревичу осталось только пересчитать эффективность «изделия» с учётом «вновь открывшихся обстоятельств». Что он и сделал, прежде чем был лишён допуска. (И. И. Ройзен)

Андрей Дмитриевич Сахаров. Советский физик-теоретик, академик АН СССР, один из создателей первой советской водородной бомбы. Лауреат Нобелевской премии мира за 1975 г.

Andrei Dmitrievich Sakharov, a Soviet theoretical physicist, Academician of the USSR Academy of Sciences, one of the founders of the first Soviet hydrogen bomb. Nobel Prize for Peace Laureate in 1975.

Яков Борисович Зельдович. Советский физик и физикохимик. Академик АН СССР (1958; член-корреспондент 1946), доктор физико-математических наук, профессор.

Yakov Borisovich Zel'dovich, Soviet physicist and physico-chemist. Academician of the USSR Academy of Sciences (1958, Corresponding Member 1946), Doctor of Physics and Mathematics, Professor.

НОВИЧКИ ПРОТИВ ПРОФЕССИОНАЛОВ

После открытия Сахарова-Гинзбурга возникает вопрос: почему водородную бомбу изобрели новички, до того сосредоточенные на академически чистой науке, а не специалисты физикотехнической школы, уже несколько лет работавшие над ядерным оружием?

Конечно, изобретение требует таланта. Но важны и условия, в которых талант работает. В группе Тамма занялись новой секретной задачей в том же свободном духе, в котором они решали проблемы «чистой» науки. Это проявилось уже на словесном уровне. Фиановские термины «Слойка» и «Лидочка» выглядят легковесно на фоне официальных названий ядерных изделий: «РДС-1, -2, -3...» и названия проекта Зельдовича, «Труба», лишь сухо отражавшего форму конструкции.

Не менее важно и то, что исходная идея «Трубы» была добыта разведкой. Зельдович прекрасно это знал, и его вера в потенциал «Трубы» укреплялась научным авторитетом мировой «сборной», разрабатывавшей ту же идею в США (под названием Classical Super). Для фиановской группы идея «Трубы» была просто идеей Зельдовича, которую им надлежало разрабатывать по его заданиям. Поэтому им усомниться в идее Зельдовича было проще, чем в идее, за которой стояли мировые ядерные авторитеты ранга Энрико Ферми. (Г. Е. Горелик)

В ГРУППЕ ПОДДЕРЖКИ ВОДОРОДНОГО ПРОЕКТА

С целью реализации проекта водородной бомбы Тамм и Сахаров в 1950 году были отправлены на «объект» (Арзамас-16), а меня туда не допустили. Работа на объекте, очевидно, была признана слишком для меня секретной. И я остался в Москве во главе небольшой «группы поддержки», но за часовым (т. е. у нашей двери сидел часовой).

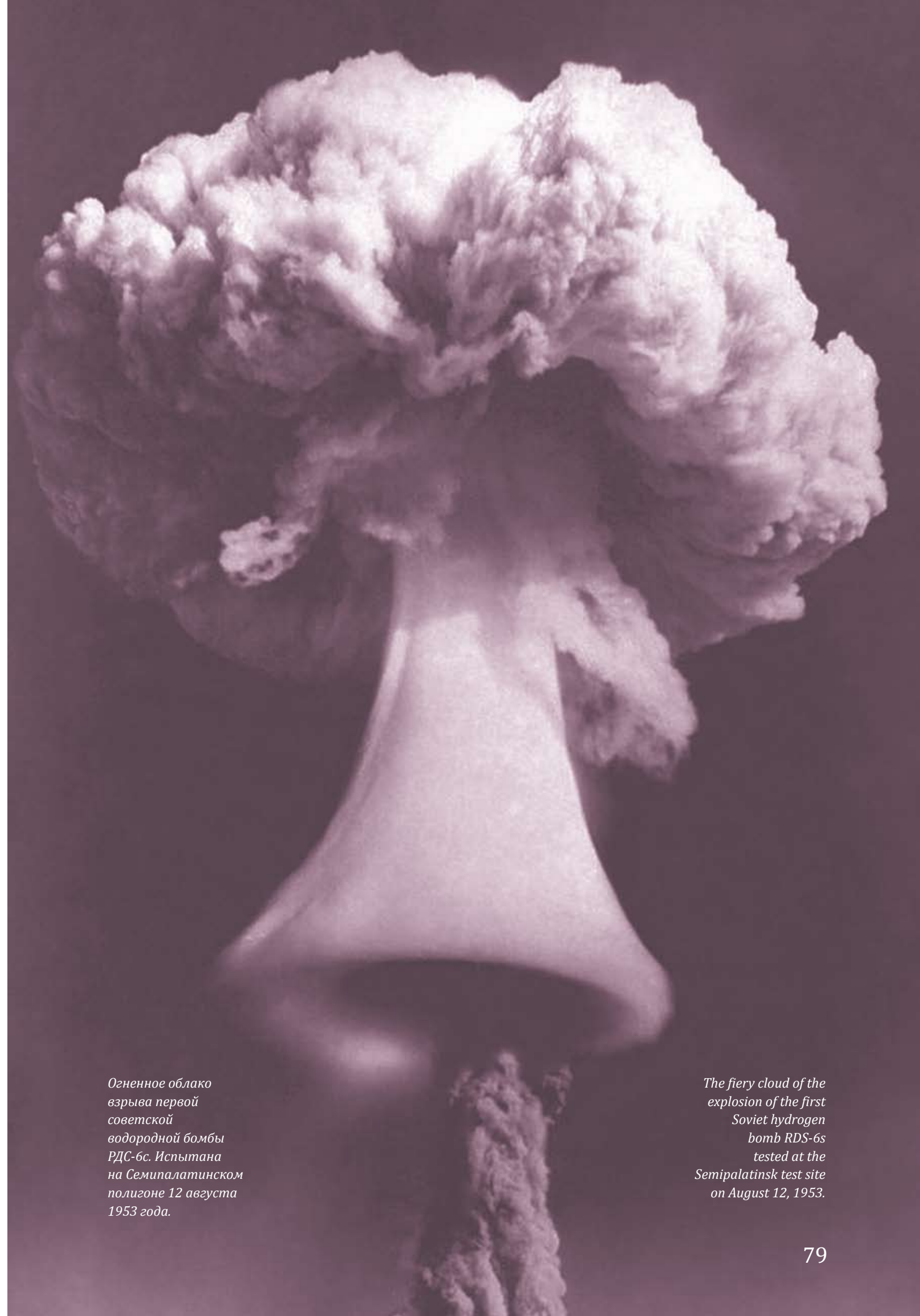
Разумеется, я расцениваю такой поворот судьбы как великое счастье. И «охранную грамоту» имел, мог ездить к жене в Горький и мог заниматься наукой.

Дело не в том, что я манкировал работой, но наша роль состояла главным образом в различных расчётах, в которых я не силен. У нас и вообще-то было не принято интересоваться чужими секретами, а я как-то особенно был к ним равнодушен.

Поскольку я вовсе не стремился даром есть секретные хлеба, то обрадовался, когда Тамм или Сахаров во время одного из их проездов в Москву в 1950 году рассказали мне о проблеме управляемого термоядерного синтеза и предложенной ими системе токамак. Я начал заниматься этой задачей, успел написать несколько отчётов и, кстати, в 1962 году, когда всё это рассекретили, даже опубликовал какой-то материал из этих отчётов. (В. Л. Гинзбург)

ЕДИНСТВЕННЫЙ, СПАСЁННЫЙ ВОДОРОДНОЙ БОМБОЙ

Водородная бомба – страшное оружие. Благодаря самодурству Хрущёва, которому возражал Сахаров, как известно, взорвали бомбу в 50 мегатонн. И мне Сахаров рассказывал, что много людей погибло, потому что на полярных станциях не предупредили об этом взрыве. Я уж не говорю, сколько людей, наверное, погибло от всяких осадков. Ведь это чёрт знает что, эта мегатонная бомба! Так вот я – один из немногих людей, спасённых водородной бомбой. Я лично уверен, что с таким букетом, который я вам описывал, конечно, меня бы уворили из ФИАНа, и где-нибудь мы с женой погибли бы, в ссылке или ещё где-нибудь. (В. Л. Гинзбург)

Огненное облако взрыва первой советской водородной бомбы РДС-6с. Испытана на Семипалатинском полигоне 12 августа 1953 года.

The fiery cloud of the explosion of the first Soviet hydrogen bomb RDS-6s tested at the Semipalatinsk test site on August 12, 1953.

ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

К великому счастью, мне не пришлось заниматься конкретными «бомбовыми» вопросами. Но всё равно возникает вопрос об ответственности... Все физики, с которыми мне пришлось общаться и разговаривать на эти темы, в те времена (до разоблачения роли Сталина и его режима) считали, что создание атомного оружия в СССР оправдано для обеспечения равновесия с США и предотвращения ядерной войны.

Возможность того, что Сталин может при первом же удобном случае злоупотребить обладанием страшного оружия не только для его применения, но и для шантажа, мне никогда даже не приходила в голову, и я ни от кого об этом тогда не слышал. Ни я, ни кто-либо, кто был со мной вполне откровенен, ведь не понимали, что, по остроумному замечанию Черчилля, Сталин и Гитлер «различаются лишь формой усов».

Теперь-то я понимаю, что при тоталитарном, диктаторском режиме Гитлера, Сталина, Мао Дзедуня или диктаторов рангом пониже всё возможно, и самое страшное оружие (атомное, бактериологическое и любое другое) вполне может быть использовано. Если не говорить о равновесии страха, то только демократическая форма правления и международное сотрудничество способны этому помешать и до какой-то степени гарантировать безопасность людей. (В. Л. Гинзбург)

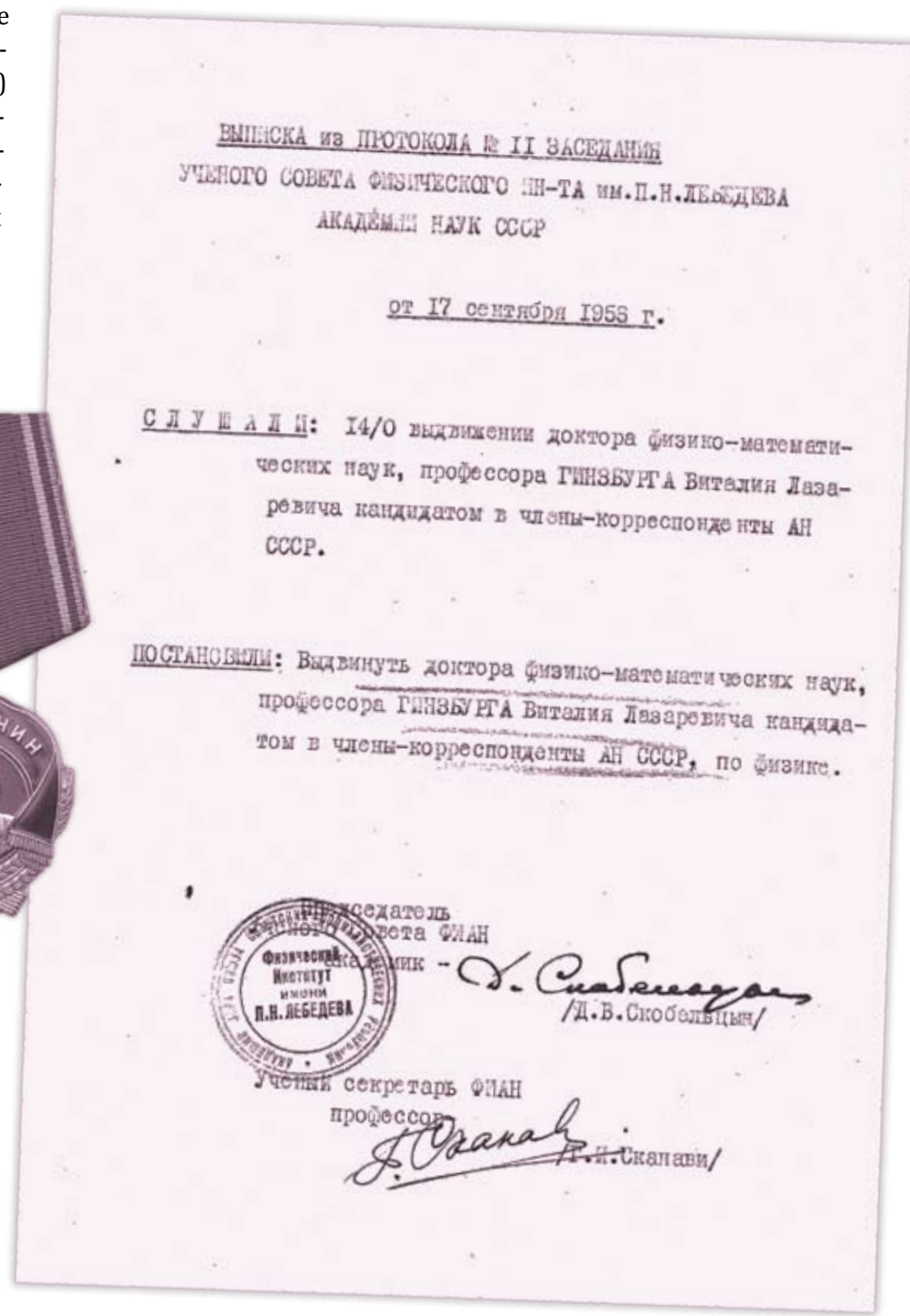
В 1953 году В. Л. Гинзбург был награжден Сталинской премией, а в 1954 году получил орден Ленина.

In 1953 V. L. Ginzburg was awarded the Stalin Prize and in 1954 he received the Order of Lenin.

«ТОЖЕ НЕМАЛО»

К совершенно секретным данным Гинзбурга не допустили не случайно – он был женат на «политической преступнице» и дочери «врага народа». Но его несколько не огорчал ограниченный доступ к скучным для него «научно-плёвым секретам». И он был просто счастлив, когда понял, что его не посылают вместе с Таммом и Сахаровым на секретный «Объект» воплощать эти «секреты» в бомбы.

Он остался в Москве, занимался любимой чистой наукой и в результате сделал свою нобелевскую работу ещё до того, как его «LiDочка» показала себя в августовском 1953 года супериспытании. За вклад в термоядерную мощь СССР Героя Соцтруда ему не присвоили, но дали орден Ленина, удвоенную Сталинскую премию I степени да ещё выбрали в членкоры. Тоже немало. (Г. Е. Горелик)

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ ТИРАНА

До сообщения о болезни Сталина главной темой разговоров и забот было «дело врачей». Очень было тревожно, особенно для евреев. Ждали то ли публичных казней на Красной площади всех этих «отравителей», то ли очередного процесса, типа происходивших в 1937–1938 годах, то ли депортации. Впрочем, сам я, как обычно для меня, особенно не волновался, когда речь не шла о самой непосредственной физической опасности, и относился к событиям фаталистически.

В день похорон И. В. Сталина мы с М. А. Марковым в моей квартире на ул. Вавилова (в фиановском доме) слушали трансляцию похорон. И когда раздался длинный гудок, мы, одни находившиеся в комнате, встали! И не потому, что боялись друг друга, а потому, что не понимали, что кончил свой жизненный путь преступник. Не понимали, что это великое счастье, что «он» наконец-то «отбыл», не успев натворить ещё всяких задуманных преступлений вроде казни врачей и т. д.

Несомненно, то, что я встал тогда, – это позор. Единственное оправдание – слепота. До сих пор не могу смириться с этим, но очень важно и интересно, что эта слепота была массовым явлением.

Так или иначе, 5 марта 1953 года стало одним из самых счастливых дней в моей жизни. Не говорю уже о том, что было закрыто преступное «дело врачей», и вообще страна вступила в новую эпоху. Всё это известно. В личном плане я, быть может, избежал «шарашки». (В. Л. Гинзбург)

ОТТЕПЕЛЬ

Очень быстро всё в стране стало изменяться, достаточно упомянуть о реабилитации «врачей-убийц» и расстреле Берии, руководившем советским «атомным проектом», кстати, хорошем организаторе и, вероятно, не большем бандите, чем многие его коллеги.

В Академии наук СССР, вопреки её Уставу, с 1946 года не было выборов, очевидно, Сталин не разрешал. Уже в 1953 году такие выборы произошли, и я был избран членом-корреспондентом АН СССР. Что называется, попал «из грязи – в князи», впрочем, это выражение в применении ко мне несколько преувеличено. Но всё же в СССР, и сейчас в России членство в «большой Академии» (теперь это РАН – Российская академия наук) является некоторым привилегированным положением. К тому же я получил довольно высокие правительственные награды и вообще превратился в «персону», пусть и второго сорта.

Не менее важно, что жена смогла после 8 лет полуссылки, не говоря уже о примерно полутора годах тюрьмы и лагеря, вернуться в Москву. (В. Л. Гинзбург)

С. З. Бельский, В. А. Цукерман, В. Л. Гинзбург
в Сарове. 1955 г.

S. Z. Belenky, V. A. Tsukerman, V. L. Ginzburg
in Sarov, 1955.

В. Л. Гинзбург, Л. В. Альтишлер, В. А. Цукерман у коттеджа В. А. Цукермана
в Сарове. 1955 г.

V. L. Ginzburg, L. V. Altshuler, V. A. Tsukerman by V. A. Tsukerman's cottage
in Sarov, 1955.

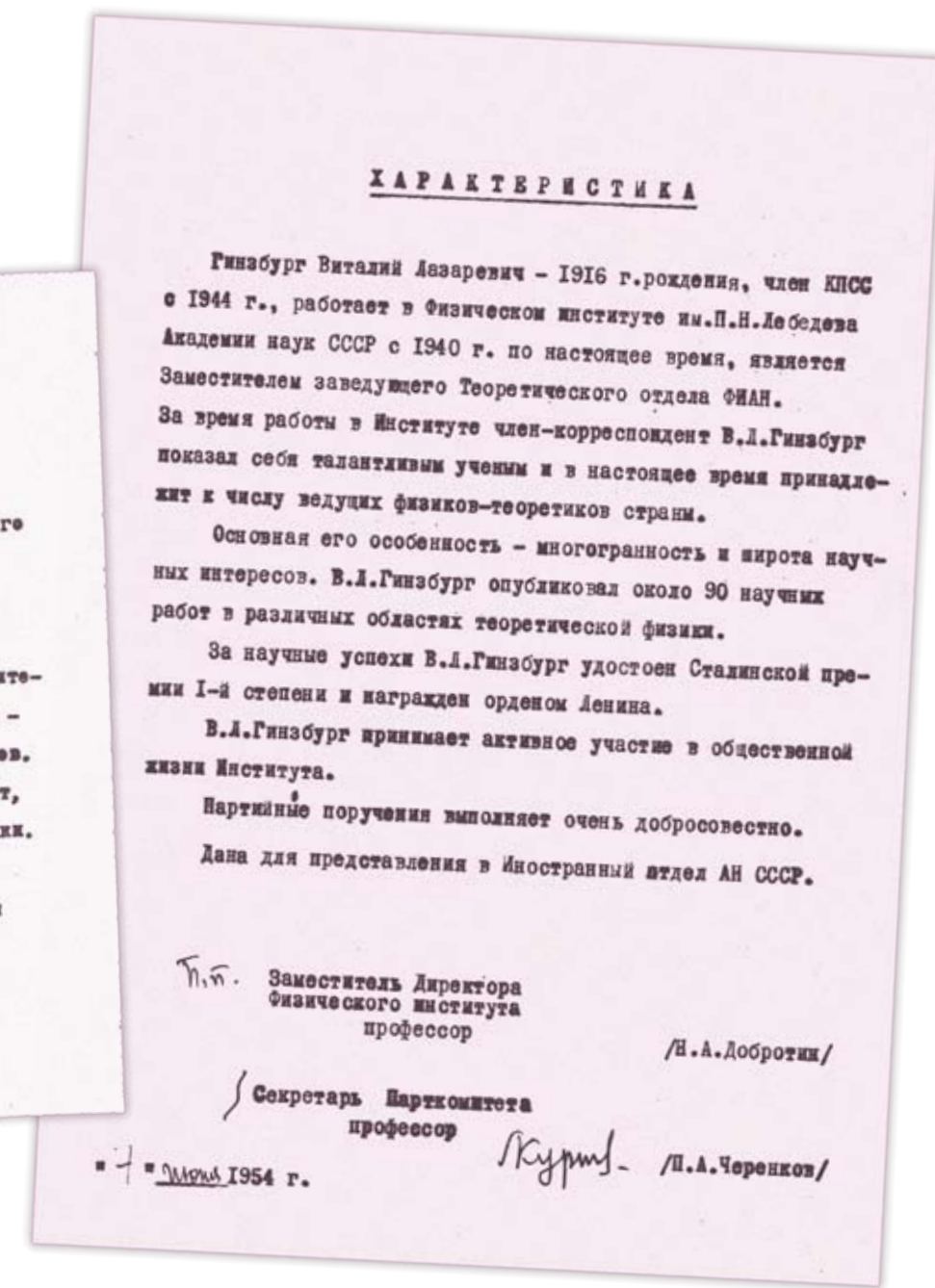
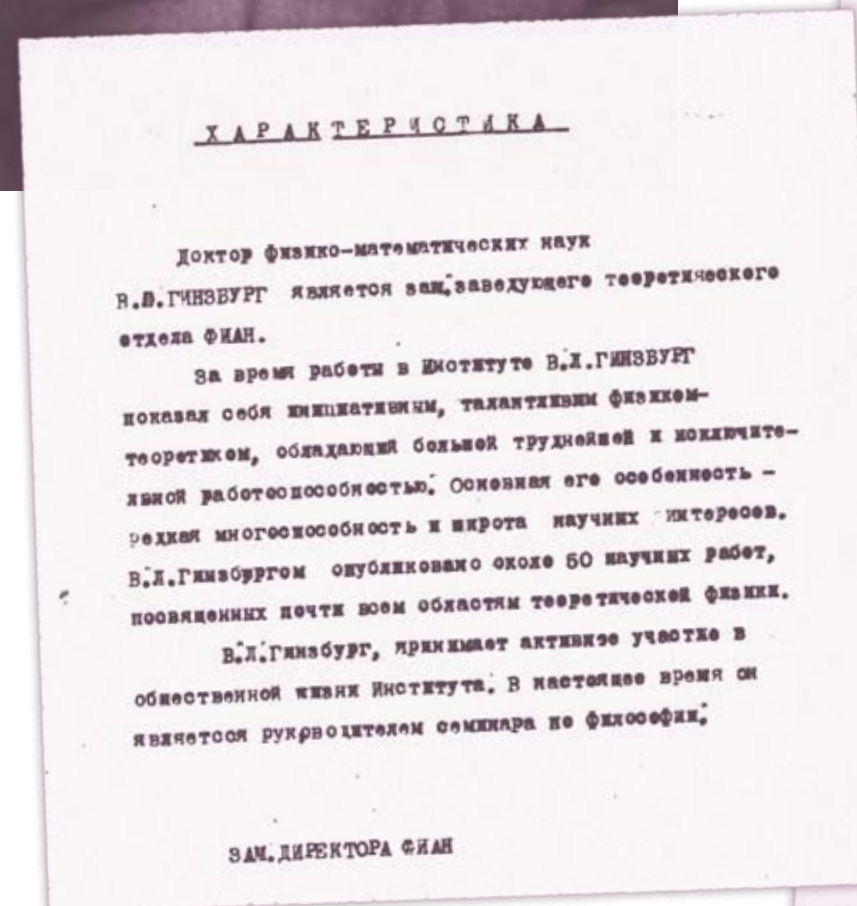
В СОСТАВЕ СЕКРЕТНОЙ КОМИССИИ

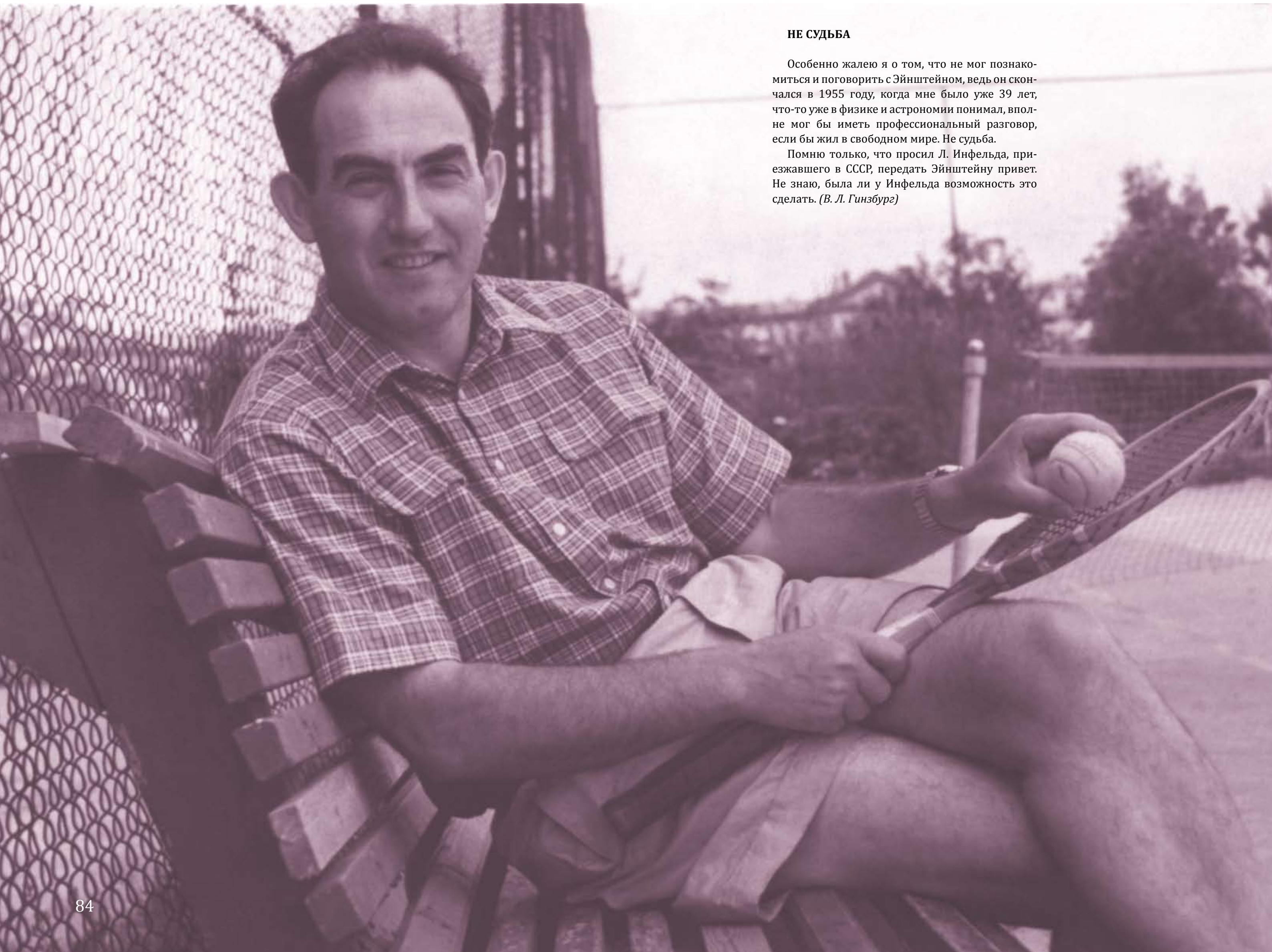
В 1955 году меня в составе целой комиссии – председатель И. Е. Тамм, приехавшие из Москвы члены комиссии – М. В. Келдыш, М. А. Леонтович, И. М. Халатников и я – послали в Саров. Дело в том, что «слойка» сработала, но не давала возможности сделать бомбу с колоссальной мощностью. И поэтому вместо «слойки» предложили использовать радиационное обжатие – это, по Сахарову, «третья идея».

Мой литий, конечно, «сохранился», но, разумеется, я очень хочу, чтобы он никогда не сработал в «деле» убийства людей. Правда, Хрущёв

успел его использовать, чтобы показать США «кузькину мать», взорвав бомбу с мощностью в пятьдесят мегатонн над Новой Землёй.

Помню, что никакой пользы комиссии я не принёс, был уже очень далёк от «бомбовой области». Запомнил только, что, приближаясь на самолёте к Сарову, мы пролетели над полосой вспаханной земли, видимо, такой же, как на границе страны. В Сарове (Арзамас-16) встретил своих старых друзей по рентгеновской лаборатории – Веню, и Леву. Они были, как я уже упомянул, в числе главных научных сотрудников «объекта». (В. Л. Гинзбург)

НЕ СУДЬБА

Особенно жалею я о том, что не мог познакомиться и поговорить с Эйнштейном, ведь он скончался в 1955 году, когда мне было уже 39 лет, что-то уже в физике и астрономии понимал, вполне мог бы иметь профессиональный разговор, если бы жил в свободном мире. Не судьба.

Помню только, что просил Л. Инфельда, приехавшего в СССР, передать Эйнштейну привет. Не знаю, была ли у Инфельда возможность это сделать. *(В. Л. Гинзбург)*

Л. Д. Ландау, Х. Холл, В. Л. Гинзбург во время конференции по физике низких температур.

L. D. Landau, H. Hall, V. L. Ginzburg during the conference on low temperature physics.

ИЗ ФИЗИКИ НИЗКИХ ТЕМПЕРАТУР

Мои ранние работы были далёкими от каких-либо конкретных оборонных применений. Я продолжал работать в разных направлениях под действием тех или иных импульсов или влияний. Самое важное такое влияние исходило от Л. Д. Ландау. В 1939 году, после годичного пребывания в тюрьме, Ландау начал работать над созданием теории сверхтекучести гелия. Я присутствовал на докладе Ландау, посвящённом этой теории.

Вместе с тем природа сверхтекучести оставалась неясной. Ландау считал, что всё дело в спектре «элементарных возбуждений» в жидкости, а бозе-статистика и бозе-эйнштейновская конденсация здесь ни при чём. В 1943 году я попытался на основе идей теории сверхтекучести Ландау построить квазимикроскопическую теорию сверхпроводимости.

Когда я начал заниматься теорией сверхпроводимости, прошло уже 32 года со времени откры-

тия этого явления. Тем не менее на микроскопическом уровне сверхпроводимость ещё не была понята и оставалась буквально «белым пятном» в теории металлов, да и, пожалуй, во всей физике конденсированных сред. Сверхтекучесть гелия II была тогда лишь недавно, всего 5 лет, как обнаружена в явной форме, а её связь со сверхпроводимостью лишь намечена.

Плохое владение математическим аппаратом, неумение сконцентрироваться на чём-то одном (занимался почти одновременно несколькими вопросами), трудности обмена научной информацией, особенно с экспериментаторами, в военные и послевоенные годы мешали быстрому продвижению вперёд, и лишь в 1950 году было сделано нечто законченное – имею в виду пси-теорию сверхпроводимости. (В. Л. Гинзбург)

$$\frac{1}{2m} \left(-i\hbar \nabla - \frac{e^*}{c} \mathbf{A} \right)^2 \Psi + \alpha \Psi + \beta |\Psi|^2 \Psi = 0$$

Уравнение Гинзбурга-Ландау.

The Ginzburg-Landau equation.

Занявшись сверхпроводимостью, я понял, что теорию фазовых переходов Ландау можно применить в сверхпроводимости. Пошёл к нему, и он моё предложение поддержал. Как дальше шла работа? Расчёты делал я, но ходил к нему, знакомил с результатами.

Возникает деликатный вопрос: кто же автор? Казалось бы, я, так как фактически сделал всю работу. Но это было бы несправедливо. Ведь я основывался на теории Ландау, применив её к сверхпроводимости. (В. Л. Гинзбург)

ПСИ-ТЕОРИЯ

В 1950 году в ведущем советском физическом издании – «Журнале экспериментальной и теоретической физики» (ЖЭТФ) – появилась совместная статья В. Л. Гинзбурга и Л. Д. Ландау. Она многие годы занимала одно из первых мест по цитируемости – количеству ссылок на эту работу.

К сожалению, мировое признание этой работы запоздало. Положение резко изменилось в 1957–1958 годах, и немалую роль сыграл запуск в СССР первого искусственного спутника Земли. Западные физики с некоторым изумлением обнаружили, что теория сверхпроводимости Гинзбурга-Ландау, созданная за 7–8 лет до знаменитого расчёта, сделанного американскими теоретиками Бардиным, Купером и Шриффером, предвосхитила много важных элементов «теории БКШ» – так стали называть этот расчёт, по начальным буквам фамилий его авторов. Теория Гинзбурга-Ландау, или, как её вскоре стали называть, «пси-теория», оказалась универсальным инструментом физики конденсированных сред. С помощью метода Гинзбурга-Ландау сегодня описываются сверхпроводники, помещённые в сильное магнитное поле, сверхпроводящие сплавы, тонкие сверхпроводящие плёнки и многое другое. (По материалам статьи журнала «Наука и жизнь» № 10, 1986 г.)

ЗАСЛУЖЕННАЯ ЛЕНИНСКАЯ ПРЕМИЯ

Что касается сверхпроводящих плёнок, то интерес к ним появился после нескольких замечаний того же В. Л. Гинзбурга о двумерной сверхпроводимости, высказанных в конце 60-х годов. Одним словом, пси-теория позволила объяснить и связать между собой огромное количество, казалось бы, разрозненных экспериментальных фактов. Да и у теоретиков метод Гинзбурга-Ландау вызвал прямо-таки вспышку активности. Сначала известный советский физик, ныне член-корреспондент АН СССР Л. П. Горьков вывел феноменологические уравнения Гинзбурга-Ландау из точной микроскопической теории. Одновременно другой советский физик, так же как и Л. П. Горьков, воспитанник «школы Ландау», А. А. Абрикосов использовал уравнение Гинзбурга-Ландау для изучения магнитных свойств сверхпроводников.

Расширенная теория Гинзбурга-Ландау-Абрикосова-Горькова («теория ГЛАГ») используется сегодня в огромном числе работ советских и зарубежных авторов. Общепризнанно, что эта теория – один из самых весомых вкладов советской физики в мировую науку. Цикл работ В. Л. Гинзбурга, а также А. А. Абрикосова и Л. П. Горькова по теории сверхпроводников в 1966 году был удостоен Ленинской премии. (По материалам статьи журнала «Наука и жизнь» № 10, 1986 г.)

Лев Давидович Ландау. Советский физик-теоретик, основатель научной школы, академик АН СССР (избран в 1946 году). Лауреат Нобелевской премии по физике 1962 года.

Lev Davidovich Landau. Soviet theoretical physicist, founder of the scientific school, academician of the USSR Academy of Sciences (elected in 1946). Nobel laureate in physics in 1962.

О ЛАНДАУ

Ландау – это выдающийся Учёный и Учитель с большой буквы.

Ландау был резким, мог обидеть человека. Помню, пару раз он меня, как говорится, «бил мордой об стол». Но я понимал, что это не ругань начальства, не желание унижить. Просто Ландау не считался с правилами поведения. Кстати, оба раза по существу вопросов он был прав. И ещё с Дау невозможно было спорить. Допустив ошибку, он никогда явно этого не признавал, а просто тут же менял мнение. Мне хотелось насладиться радостью «победы» над Учителем, поэтому несколько раз во время спора брал с него «расписки» – фиксировал его позицию и просил зафиксировать. (В. Л. Гинзбург)

Виталий Лазаревич не учил, а раскидывал идеи, задачки, из которых родились целые направления.

Аспиранту Г. В. Городинскому Виталий Лазаревич сказал: «Мы же не знаем, как диполь излучает плазменные волны». Я влез в эту задачу, и мы сделали работу, где главное было не излучение, а функция Грина. Городинский ушёл, а я продолжал.

Другому заметил: «Есть стационарные плазменные волны, и есть их затухание Ландау. Разберись». (А. А. Андронов)

Vitaly Lazarevich did not teach, but scattered ideas, tasks, from which whole directions emerged. To graduate student G. V. Gorodinsky Vitaly Lazarevich said: «We do not know how the dipole radiates plasma waves». I got into this task and we did a job where the main thing was not radiation, but Green's function, peculiar one. Gorodinsky left, and I continued. To another one he remarked: «There are stationary plasma waves and there is their Landau damping. Figure it out». (A. A. Andronov)

А. А. Корчак, С. И. Сыроватский,?,?, В. Л. Гинзбург,?.

А. А. Korchak, S. I. Syrovatskii,?,?, V. L. Ginzburg,?.

Sitting (from right to left): E. L. Andronikashvili, Obreimov, P. L. Kapitsa; standing (from left to right): E. M. Lifshitz, 4th – V. L. Ginzburg, 6th – I. M. Khalatnikov, 12th – I. M. Lifshitz.

Втянутый в радиоастрономическую деятельность, я на некоторое время стал почти радиоастрономом-профессионалом: постарался ознакомиться со всем имеющимся материалом, методами измерений и т. д. В результате мною были написаны радиоастрономические обзоры, возможно, первые в мировой литературе.

Работа в области астрофизики проводилась мной довольно спорадическим и хаотическим образом, и то, что ближе к радиоастрономии, можно несколько условно разделить на три основных направления:

- Ионосферные и внеионосферные мерцания радиоисточников, колебания интенсивности солнечного радиоизлучения, использование поляризационных измерений, использование спутниковых измерений;

– Теория спорадического радиоизлучения Солнца. Этим кругом вопросов мы с В. В. Железняковым начали заниматься в 1958 году;

– Теория синхротронного космического радиоизлучения, связь с проблемой происхождения космических лучей и с астрофизикой высоких энергий в целом. Именно этой проблематикой, если говорить об астрофизике, я занимался больше всего и продолжаю интересоваться ею и в настоящее время. *(В. Л. Гинзбург)*

В 1958 году на симпозиуме МАС в Париже, где был представлен доклад Виталия Лазаревича «Радиоастрономия и происхождение космических лучей», синхротронный механизм был безоговорочно признан в качестве доминирующего при объяснении космического радиоизлучения. Установление связи между радиоастрономией и космическими лучами привело, по мнению самого Гинзбурга, к рождению нового направления в астрономии – астрофизики космических лучей, а затем и астрофизики высоких энергий.

В соответствии с решением экспертной комиссии по премиям Президиума АН СССР при Отделении физико-математических наук от 4 декабря 1956г. и постановлением Бюро Отделения физико-математических наук от 4 декабря 1956г. присудить премии Президиума АН СССР в размере 5.000 рублей каждая:

И. Доктору физико-математических наук Семену Захаровичу БЛЕНЬКОМУ (посмертно) за работу "Теория множественного образования частиц".

2. Члену-корреспонденту АН СССР Виталию Лазаревичу ГИНЗБУРГУ за работу "Происхождение космических лучей".

Основание: постановление Президиума АН СССР
от 4.I.57г. № 7.

Установление связи между радиоастрономией и космическими лучами и привело, по сути дела, к рождению нового направления в астрономии – астрофизики космических лучей, а затем и астрофизики высоких энергий.

До 1953 года космические лучи, хотя и были признаны космическим объектом, исследовались лишь на Земле – в атмосфере и на её границах, причём для целей физики высоких энергий.

Полученные в космических лучах результаты привели к физическим открытиям огромной важности (были открыты позитрон e^+ , $\mu^\pm$ -лептоны, $\pi^\pm$ -мезоны и т. д.). Но, поскольку космические лучи в высокой степени изотропны, их изучение у Земли аналогично спектральному анализу света всех звёзд, вместе взятых. Ясно, что в подобных условиях, без другой информации о небесных телах, астрономия не могла бы развиваться.

Приём синхротронного радиоизлучения, испускаемого космическими лучами, резко изменил ситуацию. Стало ясно, что космические лучи – это универсальный феномен, они присутствуют в межзвёздном пространстве, в оболочках сверхновых, в галактиках (при этом были открыты радиогалактики, а затем и квазары). Уже радиоастрономические данные в сочетании со сведениями о первичных космических лучах у Земли, а также имеющимися астрономическими представлениями, позволили продвинуться довольно далеко. В 1949 году Ферми, рассматривая космические лучи как газ заряженных частиц, обсудил возможный механизм их ускорения. Эти идеи в сочетании с радиоастрономическими данными и послужили основой для построения галактической модели происхождения основной части космических лучей, наблюдаемых у Земли. (В. Л. Гинзбург)

*IV Всесоюзное совещание по физике низких температур. Москва, 1957 г.
Слева в 1-м ряду стоят: третий – В. Л. Гинзбург, четвёртый – Е. М. Лифшиц;
в центре сидящих – Э. Л. Андроникашвили; во 2-м ряду в центре – Л. Д. Ландау и П. Л. Капица.*

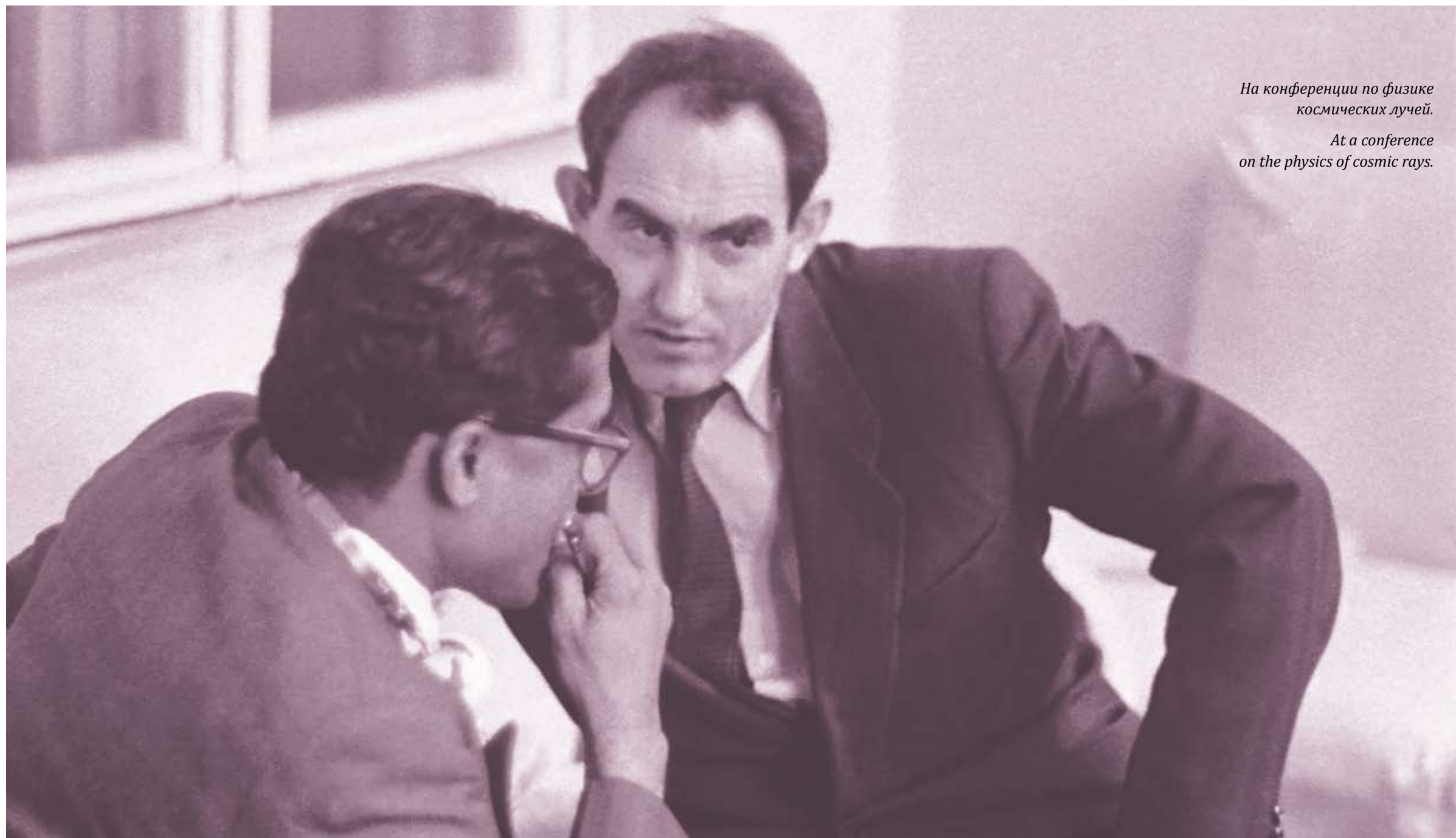
*IV-th All-Union Conference on Low Temperature Physics. Moscow, 1957.
Left in the 1st row standing: 3rd – V. L. Ginzburg, 4th – E. M. Lifshitz; in the center of the sitting – E. L. Andronikashvili;
in the second row in the center – L. D. Landau and P. L. Kapitsa.*

IV ВСЕСОЮЗНОЕ СОВЕЩАНИЕ ПО ФИЗИКЕ НИЗКИХ ТЕМПЕРАТУР

Со 2 по 8 июля 1957 года в Москве состоялось IV Всесоюзное совещание по физике низких температур. В нём приняло участие около 200 человек, прибывших из институтов и университетов Москвы, Харькова, Киева, Ленинграда, Тбилиси, Свердловска, а также Польши, Венгрии и Англии (Кембриджа и Оксфорда).

В совещании участвовали известные физики: П. Л. Капица, Л. Д. Ландау, В. Л. Гинзбург, Э. Л. Андроникашвили, Г. Е. Холл (Мондовская лаборатория, Кембридж), К. Мендельсон (Кла-

рендонская лаборатория Оксфордского университета), А. И. Шальников, Р. Г. Архипов, И. М. Халатников, А. Б. Мигдал, Л. П. Горьков, Л. П. Питаевский, Е. М. Лифшиц, А. А. Абрикосов, Л. В. Келдыш, Г. Ф. Жарков, А. Б. Пиппард (Кембридж), Н. В. Заварицкий, М. С. Хайкин, Л. А. Прозорова, Б. М. Болотовский, И. М. Лифшиц, В. П. Силин, М. Я. Азбель, М. И. Каганов, П. Б. Брандт, Р. Е. Чемберс (Кембридж), Р. Берман (Оксфорд), А. С. Боровик-Романов, А. Г. Кук (Оксфордский университет), А. И. Ахиезер и др.

*На конференции по физике
космических лучей.*

*At a conference
on the physics of cosmic rays.*

В. Л. Гинзбург, С. И. Сыроватский.

V. L. Ginzburg, S. I. Syrovatskii.

Лев Петрович Питаевский. Физик-теоретик. Основные труды посвящены физике низких температур, физике плазмы, квантовой механике и другим направлениям.

Lev Petrovich Pitaevskii. Theoretical physicist. The main works are devoted to physics of low temperatures, plasma physics, quantum mechanics and other areas.

ТЕОРИЯ СВЕРХТЕКУЧЕСТИ

Ландау не интересовался поведением жидкого гелия вблизи А-точки. Не волновал его и вопрос о поведении сверхтекучего гелия вблизи твёрдой стенки. Меня же оба эти вопроса почему-то интересовали с самого начала работы в области сверхтекучести.

К сожалению, я совершенно не помню, сколь далеко я продвинулся в построении пси-теории сверхтекучести, до того как выяснилось, что Л. П. Питаевский занимается той же задачей. Естественно, мы объединили наши усилия, плодом которых явилась работа, поступившая в редакцию 10 декабря 1957 года.

Обобщённая пси-теория сверхтекучести не обоснована «из первых принципов» или на базе какой-то надёжной микротeorии (подобно тому, как это имеет место в случае пси-теории сверхпроводимости). Это феноменологическая теория, опирающаяся на общую теорию фазовых переходов второго рода (теорию Ландау и теорию масштабной инвариантности – scaling theory) и экспериментальные данные. (В. Л. Гинзбург)

«ЕСЛИ БЫ ЖИЛ В СВОБОДНОМ МИРЕ»

Меня всё время или вообще не пускали за границу, или это всегда происходило с большим трудом. Ссылались при этом на пресловутую «секретность», но это был явный предлог.

Например, Тамм, который действительно знал секреты (а я их, по существу, не знал никаких), после 1953 года много ездил. И я, конечно, был очень рад за него.

Меня же не пускали за «грехи» жены и мои собственные. Высшее моё «достижение» в этой области было достигнуто в 1959 году, в СССР, в Киеве,

в этот год состоялась большая международная физическая конференция, кажется, она называлась Рочестерской. И вот меня и ещё кое-кого под предлогом секретности не пустили на эту конференцию(!). Не хотели пускать и Ландау, но он объявил, что всё равно поедет и устроит скандал. И они отступили, он поехал. Так я и не поехал на эту конференцию, не увидел многих хороших физиков, не узнал многого интересного. Горько было тогда и горько вспоминать это до сих пор. (В. Л. Гинзбург)

Международная конференция по физике
диэлектриков. Москва, 1958 г.
В первом ряду сидят (слева направо):
третий – В. Л. Гинзбург,
пятый – Е. М. Лифшиц, восьмой –
Б. М. Вул, десятый – Г. И. Сканава.

International conference on the
physics of dielectrics. Moscow, 1958.
In the first row sitting (from left
to right): 3rd – V. L. Ginzburg,
5th – E. M. Lifshitz, 8th – B. M. Vul,
10th – G. I. Scanavi.

ФОРМУЛА УСПЕХА УЧЁНОГО

Не имея, как мне казалось, для этого нужных данных и предпосылок, я стал физиком-теоретиком, причём довольно известным и преуспевающим. Под последним я имею в виду не то, что я стал член-корр (1953), потом академиком (1966), лауреатом Ленинской и Государственной премий, а также имею иностранные отличия. Всё это достаточно условно. А вот научные результаты – другое дело, это нечто объективное. И здесь я считаю, что получил много важных и довольно высокого класса результатов. Разумеется, чело-

век сам себе не судья. Но иметь своё мнение каждый имеет право. И моё мнение такое, что я много сделал.

Сложно выделить составляющие успеха учёного. Во всяком случае дело не только в формальных способностях – в смысле свободного владения нужной математикой, быстрого счёта, формульной памяти и т. п. Ничего этого у меня нет. Какую-то очень большую роль играют: случай и везение, нюх, цепкость, стремление сделать, получить результат, придумать «эффек-

тик». Когда же кроме этого имеются ещё большие способности (формальные, как я их условно называю), то тогда получается действительно крупный человек. Ну, конечно, для очень крупного, не говоря уже о гигантах (Эйнштейн), нужна какая-то совсем другая мерка.

Огромную роль, во всяком случае для многих (для меня в том числе), играет дружеское отношение, поддержка на первых шагах. Такую роль сыграл для меня И. Е. Тамм. Я сам всегда старался хорошо относиться к начинающим, студентам

и аспирантам. Опять же, в каком-то отношении я плохой руководитель. Я и свою-то работу (вычисления) делал с большим трудом, а теперь от расчётов меня вообще тошнит. Поэтому я никогда не «считал» для своих студентов и аспирантов. «Моя» система – просто хорошо к ним относиться, поддержать их. Правда, советы, темы и т. п. я даю легко, и это тоже помогало. И результаты, как я считаю, хорошие: и диссертации у людей, как правило, получались, и отношения оставались хорошие. (В. Л. Гинзбург)

Виталию Лазаревичу была свойственна некоторая артистическая, или, точнее, просветительская жилка. Ему было важно, чтобы собиралась большая аудитория. Он проявлял особый интерес к новостям в физике, или даже более

широко – в науке. Желание донести всю новую информацию до самой широкой аудитории было замечательной чертой Виталия Лазаревича Гинзбурга. Он вдохновлял других своим интересом. (А. В. Гуревич)

*В. Л. Гинзбург со студентами.
V. L. Ginzburg with students.*

Слева направо: И. М. Франк, Н. А. Добротин, Нильс Бор, И. Е. Тамм, В. Л. Рожанский, В. Л. Гинзбург, Е. Л. Фейнберг, А. М. Прохоров.
From left to right: I. M. Frank, N. A. Dobrotin, Niels Bohr, I. E. Tamm, V. L. Rozhansky, V. L. Ginzburg, E. L. Feinberg, A. M. Prokhorov.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ АРХИМЕДА

Во время визита Нильса Бора, 7 мая 1961 года, сам Нильс Бор, его жена Маргарет и сын Оге приняли участие в празднике «День рождения Архимеда», который за год до этого придумали и организовали студенты физического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. В начале 1960 года на X Комсомольской конференции физфака было решено: «Учредить праздник День Физика. Считать Днём Физика день рождения Архимеда. Постановить, что Архимед родился 7 мая 287 г. до н. э.». Тем самым была установлена дата ежегодного праздника. Торжества эти проходили ежегодно 7 мая в течение 10 лет, до момента, пока парторганы не прикрыли их по идеологическим причинам.

Это было поистине грандиозное событие. На колеснице (сооружённой из соответствующим образом украшенного грузовика) Архимед (Александр Логинов) – в древнегреческой тунике и лавровом венке – в компании с Бором, Ландау и Таммом медленно объезжали здание физфака. При этом Архимед выкрикивал в громкоговоритель лозунги, унижающие «обитателей» соседствующего с физфаком химфака, а также пел песни.

Потом было студенческое представление на ступенях физфака, а вечером того же дня в Клубной части Главного корпуса состоялась знаменитая опера «Архимед», сочинённая в 1960 году второкурсником физфака Валерием Канером и пятикурсником Валерием Миляевым. Опера очень смешная, переполненный зал периодически раздражался смехом, а когда замолкал, в наступившей тишине вдруг раздавался громкий хохот Нильса Бора. Ландау и Тамм, сидевшие от него справа и слева, переводили ему то, что произносилось на сцене, и когда он схватывал смысл шутки, то не мог удержаться от смеха, но при этом возникало естественное запаздывание во времени. А эта «смеховая интервенция» Бора в свою очередь вызывала новый взрыв хохота студенческой аудитории.

Опера повествовала о трудностях создания Единой теории поля, а её главная песня: «Электрон вокруг протона обращается, эта штука атом Бора называется...» Под впечатлением оперы Бор вышел на сцену и сказал тёплые слова, подчеркнув, что Единая теория поля, без сомнения, будет построена, если к её созданию будут приложены энтузиазм и энергия, сопоставимые с тем, что он только что видел. (Б. Л. Альтшулер)

Нобелевский лауреат Нильс Бор в Теоретическом отделе ФИАН.
Май 1961 года.

Эта встреча примечательна тем, что одновременно встретились несколько нобелевских лауреатов по физике – настоящих и будущих.

Nobel laureate Niels Bohr in the Theoretical Department of LPI.
May 1961.

This meeting is remarkable because several Nobel Prize winners in physics of present and future met simultaneously.

НЕСЛУЧАЙНАЯ ОГОВОРКА

В мае 1961 года Нильс Бор также посетил ФИАН, где прочитал лекцию, а потом отвечал на вопросы. В том числе его спросили, как ему удалось создать такую первоклассную школу физиков. Бор ответил: «По-видимому, потому, что я никогда не стеснялся признаться своим ученикам, что я дурак...» Переводивший Бора Е. М. Лифшиц перевёл это так: «По-видимому, потому, что я никогда не стеснялся заявить своим ученикам, что они дураки...» В аудитории наступило оживление, так как кое-кто понимал по-английски. Лифшиц переспросил Бора, извинился за оговорку и дал правильный перевод.

При этом сидевший в зале академик П. Л. Капица заметил, что это неслучайная оговорка: «Она фактически выражает принципиальное различие между школами Бора и Ландау». Евгений Михайлович Лифшиц принадлежал к школе Ландау. Десятитомный курс теоретической физики Ландау и Лифшица – это классика современной физики.

Виталий Гинзбург обладал широкой научной эрудицией. Тогда это явление нередко встречалось в науке.

Игорь Евгеньевич Тамм был всесторонне образованным физиком, и поэтому был специалистом широкого профиля. Ландау был очень широк. Гинзбург следовал этой традиции, интересовался физикой во всех её видах. Он был тем, кого называют универсалами. Это было влияние учителей.

Конечно, Гинзбург был одним из ярчайших специалистов. Он, узнавая какое-то новое физическое явление, буквально заболел. Он брал это явление, о котором очень мало знал, и подвергал его мозговой атаке. (И. М. Халатников)

Нильс Бор в ФИАНе.
Нильс Бор и Оге
Бор в присутствии
Д. В. Скобельцына
осматривают
установку для
фотоэмульсионных
измерений.

Слева направо:
Е. Л. Фейнберг,
Н. Бор, Г. Б. Жданов,
Д. В. Скобельцын,
О. Бор,
В. Л. Гинзбург,
И. М. Франк.
1961 г.

Niels Bohr in LPI:
Niels Bohr and
Aage Bohr
in the presence
of D. V. Skobeltsyn
examine
installation
for photoemulsion
measurements.

Left to right:
E. L. Feinberg,
N. Bohr,
G. B. Zhdanov,
D. V. Skobeltsyn,
A. Bohr,
V. L. Ginzburg,
I. M. Frank.
1961.

С коллегами в ФИАНе. Слева направо: 1-й ряд – Д. И. Маш, Н. А. Добротин, П. А. Черенков, Д. В. Скобельцын, В. Л. Левшин, Т. О. Вреден-Кобецкая, С. Л. Мандельштам; 2-й ряд – В. Л. Гинзбург, С. А. Фридман, В. И. Малышев, М. М. Иншаков, Г. М. Коваленко, Н. Н. Соболев, Н. С. Федулов, А. А. Шубин; 3-й ряд – Л. Н. Туницкий, М. М. Сущинский, В. В. Антонов-Романовский, ?, ?, Г. Г. Столповский, ?, ?.

О КОЛИЧЕСТВЕ И КАЧЕСТВЕ НАУЧНЫХ РАБОТ

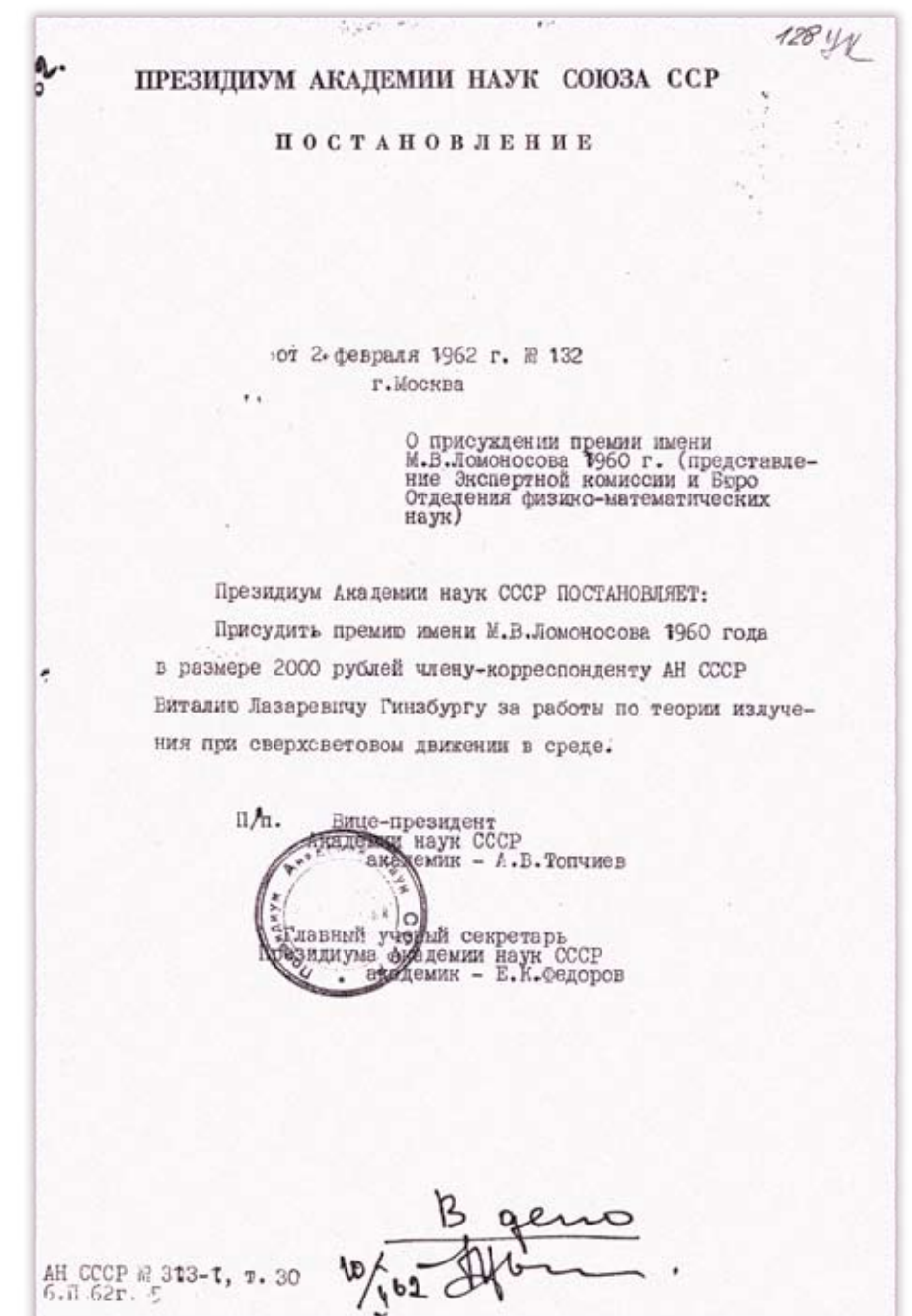
Меня упрекали в том, что я слишком легко публикую статьи. Встречается мнение, что авторы, много публикующие, делают это для славы.

Совершенно очевидно, что само по себе большое число публикаций или даже «работ» не может быть поставлено в заслугу. Одна очень существенная работа может, конечно, быть дороже тысячи слабых работ. При оценке вклада автора решающее значение имеет содержание его публикаций. Количество же их, так сказать, при прочих равных условиях характеризует, в основном, стиль деятельности и вкусы автора. Так, мне довольно легко писать, если, конечно, я представляю себе, о чём писать. Далее, пока не напишешь, остаётся чувство неудовлетворённости; впро-

чем, часто оно остаётся и позже, но всё равно сам процесс писания является, по крайней мере для меня (и, думаю, для многих), важным элементом самой работы. Пишешь статьи не по обязанности, а в силу существования какого-то интереса. А если тебе самому интересно, почему же не поделиться этим с другими?

Я уже давно понимаю, что многие мои публикации лишь дают пищу для критики. Но я не боюсь «криков беотийцев», не хочу идти на поводу у снобов. Иногда, конечно, бывают ошибки, жалеешь о посылке статьи в печать, но ведь не ошибается только тот, кто не работает. Автор должен слушать свой внутренний голос, а не стремиться всем угодить. (В. Л. Гинзбург)

With colleagues in LPI.
Left to right: 1st row– D. I. Mash,
N. A. Dobrotin, P. A. Cherenkov,
D. V. Skobeltsyn, V. L. Levshin,
T. O. Vreden-Kobetskaya, S. L. Mandel-
stam; 2nd row– V. L. Ginzburg,
S. A. Fridman, V. I. Malyshev,
M. M. Inshakov, G. M. Kovalenko,
N. N. Sobolev, N. S. Fedulov,
A. A. Shubin; 3rd row– L. N. Tunitsky,
M. M. Sushchinsky, V. V. Antonov-
Romanovsky, ?, ?, G. G. Stolpovskii, ?, ?.

Согласно распоряжению Президиума АН СССР Виталию Лазаревичу Гинзбургу 26 апреля 1962 года присуждена премия имени М. В. Ломоносова.

According to the order of the Presidium of the USSR Academy of Sciences, Vitaly Lazarevich Ginzburg was awarded the Lomonosov Prize on April 26, 1962.

ФЕНОМЕНАЛЬНЫЕ СПОСОБНОСТИ

Меня всегда поражала работоспособность Виталия Лазаревича. Он много лет работал с неослабевающей продуктивностью. Десять-двенадцать научных статей в год, статей, содержащих нетривиальные идеи и трудоёмкие расчёты. Одна-две научно-популярные статьи в год. Это были такие статьи, которые давали читателю в понятном изложении знания с переднего края науки. Очередная книга раз в два-три года. И ещё лекции, которые он читал в Горьковском университете и на созданной им кафедре Московского физико-технического института. И ещё знаменитый семинар Гинзбурга, который проходил еженедельно по средам в ФИАНе. И это всё только часть работы. (Б. М. Болотовский)

Город Горький.
1958 г.
Gorky city.
1958.

«ВЫЗЫВАЛ ЖЕЛАНИЕ ЗАНЯТЬСЯ ФИЗИКОЙ»

Виталий Лазаревич Гинзбург всегда производил на слушателей и собеседников неизгладимое впечатление. Высокий, красивый мужчина, с горящими глазами и летающими во все стороны руками, он мог говорить о любой области физики, начиная с реликтового излучения и радиоастрономии и заканчивая сверхпроводимостью.

Казалось, что вся Вселенная существует у него в голове и он может обсуждать любые её свойства. Его громкий голос и энтузиазм вызывали немедленное желание заняться физикой, чтобы изучать неизвестные пока ещё проблемы, о которых он часто любил рассказывать. (П. Э. Волковицкий)

«ОН В РИМЕ БЫЛ БЫ ЦИЦЕРОН, В АФИНАХ – ДЕМОСФЕН»

Как лектор, докладчик и вообще оратор Виталий Лазаревич был несравним. Перефразируя Пушкина, можно сказать: «Он в Риме был бы Цицерон, в Афинах – Демосфен».

До сих пор я помню его выступления на семинаре Ландау на самые разные темы – от взрывов сверхновых до сверхпроводимости – выступления яркие, образные и увлекающие. (Б. Л. Иоффе)

Х А Р А К Т Е Р И С Т И К А на ГИНЗБУРГА В.Л.

ГИНЗБУРГ Виталий Лазаревич, 1916 г. рождения, член КПСС с 1944г. работает в Физическом институте им. П.Н. Лебедева Академии наук СССР с 1940 года по настоящее время и является заместителем зав. теоретического отдела ФИАН.

За время работы в Институте член-корреспондент АН СССР В.Л. Гинзбург показал себя талантливым ученым и в настоящее время принадлежит к числу ведущих физиков-теоретиков страны. Основная его особенность – многогранность и широта научных интересов.

В.Л. Гинзбургом опубликовано свыше 100 научных работ, посвященных разнообразным вопросам теоретической физики и радиоастрономии. Ряд его работ был удостоен премией АН СССР.

За научные успехи В.Л. Гинзбург удостоен Сталинской премии I-й степени и награжден орденом Ленина, орденом Трудового Красного знамени и "Знак" почета".

В.Л. Гинзбург принимает активное участие в общественной жизни института. В настоящее время он работает пропагандистом. Партийные поручения выполняет очень добросовестно.

В.Л. Гинзбург рекомендуется для поездки во Францию на конференцию по радиоастрономии.

Характеристика утверждена на заседании партбюро.

И. о. директора Физического
ин-та им. П.Н. Лебедева АН СССР
профессор—

Секретарь парткома ФИАН,
профессор—

Председатель месткома
Ф И А Н

(П. Чахулин)

(В. Масляенников)

февраля 1958г.

НА КОНФЕРЕНЦИЮ В ЛОНДОН

В 1965 году мы сблизились с Виталием Лазаревичем, участвуя в Международной гравитационной конференции в Лондоне. Я уже начал свою деятельность по гравитации. Была там довольно большая советская делегация. В те времена только некоторые физики на такого рода мероприятия ездили делегатами, значительная же часть ездила в качестве научных туристов.

Почти в последний момент меня и В. Л. Гинзбурга решили не пускать. Причин те, кто это решал, конечно, не называли. Виталий Лазаревич отправился просить помощи у М. В. Келдыша, с которым был хорошо знаком со времён «бомбовой» эпопеи.

Я пошёл к Н. Н. Семёнову, который был кандидатом в члены ЦК. Николай Николаевич помог решить вопрос о моей поездке на уровне соответствующего отдела ЦК. М. В. Келдыш помог В. Л. Гинзбургу, по-видимому, на более высоком уровне. И нас пустили.

«Система» в те времена работала очень чётко. Представьте себе: в понедельник начинается конференция, вечером в пятницу нам привозят наши паспорта. В 3 часа дня в пятницу «принято решение ЦК» о нашей поездке, в 6 часов вечера – паспорта у нас. Кроме въездной визы, которую ставит посольство, нужна была выездная виза. Последняя подписывалась человеком по фамилии Щербаков, и на неё ставилась гербовая печать. Только много лет спустя мы узнали, что эту подпись ставят не где-то там «очень высоко». Подпись ставил неприметный человек в Управлении внешних сношений в Академии наук после прихода решения из ЦК КПСС.

На конференцию в Лондон мы попали вовремя. Жили мы с Виталием Лазаревичем вместе. После конференции нас пригласили в Кембриджский и Оксфордский университеты. Нас хорошо принимали, мы были известными людьми. Запомнилось общение с известным нам выдающимся физиком Д. Шёнбергом, который бывал и доработал раньше в Москве. (И. М. Халатников)

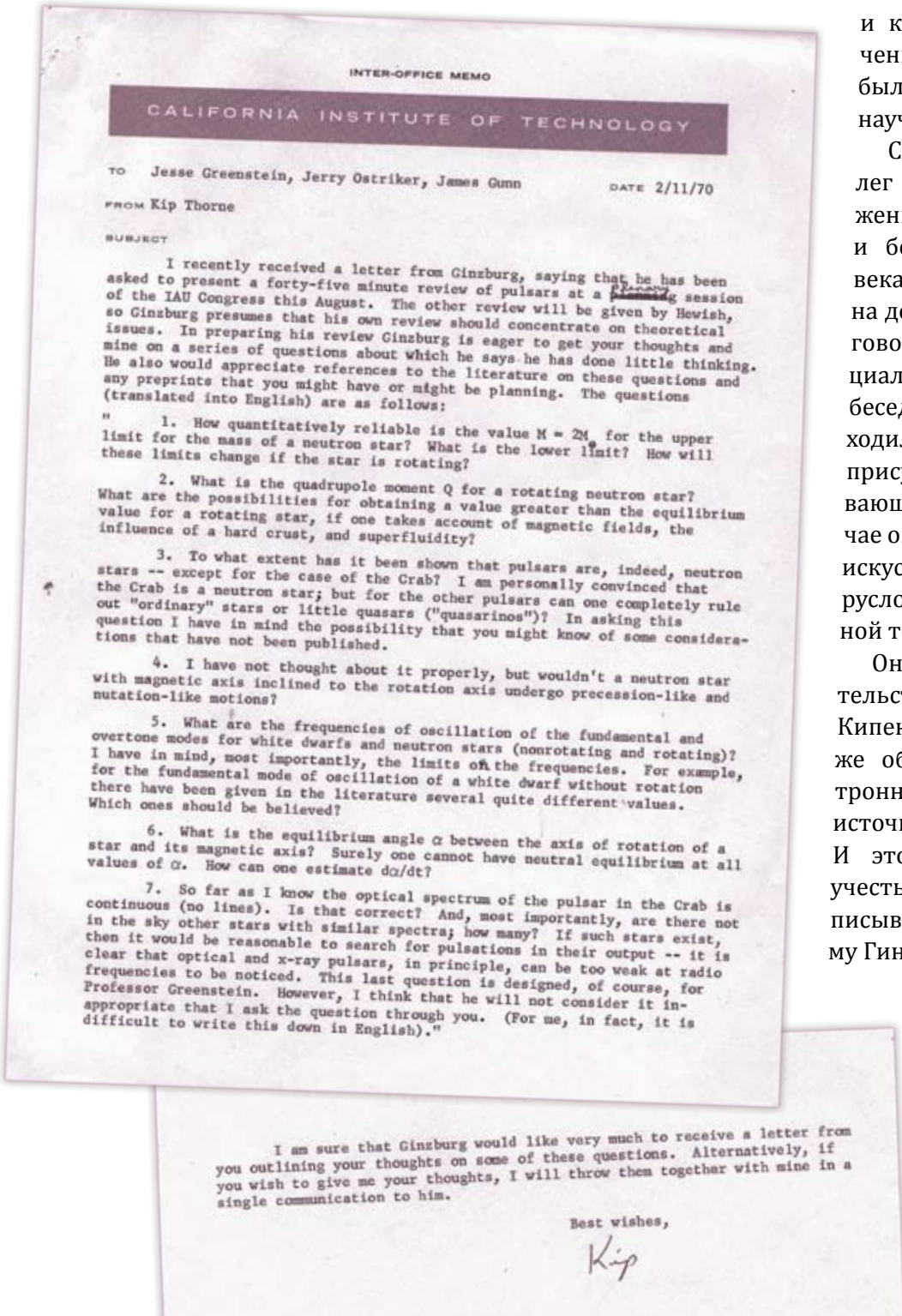
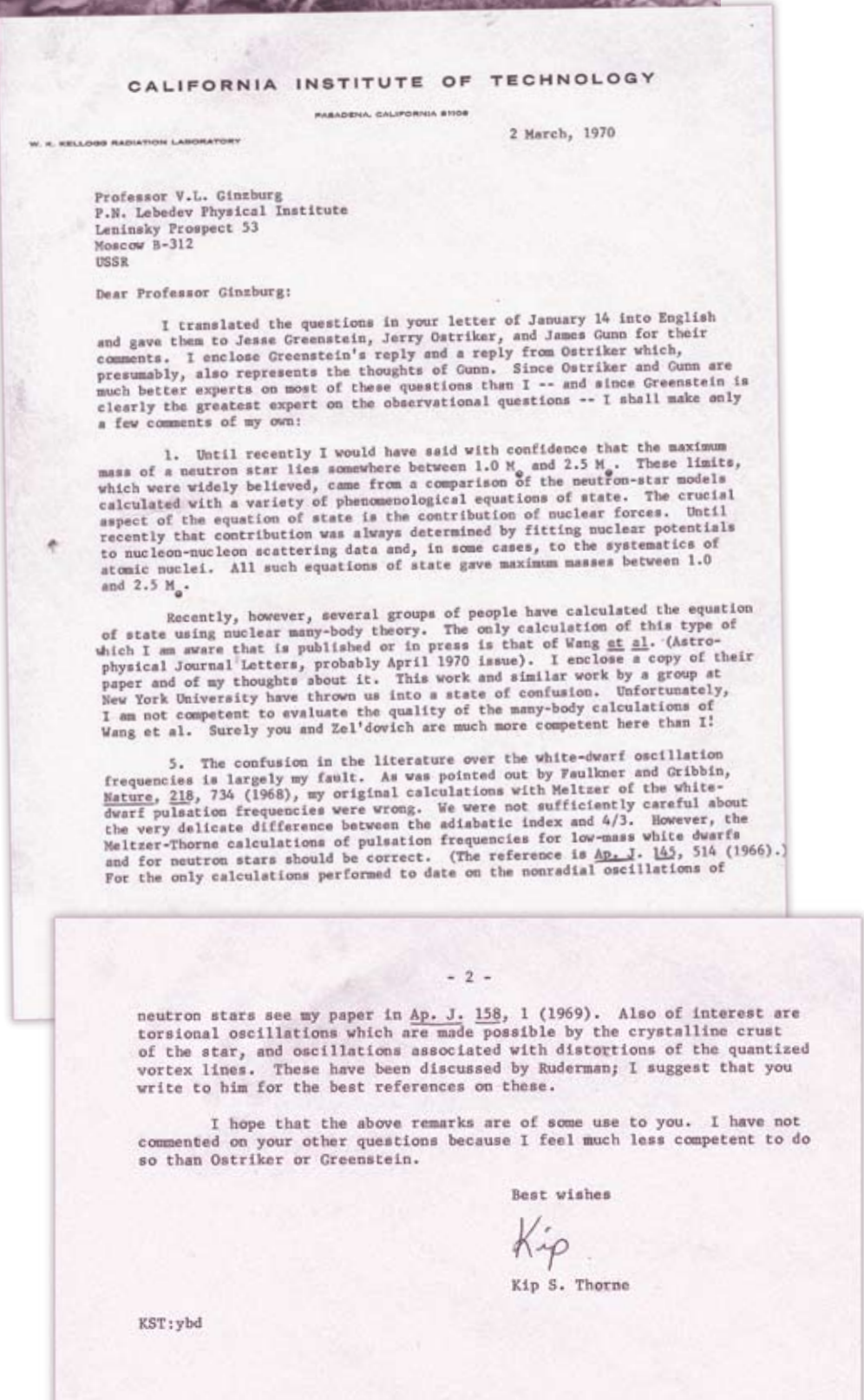
Варшава. 1962 г.

Warsaw. 1962.

В ОЖИДАНИИ ГИНЗБУРГА

В 1963 году я был ещё студентом, готовился к получению степени доктора философии и занимался у Джона Уилера в Принстонском университете. Через несколько месяцев в Далласе (штат Техас, США) состоялся международный конгресс по «Релятивистской астрофизике». На нём обсуждались результаты наблюдений и дальнейшие перспективы исследований в области астрофизической природы этих фантастических объектов.

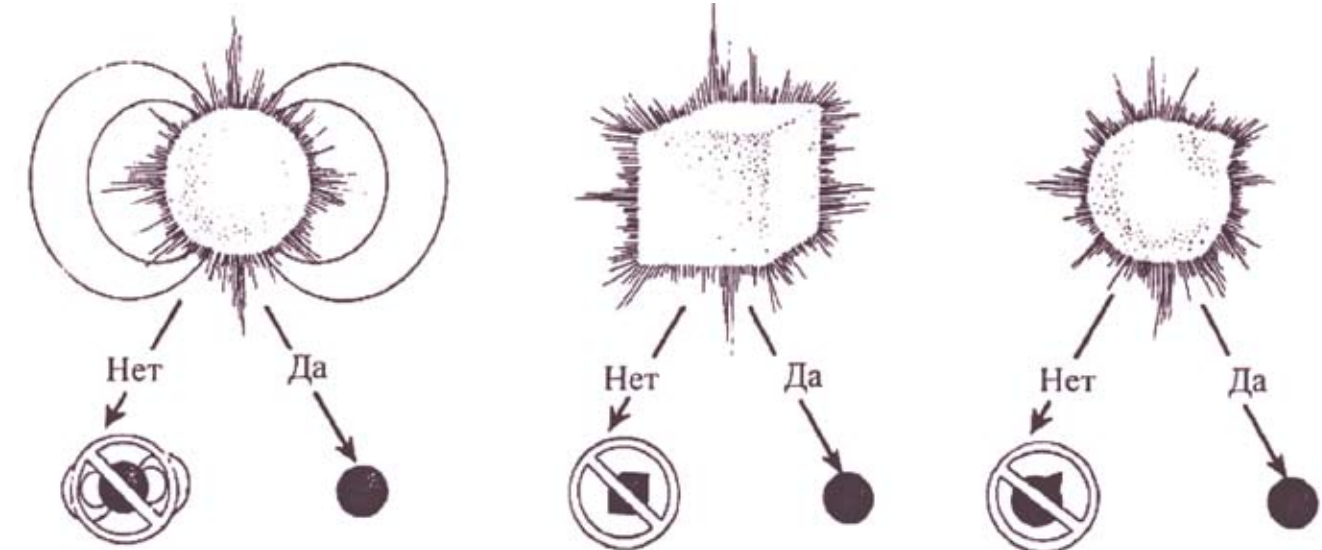
Приглашения были посланы Виталию Гинзбургу, Якову Зельдовичу, Иосифу Шкловскому и другим выдающимся российским астрофизикам. Особенно мы ждали Гинзбурга, который сделал очень много для понимания природы источников космических радиоволн и космических лучей. Вместо этого советские власти прислали одного делегата, человека, совершенно не пользующегося авторитетом в кругах астрофизиков и не обладающего требуемой научной компетентностью. Наше разочарование было колоссальным. (Кип Торн)

В. Л. Гинзбург с коллегами выходит из здания ГАИШ после семинара ОАС. На переднем плане (слева направо): С. Б. Пикельнер, В. Л. Гинзбург и английский астроном Фред Хойл. За спиной В. Л. Гинзбурга – И. С. Шкловский. 1963 г.

V. L. Ginzburg and his colleagues are leaving the building of Sternberg Astronomical Institute after Joint Astrophysical Seminar. In the foreground from left to right: S. B. Pikelner, V. L. Ginzburg and English astronomer Fred Hoyle. Behind V. L. Ginzburg – I. S. Shklovsky. 1963.

Некоторые примеры «концепции безволосости»: (а) При схлопывании замагниченной звезды образуется чёрная дыра, у которой нет магнитного поля, (б) При схлопывании квадратной звезды образуется не квадратная, а круглая чёрная дыра, (с) При схлопывании звезды с горбом на поверхности образуется чёрная дыра без горба.

Some examples of the «no-hair conjecture»: (a) When a magnetized star collapses, a black hole is formed that does not have a magnetic field; (b) When a square star collapses, a round black hole is formed rather than a square one; (c) When a star with a hump on its surface collapses, black hole without a hump is formed.

У ЧЁРНЫХ ДЫР НЕТ «ВОЛОС»

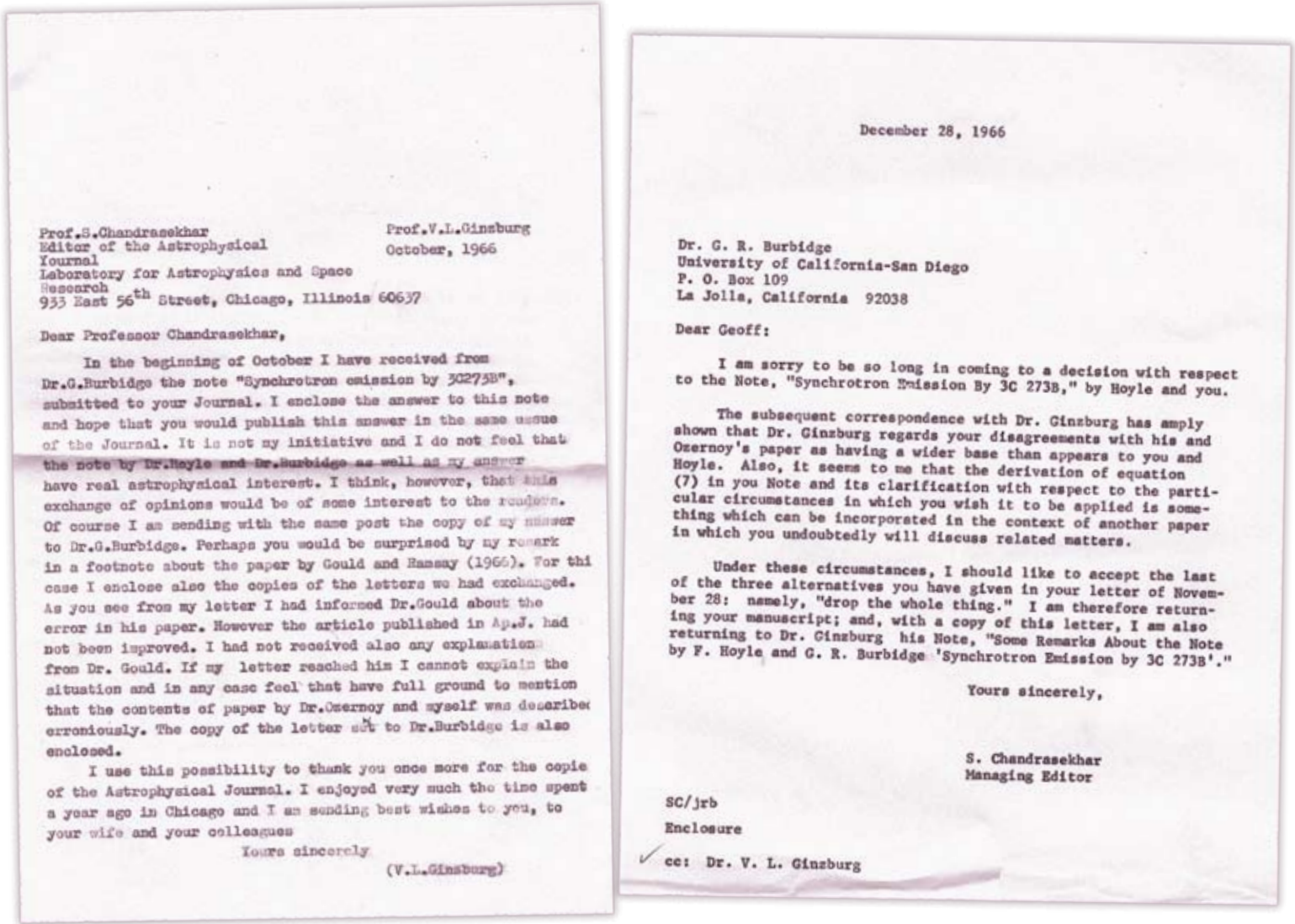
Среди открытий Золотого века одним из самых значительных считается утверждение, что «у чёрных дыр нет волос». Некоторые открытия в науке делаются быстро, отдельными учёными; другие появляются медленно и являются результатом вклада многих исследователей. «Безволосость» чёрных дыр – это открытие второго типа. Оно появилось благодаря усилиям учеников трёх гениев: Зельдовича, Уилера и Сиамы, а также многих других исследователей. Множество исследователей шаг за шагом пытались сформулировать понятие «безволосости» чёрной дыры, доказать его и понять возможные последствия.

Первые намёки на то, что «у чёрной дыры нет волос», появились в 1964 году у Виталия Лазаревича Гинзбурга.

Астрономы из Калифорнийского технологического института только что открыли квазары, загадочные взрывные объекты на краю Вселенной, а Гинзбург пытался выяснить источник их энергии. Он предполагал, что это может быть, например, схлопывание замагниченной сверхмассивной звезды с образованием чёрной дыры. Силовые линии магнитного поля такой звезды имели бы такой же вид, как и силовые линии земного магнитного поля. При схлопывании может произойти сильное сгущение силовых линий с последующим мощным взрывом и выделением огромной энергии. Так рассуждал Гинзбург. Таков возможный механизм квазаров.

Полный расчёт схлопывания звезды для проверки этого утверждения был бы чрезвычайно трудным, поэтому Гинзбург придумал нечто оригинальное. Как Оппенгеймер в своём первом грубом исследовании схлопывания звезды, Гинзбург рассмотрел последовательность статичных звёзд, причём каждая последующая была компактнее предыдущей. Через каждую из этих звёзд проходило одно и то же количество магнитных силовых линий. Гинзбург предположил, что такая последовательность статичных звёзд должна отражать картину, происходящую при схлопывании одной звезды.

Он вывел формулу, описывающую формы магнитных силовых линий для каждой звезды в своей последовательности. И его ожидал большой сюрприз. Когда размеры звезды приближаются к критическому значению, после достижения которого образуется чёрная дыра, её гравитация притягивает магнитные силовые линии на поверхность и плотно их стягивает. После образования чёрной дыры все стянутые вместе силовые линии оказываются внутри её горизонта событий. Ни одной силовой линии не будет выходить из чёрной дыры. Такой вывод не сулил ничего хорошего для гипотезы Гинзбурга о механизме излучения квазаров, но приводил к интересным перспективам в другой области: при схлопывании замагниченной звезды в чёрную дыру последняя вполне может родиться вообще без магнитного поля.

ПОНЯТЬ ФИЗИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ БЕЗ РАСЧЁТОВ

В послевоенное время физики на уровне докторов наук во всей Москве знали друг друга. И хотя мы были из разных школ, Гинзбург был учеником Тамма, я – Ландау, но мы хорошо знали друг друга. Гинзбург был как бы усыновлённым членом группы Ландау.

О музыканте говорят: у него была хорошая школа, он очень долго играл на фортепиано, разучивал классиков и так далее. Так вот у Гинзбурга не было такой школы, потому что он даже среднюю школу не окончил. И поэтому он не брался за работы, которые были технически сложными, когда нужно было применять непростой математический аппарат для решения задачи.

Но когда появлялась физическая задача, то понять физическое явление Гинзбург мог быстро, без математических расчётов. Он отличался тем, что генерировал идеи. Он вырос в такой школе ФИАНа, где были такие гиганты, как Мандельштам, которые были технически очень сильными, и у которых он мог многому научиться. Он вырос в окружении сильных физиков – Тамм, Ландсберг. (И. М. Халатников)

о научной деятельности члена-корреспондента АН СССР
В.Л.ГИНЗБУРГА

Виталий Лазаревич Гинзбург принадлежит к числу крупнейших советских ученых с большим мировым именем; за почти 25 лет научной деятельности он опубликовал более 200 научных работ /в том числе несколько фундаментальных монографий/ по различным вопросам теоретической физики и астрофизики. Основными особенностями его как ученого является исключительная широта научных интересов, творческая инициативность, критический подход к разбираемым проблемам, огромный продуктивность и результативность исследований. Его работы, несколько условно, можно разбить на ряд циклов.

I. Исследования по распространению электромагнитных волн в плазме /с приложениями к распространению радиоволн в ионосфере, к распространению и генерации радиоволн в космосе и оболочках звезд/.

В.Л.Гинзбургом рассмотрены многочисленные общие вопросы теории распространения электромагнитных волн в плазме и на этой основе был решен ряд конкретных проблем. Так, были рассмотрены вопросы о действующем поле, об искажении отраженных импульсов, были получены соотношения, соединившие водино, как некоторые предельные случаи, магнитогидродинамические волны и обычные электромагнитные волны, и т.д. Далее было предсказано "умножение" отраженных от ионосферы радиосигналов, связанное со своеобразным туннельным эффектом в присутствии земного магнитного поля; учтена оказавшаяся весьма существенной роль соударений электронов с ионами в ионосфере. Задолго

до развития радиоспектроскопии, в 1942 г. было указано на фундаментальную роль процессов индуцированного испускания для прохождения радиоволн некоторых частот в атмосфере.

Все эти исследования обобщены в монографии В.Л.Гинзбурга "Распространение электромагнитных волн в плазме" /1960 г./, Она издана на английском языке также в США и в Голландии, вскоре выходит ее расширенное издание в Англии. Эта монография служит основным пособием для радиофизиков и радиотехников, работающих в указанной области.

Перечисленные работы тесно связаны с радиоастрономическими исследованиями В.Л.Гинзбурга. В этой области В.Л.Гинзбург начал работать одним из первых. В настоящее время он является здесь одним из ведущих авторитетов. Еще в 1946 г. он впервые указал на то, что тепловое радиоизлучение Солнца должно отвечать температуре порядка миллиона градусов, а не температуре фотосферы. Вскоре это обстоятельство нашло экспериментальное подтверждение. В дальнейшем им исследовался вопрос о поглощении радиоволн в солнечной короне.

В период с 1952 по 1961 г. В.Л.Гинзбургом развивалась теория спорадического солнечного радиоизлучения. Так, в 1952 г. он впервые /совместно с его учеником Г.Г.Гетмищевым/ указал на возможную роль магнитотормозного /синхротронного/ радиоизлучения Солнца. Этот механизм, как сейчас установлено, действительно играет на Солнце очень большую роль /всплески II типа и др./, В 1958 г. впервые указан и обсужден /совместно с учеником В.Л.Гинзбурга В.В.Мелезниковым/ механизм трансформации плазменных волн, генерируемых в короне потоками частиц,

в радиоволны /речь идет о механизме рассеяния на флуктуирующих плотности и флуктуирующих зарядах/. Эта работа широко цитируется в мировой литературе, а ее выводы подтвердились. Кроме того был проанализирован ряд других вопросов /характер распространения радиоволн в магнитоактивной солнечной короне, механизм ряда типов излучения, предсказано появление солнечных релятивистских электронов идя от Солнца, куда они выходят после больших вспышек и т.п./.

К радиоастрономическим работам /хотя и иного типа/ относится /совместно с Г.Г.Гетмищевым/ работа, в которой был предложен и продискутирован метод исследования дискретных источников радиоизлучения /в частности, на Солнце/, путем наблюдения дифракции на лунном крае. Этот метод сейчас применяется для исследования радиогалактик и сверхзвезд и дал замечательные результаты. В 1960 и детальнее в 1963 г. /совместно с В.В.Писаревой/ предложен и продискутирован метод исследования космического пространства /в частности, сверхкороны Солнца/ путем наблюдения поворота плоскости поляризации и деполаризации радиоизлучения дискретных источников, проходящего через исследуемую область.

II. Радиоастрономическая теория происхождения космических лучей

Особый этап указанных выше исследований наступил тогда, когда изучение механизма галактического радиоизлучения привело к установлению связи между радиоастрономией и проблемой происхождения космических лучей. Именно, В.Л.Гинзбург /совместно с И.С.Шкловским/ развили количественную теорию происхождения космических лучей, в которой впервые в этой труднейшей проблеме

энергетический спектр космических лучей поставлен в подтвержденную опытом связь со спектром радиоизлучения. Первая работа В.Л.Гинзбурга по этому вопросу опубликована в 1952 г., а в 1953 г. теория представила уже почти в ее современном виде. В последние годы эта теория получает все более широкое признание, а роль В.Л.Гинзбурга в ее создании считается неоспоримой. Ее разработку и уточнение продолжает, как сам В.Л.Гинзбург с сотрудниками, так и другие ученые. Сюда же принадлежат исследования по гамма-астрономии. Основные результаты были подбиты в монографии В.Л.Гинзбурга и его сотрудника С.И. Сироватского "Происхождение космических лучей", вышедшей в 1963 г. и перевыдаваемой в Англии.

III. Излучение быстро движущихся излучателей

Большой круг исследований В.Л.Гинзбурга посвящен теории эффекта Вавилова-Черенкова и родственным проблемам. Им создана квантовая теория этого эффекта, теория эффекта в анизотропных и неоднородных средах и т.д. В.Л.Гинзбургом указана возможность использования эффекта для генерации микрорадиоволн. Совместно с И.М.Франком им было указано на возможность и дана теория так называемого переходного излучения, возникающего при переходе электрона из одной среды в другую. Его существование было экспериментально доказано и ему посвящены десятки работ как в СССР, так и за рубежом. За все эти работы Президиум АН СССР присудил В.Л.Гинзбургу премию им. М.В.Ломоносова.

IV. Физика твердого тела низких температур

В 1945 г. В.Л.Гинзбург впервые развил общую термодинамическую теорию сегнетоэлектрических явлений и применил ее к открытому в это время советскими физиками новому сегнетоэлектрику - титанату бария. Ряд предсказанных теорией закономерностей был впоследствии обнаружен на опыте. За эту работу В.Л.Гинзбургу в 1947 г. была присуждена премия имени Л.И.Мандельштама. В 1949 г. теория сегнетоэлектрических явлений была развита В.Л.Гинзбургом далее, причем были учтены пьезоэффект и анизотропия титаната бария. К этой проблеме он возвращался и позднее - в 1960 г.

В области физики низких температур В.Л.Гинзбург работает с 1943 г. Наряду с работами, посвященными отдельным вопросам теории сверхпроводимости /термоэлектрические явления, гироманнитные эффекты, роль анизотропии и др./ В.Л.Гинзбург /совместно с Л.Д.Ландау/ в 1960 г. построил обобщенную макроскопическую теорию сверхпроводимости, исходящую из ряда новых представлений. При этом было предсказано существование некоторых явлений /в первую очередь касавшихся переохлаждения и перегрева массивного металла, сверхпроводимости пленок и переходного слоя между нормальной и сверхпроводящими фазами/. Экспериментальная проверка уже давно показала правильность этой теории.

Замечательным фактом является то, что созданный в последние годы микроскопическая теория сверхпроводимости дала дополнительное обоснование этой феноменологической теории. В.Л.Гинзбургу принадлежат также работы по теории сверхтекучести. В частности, отметим работу /совместную с Л.П.Питаевским/ о поведении гелия вблизи лямбда-точки /1958 г./.

возможностей и ряд предложений по использованию спутников и космических ракет для проверки общей теории относительности и для других физических и астрономических исследований. Многие из работ В.Л.Гинзбурга имеют большое практическое значение, причем среди них есть работы исключительной прикладной ценности, отмеченные высшими правительственными наградами.

Необходимо добавить, что В.Л.Гинзбургу, являющемуся с 1944 года заместителем заведующего теоретическим отделом ФИАН СССР и с 1945 г. профессором - зав. кафедрой факультета радиофизики Горьковского университета, принадлежат значительные заслуги в деле подготовки кадров физиков-теоретиков и радиофизиков. В частности, под его руководством уже выполнено более 30 диссертаций.

В Горьковском университете им создана целая школа, работы которой играют значительную роль в развитии теории распространения электромагнитных волн в плазме, в частности, в ионосфере и в оболочках Солнца и других звезд, а также в развитии других проблем радиоастрономии и в квантовой радиофизике. В Москве В.Л.Гинзбург много лет назад создал общесоюзский научный семинар, привлекавший физиков из различных научных учреждений. В частности, благодаря этому семинару научные идеи В.Л.Гинзбурга оказывают непосредственное влияние на гораздо более широкие круги физиков, чем те, которые формально относятся к числу его учеников и сотрудников.

Таким образом, В.Л.Гинзбург обогатил советскую и мировую науку трудами первостепенного научного значения по электро-

У. ОПТИКА

Помимо оптических исследований, связанных с физикой источников, движущихся со сверхсветовой скоростью, и с физикой низких температур, В.Л.Гинзбургом исследованы проблемы рассеяния света. В частности, указанная им критическая опалесценция в точке фазового перехода в твердом теле была обнаружена экспериментаторами в МГУ.

Большой круг исследований В.Л.Гинзбурга посвящен в последние годы оптике экситонов и кристаллооптике с учетом пространственной дисперсии. Монография, написанная на эту тему В.Л.Гинзбургом и В.М.Аграновичем, намечается к опубликованию в СССР и в США.

VI. Общие проблемы теории элементарных частиц

Укажем прежде всего на исследования /начиная в 1941 г./ вопроса о роли инерционности спина. В.Л.Гинзбург показал, что учет инерции собственного поля эквивалентен введению возбужденных спинных состояний частиц. В дальнейшем он первый построил релятивистские уравнения для частиц с возбужденными спинными состояниями и /совместно с И.Е.Таммом/ исследовал вопрос о спектре энергий частицы с бесконечным числом возбужденных состояний. Многие из идей и результатов этих работ были позже повторены в зарубежной литературе и находят свое дальнейшее развитие.

В.Л.Гинзбургу принадлежат также работы по квантовой электродинамике.

x x

Этим далеко не исчерпывается круг научных интересов В.Л.Гинзбурга. Так, ему принадлежит анализ экспериментальных

динамики плазмы в широком аспекте /включая конкретные проблемы распространения электромагнитных волн в ионосфере, распространения и генерации радиоволн в космическом пространстве и в оболочках звезд/; по радиоастрономии вообще; по физике космических лучей /радиоастрономическая теория происхождения космических лучей/; по теории испускания электромагнитных волн источниками, движущимися со сверхсветовыми скоростями; по физике твердого тела и низких температур /теория сегнетоэлектриков типа титаната бария; макроскопическая теория сверхпроводимости и др./; по фундаментальным проблемам теории элементарных частиц; по оптике и по ряду других проблем.

Председатель
Ученого совета института
им. П.Н.Лобачева АН СССР
академик

Д.С.Сабеная
Д.В.Скобелкина

Ученый секретарь Совета
старший сотрудник

/А.И.Барчуков/

СЕМИНАРЫ ГИНЗБУРГА

Знаменитый семинар Гинзбурга возник в 1956 году и на протяжении нескольких десятилетий еженедельно собирал участников в Физическом институте имени П. Н. Лебедева (ФИАН), чтобы знакомиться с новостями, обсуждать проблемы, стоящие перед физикой, и возможные пути их решения. Организатор и бесменный руководитель семинара в течение всех этих лет – Виталий Лазаревич Гинзбург.

Обстановка на семинаре Гинзбурга с первых заседаний была непринуждённая, естественная. У докладчика не было опасения, что вот сейчас он ошибётся, и тогда его разругают, высмеют и больше его доклады ставить не будут. Наоборот, довольно быстро всем стало ясно, что после сделанного доклада уровень понимания, как правило, повышался у всех, даже у докладчика. Этому способствовала и свободная дискуссия, и заключительное слово В. Л. Гинзбурга, и вся обстановка семинара – доброжелательная, нацеленная на выяснение истины.

С первого дня работы семинара В. Л. приходил на все заседания с «амбарной книгой» – большой тетрадь в картонном переплёте – и записывал в неё то, что считал интересным и важным для себя. Он работал на семинаре и относился к этой работе столь же серьёзно, как и ко всему, что имело отношение к научной работе.

Виталий Лазаревич следил также и за слушателями. Если он видел, что контакт докладчика с аудиторией ослабевает (а это происходило, если слушатели переставали понимать докладчика), то на короткое время прерывал доклад и в нескольких фразах восстанавливал понимание. В. Л. говорил то же самое, но по-своему, и это было нередко понятнее, чем сказанное докладчиком.

Из года в год число участников непрерывно росло, а «география» непрерывно расширялась. На семинар стали ездить из Пахры, Обнинска, Зеленограда, Горького, не говоря уже о московских институтах (МИФИ, ИТЭФ, МГУ, МФТИ и др.). Чем дальше, тем всё большее помещение требовалось для заседаний. Первоначально семинар собирался в маленькой комнатке теоретического отдела. Затем перебрался в комнату попросторнее, затем в колонный зал ФИАН и, наконец, в конференц-зал – самую большую аудиторию в институте, где и проводился в течение многих лет. Число постоянных участников семинара неуклонно росло и через 8–10 лет достигло насыщения – примерно полторы-две сотни человек. На некоторые доклады приходили до 400 человек. Физики внимательно следили за объявлениями об очередном семинаре, звонили в отдел теоретической физики ФИАН, чтобы узнать заранее повестку дня. (Б. М. Болотовский)

СТРОГИЕ ПОРЯДКИ

Как-то на Учёном совете теоретического отдела Виталий Лазаревич посетовал, что на семинаре в последнее время мало высказывается новых интересных идей. «Наверное, люди опасаются, что их обворуют», – сказал он. – И совершенно напрасно. Я не боялся выступать с новыми идеями, и меня ни разу не обворовали».

Виталий Лазаревич не любил, когда участники семинара опаздывали. Вход в конференц-зал был расположен сзади, за спиной участников. Опоздавшие обычно на цыпочках входили в зал, где уже шёл доклад, и тихонько продвигались по проходу вперёд, стараясь найти свободное место. Иногда В. Л. в это время оборачивался и замечал опоздавшего. Тот в испуге как можно быстрее и как можно тише усаживался, опасаясь громкого осуждения.

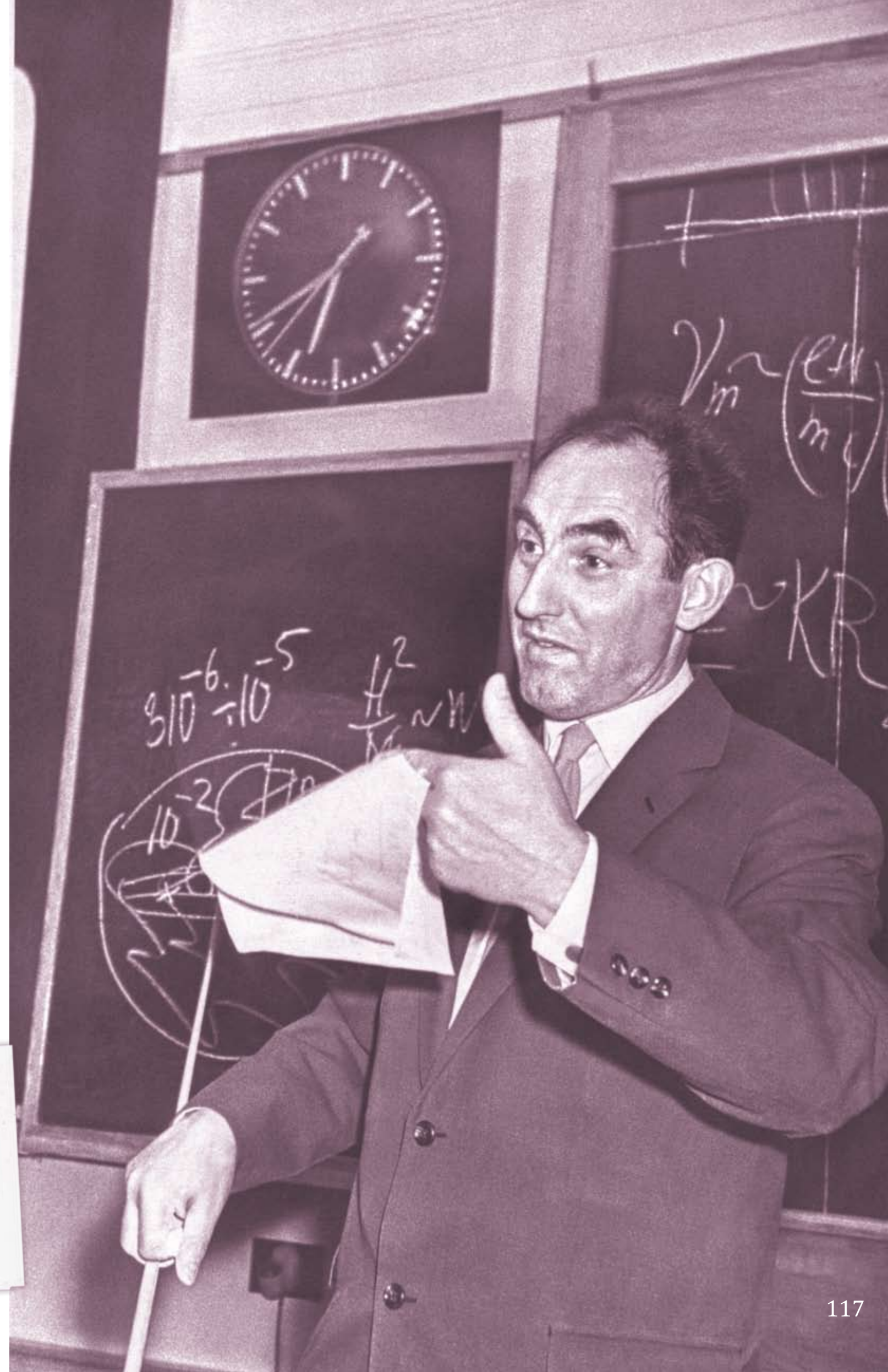
Однако был на семинаре один участник, который, если опаздывал, то сам обращал на себя внимание всего зала. Это был сотрудник лаборатории ускорителей Андрей Андрианович Кузнецов по кличке Тарзан. Он был ниже среднего роста, и телосложение у него было далеко не атлетическим. Андрей Андрианович опаздывал редко, но когда опаздывал, об этом сразу узнавал весь семинар.

Представьте себе такую картину. Семинар начал свою работу, докладчик стоит у доски с мелом в руке. Уже на доске и первые формулы написаны. Зал слушает особенно внимательно, ведь если в самом начале что-то непонятно, то потом будет ещё труднее понять. В этот момент от входной двери раздаётся громовой возглас: «Прошу прощения!» Докладчик застывает с открытым ртом. Все присутствующие поворачивают головы. По проходу бегом передвигается Андрей Андрианович. Он быстро находит свободное место где-то в первых рядах, усаживается и напоследок гремит: «Извините за опоздание!» И застывает, весь обратившись в слух. Может быть, его и прозвали Тарзаном именно за зычный голос. Виталий Лазаревич ни разу не сделал ему замечания. По-видимому, он, как и мы все, каждый раз оказывался ошеломлённым. (Б. М. Болотовский)

ОБЪЯВЛЕНИЕ

В среду 3 февраля в 10 час. в колонном зале состоится семинар I-го сектора теоретического отдела.

1. В. Л. Гинзбург. "Замечания о фазовых переходах 2-го рода и микротерии сегнетоэлектриков".
2. Агранович В. М. "Замечания к вопросу об экситонах".
3. В. Е. Пафонов. "О перифонном излучении".

ДОКЛАДЫ НА ЗЛОБОДНЕВНЫЕ ТЕМЫ

Любой потенциальный участник семинара, если ему было о чём рассказать, мог подойти к секретарю и записаться – сообщить тему доклада, свою фамилию, адрес и номер телефона. В. Л. Гинзбург просматривал заявки и определял, кому докладывать. Некоторым авторам приходилось ждать больше, другим – меньше. Это определялось многими факторами: преимущественной тематикой семинара, злободневностью заявленной работы, в какой-то степени репутацией автора и рядом других причин, в том числе интересами самого Виталия Лазаревича. Важно было, чтобы уровень доклада соответствовал традици-

ям семинара (проще говоря, чтобы доклад был доброкачественным). Слабый доклад – это потеря времени для всех его участников. За всё время работы семинара слабых докладов было всего несколько.

Тематика семинара была очень широка, как и круг интересов руководителя: физика низких температур, астрофизика, физика плазмы, физика высоких энергий, космология, электродинамика, физика космических лучей и много чего ещё. Кроме того, Виталий Лазаревич держал под наблюдением те отрасли физической науки, которые не входили в основную тематику. Например,

физике элементарных частиц на семинаре не уделялось много внимания, но если в этой области появлялось нечто новое, на семинар приглашался специалист, который знакомил слушателей с существом дела. В частности, нередко выступал А. А. Комар с сообщениями о новостях в физике элементарных частиц и высоких энергий. Он хорошо знал эту область, и его сообщения отличались чёткостью и ясностью. То же и с работами по холодному синтезу, по телепортации.

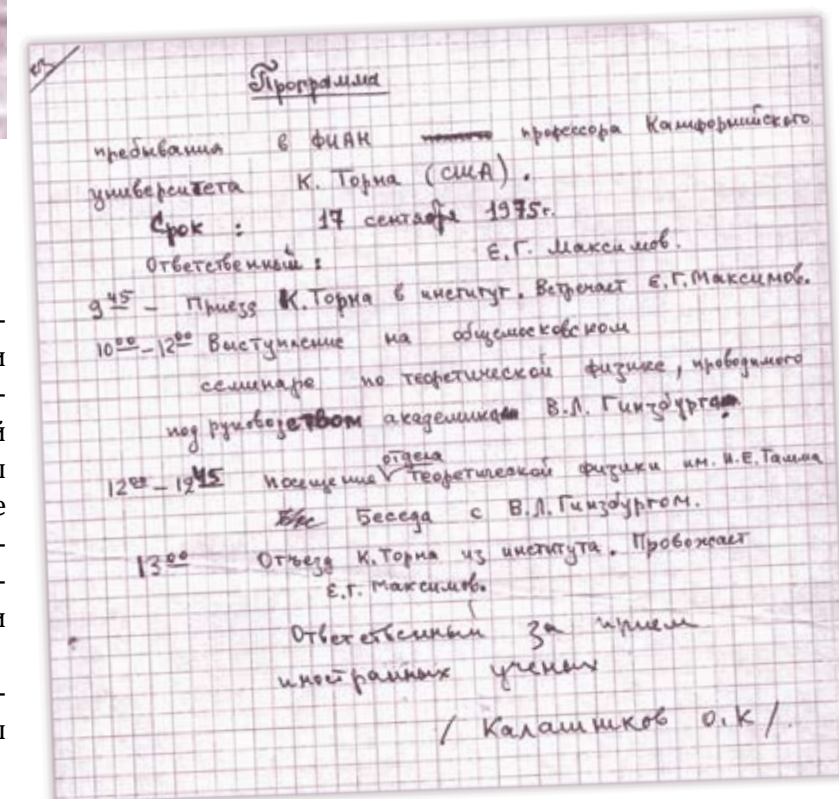
В. Л. Гинзбург активно работал во многих областях физической науки и часто сам выступал на семинаре. (Б. М. Болотовский)

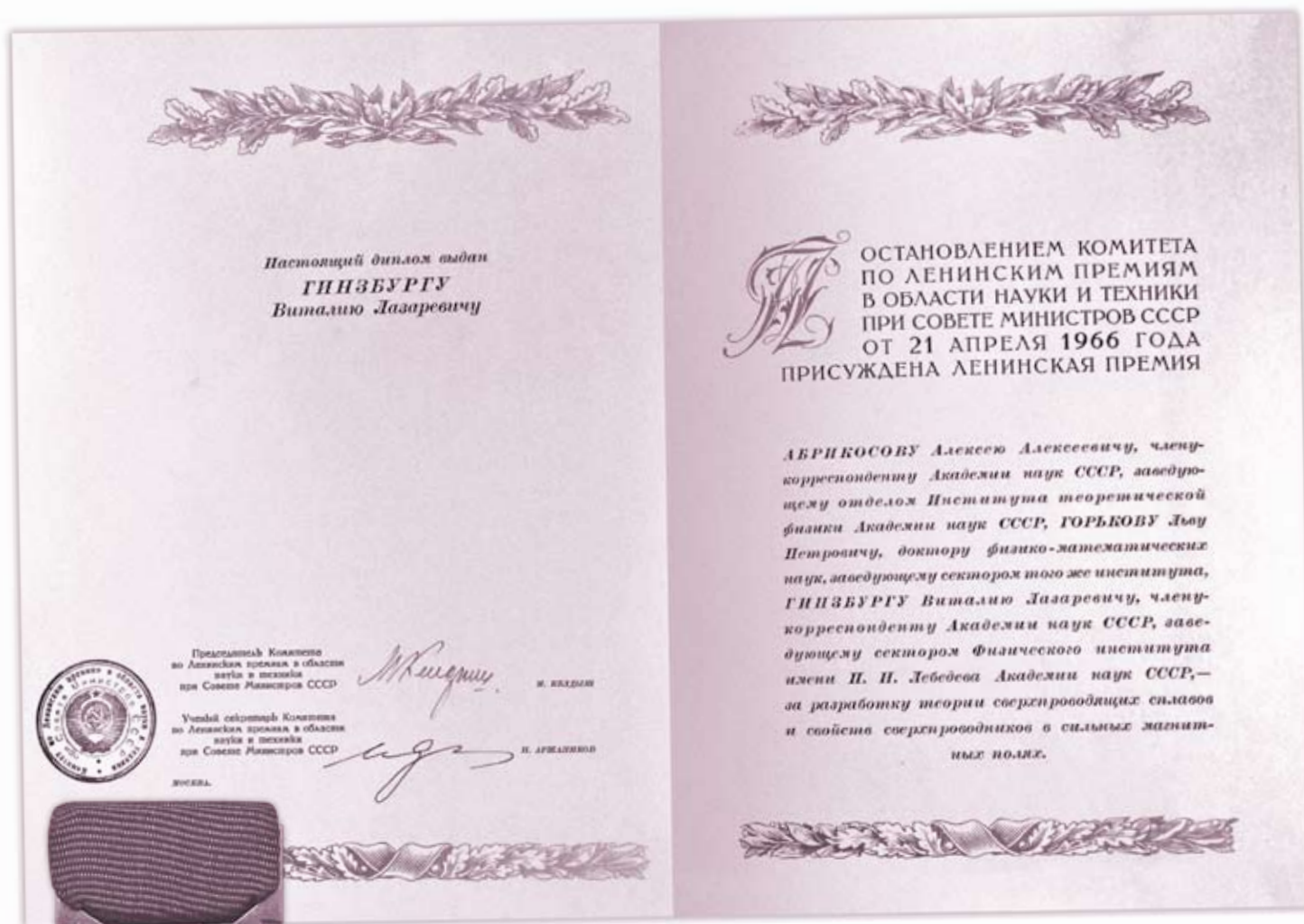
Однажды на каком-то, вероятно, юбилейном заседании я сказал, что у Пушкина Сальери вспоминает совет Бомарше: «Как мысли чёрные к тебе придут, откупори шампанского бутылку иль перечти „Женитьбу Фигаро“».

Если бы Бомарше дожил до нашего времени, понимал хоть что-нибудь в физике и побывал на семинаре В. Л. Гинзбурга, он добавил бы третий совет: пойти на этот семинар. На нём активное участие В. Л. Гинзбурга само по себе было как пенящаяся бутылка шампанского. Да и, не понимая ничего в физике, ему было бы достаточно посмотреть на лица расходящихся после семинара людей – радостные, даже просветлённые, счастливые от тех двух часов пиршества мысли, познания, открывшегося нового, казавшегося ранее туманным, спутанным. (Е. Л. Фейнберг)

Семинар Гинзбурга был не просто семинаром. Он не был даже хорошим или очень хорошим семинаром. Его некоторые стороны иногда даже раздражали руководителя. Дело в том, что семинар стал ещё и неофициальным клубом физиков. Мне многократно приходилось встречать на семинаре людей, проживающих весьма далеко от Москвы. Многие из них, приезжая в командировки из Ленинграда, Киева, Харькова, Новосибирска и многих других городов бывшего СССР, специально выбирали время командировки так, чтобы оказаться в Москве в среду. (Е. Г. Максимов)

Я часто выступал на знаменитых еженедельных семинарах, которые Гинзбург вёл на протяжении всей своей научной деятельности в ФИАНе. Я сохранил самые яркие воспоминания об этих семинарах: каждую неделю в аудитории шла речь о наиболее важных новостях в любых областях физики; потом обычно следовали один или два глубоких доклада, слушать которые приходили физики со всей Москвы. (Кип Торн)

Диплом лауреата Ленинской премии члена-корреспондента АН СССР В. Л. Гинзбурга – за разработку «теории сверхпроводящих сплавов и свойств сверхпроводников в сильных магнитных полях». Вручён 21 апреля 1966 года.

Diploma of Lenin Prize winner Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences V. L. Ginzburg – for developing the «theory of superconducting alloys and properties of superconductors in strong magnetic fields». Awarded on April 21, 1966.

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ. ПЕСНЯ ДЛЯ ЮБИЛЯРА

В 1966 году Виталий Лазаревич был избран действительным членом Академии наук СССР. В том же году ему исполнилось 50 лет. Эти два события были отмечены юбилейным заседанием. Народу на этом заседании было не очень много – примерно треть нашего фиановского конференц-зала. Это заседание происходило летом, за несколько месяцев до дня рождения В. Л. Гинзбурга и вскоре после его избрания в академики. Многие были в отъезде.

Я к этому заседанию сочинил песню на мотив песни Алешковского «Товарищ Сталин, вы большой учёный» и спел её под гитару... Обстановка на заседании была дружеская, неформальная.

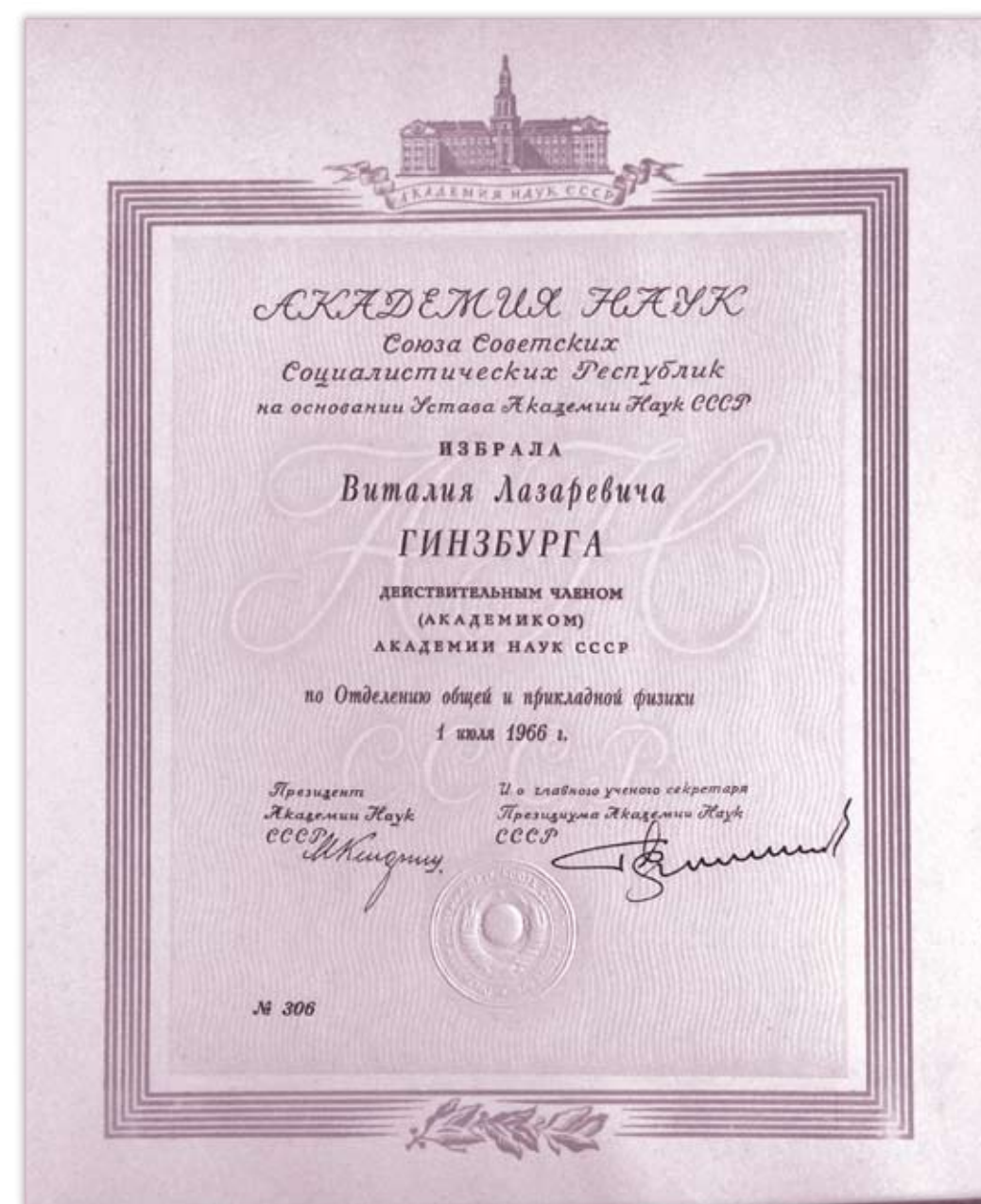
Собрались многие друзья Виталия Лазаревича. Так что моя легкомысленная песня не очень выбивалась из общего стиля выступлений.

Песня присутствующим понравилась. Меня заставили спеть её на бис. Исаак Маркович Халатников хлопнул меня по плечу и сказал:

– Наша школа!»

Осенью в сентябре начал свою ежегодную работу семинар Гинзбурга. На первом заседании В. Л. Гинзбург сказал мне:

– Боря, сядьте куда-нибудь подальше от меня, чтобы я вас не видел, а то я вас увижу и начну смеяться. (Б. А. Болотовский)

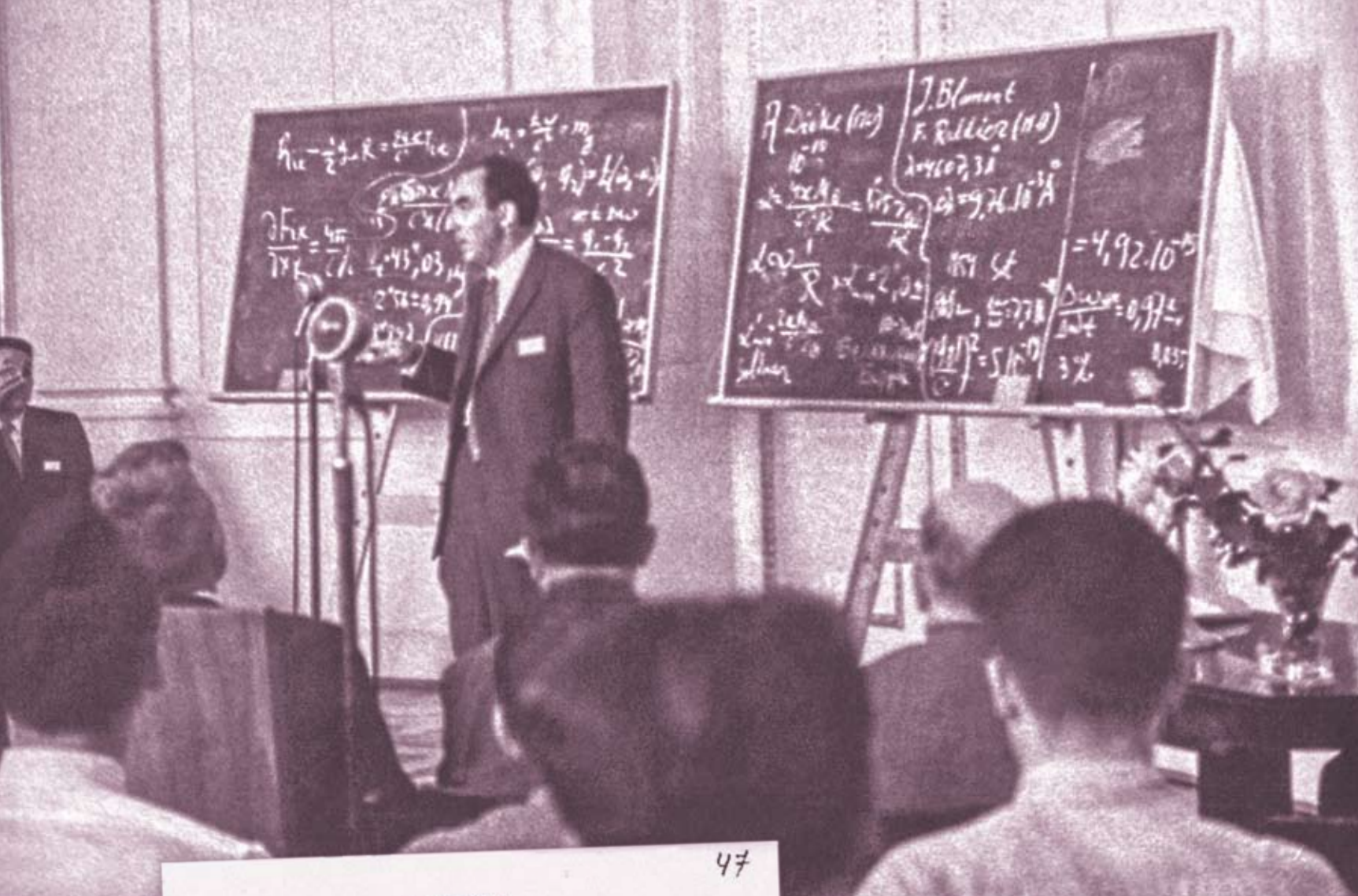

Диплом об избрании В. Л. Гинзбурга действительным членом (академиком) АН СССР, Отделение общей и прикладной физики.

Diploma on election of V. L. Ginzburg as a full member (academician) of the USSR Academy of Sciences, Division of General and Applied Physics.

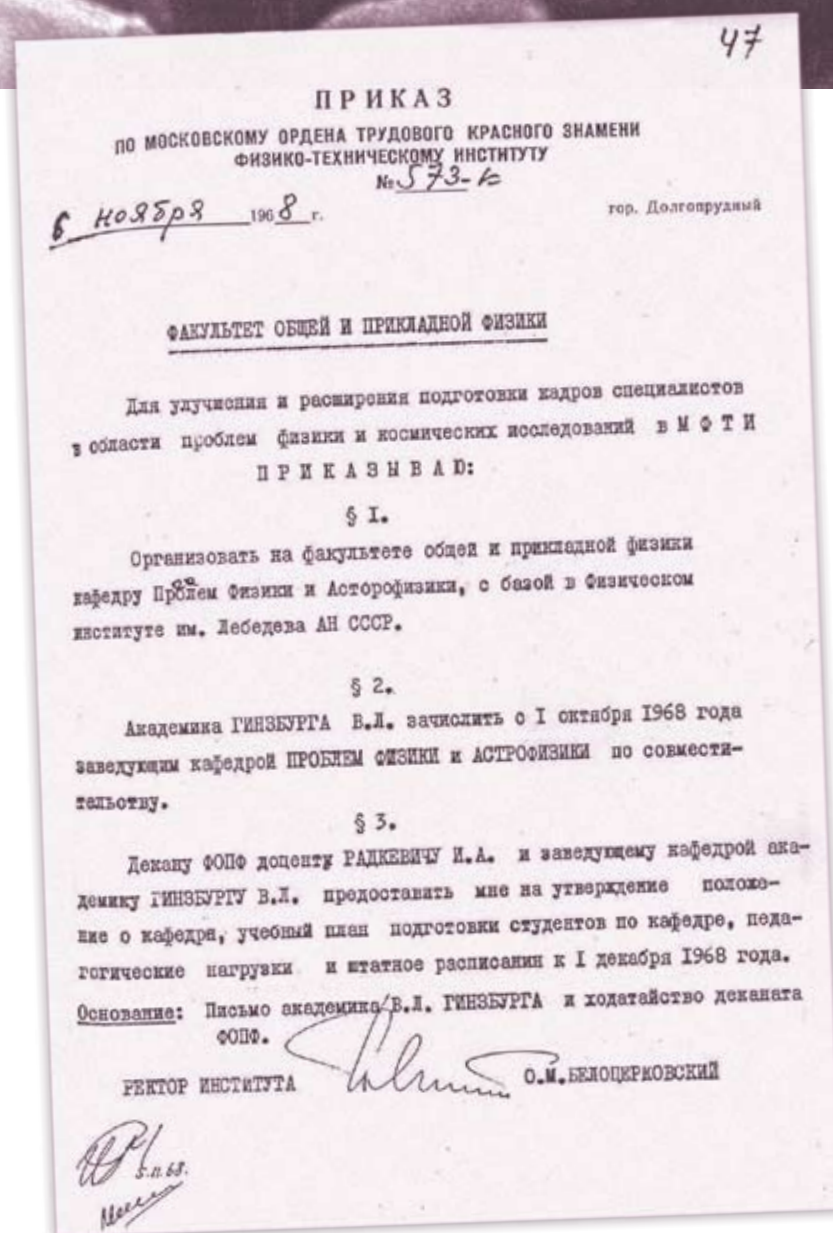
Виталий Лазаревич считал, что избрание его в академики было обусловлено его работой над водородным оружием. Это может показаться странным, ведь он внёс важные вклады во многие разделы физики – в электродинамику (классическую и квантовую), физику космических лучей, физику низких температур – всего не перечислить. И при всём этом, по его мнению, он бы не прошёл в Академию наук СССР, если бы не работал над водородной бомбой. (Б. М. Болотовский)

Лабораторный корпус МФТИ, 1966 г.

Laboratory building of MIPT, 1966.

В 1968 году в МФТИ на базе отдела теоретической физики им. И. Е. Тамма в ФИАНе была создана кафедра проблем физики и астрофизики. Возглавил кафедру Виталий Лазаревич Гинзбург. Кафедра готовила физиков-теоретиков практически по всем разделам физики.

Много сил и времени академик Гинзбург уделял пропаганде физической науки. Виталий Лазаревич не устал повторять: «Каждый физик должен иметь перед мысленным взором картину современной физики как целого. Такая картина существует, и, несмотря на все отвлечения, у физики имеется стержень. Таким стержнем является теоретическая физика». (Б. А. Болотовский)

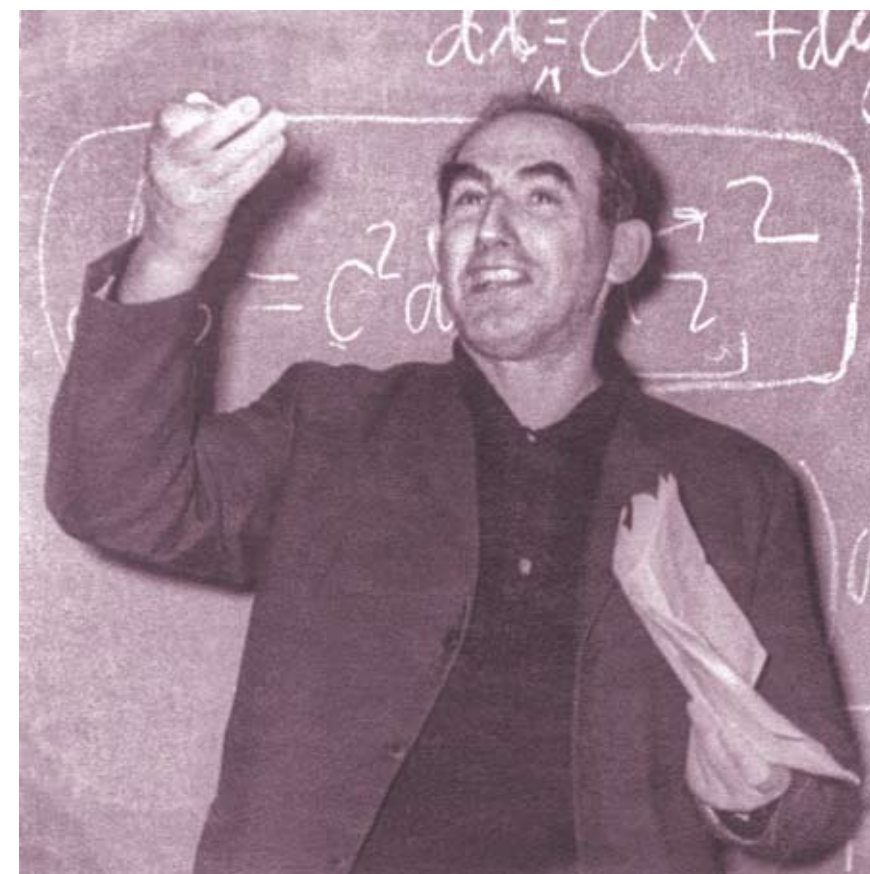
ПОЛЕМИЧЕСКИЙ ТАЛАНТ

Виталий Лазаревич является автором нескольких разгромных статей. В этих статьях подвергались острой критике некоторые научные статьи или вышедшие из печати монографии, учебники.

Я пишу, что критике подвергались работы – статьи, книги, – но ведь на самом деле критике подвергались авторы. Виталий Лазаревич нередко вспоминал, как Л. Д. Ландау удивлялся, имея в виду обиженного им физика: «Почему он обиделся? Я же не назвал его идиотом, я сказал, что статья у него идиотская».

Конечно, критикуя те или иные работы, В. Л. Гинзбург вступал в полемику с их авторами. У него был незаурядный полемический талант. Если он против кого-то ополчался, то он, как говорится, не жалел снарядов и палил из всех бортовых орудий.

В его полемических статьях нередкостью были фразы вроде такой: «Если в работах автора и есть что-то новое, то это – новые ошибки». От атаки В. Л. Гинзбурга трудно было защищаться, тем более что он был физик высочайшей квалификации и писал о существе дела, о том, что было ему хорошо известно. (Б. А. Болотовский)

Здание ФИАН на Ленинском проспекте. 1970-е гг.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ НАУКИ

Перед наукой стоят гигантские задачи, возможности для их изучения и решения обычно многочисленны и многогранны. Но часто для этого нужно затратить немалые средства, мобилизовать большие коллективы. Тем самым и вопросы организации науки, с одной стороны, очень усложняются и, с другой стороны, приобретают первостепенное значение.

Пусть в этом направлении и делается немало, но нужно и можно делать больше и лучше. И это задача не только узкой группы руководителей, это задача каждого научного работника и, по существу, всей страны.

The building of LPI in Leninsky Prospekt. The 1970s.

Мне же хотелось бы привлечь внимание к таким слагаемым высокой эффективности научной деятельности, которые хотя тоже известны давно, но, вероятно, не очень хорошо заметны «извне». В то же время эти слагаемые, если уделить им достаточное внимание, могут внести огромный вклад в общее повышение эффективности научных исследований. Таких слагаемых немало, назову три из них.

Первое – это создание доброжелательного творческого климата в научных коллективах, то, что хочется назвать моральным кондиционированием. Второе – уменьшение потерь време-

ни и энергии, связанных со злом бюрократизма. И третье – предельное использование всех возможностей для подготовки и отбора научных кадров, наиболее способных к самостоятельной творческой работе.

В таких вопросах, конечно, трудно делать количественные оценки, но на основе «экспериментальных данных» или, проще говоря, на основе некоторых личных наблюдений полагаю, что есть ещё научные коллективы, где, например, моральное кондиционирование может не на какие-то доли процента, а в несколько раз повысить эффективность исследовательской работы. *(В. Л. Гинзбург)*

ВОЗВРАЩЕНИЕ САХАРОВА. ПОПОЛНЕНИЕ В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ ОТДЕЛЕ

После испытаний водородной бомбы И. Е. Тамм вернулся в Москву, а А. Д. Сахаров остался в Сарове, где провёл, в общей сложности, около двадцати лет. Он сыграл важную роль в создании ядерного могущества Советского Союза. Заслуги А. Д. Сахарова были в полной мере признаны государством. Ему трижды была присуждена высшая государственная награда – он был три раза награждён званием Героя Социалистического Труда.

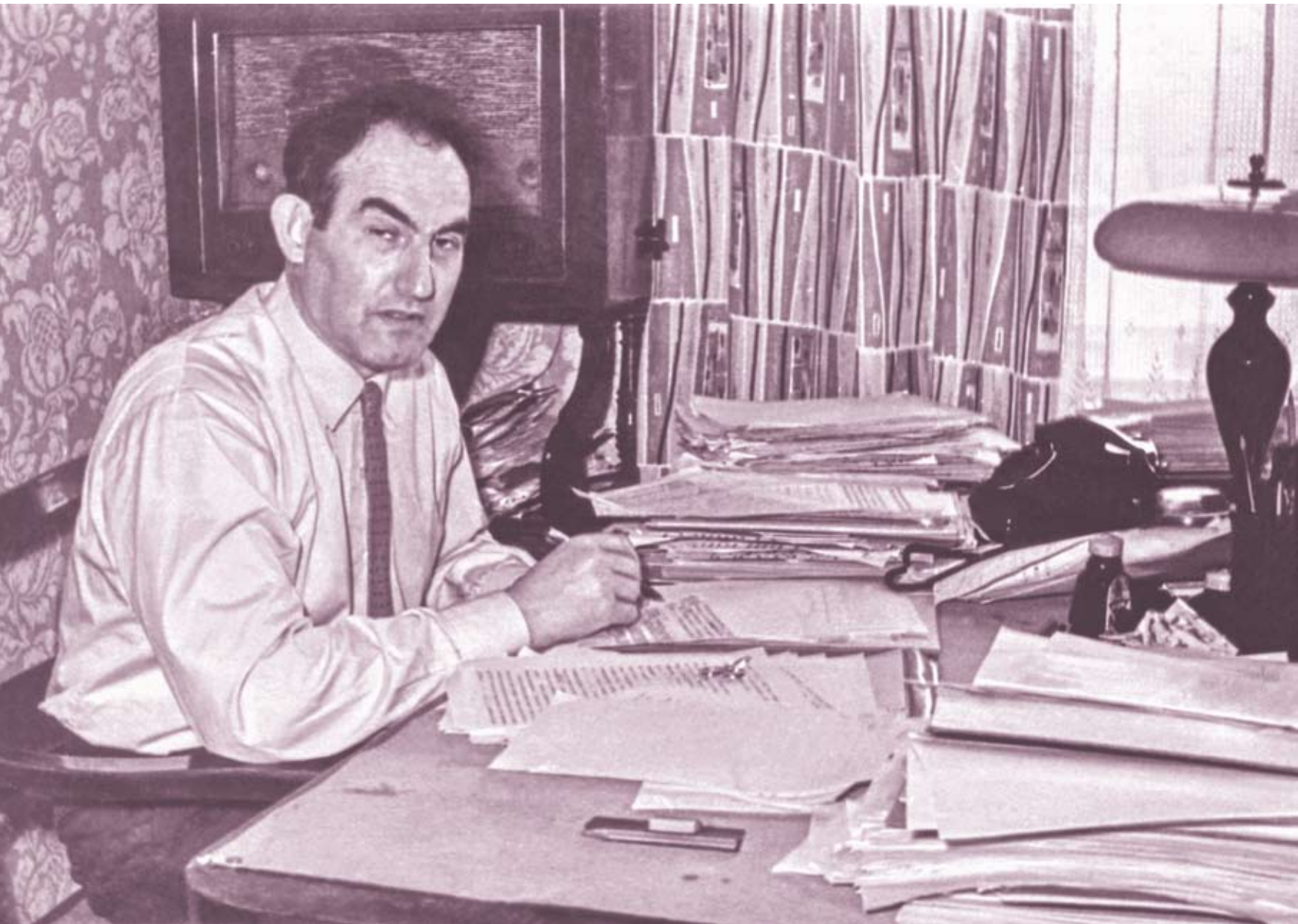
Со временем оказалось, что этот человек интересуется не только родной своей наукой, физикой. А интересуется такими далёкими от физики вопросами, как отношения между гражданином и властью, международные отношения, баланс вооружений великих держав, права человека, и пр. И по этим вопросам не боится высказывать соображения, которые явно противоречат советским предписаниям. Это стало ясно после того, как Сахаров написал статью «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», в которой поделился своими мыслями о том, что надо сделать, чтобы страна и мир могли успешно развиваться.

После появления статьи руководство страны посчитало, что А. Д. Сахаров недостаточно надёжен, и его освободили от работы в институте, где велись секретные работы. Сахаров вернулся в Москву. Вопрос о его трудоустройстве решался на заседании секретариата ЦК КПСС. Решено было принять во внимание просьбу академика И. Е. Тамма о том, чтобы его ученик А. Д. Сахаров вернулся в Физический институт им. П. Н. Лебедева АН СССР, в Теоретический отдел, где он и работал до переезда в Саров. Так в Теоретическом отделе появился сотрудник, общественное значение которого далеко выходило за рамки отдела, и за рамки института, и за рамки Академии наук. (Б. М. Болотовский)

*На переднем плане И. Е. Тамм,
за ним – Е. Л. Фейнберг
и В. Л. Гинзбург.*

*In the foreground, I. E. Tamm,
followed by E. L. Feinberg
and V. L. Ginzburg.*

После избрания меня академиком жизнь протекала более или менее нормально, но всё же в духе известного анекдота: «Вопрос: что постоянно при советской власти? Ответ: временные трудности». Временной трудностью для меня явилась история с Сахаровым. В 1969 г. он был отстранён от секретной работы и вернулся в наш Теоретический отдел ФИАН. (В. Л. Гинзбург)

НЕЗАМЕНИМЫЙ ПОМОЩНИК

Когда я пришёл в Теоретический отдел, Виталий Лазаревич занимал должность заместителя заведующего отделом. Должность заведующего, начиная со дня создания отдела, исполнял Игорь Евгеньевич Тамм, а Виталий Лазаревич был его правой рукой.

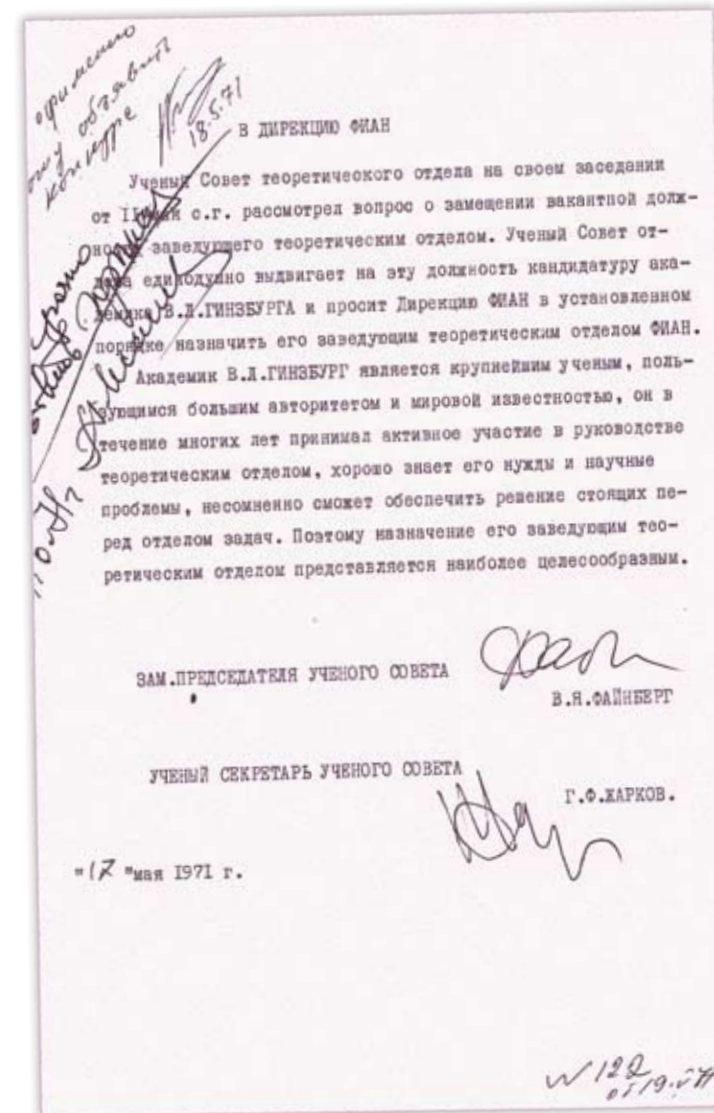
В течение нескольких лет, начиная с 1948 года, И. Е. Тамм был в отъезде – работал в Сарове (в то время Арзамас-16), где создавалась водородная бомба. В это время на Виталия Лазаревича легли, помимо научных, все административные заботы по руководству Теоретическим отделом.

В последние годы жизни Игорь Евгеньевич тяжело болел, и фактически Виталию Лазаревичу приходилось решать проблемы, связанные с жизнью отдела. Как правило, В. Л. докладывал Игорю Евгеньевичу о текущих делах и советовался с ним, когда была такая возможность, но нередко приходилось ему самому принимать решения. (Б. М. Болотовский)

ЗАВЕДУЮЩИЙ ТЕОРЕТИЧЕСКИМ ОТДЕЛОМ

Мне же с 1971 года, после кончины И. Е. Тамма, пришлось стать заведующим Теоретическим отделом ФИАНа. Именно пришлось, ибо я этого не хотел. И вообще очень не люблю подобную работу. Но меня просили сотрудники, и действительно это было нужно в связи с многочисленными «временными трудностями»: было важно, чтобы отдел возглавлял человек с чином. А у нас в отделе тогда академиками (действительными членами АН СССР) были только Сахаров и я.

Но Сахаров уже стал диссидентом, занялся политикой и никак в заву не подходил. Пришлось мне этим заняться. (В. Л. Гинзбург)

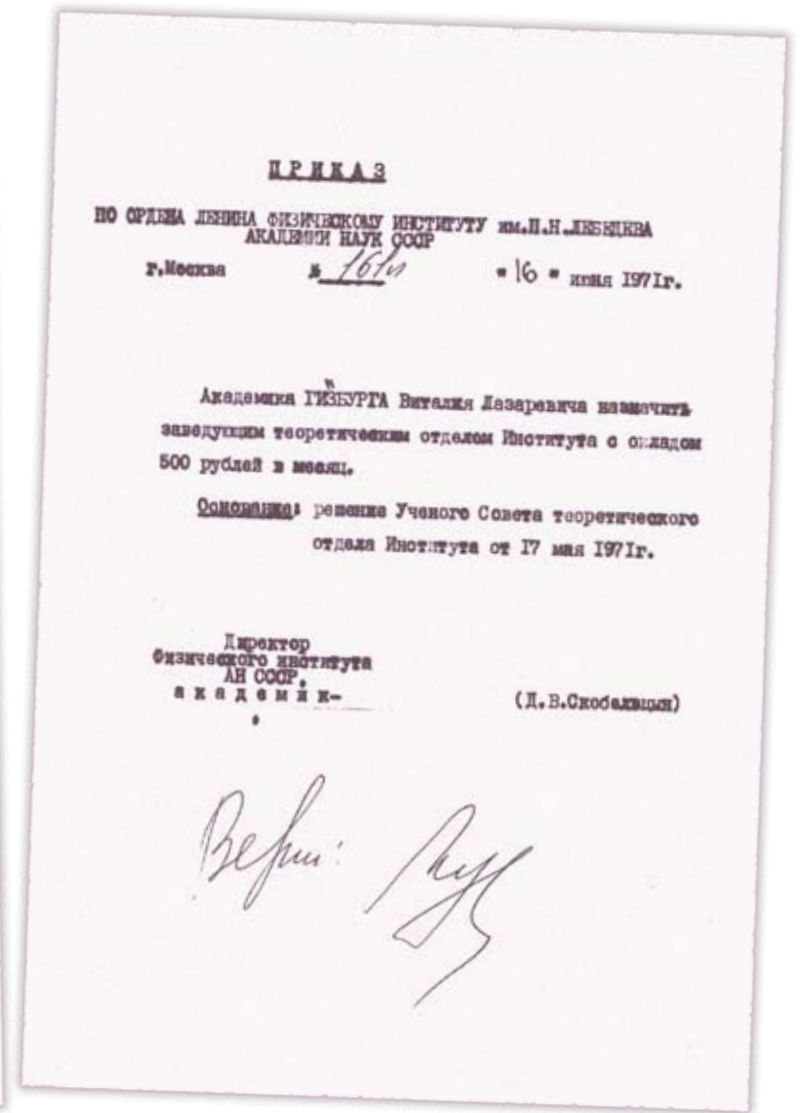
Заявление Учёного совета Теоретического отдела ФИАНа о выдвижении В. Л. Гинзбурга на должность заведующего отделом.

Statement of the Academic Council of the Theory Department of LPI on the nomination of V. L. Ginzburg for the post of the head of the department.

ДЕМОКРАТИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

На посту заведующего Теоретическим отделом Виталий Лазаревич оставался в течение 18 лет. Эта административная деятельность отнимала у него немало времени.

Работа В. Л. в качестве заведующего отделом не была обставлена особыми формальностями. Любой сотрудник в любое время мог прийти в кабинет, где В. Л. сидел и работал – писал очередную статью или деловое письмо, правил рукописи, обсуждал что-то со своими соавторами. Дел у него было много. Посетитель заглядывал в кабинет и, если В. Л. Гинзбург был один, входил. Виталий Лазаревич поднимал глаза от рукописи и знакомился с очередной отдельской или личной нуждой. Реагировал он очень быстро, часто не дослушивал собеседника до конца и не давал ему договорить.

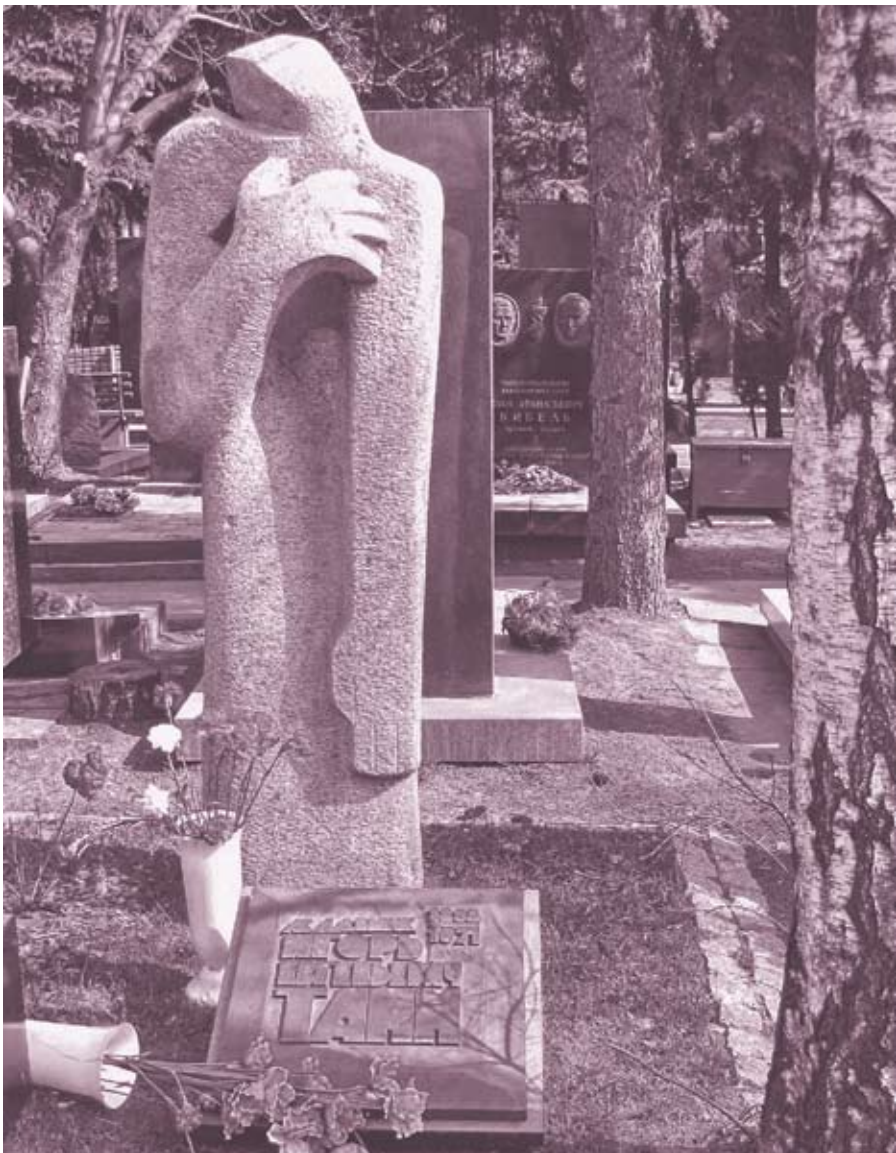
Приказ о назначении В. Л. Гинзбурга заведующим Теоретическим отделом ФИАНа, подписанный директором ФИАНа Д. В. Скобельцыным.

The order appointing V. L. Ginzburg as the head of the Theory Department of LPI, signed by the director of LPI, D. V. Skobeltsyn.

У собеседника это нередко вызывало ощущение неудовлетворённости. Но и Гинзбургу было не легче. Перед ним лежал текст, который надо было срочно править, а приходилось постоянно отвлекаться на разные административные дела.

Так же и в научных обсуждениях Виталий Лазаревич, бывало, не дослушивал собеседника, прерывал его, перебивал. Но и здесь, как и при обсуждении повседневных дел, он нередко по первым словам собеседника угадывал, о чём пойдёт речь, не давая тому договорить, и сразу же отвечал на ещё не до конца высказанный вопрос.

Один раз В. Л. попытался ввести особое время для приёма посетителей по административным делам, но встретил полное непонимание сотрудников – они уже привыкли заходить к шефу по потребности, и махнул рукой. (Б. М. Болотовский)

Памятник на могиле И. Е. Тамма, выполненный В. Сидуром.

The monument on the grave of I. E. Tamm, performed by V. Sidur.

ПАМЯТНИК ДЛЯ ТАММА

После кончины Игоря Евгеньевича Тамма мы, близкие к нему люди, стали беспокоиться о памятнике (надгробии), и я обратился к Диме Сидуру. Он предложил одну свою скульптуру.

Родные и близкие Тамма остановились на проекте Сидура. Но не тут-то было. Новодевичье кладбище – «партийно-правительственное», и установить памятник можно было только с согласия совета Министерства культуры.

О заседании этого совета, на которое я пришёл в 1972 году как представитель «заказчика», до сих пор не могу вспоминать без отращения и возмущения. Бедный Дима! Ему приходилось выслушивать злобный бред «известных» скульпторов, не имея возможности сказать то, что он о них думает. Впрочем, кто-то и защищал проект. Передать суть обсуждения я не могу, поскольку оно представляется совершенно иррациональным. Конечно, я сказал им пару тёплых слов, чем, вероятно, только навредил делу. Голосование оказалось неопределённым (равное число голосов «за» и «против»).

В результате после преодоления ещё немалых трудностей памятник удалось установить. Заказчиком была Академия наук СССР, Сидур был уже известным скульптором, в памятнике не было, казалось бы, ничего вызывающего, но всё равно его установка зависела от произвола кучки посторонних. *(В. Л. Гинзбург)*

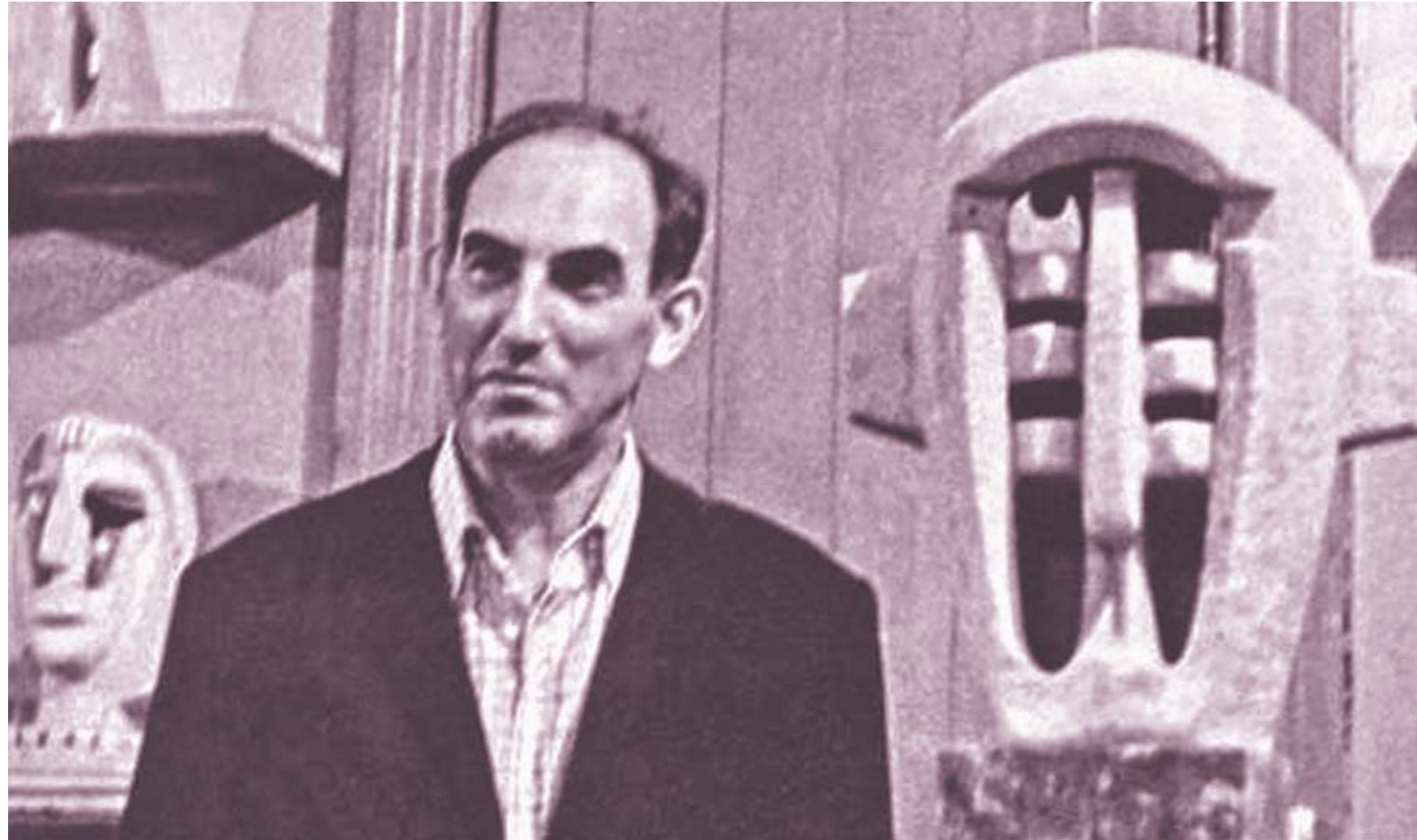
Скульптурный портрет Эйнштейна.

Автор – Вадим Сидур.

*Sculptural portrait of Einstein.
The author is Vadim Sidur.*

Я очень высокого мнения о работах Сидура, но кое-что мне не нравилось. На это Дима обижался – считал, очевидно, следствием художественной неразвитости. Вполне возможно, что Дима был прав – мой вкус формировался в значительной мере под его влиянием, но он шёл всё вперёд и вперёд, а я отставал. Подняться до принятия мутаций, и особенно гробарта, я так и не смог.

*Как ни тяжела была Димина жизнь, он не озлобился, не превратился в разрушителя. Была в нём мягкая мудрость, которой так часто недостаёт людям. Мы спорили, но понимали друг друга. Думаю, что если бы и разошлись во взглядах, то всё равно не рассорились, понимали бы: каждый человек имеет право на своё мнение и не должен бояться его высказывать. *(В. Л. Гинзбург)**

Академик Гинзбург рядом со своим портретом, выполненным его другом – Вадимом Сидуром.

Academician Ginzburg next to his portrait, executed by his friend – Vadim Sidur.

ЗНАМЕНИТАЯ СКУЛЬПТУРА ЭЙНШТЕЙНА

В 1967 году Сидур создал портрет Эйнштейна. Вероятно, это самая известная его скульптура. Я о ней самого высокого мнения. Портрет был выполнен из гипса, а отлить его из бронзы у Сидура не было возможности, да и установить его у нас тогда никто не смог бы.

Поэтому, когда пришли из США официальные письма с просьбой продать скульптуру, Дима согласился. Тогда художник у нас был совершенно бесправен и сам продать свою работу за границу, как правило, не имел возможности. Нужно было добиваться разрешения отправить скульптуру в США. С этой целью я написал соответствующее письмо П. Н. Демичеву, тогда, кажется, секретарю ЦК КПСС, «ответственному» за вопросы культуры. Меня Демичев ответил не удостоил, а переправил всё в Министерство культуры. А они направили к Сидуру в мастерскую некоего «специалиста».

В итоге мне позвонил зам. министра Попов и сказал, что «он картин и репродукций Сидура у себя дома не повесил бы». Меня это, естественно, возмутило, и я довольно резко ответил, что придерживаюсь прямо противоположного мне-

ния и только Сидура у себя дома и вешаю. Продать скульптуру не удалось.

Для Сидура, разумеется, важны были не деньги (хотя он и нуждался), а возможность отлить скульптуру в бронзе и, главное, выставить её. Поэтому он в дальнейшем согласился с таким планом: Сидур дарит скульптуру Академии наук СССР, а она, в свою очередь, дарит её физической лаборатории им. Ферми близ Чикаго. Такой вариант сработал, и в 1975 году портрет Эйнштейна оказался в США, был отлит из бронзы и установлен.

В 1987 году я получил возможность посетить лабораторию им. Ферми. К сожалению, скульптура там «не смотрится». Она стоит в углу на деревянном постаменте и без всякой надписи. А Дима ведь хотел, и только это правильно, чтобы голова Эйнштейна вращалась, и естественно было бы поставить её на виду.

К счастью, эта скульптура и так стала знаменитой, два раза фигурировала на обложке физического журнала ЦЕРНа и установлена в четырёх институтах в ФРГ. *(В. Л. Гинзбург)*

Виталий Лазаревич проявлял большую требовательность к себе. У него было чрезвычайно развито чувство ответственности. В частности, он очень серьёзно относился к обязанностям члена Академии. Известно, например, что он много лет сдавал отчёты о своей работе в аппарат Академии, когда почти никто это правило уже не выполнял. (А. В. Гуревич)

ОТЧЁТ В. Л. ГИНЗБУРГА ЗА 1970 ГОД

В 1970 году я занимался в основном теорией сверхпроводимости и астрофизикой (пульсары и др. вопросы). Написаны следующие статьи:

1. Проблема высокотемпературной сверхпроводимости, УФН, 101, 185 (1970).

Эта статья фигурировала в списке 1969 г. как подготовленная к печати, но в 1970 г. она была существенно переработана и дополнена.

2. О роли квантовых флуктуаций гравитационного поля в общей теории относительности и космологии (совместно с Д. А. Киржницем и А. А. Любушиным).

3. О сингулярностях в общей теории относительности и космологии.

4. О структуре доменной стенки в слабых ферромагнетиках (совместно с Л. К. Булаевским).

5. Несколько замечаний о гамма-излучении и химическом составе квазаров (совместно с Л. М. Озёрным).

6. О когерентных механизмах излучения и их применении в случае пульсаров (совместно с В. В. Железняковым).

7. Пульсары (теоретические представления). УФН (в печати).

8. О влиянии флуктуаций электронной концентрации на меру дисперсии и меру вращения (совместно с С. М. Ерухимовым).

9. О релятивистских волновых уравнениях для частиц со спином и теории наклонного магнитного ротатора. Сборник, посвящённый 75-летию И. Е. Тамма (подготовлено к печати).

10. Какие проблемы физики и астрофизики представляются сейчас особенно важными и интересными? УФН, отдел «Физика наших дней».

В 1970 г. вышел в свет ряд моих статей, а также две небольшие книги, написанные ранее.

На научной сессии ООФА и на двух конференциях сделал доклады; прочёл также несколько лекций для широкой аудитории.

Был в научно-туристической поездке в Японии и в научной командировке в Англии, где сделал доклад о пульсарах на пленарном заседании генеральной ассамблеи МАС, а также сделал ряд других докладов на заседаниях секции МАС и на съезде Британской ассоциации содействия развитию науки. В 1970 году был избран членом Международной астронавтической академии, членом-корреспондентом Королевского астрономического общества (Англия); Сассекский университет (Англия) присвоил мне степень доктора наук.

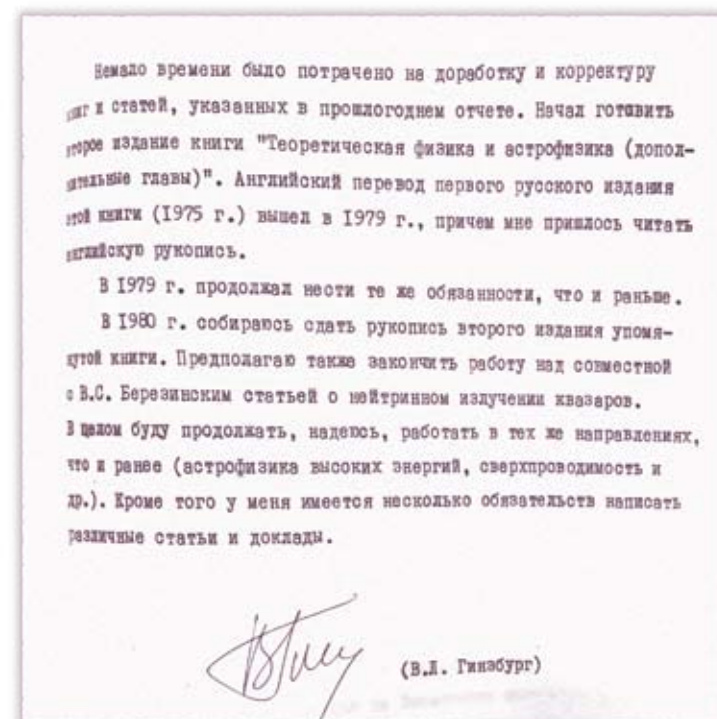
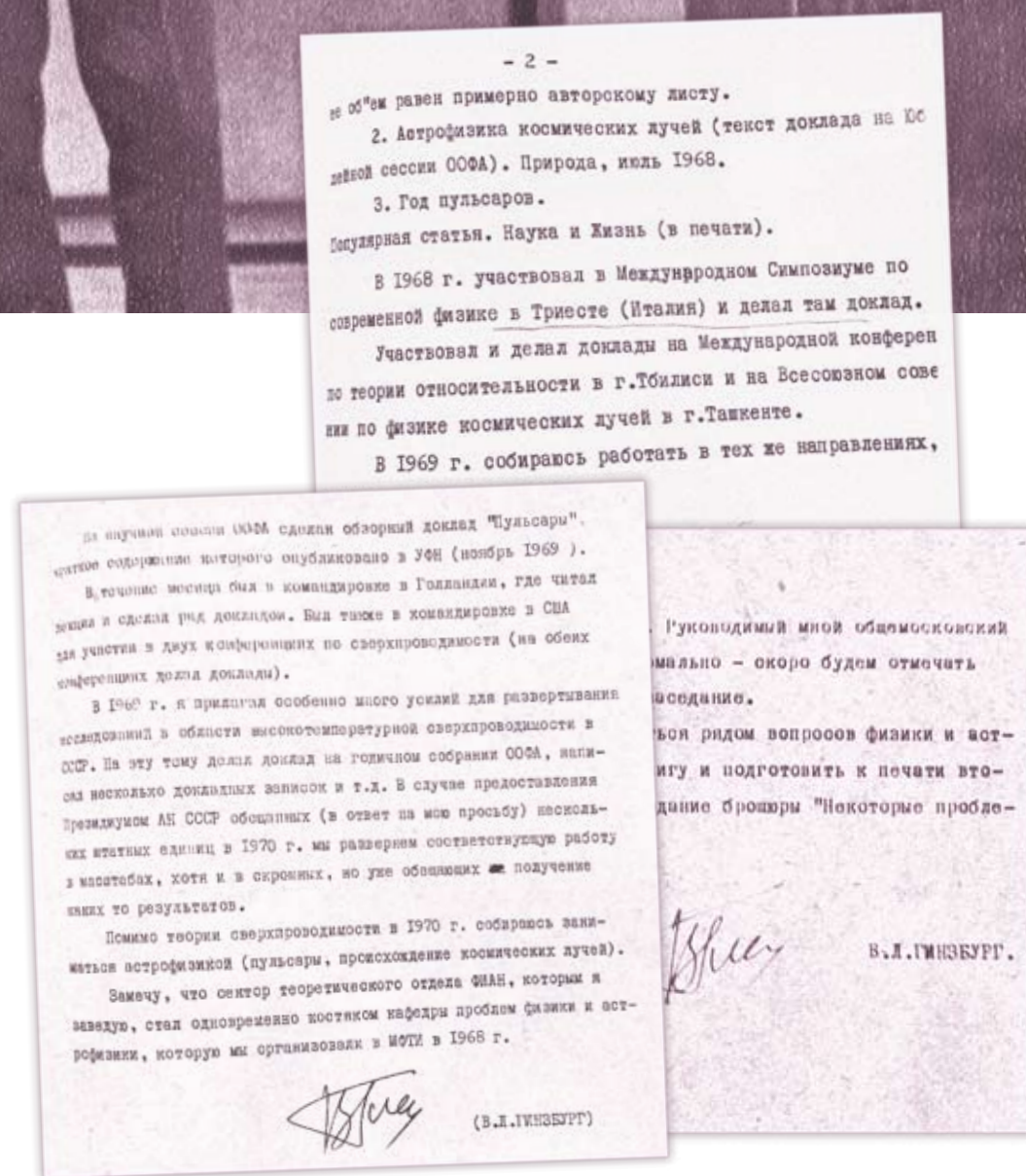
В 1970 году Президиум АН СССР предоставил в моё распоряжение несколько штатных единиц для усиления исследований в области высокотемпературной сверхпроводимости. В результате действительно удалось создать соответствующую группу примерно из 10 человек (лишь часть из них работает в ФИАНе), которая занимается теоретическими вопросами, связанными с проблемой высокотемпературной сверхпроводимости. Эта группа систематически собирается, и её участники уже подготовили к печати 4 статьи.

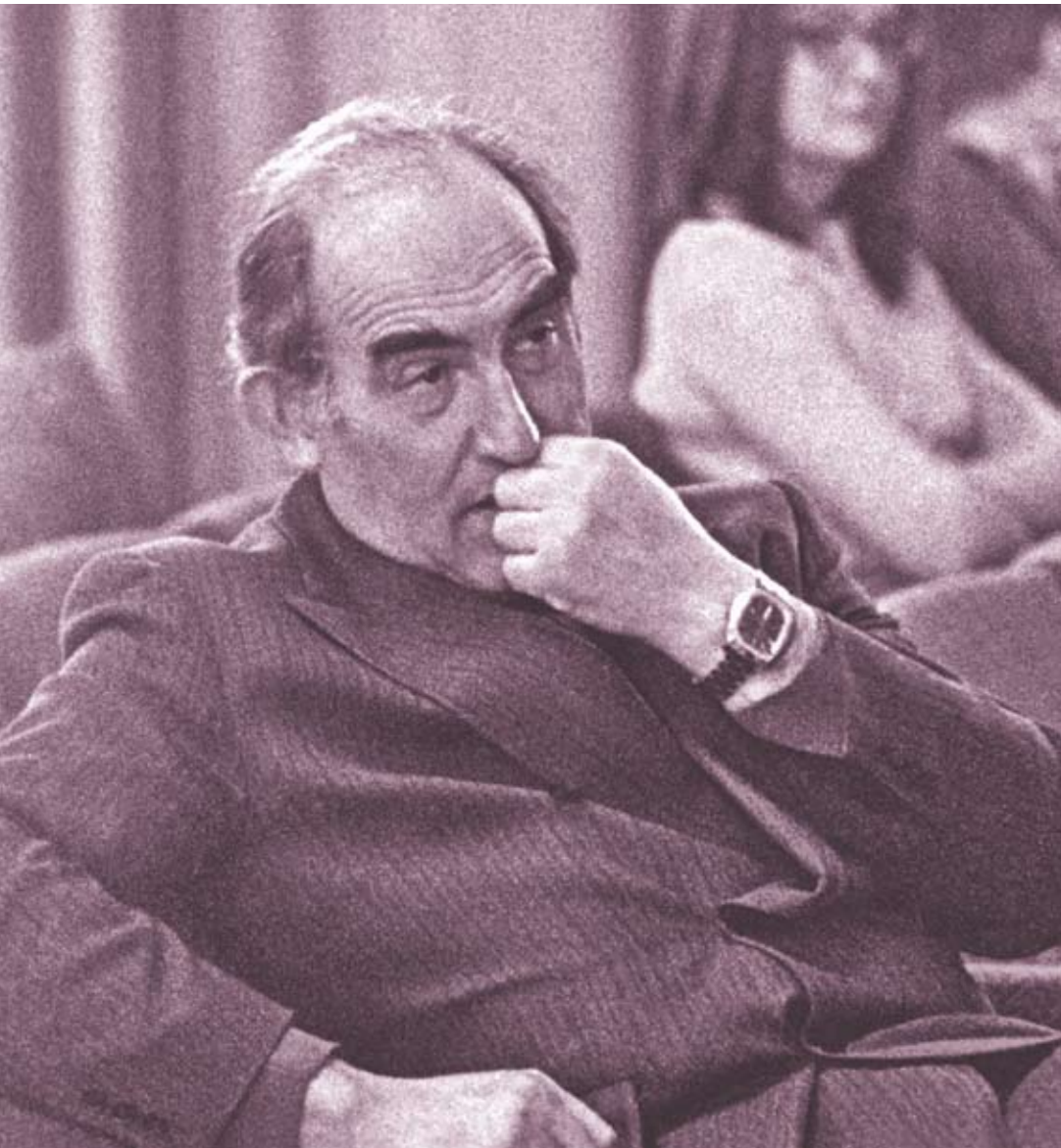
Работа в области высокотемпературной сверхпроводимости будет, конечно, продолжена. Помимо участия в этой работе, собираюсь заниматься астрофизикой (происхождение космических лучей, пульсары) и эпизодически некоторыми физическими задачами (сейчас, например, ведётся работа в области рассеяния света и анализируется вопрос об электрическом поле, возникающем при соударении металлов).

Отмечу, что руководимый мной еженедельный семинар по теоретической физике (среда, 10 часов утра) в текущем году отметил своё 500-е заседание. Этот семинар посещает в среднем 100–120 человек, и его проведение я считаю своей очень важной обязанностью.

Работа кафедры проблем физики и астрофизики МФТИ, которой я заведую, развивается и протекает нормально.

Существенными недостатками, затрудняющими нормальную работу, являются «технические трудности»: у нас очень сложно сделать фотокопии и слайды, масса времени уходит на оформление статей, литература из-за границы приходит с большим опозданием (плохо работает почта) и т. д. Я уже не говорю о том, что Теоретический отдел ФИАН не обеспечен помещением и достаточным штатом технических сотрудников. Если бы эти недостатки были устранены, то эффективность работы Теоретического отдела сильно возросла бы, что заведомо окупало бы соответствующие затраты на создание нормальных условий работы. (В. Л. Гинзбург)

Виталий Лазаревич пытался спасти опального Сахарова. Будучи его прямым руководителем, не позволил уволить из института, оформил ему бессрочную командировку в Горький и ездил туда раз в месяц с зарплатой и темами для работы. (А. Нельсон)

Vitaly Lazarevich tried to save the disgraced Sakharov, being his direct supervisor, did not allow to dismiss him from the institute, arranged an open-ended business trip to Gorky for him, and went there once a month with salary and work themes. (A. Nelson)

ПОД УГРОЗОЙ РАСФОРМИРОВАНИЯ ОТДЕЛА

Однажды, когда я был парторгом отдела, Виталия Лазаревича и меня вызвали в дирекцию института. Заместитель директора ФИАНа Алексей Иванович Исаков сообщил нам, что А. Д. Сахаров направил письмо руководителям партии и правительства. Мысли, изложенные в письме, расходились с официальной точкой зрения руководства. Исаков спросил Виталия Лазаревича, какие шаги в связи с этим тот намерен предпринять.

– Никаких, – сказал В. Л. Гинзбург, – в отделе никому и ничего об этом письме неизвестно.

Постепенно от замалчивания действий и заявлений А. Д. Сахарова руководство страны перешло к его травле. В газетах стали

появляться статьи, в которых Сахаров изображался как враг советской страны, его обвиняли в том, что он рвётся к власти. Появилось в «Правде» письмо с осуждением общественной деятельности Сахарова. Письмо подписали 40 академиков. Академия наук СССР присоединилась к травле своего достойнейшего члена. Подписи В. Л. Гинзбурга под этим письмом не было.

Некоторое время спустя в институте было составлено «заявление учёных ФИАН», в котором общественная деятельность А. Д. Сахарова подвергалась осуждению. Авторы письма требовали от А. Д. Сахарова прекратить эту деятельность. Письмо подписали несколько сотен сотрудников института. В. Л. Гинзбург это письмо не подписал. И ни один сотрудник Теоретического отдела не подписал это письмо. После этого некоторые особо бдительные товарищи заговорили о том, что Теоретический отдел является базой для антисоветской деятельности А. Д. Сахарова. Над отделом нависла реальная угроза расформирования.

Как заведующий Теоретическим отделом, В. Л. Гинзбург оказался в трудном положении. Надо было уберечь от разгрома отдел, замечательный творческий коллектив, созданный Игорем Евгеньевичем Таммом.

А. Д. Сахаров был неотъемлемой частью и украшением этого коллектива. Надо было сохранить для всех сотрудников отдела, включая и Сахарова, все условия для плодотворной научной работы. Что же касается общественной деятельности А. Д. Сахарова, то Виталий Лазаревич говорил и повторял, что это – личное дело Сахарова, что отдел в этой деятельности никакого участия не принимает. (Б. М. Болотовский)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ ФИАН – ТЕРРИТОРИЯ СВОБОДЫ

На протяжении долгих лет Теоретический отдел ФИАНа славится редкой атмосферой творчества, свободы и раскрепощённости, которая была заложена Игорем Евгеньевичем Таммом и сохранена Виталием Лазаревичем Гинзбургом.

В том числе и благодаря позиции Гинзбурга в связи с Сахаровым. В то время Теоретический отдел казался не только выдающимся научным центром, но и едва ли не единственным свободным местом в стране. (М. А. Васильев)

КАК В КОНТОРЕ ДОМОУПРАВЛЕНИЯ

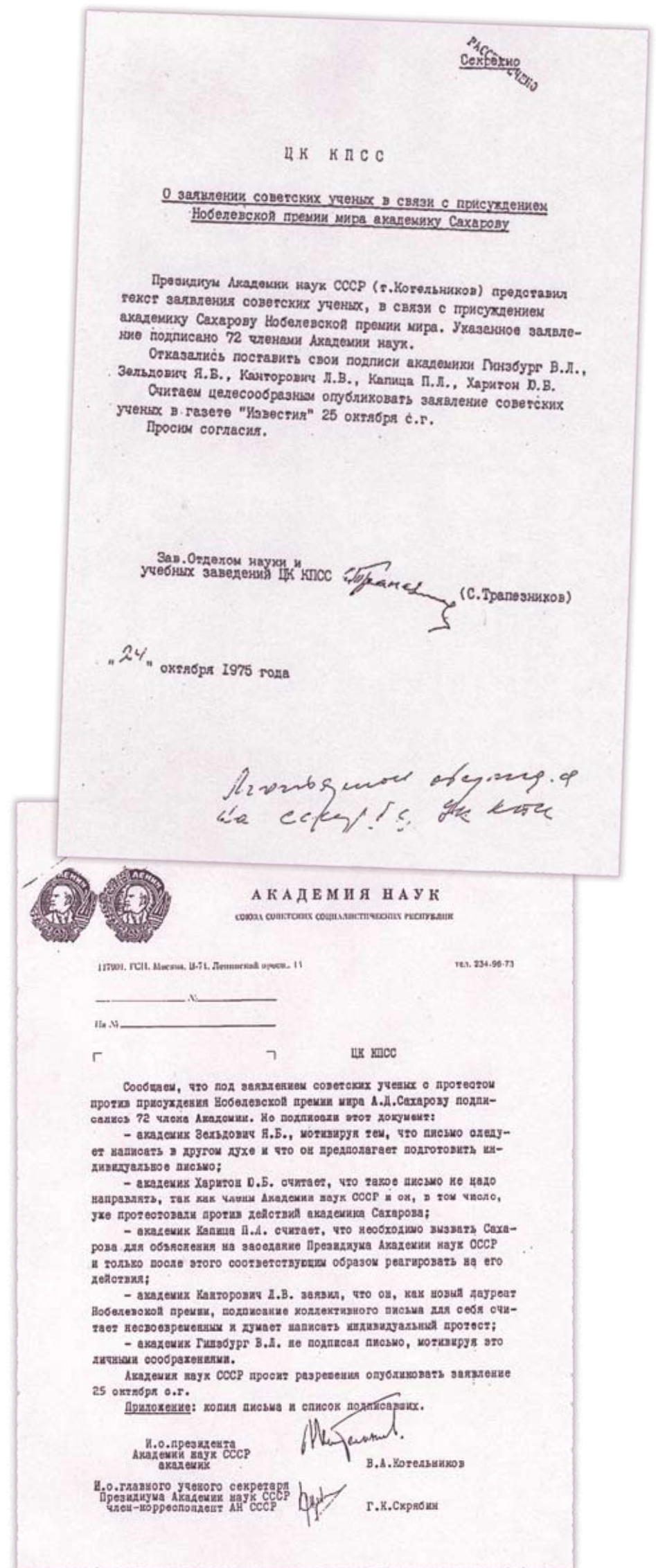
Тогда в ФИАНе обстановка напоминала контору домоуправления. В ЖЭКе не выдают никаких справок, пока не предъявишь расчётную книжку с уплаченной квартплатой.

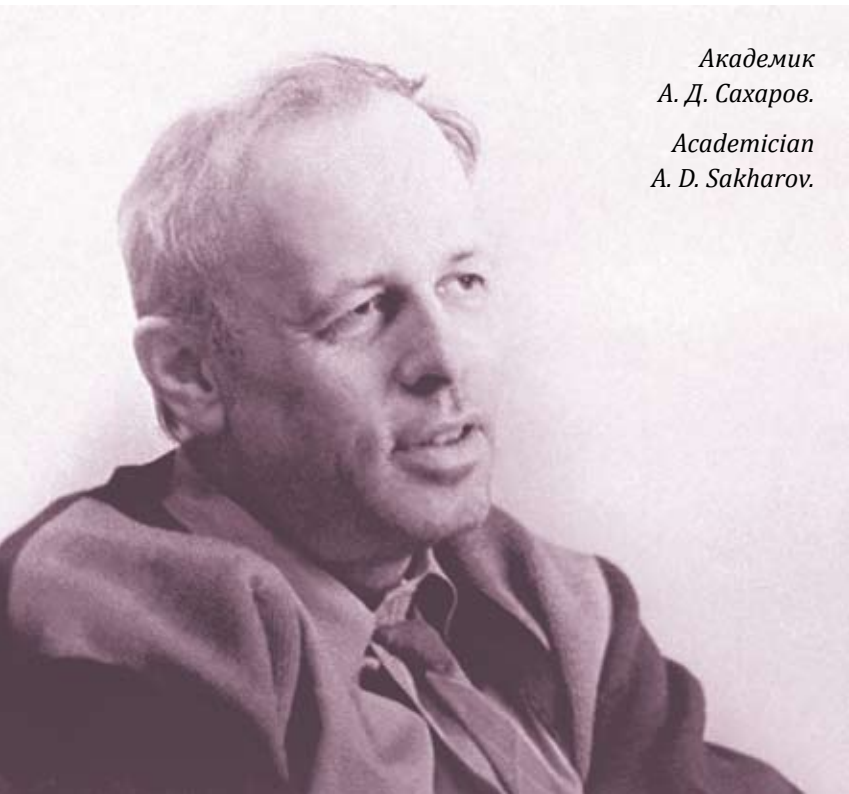
А у нас не выдавали характеристик ни для защиты диссертации, ни для заграникомандировок, пока не подмахнёшь квитка с осуждением Сахарова. Только Виталию Лазаревичу удалось уберечь наш отдел от этого унижения. (А. Д. Сахаров)

ПЯТЕРО ПРОТИВ СЕМИДЕСЯТИ ДВУХ

После первого письма против А. Д. Сахарова, опубликованного в газете «Правда» 29 августа 1973 года, было организовано второе академическое письмо. Из тех, кому было предложено его подписать, отказались пять человек, а 72 академика послушно встали в строй. Докладывая ЦК о проделанной работе, организаторы составили список.

На мой взгляд, отказ академика Гинзбурга – самый ясный и честный. (Г. Е. Горелик)

Академик
А. Д. Сахаров.
Academician
A. D. Sakharov.

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ

В Теоретическом отделе работало несколько членов Коммунистической партии и была своя небольшая первичная партийная организация – шесть или семь человек. Дела первичной организации вёл парторг – партийный организатор. Это была выборная должность, и несколько раз на эту должность коммунисты отдела выбирали меня.

Наступил такой момент, когда партийное руководство захотело, чтобы с заявлением против Сахарова выступили коммунисты Теоретического отдела. В райкоме партии мне сказали:

– Надо коммунистам Теоретического отдела собраться и написать, что они не хотят работать рядом с Сахаровым.

Я этот совет понял так, что власть хочет уволить Сахарова нашими руками. Многие из нас сочувствовали этому великому человеку в его, как тогда казалось (и даже ему самому), необходимом, но безнадежном деле.

Так или иначе, власть не дождалась от нас заявления, что мы не хотим работать с А. Д. Сахаровым.

А между тем, как уже было сказано выше, некоторые особо бдительные товарищи истолковывали молчание отдела так, что отдел является базой для антисоветской деятельности академика Сахарова. Чем это грозило отделу и его заведующему академику В. Л. Гинзбургу, можно не объяснять.

Вопрос об отношении коммунистов отдела к общественной деятельности академика А. Д. Сахарова всё же пришлось обсудить на со-

брании первичной партийной организации отдела.

На это собрание пришёл секретарь парткома ФИАН Виктор Павлович Силин. Он до начала 60-х годов работал в Теоретическом отделе, но потом перешёл в Лабораторию физики плазмы, где возглавил сектор теории плазменных явлений. Формально он ещё был членом нашей партийной организации. Все мы хорошо его знали, и он нас хорошо знал. Витя начал первым. Он сказал, что создалось такое положение, при котором коммунисты отдела не могут молчать. Они должны определить свою позицию по отношению к академику Сахарову.

Затем слово взял В. Л. Гинзбург. Он был краток:

– Виктор Павлович, я понимаю, что парткому нужно заявление от нашей партийной организации, и я знаю, какое нужно заявление. Предлагаю такой текст...

И он продиктовал текст постановления (или заявления) из трёх пунктов:

«1. Партийная организация Теоретического отдела поддерживает политику партии и правительства, направленную на разрядку международной напряжённости, и осуждает те действия Сахарова, которые противоречат разрядке.

2. Партийная организация Теоретического отдела считает своей задачей изолировать отдел от политической деятельности Сахарова.

3. Партийная организация Теоретического отдела считает своей задачей создать академику Сахарову все условия для плодотворной научной работы».

– Ну, как, Витя? – спросил В. Л. Гинзбург.

Витя с минуту размышлял, а потом внёс поправку:

– Предлагаю в первом пункте вместо слов «осуждает те действия» написать «осуждает все те действия».

Переголосовали и приняли текст единогласно.

Оглядываясь назад, я думаю, что этот текст сослужил отделу добрую службу. Что же касается осуждения А. Д. Сахарова «за все те действия, которые противоречат разрядке международной напряжённости», то где они, эти действия? Можно было с тем же основанием написать, что мы осуждаем А. Д. Сахарова за все прошлые и будущие солнечные затмения.

Текст нашего постановления был передан в партком института, но в печать не попал: что-то в тексте было такое, что не подходило для публикации. Возможно, это был пункт третий – о необходимости создать А. Д. Сахарову все условия для научной работы. Этот пункт расходился с намерениями некоторых администраторов. Они хотели уволить Сахарова. (Б. М. Болотовский)

ЛИЧНОЕ ШЕФСТВО НАД ОПАЛЬНЫМ СОТРУДНИКОМ

В январе 1980 года А. Д. Сахаров был сослан в город Горький. Для Теоретического отдела и его заведующего Виталия Лазаревича Гинзбурга возникло множество проблем. Сразу же начались попытки увольнения Сахарова. Атаки были отбиты.

Несколько месяцев прошло, прежде чем появилась некоторая определённости в положении А. Д. Сахарова. В марте 1980 года был издан приказ Президента Академии наук, посвящённый Сахарову. Он остался в Теоретическом отделе ФИАН, не был уволен. Сотрудникам разрешалось периодически его навещать для обмена научной информацией.

Прежде чем состоялось такое решение, пришлось Виталию Лазаревичу вести переговоры в отделе науки ЦК КПСС и в Президиуме Академии наук. Он добивался, чтобы Сахаров остался сотрудником Теоретического отдела, и он этого добился. Виталий Лазаревич первым поехал к А. Д. Сахарову, ознакомился с условиями его жизни и помог в разрешении некоторых трудностей. Трудностей было более чем достаточно, но не во власти В. Л. было устранить их все. (Б. М. Болотовский)

СВОБОДНЫЙ ЧЕЛОВЕК

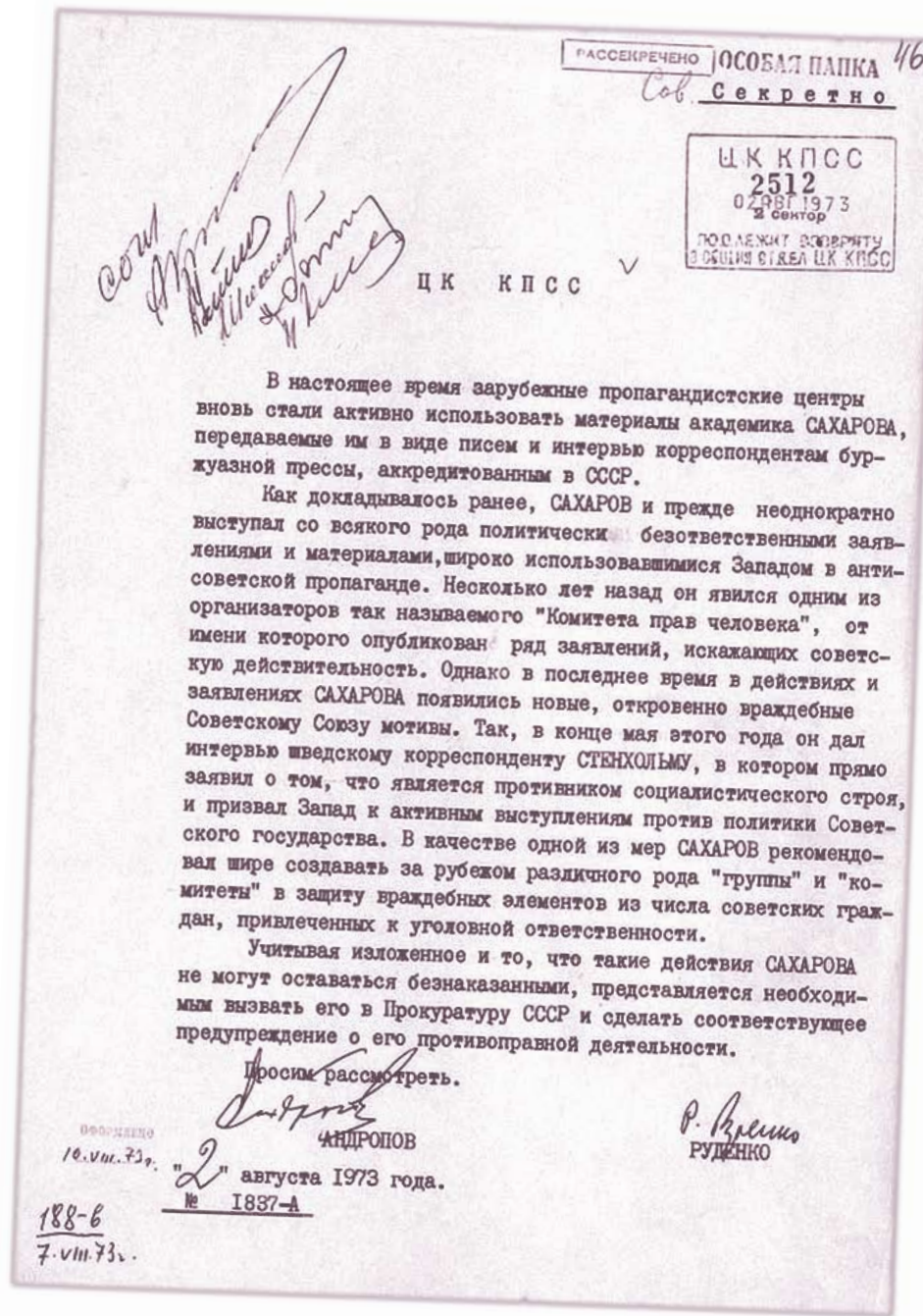
Виталий Лазаревич был человеком исключительно смелым, по-своему свободным. Все выступления его на заседаниях Академии очень ожидалось и обсуждались. В те годы было принято молчать, поэтому всегда было очень интересно, что критическое скажет Гинзбург о положении в Академии или о руководстве Академией.

Исключительные черты характера В. Л. особенно проявились в длинной истории с Андреем Дмитриевичем Сахаровым. Здесь его положение было очень сложным: начальство – с одной стороны, международная ситуация и мнение нашей общественности – с другой стороны, и, наконец, необходимость сохранить Теоретический отдел. Эта ситуация требовала смелости, решительности и одновременно тщательной продуманности каждого шага. И позиция Виталия Лазаревича полностью соответствовала этой тяжёлой задаче. Все его действия в этот период были, с моей точки зрения, образцом поведения. (А. В. Гуревич)

К 85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. Д. САХАРОВА

Мы с Андреем Дмитриевичем работали вместе с 1945 года, когда он поступил в ФИАН. Дружьями мы не были, но наши отношения в целом всегда были нормальными. В частности, я был заведующим Теоретическим отделом в период горьковской ссылки А. Д. Сахарова.

Я отказывался подписывать направленные против него письма (не подписал ни одного), то же самое относится и ко всему отделу. И мы помогали ему, как могли. Сейчас мне хочется подчеркнуть, что на фоне различного рода безобразий, свидетелями которых мы являемся, нам сейчас недостаёт Сахарова. Его роль могла бы быть очень большой. То, что он сделал, никогда не будет забыто. (В. Л. Гинзбург, 2006 г.)

Во время зарубежной командировки.

During a foreign business trip.

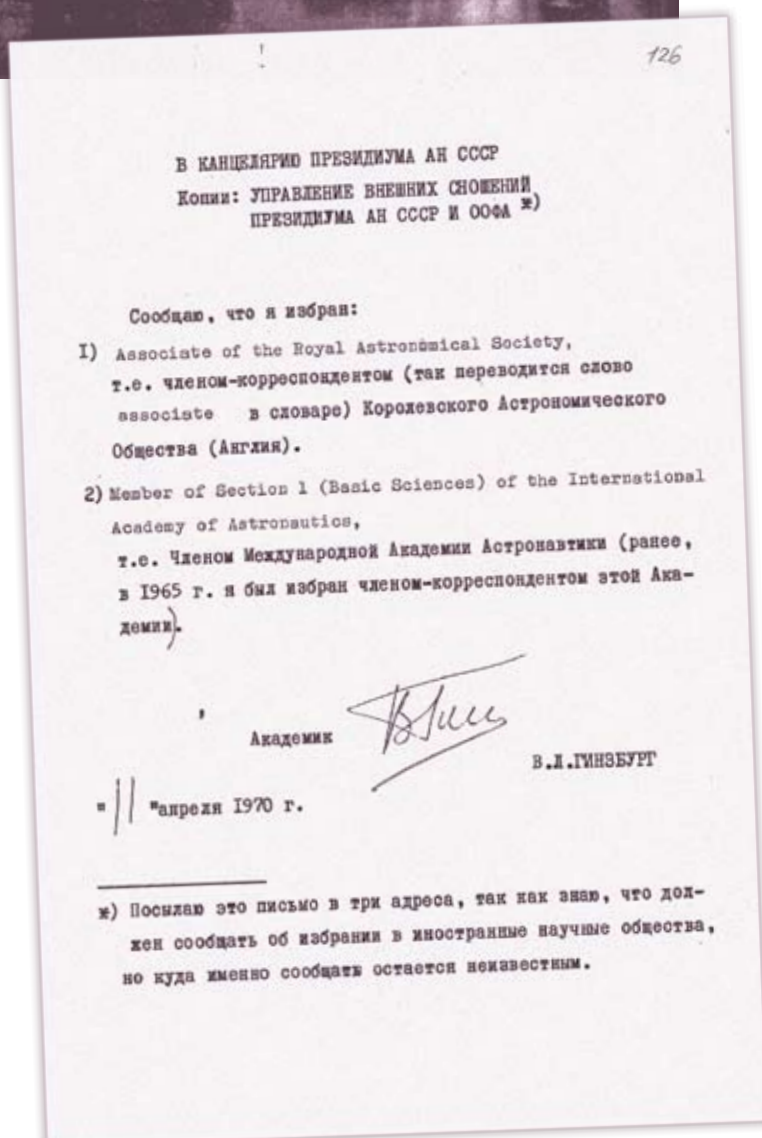

Церемония вручения диплома Почётного доктора Сассекского университета (Великобритания)
В. Л. Гинзбург – крайний справа. 1970 г.

*The ceremony of awarding the diploma of the Honorary Doctor of Sussex University (Great Britain)
V. L. Ginzburg, rightmost. 1970.*

Приезд В. Л. Гинзбурга в Японию. 1979 г.
Arrival of V. L. Ginzburg in Japan. 1979.

Выездная сессия Отделения общей физики и астрономии. Кишинёв. 1973 г.

Departure session of the Division of General Physics and Astronomy. Kishinev. 1973.

ЗАДИРИСТЫЙ ХАРАКТЕР

Многие в ФИАНе считают, что Гинзбург давно претендует на Нобелевскую премию, но мешает задиристый, независимый характер. Когда стали раздаваться голоса, что Сахаров отошёл от научной работы и его надо лишить звания академика, именно отдел инициировал публикации статей опального учёного.

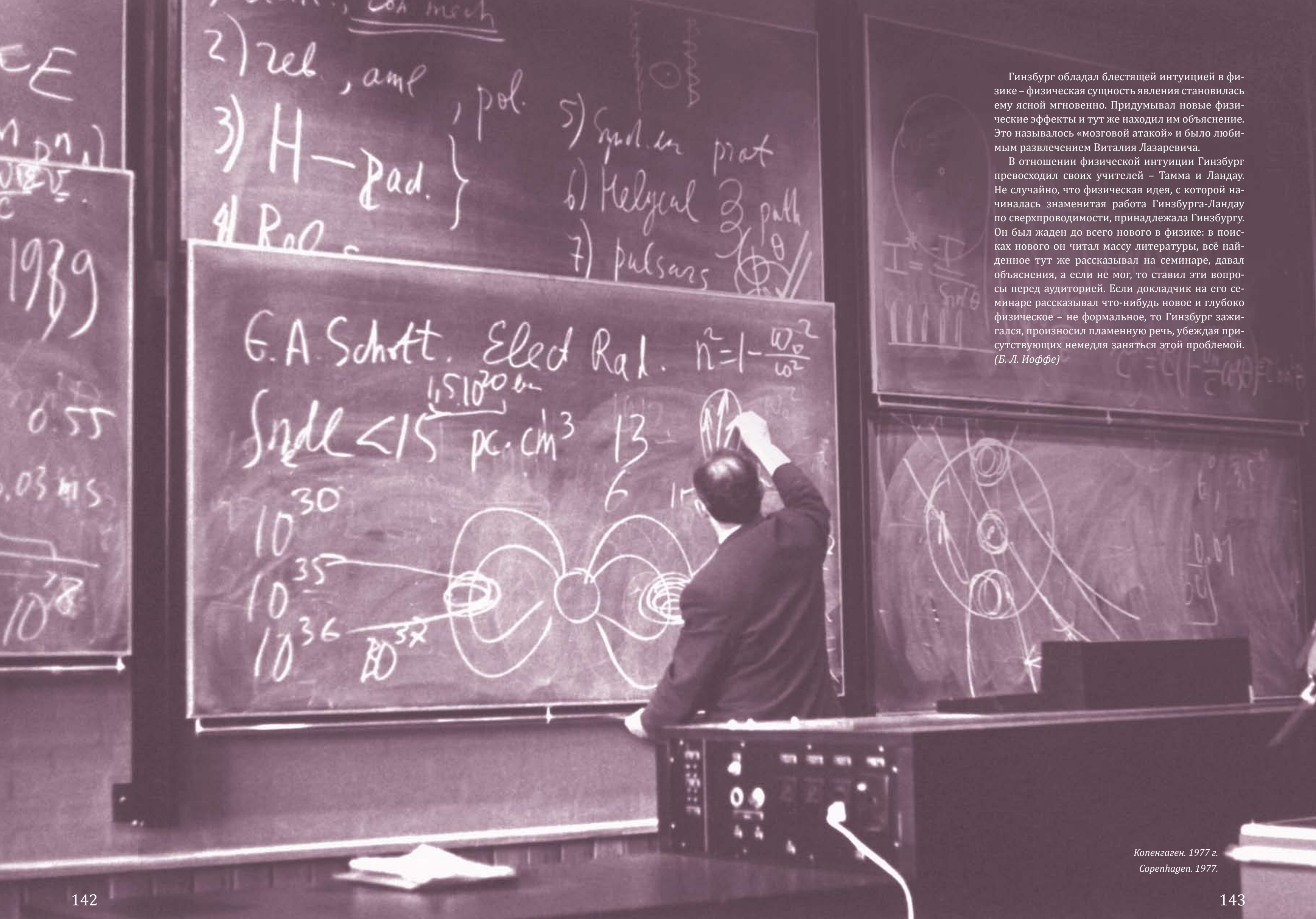
Или такой незначительный, но очень характерный эпизод. На представительном академическом форуме Гинзбургу при большом стечении публики от имени Президента Академии вручили пригласительный билет на банкет. В. Л. Гинзбург выпалил: «Идиоты, сегодня матч Бразилия – СССР!»

ФУТБОЛЬНЫЙ ФАНАТ

Хотя основным хобби В. Л. была работа, но всё же, как говорится, не хлебом единым... Будучи человеком открытым и динамичным, он не особенно жаловал интеллектуальные развлечения – например, был довольно равнодушен к шахматам.

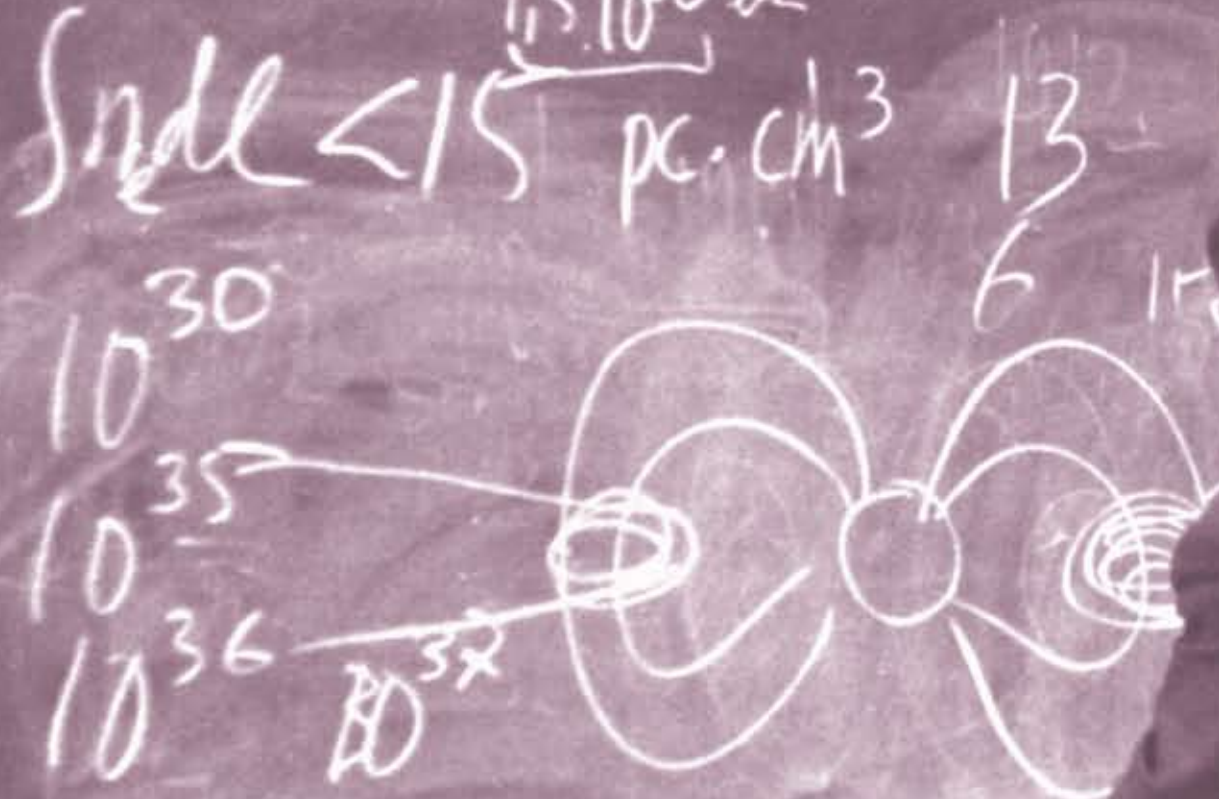
Но зато до самых последних дней оставался завзятым футбольным болельщиком – возможно, таким образом релаксировал после интенсивных упражнений по теоретической физике. Он неоднократно пенял мне за то, что я пропустил трансляцию того или иного интересного матча и теперь нельзя обсудить перипетии происходивших там событий. (И. И. Ройзен)

Виталий Лазаревич был признан мировым научным сообществом. Его работы цитировали во всём мире. В. Л. Гинзбург являлся членом девяти иностранных академий, в том числе Национальной академии наук США, Академии наук и искусств США, Лондонского Королевского астрономического общества, Европейской академии, Международной академии астронавтики, академий наук Дании, Индии и др.

- 2) rev, amp, pol. }
3) H-rad. }
4) Rad. }
5) Synchrotron prot
6) Helical 2 path
7) pulsars

G.A. Schlatt. Eled Rad. $n^2 = 1 - \frac{\omega_p^2}{\omega^2}$

Гинзбург обладал блестящей интуицией в физике – физическая сущность явления становилась ему ясной мгновенно. Придумывал новые физические эффекты и тут же находил им объяснение. Это называлось «мозговой атакой» и было любимым развлечением Виталия Лазаревича.

В отношении физической интуиции Гинзбург превосходил своих учителей – Тамма и Ландау. Не случайно, что физическая идея, с которой начиналась знаменитая работа Гинзбурга-Ландау по сверхпроводимости, принадлежала Гинзбургу. Он был жаден до всего нового в физике: в поисках нового он читал массу литературы, всё найденное тут же рассказывал на семинаре, давал объяснения, а если не мог, то ставил эти вопросы перед аудиторией. Если докладчик на его семинаре рассказывал что-нибудь новое и глубоко физическое – не формальное, то Гинзбург зажигался, произносил пламенную речь, убеждая присутствующих немедленно заняться этой проблемой. (Б. Л. Иоффе)

Копенгаген. 1977 г.
Copenhagen. 1977.

ЯРКИЕ ЗВЁЗДЫ. ИСКЛЮЧЕНИЕ ИЗ ПРАВИЛ

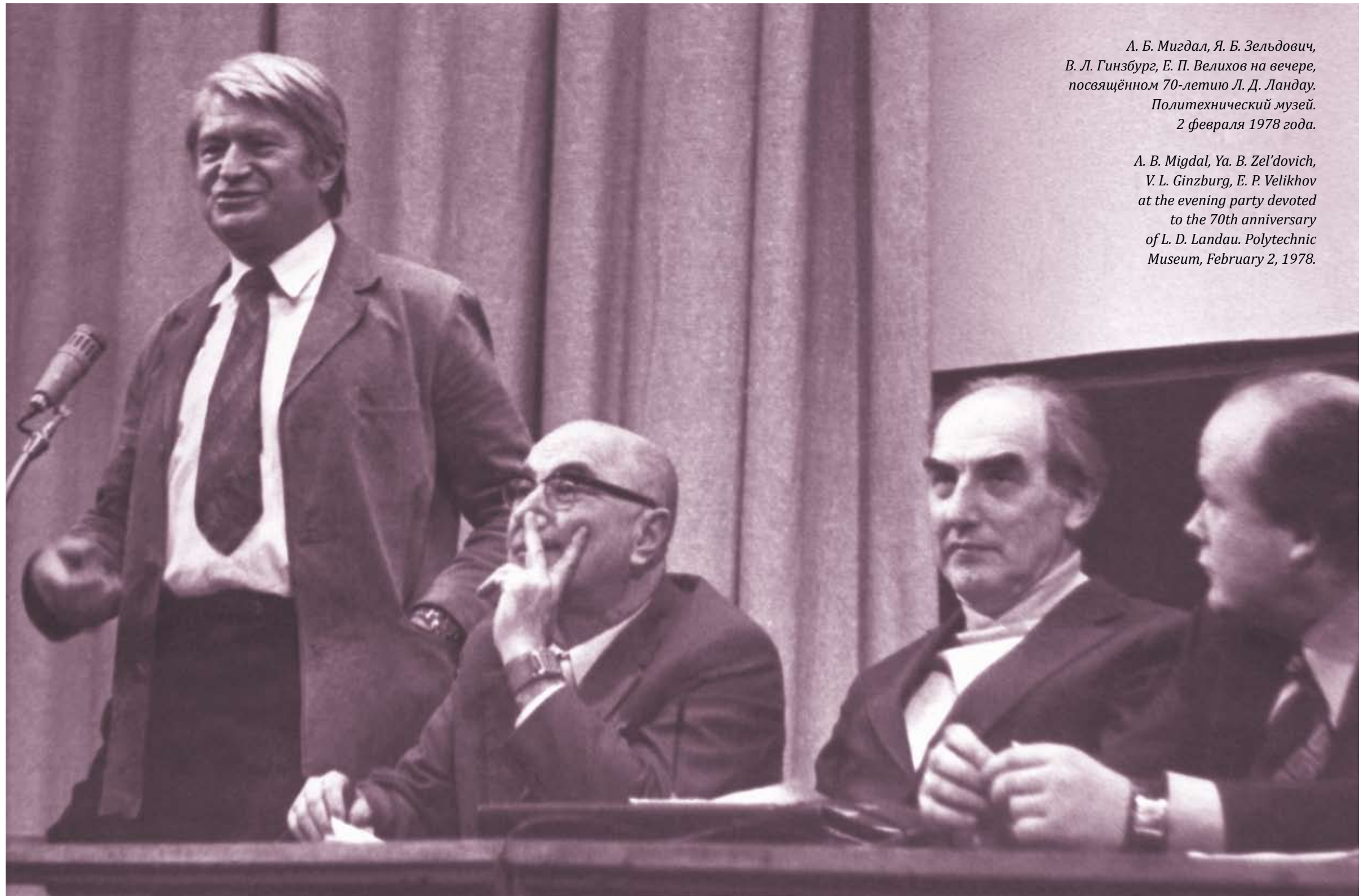
Я считаю себя одним из канонических учеников Л. Д. Ландау. Под словами «канонические ученики» в школе Ландау было принято считать тех физиков, которые сдали экзамены «теоретического минимума», придуманного Ландау ещё в его харьковские годы. Я сдал эти экзамены ещё до войны и числился в списке сдавших под номером 9. В «близкий круг» Ландау входили, однако, не только его канонические ученики.

Были «яркие звёзды», которые никогда не сдавали теоретический минимум, но очень высоко ценились Львом Давидовичем. Я бы выделил три такие «яркие звёзды». Это В. Л. Гинзбург, Я. Б. Зельдович и А. Б. Мигдал. Они очень много сделали в теоретической физике. Для их отношений с Ландау не играл никакой роли тот факт, что они теоретический минимум не сдавали. Эти звёзды-самородки изучали теоретическую физику в процессе самообразования или учились у своих ярких учителей, у которых методы воспитания физиков-теоретиков отличались от того, как это происходило в школе Ландау. В. Л. Гинзбург в своей Нобелевской лекции сказал, что считает себя учеником И. Е. Тамма и Л. Д. Ландау. Думаю, что большое влияние на него оказал также Л. И. Мандельштам. (И. М. Халатников)

СИСТЕМА ОЦЕНКИ

Ландау критически относился даже к великим людям и был самокритичен. Последнее проявлялось во многом. Например, Ландау ставил себя ниже «по классу», чем ряд других физиков, своих современников. Здесь нужно объяснить, что у Ландау была квалификационная шкала «по достижениям». Классификация производилась по пятибальной системе, причём в логарифмической шкале. Использовались десятичные логарифмы, т. е. физик класса 1 сделал в 10 раз больше физика класса 2 и т. д. Пятый класс был отведён патологам, т. е. тем, чьи работы Ландау считал патологическими.

В этой шкале из физиков нашего века только Эйнштейн имел наивысший класс 0,5. Бор, Гейзенберг, Шрёдингер, Дирак и некоторые другие имели класс 1, а себя Ландау относил сначала только к классу 2,5, а потом перевёл в класс 2 и, кажется, наконец, в класс 1,5. К классу 1 был отнесён и де Бройль, что вызывало некоторые возражения, но Ландау был твёрд – наивысшее достижение де Бройля, пусть оно и не было подкреплено его дальнейшей деятельностью, действительно очень велико (речь идёт о волнах материи). В класс 1 был помещён и Р. Фейнман, который был моложе Ландау на 10 лет. (В. Л. Гинзбург)

А. Б. Мигдал, Я. Б. Зельдович,
В. Л. Гинзбург, Е. П. Велихов на вечере,
посвящённом 70-летию Л. Д. Ландау.
Политехнический музей.
2 февраля 1978 года.

A. B. Migdal, Ya. B. Zel'dovich,
V. L. Ginzburg, E. P. Velikhov
at the evening party devoted
to the 70th anniversary
of L. D. Landau. Polytechnic
Museum, February 2, 1978.

ПО ШКАЛЕ ЛАНДАУ

Возвращаясь к оценке роли Виталия Лазаревича в науке, замечу, что сам он оценивал эту роль весьма скромно.

Согласно системе оценки Л. Д. Ландау, Виталий Лазаревич Гинзбург относил себя к 3-му классу. Однажды я сказал ему: «Виталий Лазаревич! Тогда получается, что я в 4-м классе, т. е. недалеко ушёл от патологов». Он ответил: «Вы правы. Я переведу себя в класс 2,5». (Б. Л. Иоффе)

ПОЧЕРК ГИНЗБУРГА

Есть разные почерки работы в теоретической физике. Одни предпочитают формально и чётко ставить задачу, писать сложные уравнения и решать их. Другие стараются сначала понять физическую суть, предсказать ответ или нащупать подход к получению результата. Разумеется, такое деление условное.

Почерк Гинзбурга, скорее, второго типа. Он быстро переключался на задачи из других разделов физики, учился и осваивал новые идеи.

Пример такого подхода – его переключение на астрофизические задачи. Астрофизику нужно очень хорошо знать физику. В. Л. эффективно использовал своё понимание физики для решения астрофизических проблем. Всегда очень важно разглядеть аналогии между явлениями в совершенно далёких областях. В. Л. это удавалось хорошо. В период бурного развития астрофизики он реагировал очень быстро и получил много важных результатов. (И. М. Халатников)

Поздравление Дмитрия Владимировича Скобельцына
с 90-летием. 1982 г.

Congratulation of Dmitry Vladimirovich Skobeltsyn
on his 90th birthday. 1982.

КИПУЧАЯ ЖИЗНЬ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОТДЕЛА

При первой же встрече в Виталии Лазаревиче поражала некая неистовость в исследованиях. Чувствовалось, что ему было бесконечно интересно то, чем он занимается, он просто горел от нетерпения получить результат и решить проблему.

В то время Виталий Лазаревич вёл три семинара: Общомосковский по теоретической физике, по астрофизике и по сверхпроводимости. Два первых из них я посещал. Помимо этого, я ещё участвовал в семинаре по физике солнечной активности, организованном С. И. Сыроватским, в секторе которого я и работал.

Семинары начинались с того, что входил В. Л. Гинзбург с огромной кипой оттисков статей, которые ему присылали со всего мира. Когда он успевал всё это прочитать, загадка, но практически на каждом из оттисков были его заметки

и резюме: «доложить на семинаре», «интересно», «по прочтении вернуть мне», «бред» и т. д. Всё это делалось наряду с его собственными научными исследованиями, и только теперь я понимаю, какую гигантскую работу он проделывал.

Весьма важна атмосфера, в которой проходили семинары. Виталий Лазаревич появлялся возбуждённым или воодушевлённым – не могу подобрать правильного слова – от прочитанного, от появившихся в связи с прочитанным идей, и это заражало участников семинаров.

Научная жизнь в Теоретическом отделе кипела. Если возникала проблема, то было бесконечно интересно искать её решение вместе с В. Л. Гинзбургом. Без каких бы то ни было преувеличений это было большое счастье жить такой жизнью: каждое утро я просыпался с ощущением радости, что надо идти на работу. (В. А. Догель)

НЕСВОБОДА

В 1984 году Датская академия наук, иностранным членом которой я являюсь с 1977 года, пригласила меня на недельку приехать в Копенгаген, не помню, по какому уж поводу. Я начал тяжкий процесс «оформления»: для поездки за границу полагалось заполнить много бумаг, пройти какие-то комиссии. Потом все эти документы уходили в «инстанции», и иногда только в самый последний момент вам сообщали, разрешена поездка или нет.

На этот раз мне тоже незадолго до отъезда сообщили, что мне поехать разрешено, но без жены я ехать отказался. И такая естественная реакция была тогда редкостью, и мне даже позвонил президент АН СССР и выразил своё неодобрение, сообщив, что он же ездит без жены, и что же я, вместо благодарности за высокую честь и доверие, проявляю строптивость (честно замечу, что все последние слова сказаны не были, но, по моему мнению, только так можно было понимать этот звонок).

Через год, в 1985 году, в том же Копенгагене отмечалось 100-летие со дня рождения Нильса Бора. И опять меня пригласили, причём на этот раз я был единственным докладчиком из СССР на пленарном заседании соответствующей конференции. И опять я «оформлялся» с женой. И опять в последний момент мне сообщили, что меня пускают, но без жены.

Вероятно, кто-то боялся, что если мы поедем вместе, то можем не вернуться. Кстати, такого стремления у нас и в помине не было. На этот раз я, однако, с чувством возмущения, но поехал. Дело в том, что уже подготовил доклад, а это, учитывая необходимость приготовить и русский, и английский варианты и всё это ещё «пропустить» через цензуру, большая работа.

Главное же, я, конечно, очень уважал Бора (слушал его доклады и был с ним немного знаком, ибо он приезжал в СССР) и хотел участвовать в юбилейной конференции.

Во время своего доклада на конференции, а тем более в частных беседах, я как-то отражал своё возмущение нашей несвободой. Не помню подробностей, но запомнил горький осадок от равнодушия западных коллег. Впрочем, я, вероятно, был не прав. На Западе знали и привыкли к советскому произволу, протестовали, кое-кого защищали. Да и вообще почему они должны были принимать близко к сердцу и мой случай? К тому же я ведь говорил всё же сдержанно, не устраивал митинг, было проще пропускать всё мимо ушей. (В. Л. Гинзбург)

ИСТОРИЯ С ПОРТРЕТОМ ТАММА

Важной особенностью В. Л. Гинзбурга было уважение к мнению коллектива. Пример – история с портретом И. Е. Тамма, который решили повесить в зале Учёного совета. Сделал его художник по фотографии, он не знал Тамма лично. Поэтому В. Л. Гинзбург был против этого портрета, и он обратился к коллективу отдела – не надо покупать этот портрет.

Вопрос решали на собрании. Собрался весь отдел – и научные, и технические работники. Обсудили, проголосовали, и Виталий Лазаревич остался один. Так что портрет с тех пор и висит в зале. В. Л. Гинзбург согласился в конечном счёте с мнением большинства. Но что важно: он очень спокойно перенёс то, что остался один, мнение коллектива для него – закон. (А. В. Гуревич)

НЕ ПО ПРАВИЛАМ

Виталий Лазаревич не понимал, как физика может быть неинтересна. Возглавляемый им Общомосковский семинар был в некотором смысле клубом, где собирались физики. Помимо знакомства с докладами, это была великолепная возможность пообщаться для учёных из разных институтов. Поэтому, устраиваясь на задних рядах, они зачастую вели беседы на темы, далёкие от повестки семинара, если тематика доклада их не интересовала или они переставали понимать, что обсуждается на семинаре.

И тут Виталий Лазаревич взрывался, если слышал гул заднескамеечников. Надо понимать, что проведение семинаров требовало от В. Л. Гинзбурга огромной работы. Талант Виталия Лазаревича позволял ему свободно вникать в проблемы, казалось бы, далёкие от его собственных интересов. Фактически семинары представляли его диалоги с докладчиком, в каком-то смысле он и сам был содокладчиком на каждом семинаре.

Виталий Лазаревич чувствовал аудиторию, и его вопросы или комментарии иногда значили больше, чем то, что говорил докладчик. В связи с этим вспоминаю забавный случай, когда семинар не был закончен – впервые на моей памяти. Докладчик, кстати, вполне достойный человек с известными результатами, построил своё выступление в форме греческих диалогов, в которых участвовали «человек с улицы», который задавал всякие вопросы, и, если я правильно помню, «учёный», который давал весомые ответы. В эту схему В. Л. как-то совсем не вписывался. По этой причине или по другой, но доклад был прерван. (В. А. Догель)

Д. В. СКОБЕЛЬЦЫНУ — 90 ЛЕТ

Передо мной тома технического проекта и физического обоснования дубненского синхрофазотрона. На титульном листе каждого тома исключительно четкая подпись: «Утверждаю, Д. Скобельцын. 5 января 1951 года». Точно такая же четкая и уверенная подпись стоит на недавних письмах и оттисках статей Дмитрия Владимировича, которые я бережно храню.

опубликованные Д. В. Скобельцыным в журналах 1924 — 1931 годов фотографии, отчетливо видят на них процесс образования электрон-позитронных пар.

Свои основополагающие исследования по взаимодействию гамма-лучей с веществом Д. В. Скобельцын начал в 1923 году в лаборатории своего отца В. В. Скобельцына — профессора физики Ле-

крытие и изучение электронно-ядерных линий и ядерно-каскадного процесса Д. В. Скобельцыну и его ученикам в 1951 году была присуждена Государственная премия СССР первой степени.

Д. В. Скобельцын руководил исследованиями космических лучей на высокогорных станциях и в стратосфере. Его ученики перенесли эти исследования на ракеты и спутники, сделав замечатель-

Со временем и у Виталия Лазаревича появились интересы и обязанности, не связанные с физикой. Всем известна его деятельность, направленная против лженауки. В. Л. Гинзбург считал, что наука несовместима с религиозным мышлением.

Как мне кажется, может ошибаюсь, я помню, с чего это началось. Была среда, день Общомосковского семинара. В зал вошёл В. Л. Гинзбург с журналом Nature в руках, очень взволнованный, и со свойственной ему горячностью начал семинар словами: «Пишут чёрт знает что. Вот здесь они написали, что 60% учёных верят в Бога. Просто какой-то бред».

Чувствовалось, что эмоции его захлёстывали и требовали действия, поэтому он немедленно начал опрос среди сотрудников Теоретического отдела, чтобы доказать абсурдность статьи в Nature. Первый, кто ему попался, был я, поскольку зашёл к нему в кабинет по делам кафедры. Произнеся всё те же эмоциональные слова, Виталий Лазаревич меня спросил: «А вы как относитесь к религии?» Я ответил, что считаю себя верующим. Надо было видеть, как мой ответ изумил В. Л. Он искренне считал, что наука абсолютно несовместима с религиозным мышлением, и мой ответ его совершенно искренне разочаровал. (В. А. Догель)

На семинаре
Гинзбурга
в ФИАНе.

At the Ginzburg
seminar at LPI.

ЧАСТИЧНО СБЫВШЕЕСЯ ПРОРОЧЕСТВО

Юбилейные семинары оставляли впечатлительные праздники. Приходили с поздравлениями выдающиеся физики, которые были нечастыми гостями на семинаре. Помню, на одном из юбилейных семинаров выступали и Я. Б. Зельдович, и М. А. Миллер. Яков Борисович пришёл на праздничное заседание, надев три свои самые главные государственные награды – три Золотые звезды (он был трижды Герой Социалистического Труда – таких в двухсотмиллионном Советском Союзе было всего человек десять). Яков Борисович не любил носить свои награды. За несколько десятков лет я его видел со «звёздами» всего два раза.

В конце таких юбилейных «заседаний» обычно выступал Виталий Лазаревич. Помню его заключительную речь на тысячном заседании. Он пытался определить, когда состоится двухтысячное заседание: «Это будет в первые годы следующего, двадцать первого века. Мне к двухтысячному заседанию стукнет девяносто лет, и я рассчитываю, что к тому времени я переплыву Яшу Зельдовича вот в каком отношении. Он – трижды Герой Социалистического Труда. У него три ордена

Ленина и три медали «Золотая Звезда». Это очень редкий набор наград. Я предполагаю, что у меня будет ещё более редкий набор: три ордена «Знак Почёта». Кроме того, я предполагаю, что к тому времени буду награждён Нобелевской премией. Теперь вошло в моду давать Нобелевскую премию глубоким старикам».

Орден «Знак Почёта» был самым последним по важности орденом Советского Союза, а орден Ленина и медаль «Золотая Звезда» – самыми главными. Виталий Лазаревич много лет заведовал Теоретическим отделом ФИАН, где работало много блестящих физиков. Когда правительство награждало Академию наук, обычно подчинённые В. Л. Гинзбурга получали ордена высшего достоинства, а сам Гинзбург – орден «Знак Почёта» или вообще ничего: начальство его не жаловало. Развал СССР помешал получить третий орден «Знак Почёта».

Нобелевскую премию по физике Виталий Лазаревич получил, и случилось это за три года до того, как ему исполнилось 90 лет. (Б. М. Болотовский)

С НЕУЁМНОЙ АЛЧНОСТЬЮ И ИЗОЩРЁННОЙ ИНТУИЦИЕЙ

Общеизвестно, как трудно держать длительное время толпу креативных личностей в добровольном «повиновении». А тут еженедельно 150–200 человек, и так на протяжении 45 лет! Содержательность и высокий уровень для этого необходимы, но совершенно недостаточны. Обязательным является и другое: ходят, конечно же, на руководителя, и это своего рода шоу. Необходимое условие обеспечивалось неуёмной алчностью и изощрённой интуицией, с которыми В. Л. Гинзбург выискивал и угадывал всё новое и интересное, что появлялось в печати. Каждую неделю он был первым, кто просматривал в библиотеке новые поступления, отбирал то, что ему приглянулось, просил соответствующих сотрудников посмотреть и, возможно, доложить на семинаре в качестве сообщения по литературе. И горе тому, кто пытался об этом «позабыть»: В. Л. Гинзбург всё помнил и такой лени не прощал. (И. И. Ройзен)

В среду 27 апреля в 10 час. в Колонном Зале состоится
очередной семинар первого сектора теоретического отдела.
1. Я. Л. Альперт. "О спектре низкочастотного электромагнитного излучения планет и межпланетного пространства".
2. В. П. Смирнов и Е. И. Фетисов. "О проникновении электромагнитного поля в металлы".

В среду 30 декабря в 10 час. в колонном зале состоится
семинар первого сектора теоретического отдела.
М. С. Рабинович. "Ускорительные методы в физике плазмы".

На семинаре
Гинзбурга
в ФИАНе.

At the Ginzburg
seminar at LPI.

Единственный талант, который я за собой признаю, – это ораторский. Вот здесь что-то «от бога». Я волнуюсь, готовлюсь, мне важно выступить успешно (может быть, здесь какой-то актёрский элемент). И это даёт плоды. (В. Л. Гинзбург)

The only talent that I recognize for myself is the orator one. There's something here «from God». I'm excited, I'm preparing, it's important for me to perform successfully (maybe there is some kind of actor element here). And it yields the results. (V. L. Ginzburg)

Тысячный семинар. 1983 г.

The thousandth seminar. 1983.

Выступает директор ФИАН нобелевский лауреат Николай Геннадьевич Басов. 1983 г.

Speech of the director of LPI Nobel Laureate Nikolay Gennadiyevich Basov. 1983.

НА ПРЕДЕЛЕ ВМЕСТИМОСТИ

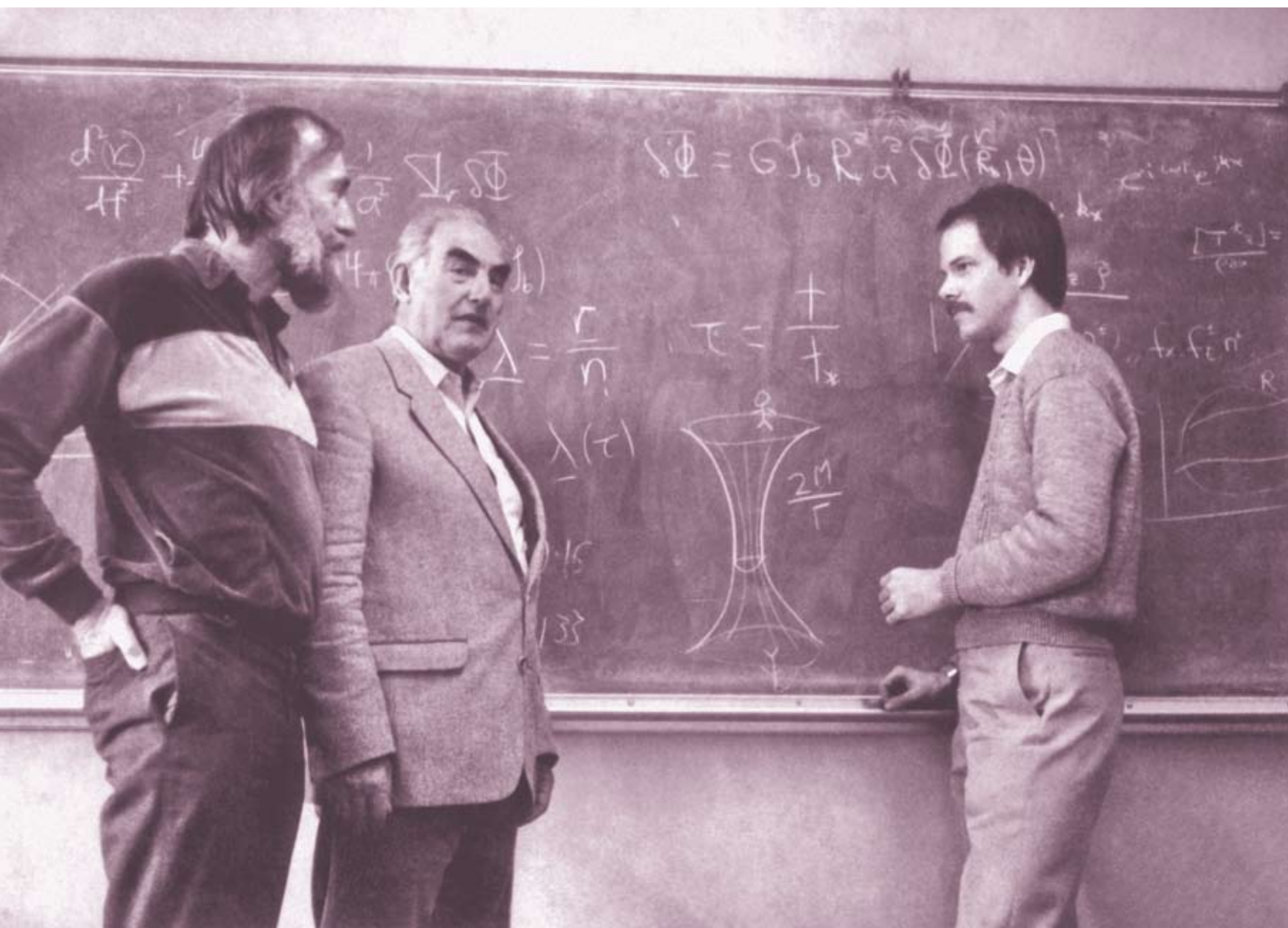
С начала 70-х годов, когда среднее число присутствующих на семинаре стало превышать 200 человек, семинар Гинзбурга превратился в общемосковский, а по существу, и во общесоюзный. Регулярно несколько человек приезжало из городов Горького, Ленинграда, Киева, Ростова и т. д. Особый интерес вызывали семинары с докладами сотрудников Теоретического отдела ФИАН В. Л. Гинзбурга, А. В. Гуревича, Л. В. Келдыша, Д. А. Киржница, Е. Л. Фейнберга, Д. С. Чернавского. и др.

Ряд семинаров проходил с предельным числом для этого зала участников – 600 человек. Эти семинары были, как правило, связаны с научными сенсациями. Например, доклад Н. Б. Брандта и А. П. Русакова из МГУ о наблюдении признаков высокотемпературной сверхпроводимости в галогенидах меди. Пики по численности, выходящие за 600 человек (люди стояли в проходах), были связаны с обзорными докладами по только что открытой высокотемпературной сверхпроводимости. На них выступали сам В. Л. Гинзбург, А. И. Головашкин, Ю. В. Копаев, Л. П. Горьков и др. Предельно большие аудитории на семинаре собирали и другие докладчики, такие как А. Ф. Андреев, В. И. Арнольд, М. А. Марков, И. Д. Новиков, Л. П. Питаевский, В. П. Силин и другие. (А. Г. Молчанов)

ПРОЧУВСТВОВАТЬ КРАСОТУ НАУКИ

У семинара была одна черта, которая прямого отношения к науке не имела, но эта черта привлекала немало людей и может служить одним из объяснений, почему на семинар ходило так много физиков. Семинар был не только местом, где обсуждалось всё новое, но и зрелищем. Интересны были не только сами новости, но и та манера, в которой эти новости доводились до сведения присутствующих. Не менее интересно было и последующее обсуждение. Оно нередко сопровождалось шутками или оговорками, вызывавшими дружный смех. Были среди докладчиков замечательные ораторы, и слушать их было одно наслаждение. В их устах доклад был не сухим перечнем посылок и следствий, а художественным произведением: и драмой, и трагедией, и комедией, и детективом – всем вместе. Бывало так, что большая аудитория слушала, затаив дыхание. Люди ощущали красоту науки.

Что такое красота науки? Это, мне кажется, трудно объяснить. Что такое красота мужчины или красота женщины – это всякому понятно и не нуждается в объяснении. Люди чувствуют это без всяких объяснений. Красоту науки тоже надо почувствовать. И семинар В. Л. Гинзбурга помогал этому. (Б. М. Болотовский)

ФИЗИКА НЕ МОЖЕТ БЫТЬ НЕИНТЕРЕСНОЙ

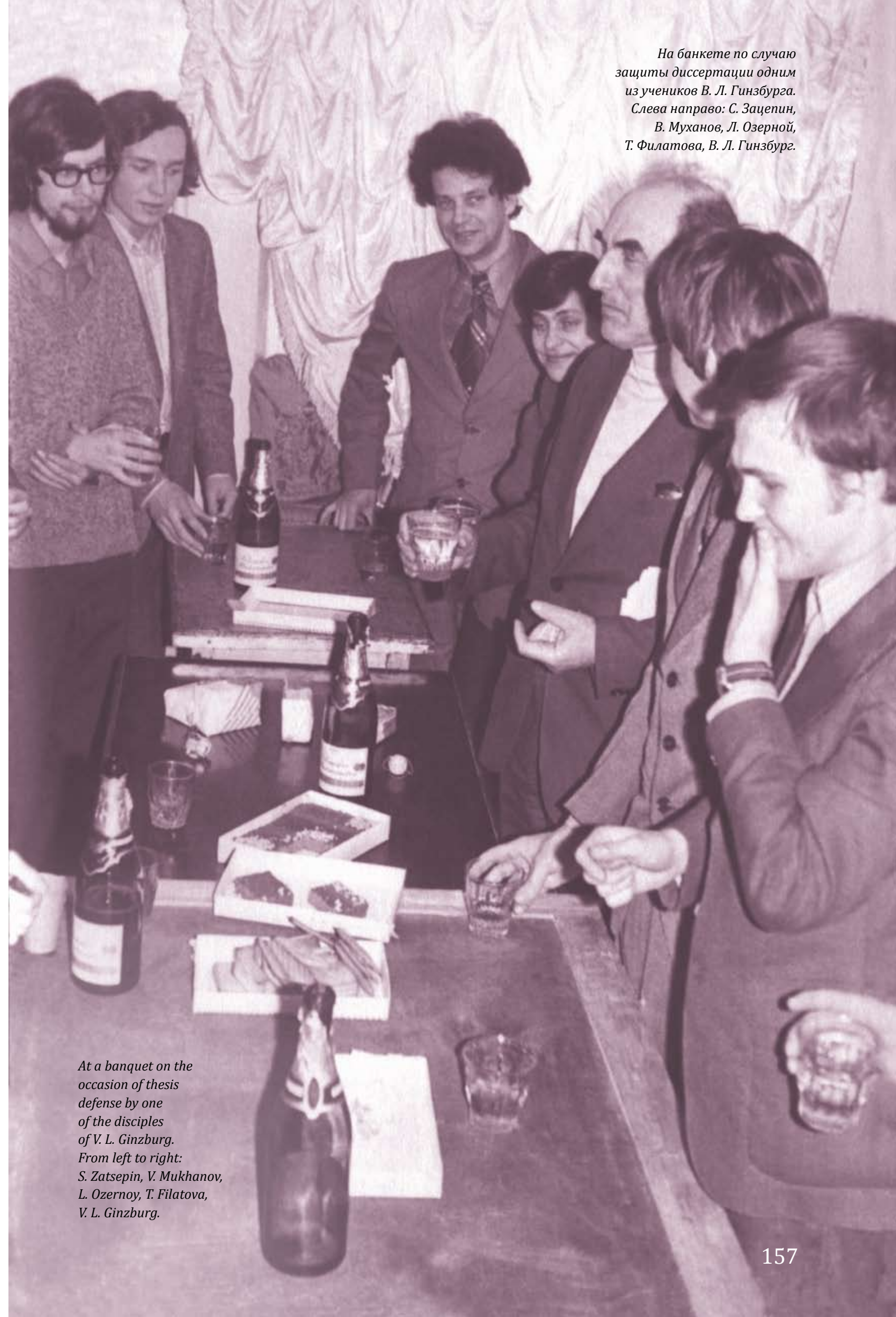
Виталий Лазаревич очень ответственно относился к своей преподавательской деятельности. Он бесценно руководил со дня основания кафедрой проблем физики и астрофизики в Московском физико-техническом институте.

В те времена набор студентов на кафедру осуществлялся на третьем курсе по итогам специальных экзаменов. Экзаменам предшествовала встреча студентов МФТИ с сотрудниками кафедры, на которой В. Л. Гинзбург обязательно присутствовал.

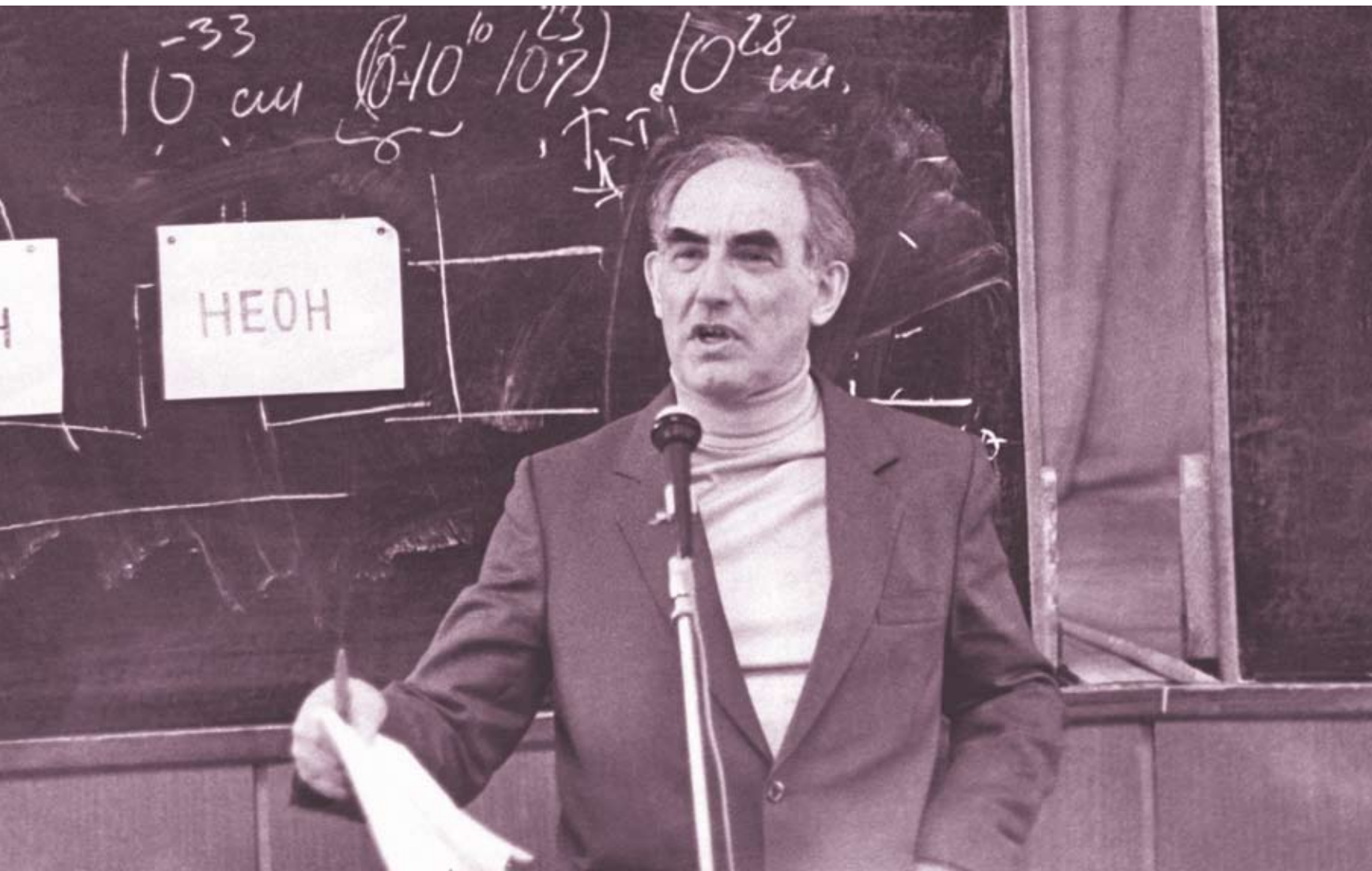
В 70-е годы эти встречи собирали огромное количество студентов. Не хватало зала, рассчитанного на несколько сотен человек. Студенты сидели в проходах, толпились в дверях. Встречи были построены в форме свободного диалога Виталия Лазаревича со студентами. И надо было видеть, как он был счастлив от огромного интереса молодых людей к физике, как страстно он излагал своё видение жизни в науке.

Со временем стала меняться обстановка в стране, что, видимо, сказалось и на увлечённости молодёжи наукой. К тому времени заместитель В. Л. Гинзбурга по кафедре, Владимир Николаевич Сазонов, уехал работать за границу, и его должность по наследству досталась мне. В мои обязанности входила организация этих встреч со студентами, но ситуация конца 80-х разительно отличалась от той, что была десятью годами ранее. На встречи уже приходило не более двух десятков студентов, что вызывало у Виталия Лазаревича недоумение. Он не мог, а может быть, отказывался поверить в то, что физика для студентов может быть неинтересна. Каждая такая встреча в МФТИ заканчивалась его обращением ко мне: «Володя, сегодня почему-то пришло очень мало студентов. Это странно. Наверное, вы не развесили объявления о встрече». (В. А. Догель)

На банкете по случаю защиты диссертации одним из учеников В. Л. Гинзбурга. Слева направо: С. Зацепин, В. Муханов, Л. Озерной, Т. Филатова, В. Л. Гинзбург.

At a banquet on the occasion of thesis defense by one of the disciples of V. L. Ginzburg. From left to right: S. Zatsepin, V. Mukhanov, L. Ozernoy, T. Filatova, V. L. Ginzburg.

ПЕРЕСТРОЙКА. ПЕРЕЛОМНЫЙ МОМЕНТ

1985 год оказался переломным, к власти пришёл М. С. Горбачёв, вскоре началась «перестройка». Не очень активное, но всё же участие я в ней принимал. Был народным депутатом СССР (с 1989 по 1991 год, когда съезд был распущен). Выбран был по лимиту, представленному Академии наук.

Из КПСС вышел в 1991 году и ни в каких партиях больше не состоял и состоять не собираюсь. Разумеется, я всегда был на стороне демократических сил, но не всегда солидаризовался с конкретными действиями некоторых их представителей, в частности, Сахарова. Не помню, однако, ничего важного и интересного из моей «политической» деятельности, о чём стоило бы писать. (В. Л. Гинзбург)

СЪЕЗД НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ

Во время выборов на Съезд народных депутатов в 1989 году Академии наук была выделена квота – 25 мест, Общество «Знание» тоже получило 10 мест. В. Л. Гинзбург был в списке от АН СССР и был избран. Создавались разные комиссии, которые должны были рассматривать болевые проблемы нашего общества. Виталий Лазаревич был в комиссии по борьбе с привилегиями. Были

подкомиссии по разным видам привилегий. В. Л. Гинзбург выбрал подкомиссию по персональным автомобилям. Я с некоторой иронией говорил В. Л. Гинзбургу, что «автомобильная» подкомиссия не совсем по его специальности. Но он со всей страстью занимался изучением вопроса о том, кому и когда можно и нужно выделять персональные автомобили. В. Л. Гинзбург, как и некоторые другие депутаты, много писал предложений по разным вопросам, обсуждаемым на Съезде, отвечал на многие просьбы и письма трудящихся. К депутатским обязанностям он относился очень серьёзно.

Антиклерикальная позиция В. Л. Гинзбурга по поводу преподавания религии в школе естественно вытекает из его убеждений атеиста и гуманиста. Он основательно образовался в области религии, на профессиональном уровне разговаривал с клерикалами. Он всегда темпераментно и азартно участвовал в дискуссиях, много выступал публично и приобрёл популярность. К нему прислушивались не только в обществе, но и во власти. И он благодарил родителей и Бога, в которого не верил, за то, что смог всю жизнь заниматься физикой. (И. М. Халатников)

НА ПОЛИТИЧЕСКОМ ПОПРИЩЕ. ПРЕДЧУВСТВИЕ БЕДЫ

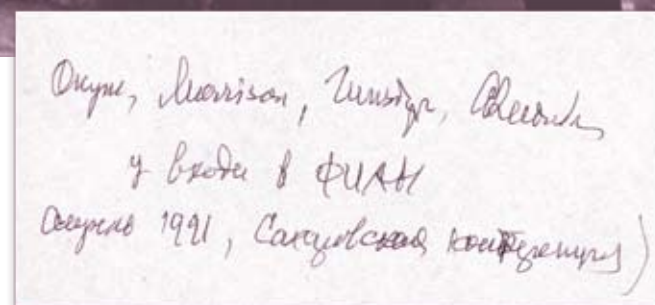
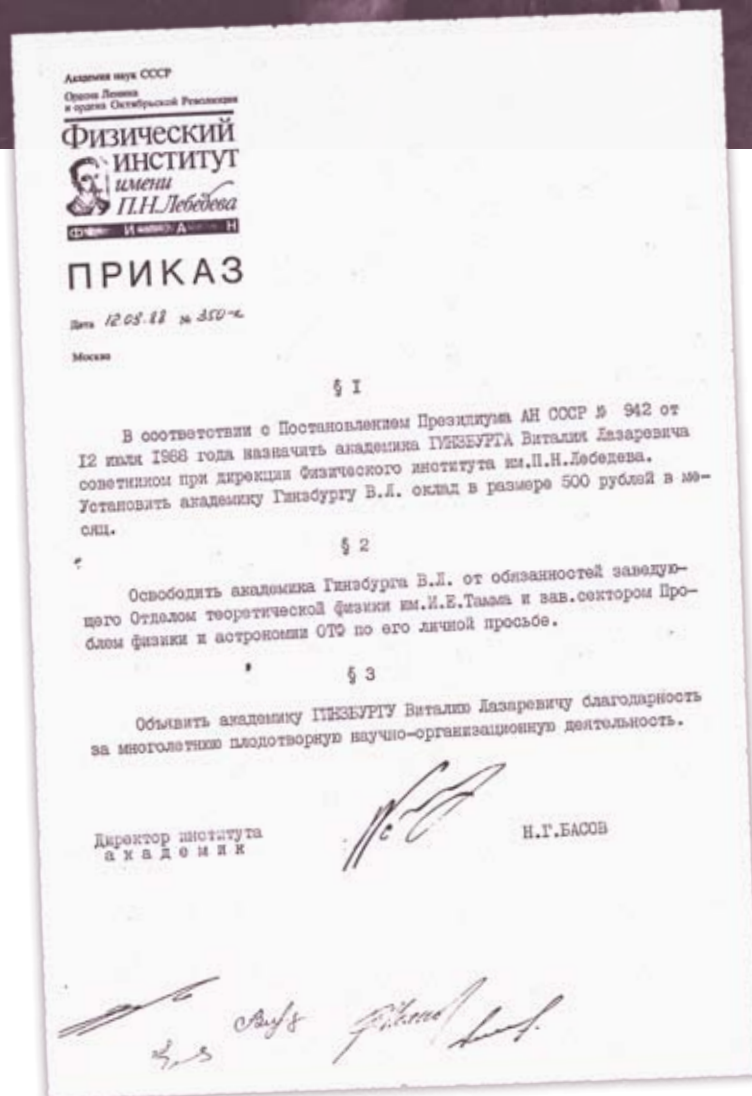
После того как В. Л. Гинзбургу исполнилось 70 лет, в соответствии с положением о директорах АН СССР (которому далеко не все следовали), он принимает решение покинуть пост директора Теоретического отдела, несмотря на наши настоятельные просьбы остаться.

В это время проходили выборы в Верховный Совет, и Виталий Лазаревич согласился быть выдвинутым в депутаты. Он сказал нам: «Это мне подходит». Будучи избранным, он активно работал в комиссии по борьбе с бюрократией.

В эти годы начала перестройки я считал для себя абсолютно необходимым лично участвовать в общественном движении. Когда я рассказал В. Л. об одном из больших митингов, он спросил: «А зачем Вы туда ходите?» – чувствовалось неодобрение. В. Л. Гинзбург раньше нас всех понял разрушительные последствия этого процесса для науки. Он заметил мне однажды: «Всё провалили, проворонили». (А. В. Гуревич)

Виталий Лазаревич обладал исключительным чувством гражданина. Его общественная позиция была всегда яркой, смелой, независимой и ответственной. Его голос был слышен не только в Академии, но и во всей стране.

В то же время он был добрым, деликатным человеком. Слава и высокие достижения не изменили его тёплого отношения к тем, кому посчастливилось знать его близко. (А. В. Гуревич)

НА НОВОЙ СТУПЕНИ

В 1988 году я покинул пост руководителя Теоретического отдела имени И. Е. Тамма, но остался в ФИАНе в должности советника РАН, имею небольшую группу сотрудников.

Кроме того, с 1968 года возглавляю созданную тогда же кафедру проблем физики и астрофизики в Московском физико-техническом институте (довольно известном Физтехе), но уже не читаю лекций и остаюсь на этой должности по просьбе сотрудников, не получая за это денег (по собственному желанию), чтобы иметь возможность помогать работе кафедры в некоторых вопросах. (В. Л. Гинзбург)

Сессия РАН. Слева направо: В. Л. Гинзбург, Е. Л. Фейнберг, А. В. Гапонов-Грехов. 1996 г.
Session of the Russian Academy of Sciences. From left to right: V. L. Ginzburg, E. L. Feinberg, A. V. Gaponov-Grekhov. 1996.

ПЛОДОТВОРНОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

В 1990-е годы научной активности В. Л. Гинзбурга можно только позавидовать. Он занимался в это время теорией сил Ван-дер-Ваальса и проблемой сверхдиамагнетизма, «мягкими модами» в сегнетоэлектриках и изучением торoidalных дипольных моментов, равномерно движущихся в среде. Им заново проанализированы граничные условия в макроскопической теории сверхпроводимости, его продолжают интересоваться термоэлектрические эффекты в сверхпроводниках, им написаны фундаментальные обзоры, посвященные механизмам высокотемпературной сверхпроводимости и проблемам происхождения и распространения космических лучей, гамма-астрономии, специальным вопросам общей теории относительности и другим фундаментальным вопросам физики и астрофизики.

Список научных работ В. Л. Гинзбурга давно «перевалил» за четыре сотни, им самим и в соавторстве с его учениками и сотрудниками написано более двух десятков монографий, почти все они переведены и изданы в других странах. Большое внимание уделяет В. Л. Гинзбург пропаганде научных знаний. (Редакция журнала УФН, 2001 г.)

В 1990-е и 2000-е годы Гинзбург бесчисленное число раз выступал на общих собраниях РАН, борясь с засилием бюрократии, с проводимыми сверху «реформами», пагубными для науки, высшего и школьного образования. Нередко его выступления не нравились руководству, но заткнуть ему рот никто не мог. (Б. Л. Иоффе)

Супруги Виталий Лазаревич и Нина Ивановна Гинзбург.

ДВЕ ГЛАВНЫЕ ТЕМЫ В ЖИЗНИ

Литература, живопись, скульптура (он был большой неизменный поклонник скульптора Сидура), музыка – по моим наблюдениям, естественно, – занимали определённое место в жизни Виталия Лазаревича Гинзбурга в разумных пределах, не захлёстывая.

Но всё же главной доминантой его души были наука и любовь в высшем духовном понятии этого чувства. Нравственные устои его души были непоколебимы. Человеческие слабости также были не чужды ему, но проявлялись в столь обаятельной непосредственности, что вызывали только

ещё более приятные чувства к его личности. Отношение к своей супруге Нине Ивановне было необычайно трогательное. История их знакомства, чисто «советская» по фабуле, и дальнейшие сложные хитросплетения их жизни были частым сюжетом его живых рассказов-воспоминаний. Они того стоят, и, кроме того, из них всплывает притягательный образ его Нины, образ женщины, про которую, чуть перефразировав строчку поэта Наума Коржавина, можно сказать: «И в кибитках снегами настоящие женщины поедут за нами...» (В. Рубин)

Spouses Vitaly Lazarevich and Nina Ivanovna Ginzburg.

В ЗАЩИТУ КАРЛИКОВЫХ БЕГЕМОТОВ

В начале 80-х годов несколько семей московских физиков проводили вместе отпуск на Куршской косе в маленьком посёлке на берегу Балтийского моря. В эту замечательную компанию входили Гольданские, Гинзбурги, Харитоны и моё семейство. Мы были обеспечены путёвками в тамошний дом отдыха в Прейле благодаря тому, что наш друг В. И. Гольданский был значимой фигурой в правлении Всесоюзного общества «Знание», а дом отдыха как раз и принадлежал этому обществу. Приезжали туда и мои дочери, и дети Ю. Б. Харитона. Я вообще с начала 80-х годов отдыхать на юг не ездил.

В Прибалтике было хорошо. Хотя море сравнительно холодное, но приятная обстановка в доме отдыха, замечательная компания, разные шутки, нечастые поездки по окрестностям – отдых запомнился на всю жизнь.

Ю. Б. Харитон был в озабоченном состоянии. Его служебные дела на «Объекте», а он был научным руководителем в Сарове, требовали его внимания даже во время отпуска.

Однажды ему понадобилось срочно позвонить на «Объект», но сделать это можно было только из Калининграда по ВЧ связи. Воспользовавшись этой оказией, мы на небольшом автобусе отправились всей нашей компанией в Калининград: ближе спецсвязи для Ю. Б. не было. Ю. Б. был ещё и государственным деятелем, депутатом Верховного Совета. Пока Ю. Б. отыскивал телефон и звонил с помощью местных спецслужб на «Объект», мы решили посетить знаменитый Калининградский зоопарк.

И там В. Л. Гинзбург сразу же обратил внимание на карликовых бегемотов. Не знаю, может быть, он всю жизнь любил этих замечательных, по его словам, и редких животных. Он решил, что они содержатся там в абсолютно нечеловеческих условиях, граничащих с издевательствами. Темпераментный В. Л. заговорил на повышенных тонах, он потребовал от сотрудников зоопарка налить бегемотам в бассейн чистую воду, что действия не возымело. Всю обратную дорогу он возмущался и предложил бывшему там с нами мужу моей дочери П. Волковицкому написать вместе с ним статью в газету, со всей прямотой потребовать улучшения бытовых условий карликовых бегемотов. В. Л. проявил себя в этой истории как человек, очень переживающий за судьбы не только людей, но и животных. (И. М. Халатников)

И. И. Ройзен и В. Л. Гинзбург.

I. I. Roizen and V. L. Ginzburg.

БЕЗ ФАЛЬШИ И ЛИЦЕМЕРИЯ

Виталий Лазаревич очень отрицательно относился ко всяческой показухе, пустозвонству и неоправданному надуванию щёк, фальши и лицемерия. В частности, активно противился избранию в Академию по разного рода «околонаучным» соображениям.

Однажды он спросил меня, что я думаю об одном весьма известном, но уже довольно давно ушедшем человеке. Впрочем, это было и так понятно, но я попробовал было уклониться от прямого ответа, промямлив расхожую фразу, что вот, мол, так уж принято – об умерших либо хорошо, либо ничего. Виталий Лазаревич встрепенулся и немедленно возразил, притом весьма решительно, как он умел это делать в определённых ситуациях: «Послушайте, я с Вами совершенно не согласен. Что это за должность такая – покойник! Ну ладно, в ходе траурных мероприятий непосредственно после кончины – это ещё куда ни шло, но потом нужно обязательно поставить всё на своё место. А то так ведь можно договориться и до того, что не следует воздать «по заслугам» и таким матёрым преступникам, как Гитлер и Сталин». (И. И. Ройзен)

ПРОТИВ ЛЖЕНАУКИ

Одной из своих главных задач в качестве учёного Гинзбург считал борьбу с лженаукой. Именно по его инициативе в 1988 году при Президиуме Академии наук была основана Комиссия по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований. Деятельность комиссии подвергалась критике со стороны людей, чьи проекты были признаны (или теоретически могли быть признаны) ненаучными. Сам Гинзбург регулярно выступал в прессе, отстаивая необходимость продолжения работы комиссии.

Так же безапелляционно, как к торсионным двигателям и антигравитации, Гинзбург относился к усилению клерикализации общества. Виталий Лазаревич не отрицал право на существование религии как таковой, но он категорически возражал против возможности совместить веру в Бога и научное мышление. Гинзбург был одним из авторов знаменитого «письма десяти академиков» Владимиру Путину. В этом обращении учёные протестовали против внесения специальности «Теология» в перечень научных дисциплин ВАК и введения в школе уроков ОПК (Основы православной культуры). Письмо вызвало ответную реакцию и способствовало перенесению споров о возможном усилении роли церкви в обществе в СМИ.

Гинзбург не только боролся с противниками науки, но также пытался укрепить её собственные позиции. Виталий Лазаревич обращал внимание на падение престижа научной деятельности и усиливающуюся «утечку мозгов» на Запад. Для того чтобы как-то остановить этот процесс, Гинзбург создал фонд «Успехи физики».

При этом Виталий Лазаревич всегда защищал РАН и активно спорил с её критиками. Он был категорически не согласен с доводами противников Академии, называвших РАН неэффективной структурой, способствующей развалу российской науки. Гинзбург признавал, что не все инициативы академии и принимаемые ею решения являются правильными, однако оставался сторонником самой структуры как таковой.

Помимо отстаивания интересов науки, Виталий Лазаревич выступал против цензуры и угнетения прав и свобод россиян. Так, он активно протестовал против законопроекта об отмене суда присяжных, называя эту инициативу «возвратом к сталинизму». (И. Якутенко)

КОГДА ПРЕДПОЧИТАЮТ «НЕ ВЫСОВЫВАТЬСЯ»

Включаешь телевизор и видишь нечто средневековое: астрологов, алхимиков, хиромантов, прорицателей, «очевидцев» всяких чудес. Не отстают и газеты. Со страниц «Вечерней Москвы» глядят «заряженные» портреты, якобы могущие кого-то исцелять. Публикуются гороскопы, пусть стыдливо и прикрытые заголовком «Хотите верьте – хотите проверьте». «Правда» от 2 января 1991 года предлагает строить коммунизм с помощью летающих тарелок!

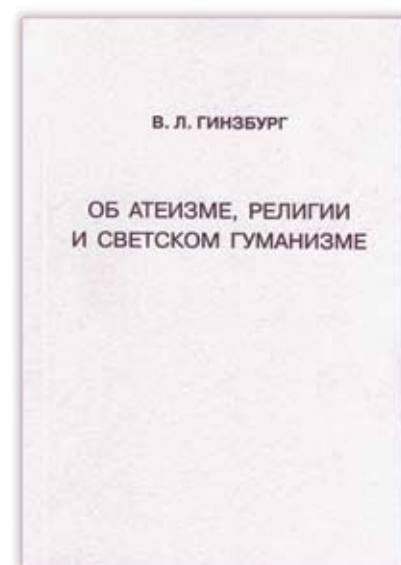
Волна лженауки да и просто какой-то мистики и антинаучного бреда буквально захлестнула наши средства массовой информации. Говорят, такая картина вообще типична для тяжёлых времён. А у нас сейчас к тому же ложно понимаемые свобода печати и гласность широко открывают двери мутному потоку всяких антинаучных спекуляций и дезинформации.

Казалось бы, на пути этого потока должна встать высокая плотина, воздвигнутая представителями науки и, собственно, всеми образованными людьми. К сожалению, этого не происходит по целому ряду причин.

Во-первых, наука у нас ныне не в чести и иногда поносится с самых высоких трибун. Якобы именно наука «не обеспечила» обилия продуктов, разумной экономической политики и т. д. Поэтому многие учёные чувствуют себя как бы прибитыми и предпочитают «не высовываться». К тому же у нас хватает других забот и треволнений.

Во-вторых, борьба со лженаукой – это ассенизаторская деятельность. А ассенизация – дело грязное и непрестижное.

В-третьих, культура в нашем обществе находится, в целом, на невысоком уровне. В результате лженаука нередко падает на благодатную почву, а научная аргументация воспринимается с трудом или просто игнорируется. Всё это так, но молчать нельзя, и я решил призвать не проходить мимо разгула лженауки, активно с ней бороться. (В. Л. Гинзбург)

В центре – Виталий Лазаревич Гинзбург
и Иммануил Лазаревич Фабелинский. 2004 г.

In the center – Vitaly Lazarevich Ginzburg
and Immanuel Lazarevich Fabelinsky. 2004.

ОБ ЭКСТРАСЕНСАХ

Доказано, что вокруг человека всегда существует тепловое поле. Но как это может быть связано с воздействием на тот или иной орган – пока неясно. Да и навряд ли такая связь существует. Но, с другой стороны, есть вещи, о которых современная наука имеет слабое представление. Например, иглоукалывание. В XIX веке гипноз считали бредом. Сейчас многие врачи применяют его на практике. Если вы действительно хотите понять что-то про свои способности, обратитесь в местную горбольницу и под наблюдением врачей попробуйте провести долгосрочный эксперимент. (В. Л. Гинзбург)

О МАГЕ МЕССИНГЕ

У современной науки нет доказательств в пользу ясновидения или прорицания.

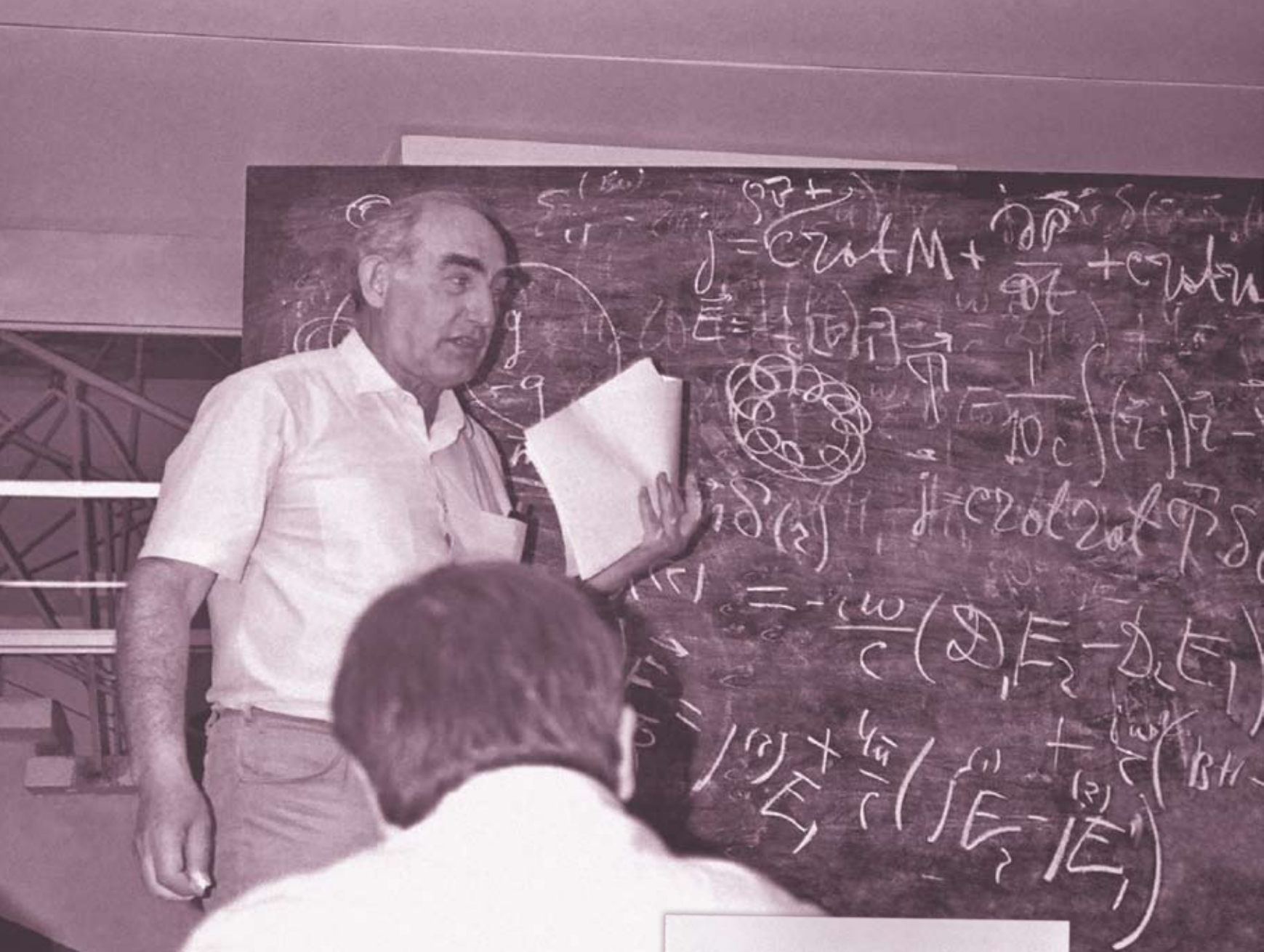
30 лет назад я сам два раза был на сеансах Мессинга. Участвовал в экспериментах, которые он проводил над зрителями.

Гипнотизёр он был первоклассный. Обладал высокой чувствительностью и наблюдательностью. Но ничего сверхъестественного я не заметил. А когда я захотел подняться на сцену во второй свой приход, ассистентка отправила меня назад. Очевидно, боялась, что я разгадаю трюки. Кстати, все они потом были объяснены его собратями по ремеслу. (В. Л. Гинзбург)

ДОВЕРИЕ ОППОНЕНТОВ

Виталий Лазаревич – образец того, как необходимо вести любые дискуссии... В своей критике Церкви он был иногда очень резок, но никогда не переходил той грани, за которой начинались оскорбления оппонентов. В. Л. Гинзбург будто бы отстаивал право на атеизм на высочайшем интеллектуальном уровне.

Более того, размышления В. Л. Гинзбурга о проблеме теодицеи якобы очень близки к христианству – можно придумать какие угодно объяснения, почему страдают или умирают чужие нам люди, но, когда беда приходит в наш дом, очень сложно умильно говорить: «Всё по воле Божией». В этом смысле академик Гинзбург был честнее многих из нас и держал своё сердце открытым к боли другого человека. (А. Зайцев, журнал «Нескучный сад»)

Дипломы об избрании В. Л. Гинзбурга в Международную академию астронавтики. 15.12.1990 г. и 31.12.1994 г.
Diplomas on the election of V. L. Ginzburg to the International Academy of Astronautics. 12/15/1990 and 12/31/1994.

ПО «ЗАКОНУ СОХРАНЕНИЯ»

В постсоветской России и даже несколько раньше (после 1986 г. или 1987 г.) поездки за границу перестали быть проблемой, по крайней мере, проблемой советского типа с массой препятствий. Я воспользовался соответствующими возможностями, но в силу действия «законов сохранения» ездить стало труднее уже по другим причинам – в силу возраста. (В. Л. Гинзбург)

ПРЕМИЯ ИЗ РУК ПРЕЗИДЕНТА ИЗРАИЛЯ

Я атеист, не считаю еврейский народ избранным, и вообще интернационалист. Кстати, не знаю я и еврейского языка (как иврита, так и языка идиш). Жалею об этом, но у меня нет способностей к языкам, а необходимости изучать иврит не было. Вместе с тем, если негодяем, жуликом или недостойным человеком какого-то другого типа является именно еврей, мне стыдно, неприятно, чувствую за это какую-то ответственность. Одновременно, если еврей является выдающейся, положительной личностью, я это отмечаю, мне это приятно. Я рад, что евреем был Эйнштейн и некоторые другие выдающиеся физики.

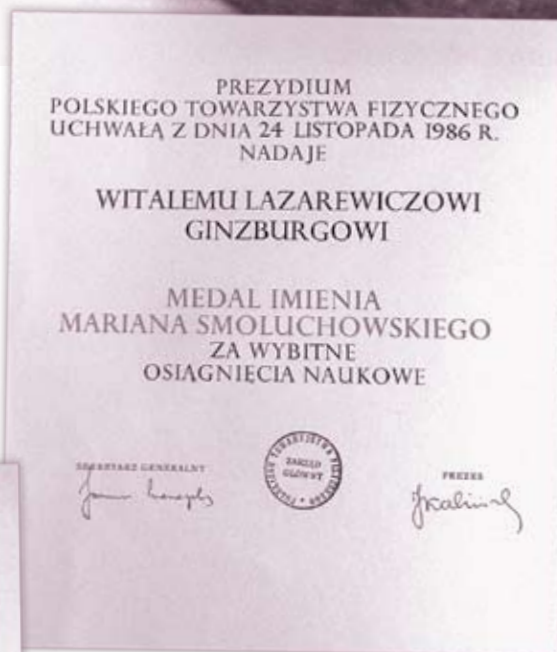
Ничего стыдного и даже просто отрицательного в таком национальном чувстве не вижу.

Стыдиться нужно недоброжелательства и вражды к людям «не своей» национальности только в силу их национальной принадлежности. Это и есть расизм, и в частности антисемитизм. В случае евреев несомненным проявлением национального чувства является также симпатия к Израилю и желание, чтобы он процветал. Я рад, что имел возможность публично выразить эти чувства. Дело в том, что в 1995 году я получил премию Вольфа (Wolf prize). Это международная премия присуждается в Израиле представителям ряда специальностей, в частности физикам, причём вне всякой связи с их гражданством, национальной (этнической) и религиозной принадлежностью.

Церемония вручения диплома происходит в Кнессете под председательством президента Израиля. Получая диплом, лауреат произносит небольшую речь, обычно просто благодарит жюри или говорит кое-что о своей работе. Когда подошла моя очередь, я также поблагодарил жюри, а затем сказал примерно следующее: «Я атеист, но мои родители были евреями, и я счастлив, что существует Израиль, где может найти приют любой еврей». Все встали: президент, жюри, весь зал. (В. Л. Гинзбург)

Моральное кондиционирование – это создание атмосферы доброжелательности, демократизма, принципиальности, порядочности, заботы раньше всего об интересах дела. Моральный климат в огромной мере определяет ту продукцию, которую коллектив в итоге даст науке, стране.

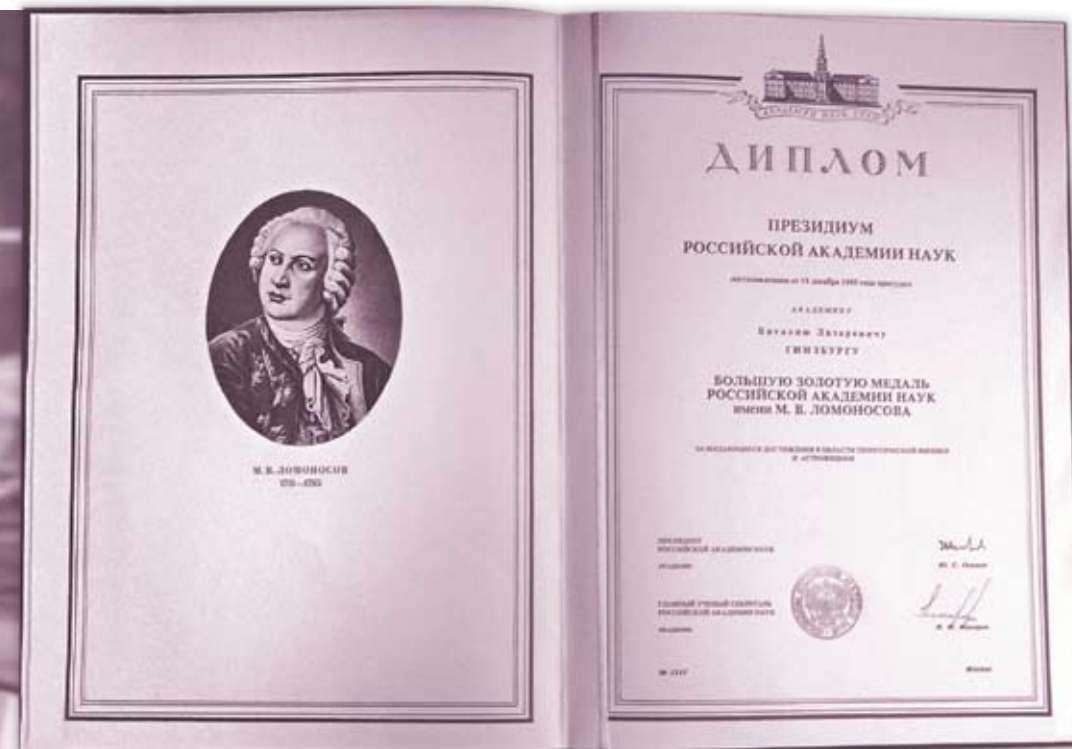
Добиваться хорошего морального климата нужно сознательно, над этим необходимо упорно работать. (В. Л. Гинзбург)

Диплом о присуждении медали имени М. Смолуховского Польского физического общества. 21.11.1986 г.

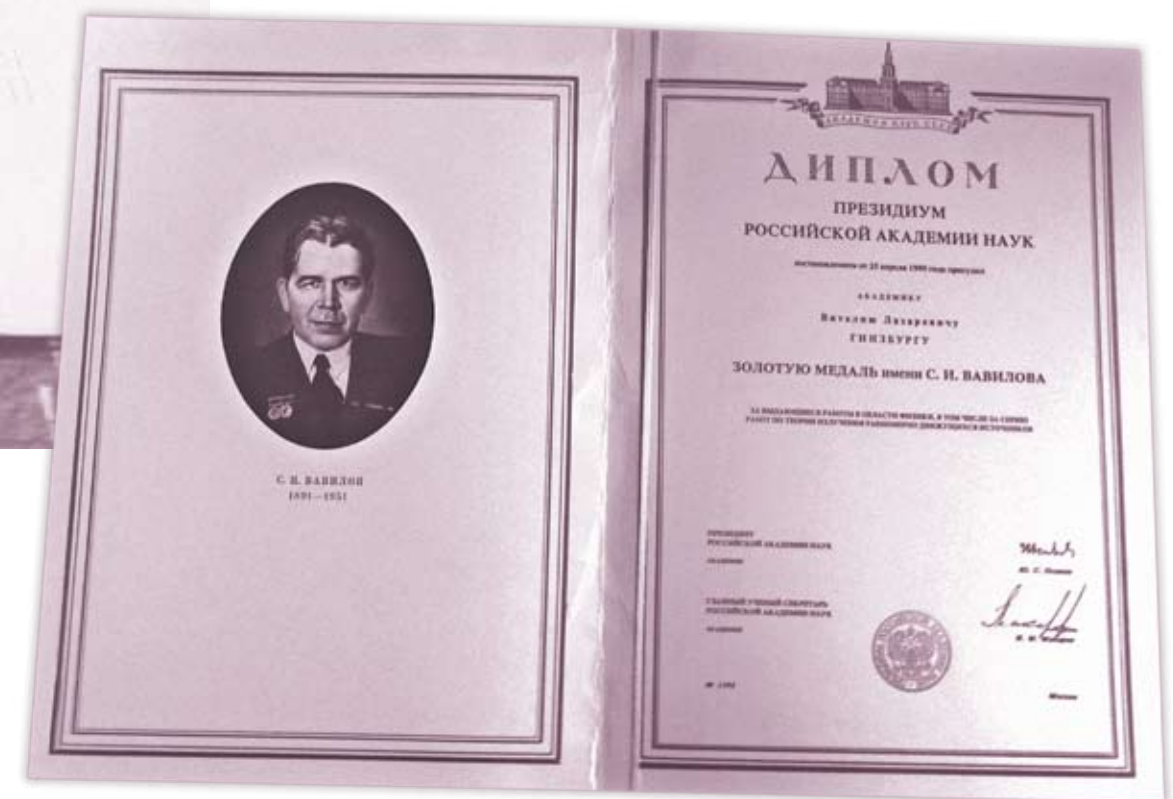
Diploma on awarding the M. Smoluchowski medal of Polish Physical Society. 11/21/1986.

*В. Л. Гинзбург в своём кабинете в ФИАН.
V. L. Ginzburg in his office in LPI.*

Диплом о присвоении Золотой медали имени М. В. Ломоносова академику В. Л. Гинзбургу «За выдающиеся достижения в области теоретической физики и астрофизики». 19.12.1995 г.

Diploma on awarding the M. V. Lomonosov Gold Medal to Academician V. L. Ginzburg «For outstanding achievements in the field of theoretical physics and astrophysics». 12/19/1995.

Диплом о присвоении Золотой медали имени С. И. Вавилова академику В. Л. Гинзбургу «За выдающиеся работы в области физики, в том числе за серию работ по теории излучения равномерно движущихся источников». 25.04.1995 г.

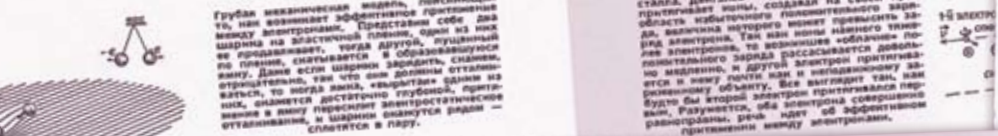
Diploma on awarding the S. I. Vavilov Gold Medal to Academician V. L. Ginzburg «For outstanding work in the field of physics, including a series of papers on the theory of radiation from uniformly moving sources». 04/25/1995.

ЗА СВОБОДУ НАУЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Не раз В. Л. Гинзбург выражал гласный протест против того, что ряд научных работников были арестованы и осуждены по ни на чём не основанным обвинениям в выдаче государственной тайны. Он был согласен с академиком Юрием Алексеевичем Рыжовым и другими правозащитниками в том, что основной причиной преследования было сотрудничество с зарубежной наукой. Никакой государственной тайны при этом не разглашалось, да и некоторые арестованные и осуждённые учёные даже не имели доступа и допуска к секретной информации. Им нечего было разглашать.

В частности, В. Л. Гинзбург выступил в защиту Игоря Сулягина, обвинённого в разглашении секретной информации. Сулягина судили закрытым судом. В беседе с корреспондентом радио В. Л. Гинзбург сказал, что, во-первых, Сулягин не имел доступа к закрытой информации, а во-вторых, непонятно, почему его судят закрытым судом. Если он действительно выдал какой-то секрет, то теперь это уже не секрет, зачем же устраивать закрытые заседания? (Б. А. Болотовский)

Публикация Виталия Гинзбурга в журнале
«Наука и жизнь» № 4 за 1982 г.
Vitaly Ginzburg's publication in the journal
«Science and Life», No. 4, 1982.

ВЫСОКОТЕМПЕРАТУРНЫЕ СВЕРХПРОВОДНИКИ СТАЛИ РЕАЛЬНОСТЬЮ

Когда речь заходит о замечательных физических открытиях, большинству физиков вспоминается открытие только одного, что главным было сделано раньше, а давно уже давно известно. И вот сейчас физикам у всех на глазах происходит замечательное событие — открытие высокотемпературных сверхпроводников (Ж. «Наука и жизнь» № 9, 7, 1987 г.). Почти все физики считают открытие сверхпроводимости — открытие высокотемпературных сверхпроводников — самым важным открытием в физике за последние десятилетия. Это открытие имеет огромное значение для науки, техники и жизни в целом. Оно позволяет нам создавать новые материалы, которые будут использоваться в самых разных областях науки и техники. Это открытие также имеет огромное значение для жизни в целом. Оно позволяет нам создавать новые материалы, которые будут использоваться в самых разных областях науки и техники.

Лауреат Ленинской и Государственной премий, академик В. ГИНЗБУРГ.
То, что произошло, далеко выходит за пределы обычного открытия или открытия. Это открытие имеет огромное значение для науки, техники и жизни в целом. Оно позволяет нам создавать новые материалы, которые будут использоваться в самых разных областях науки и техники. Это открытие также имеет огромное значение для жизни в целом. Оно позволяет нам создавать новые материалы, которые будут использоваться в самых разных областях науки и техники.

18 НАУКА, ВЕСТИ С ПЕРЕДНЕГО КРАЯ

Публикация Виталия Гинзбурга в журнале
«Наука и жизнь» № 9 за 1987 г.
Vitaly Ginzburg's publication in the journal
«Science and Life», No. 9, 1987.

Публикация Виталия Гинзбурга в журнале
«Наука и жизнь» № 11 за 1999 г.
Vitaly Ginzburg's publication in the journal
«Science and Life», No. 11, 1999.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ, ИЛИ РАССКАЗ О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ СОВРЕМЕННОЙ ФИЗИКИ И НЕКОТОРЫХ ИЗМЕНЕНИЯХ, ПРОИСШЕДШИХ В ЭТОЙ ОБЛАСТИ ЗА ПОСЛЕДНЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

Лауреат Ленинской премии академик В. ГИНЗБУРГ.

МАКРОФИЗИКА

Макрофизика в целом полагает на достижении фундаменте классической и квантовой механики, классической и квантовой электродинамики, классической и квантовой теории поля. Это означает, что макрофизика — это физика, которая занимается изучением физических процессов на макроуровне. Это физика, которая занимается изучением физических процессов на макроуровне.

Лауреат Ленинской и Государственной премий, академик В. ГИНЗБУРГ.

ПРОВОДНИКИ СТАЛИ РЕАЛЬНОСТЬЮ

Лауреат Ленинской и Государственной премий, академик В. ГИНЗБУРГ.
То, что произошло, далеко выходит за пределы обычного открытия или открытия. Это открытие имеет огромное значение для науки, техники и жизни в целом. Оно позволяет нам создавать новые материалы, которые будут использоваться в самых разных областях науки и техники. Это открытие также имеет огромное значение для жизни в целом. Оно позволяет нам создавать новые материалы, которые будут использоваться в самых разных областях науки и техники.

Лауреат Ленинской и Государственной премий, академик В. ГИНЗБУРГ.
То, что произошло, далеко выходит за пределы обычного открытия или открытия. Это открытие имеет огромное значение для науки, техники и жизни в целом. Оно позволяет нам создавать новые материалы, которые будут использоваться в самых разных областях науки и техники. Это открытие также имеет огромное значение для жизни в целом. Оно позволяет нам создавать новые материалы, которые будут использоваться в самых разных областях науки и техники.

18 НАУКА, ВЕСТИ С ПЕРЕДНЕГО КРАЯ

КАКИЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЗИКИ И НА ПОРОГЕ XXI ВЕКА, ОСОБЕННО

Академик В. ГИНЗБУРГ.
Почти 30 лет назад академик В. П. Гинзбург опубликовал статью «Какие проблемы физики и астрофизики представляются сейчас особенно важными и интересными?» («Наука и жизнь» № 2, 1957 г.).

Почти 30 лет назад академик В. П. Гинзбург опубликовал статью «Какие проблемы физики и астрофизики представляются сейчас особенно важными и интересными?» («Наука и жизнь» № 2, 1957 г.).

18 НАУКА, ВЕСТИ С ПЕРЕДНЕГО КРАЯ

Лауреат Ленинской и Государственной премий, академик В. ГИНЗБУРГ.
То, что произошло, далеко выходит за пределы обычного открытия или открытия. Это открытие имеет огромное значение для науки, техники и жизни в целом. Оно позволяет нам создавать новые материалы, которые будут использоваться в самых разных областях науки и техники. Это открытие также имеет огромное значение для жизни в целом. Оно позволяет нам создавать новые материалы, которые будут использоваться в самых разных областях науки и техники.

Лауреат Ленинской и Государственной премий, академик В. ГИНЗБУРГ.
То, что произошло, далеко выходит за пределы обычного открытия или открытия. Это открытие имеет огромное значение для науки, техники и жизни в целом. Оно позволяет нам создавать новые материалы, которые будут использоваться в самых разных областях науки и техники. Это открытие также имеет огромное значение для жизни в целом. Оно позволяет нам создавать новые материалы, которые будут использоваться в самых разных областях науки и техники.

АСТРОФИЗИКИ ПРЕДСТАВЛЯЮТСЯ СЕЙЧАС, НО ВАЖНЫМИ И ИНТЕРЕСНЫМИ?

Лауреат Ленинской и Государственной премий, академик В. ГИНЗБУРГ.
То, что произошло, далеко выходит за пределы обычного открытия или открытия. Это открытие имеет огромное значение для науки, техники и жизни в целом. Оно позволяет нам создавать новые материалы, которые будут использоваться в самых разных областях науки и техники. Это открытие также имеет огромное значение для жизни в целом. Оно позволяет нам создавать новые материалы, которые будут использоваться в самых разных областях науки и техники.

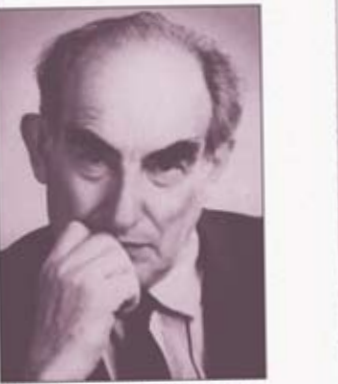
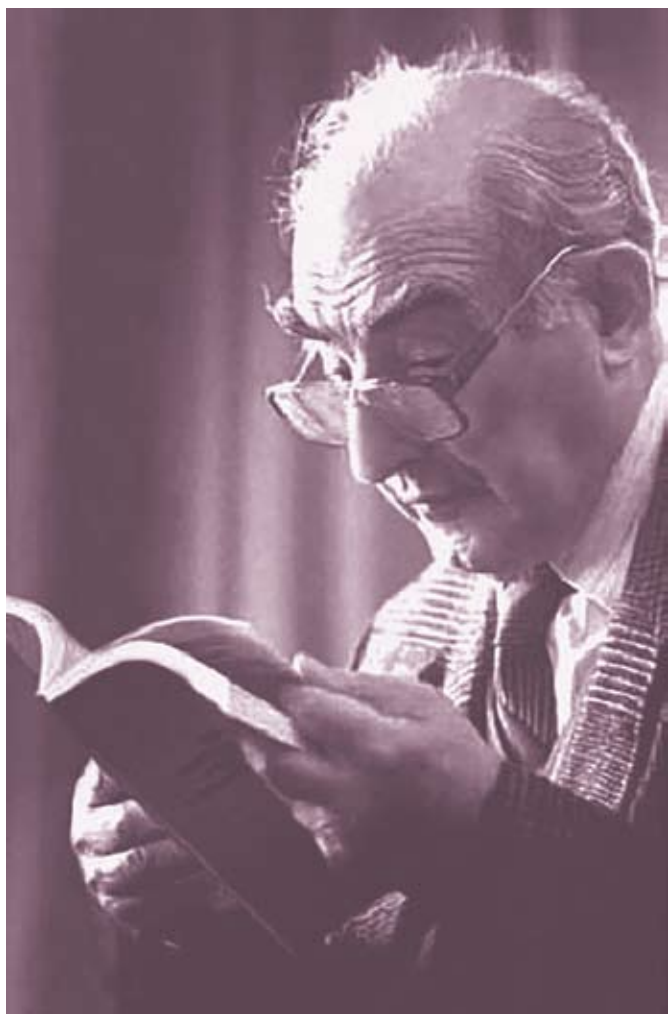
18 НАУКА, ВЕСТИ С ПЕРЕДНЕГО КРАЯ

ВСЕГДА ВОЗМУЩАЛСЯ, ЕСЛИ МЫ ВРАЛИ

Виталий Гинзбург был старейшим членом редколлегии журнала «Наука и жизнь». И стал им самым первым — ещё в 1961 году, когда, собственно, начал выходить обновлённый журнал. Лично написал нам 36 статей. Но несравненно больше отреценировал — он, кстати, высказывал своё мнение по каждому вышедшему номеру.

Виталий Лазаревич всегда возмущался, если мы вдали. Но он же всегда защищал журнал — особенно в советские годы, когда «партии и правительству» что-то в нём не нравилось. Гинзбург первым подписывал так называемые «письма редколлегии» в ЦК КПСС. Ничего и никого не боялся. (И. Лаговский, главный редактор журнала «Наука и жизнь»)

Гинзбург был также главным редактором журнала «Известия вузов. Радиофизика», членом редколлегии журналов «Физика низких температур», «Письма в Астрономический журнал», библиотечки «Квант» (издательство «Наука»), членом общественного совета «Литературной газеты».

СПИСОК «ОСОБЕННО ВАЖНЫХ И ИНТЕРЕСНЫХ ПРОБЛЕМ» 1999 г.
Как говорится в известной английской поговорке: «Чтобы узнать, какой человек — нужно его слышать». Поэтому вернёмся к делу и попробуем «услышать» о некоторых проблемах физики и астрофизики, которые представляются сейчас особенно важными и интересными.

18 НАУКА, ВЕСТИ С ПЕРЕДНЕГО КРАЯ

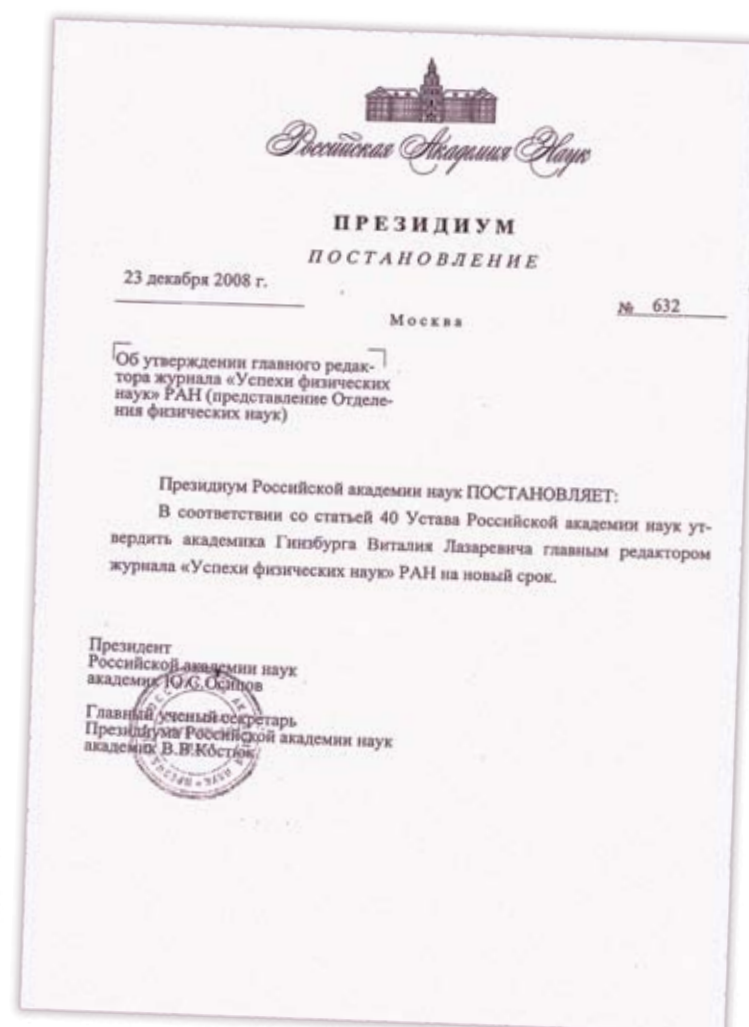
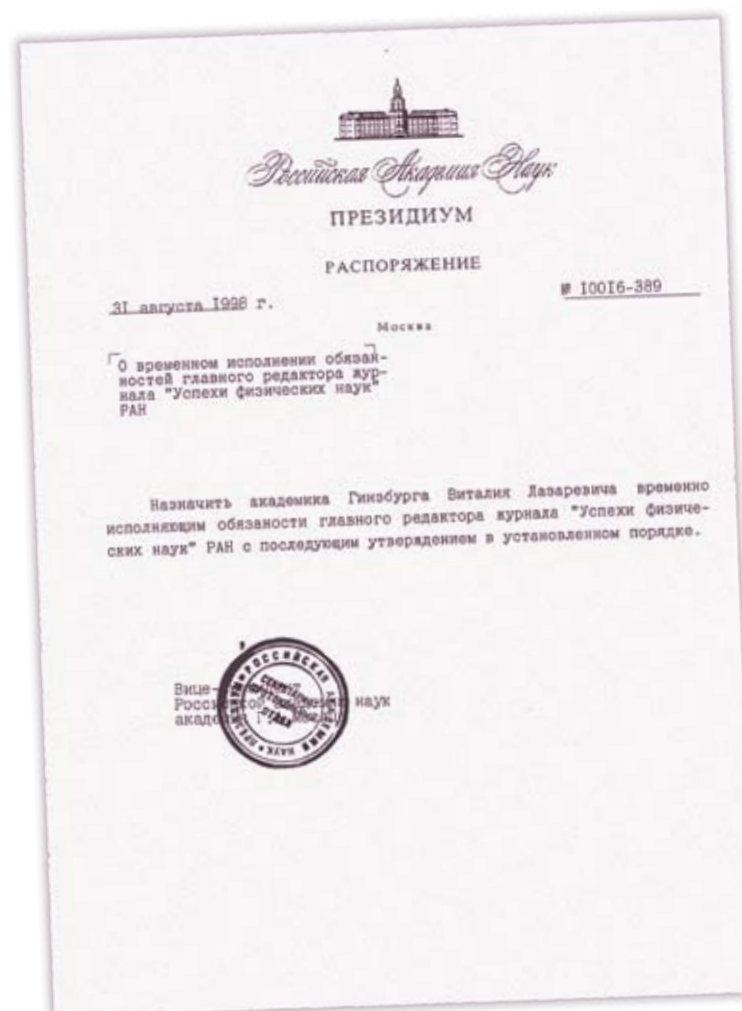

В. Л. Гинзбург – главный редактор журнала «Успехи физических наук» с командой.

V. L. Ginzburg is the editor-in-chief of the journal «Physics-Uspekhi», with the team.

Заседание редакционной коллегии журнала «Успехи физических наук».

Meeting of the editorial board of the journal «Physics-Uspekhi».

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ЖУРНАЛА

С августа 1998 года Виталий Лазаревич являлся главным редактором журнала «Успехи физических наук». Его кипучая энергия и более чем шестидесятилетняя любовь к журналу дали импульс как к возрождению старых традиций УФН, так и совершенно новым начинаниям.

Так, по инициативе В. Л. Гинзбурга появилась рубрика «Новости физики в сети Интернет», возродилась рубрика «Новые книги по физике и смежным наукам», была предложена рубрика «Трибуна УФН», помещённая первоначально только на сервере журнала УФН. В электронной версии этой рубрики были «для затравки» помещены статьи В. Л. Гинзбурга, касающиеся истории, философии, религии, жизни общества – тем, наверняка интересным читателям УФН.

В. Л. Гинзбург в 1990-е годы всё больше и больше интересовался результатами бурно развивающихся космологических исследований. По его инициативе было подготовлено и опубликовано в журнале УФН много очень интересных статей, посвящённых космологии и релятивистской астрофизике. (Н. С. Кардашев)

ФИЗИЧЕСКИХ СИЛ УЖЕ НЕ ХВАТАЛО

Виталий Лазаревич был физически крепким и здоровым человеком.

Я помню, где-то в середине 50-х годов прошлого века молодые теоретики принесли в отдел свинцовый брусок квадратного сечения длиной в несколько десятков сантиметров. Квадрат в поперечном сечении бруска имел сторону порядка десяти сантиметров. Из таких брусков выкладывали защиту от радиоактивных излучений. Брусок этот весил от тридцати до сорока килограммов. У нас этот брусок использовался для упражнений и для состязаний – кто сколько раз поднимет его одной рукой.

И вот однажды, когда соревнования проходили в нашей комнате, из своего кабинета выглянул Виталий Лазаревич, зашёл в нашу комнату, поглядел, как теоретики с натугой выжимали эту свинцовую тяжесть, и сказал: «Дайте попробовать». Ему передали брусок, и он стал с лёгкостью «качать» – раз за разом поднимать этот

тяжёлый параллелепипед. Он превзошёл всех участников, и на лице его не выразилось никакого напряжения. Помахав этой чушкой достаточно долго, он сказал: «Надоело!» Передал брусок следующему участнику соревнований и вернулся в свой кабинет.

Физическое здоровье позволяло Виталию Лазаревичу Гинзбургу нагружать на себя огромное количество дел и в течение многих лет вести напряжённую работу – научную и организационную.

Но постепенно здоровье его стало слабеть, подкрадывались недомогания. Мы об этом не имели представления, но могли бы догадаться и задуматься, когда в 2001 году Виталий Лазаревич закрыл работу своего знаменитого семинара. Интеллектуальную мощь он сохранил в полной мере, ему только не хватало уже физических сил. (Б. А. Болотовский)

На последнем 1700-м семинаре. 2001 г.

At the last 1700th seminar. 2001.

СЕМИНАР БЕЗ ПРОДОЛЖЕНИЯ

Удивительной чертой Виталия Лазаревича был его неугасимый интерес к новым астрономическим открытиям и гипотезам. Отсюда и его обзоры новостей на семинарах, и звонки с вопросами, если ему было что-то неясно.

Продолжали появляться на сайте УФН его заметки на разные темы, его размышления о жизни и смерти. Так например, появилась заметка о его соображениях в поддержку эвтаназии, которая потом по настоянию его лечащих врачей была убрана. В последние годы В. Л. Гинзбург заканчивал разговор и, уламливаясь о чём-либо, часто повторял притказку Л. Толстого «ебж» – если буду жив. А иногда в ответ на слова собеседника, что он прекрасно выглядит, наклонившись к говорившему, тихо произносил: «Внешне».

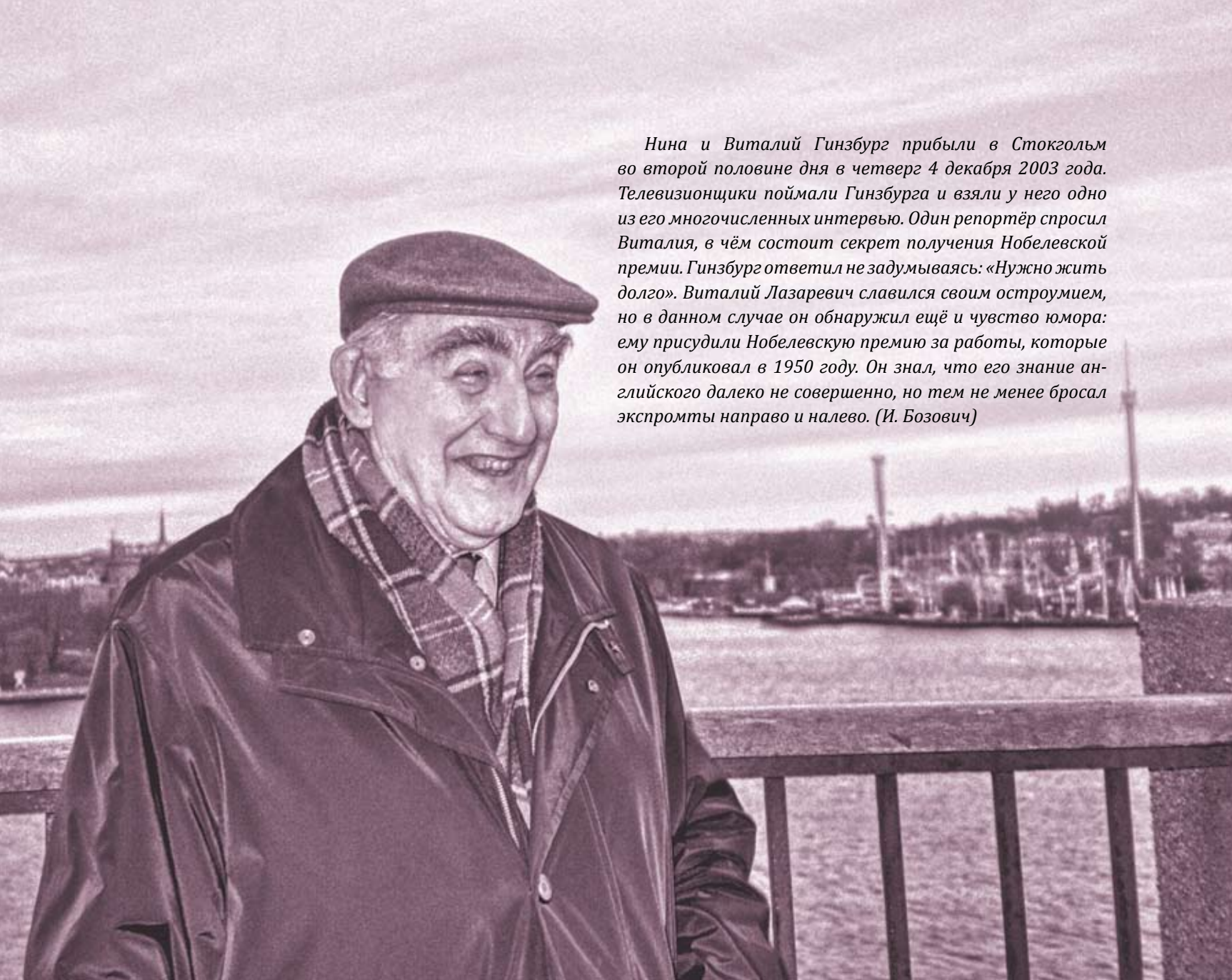
Мне в связи с этим вспоминается, как лет 40 назад, увидев в окно Теоретдела ФИАНа выходящего из здания тогдашнего директора академика Скобельцына, Виталий Лазаревич с завистью воскликнул: «Смотрите! Сам идёт – а ведь ему уже за 90!»

Так что совсем не случайно Виталий Лазаревич 21 ноября 2001 года закрыл свой знаменитый семинар, написав по секрету от сотрудников отдела препринт под названием «Семинар 1700-й и по-

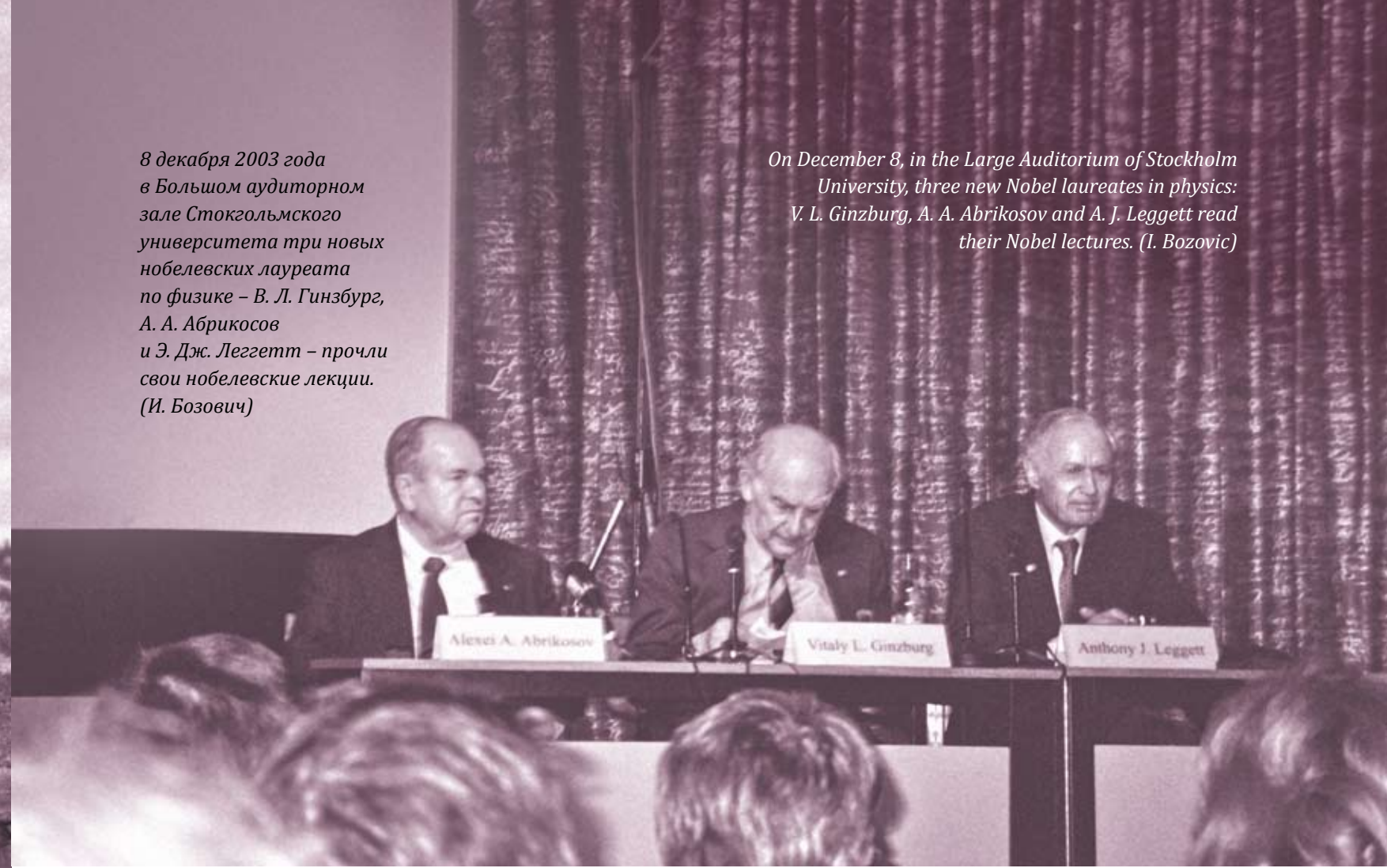
следний». Не захотел он дожидаться той поры, когда не сможет сам на него приходить.

Правда, примерно через год после этого события сказал мне, что он разочарован: никто не проявил инициативы по сохранению традиции. (Б. В. Комберг)

Нина и Виталий Гинзбург прибыли в Стокгольм во второй половине дня в четверг 4 декабря 2003 года. Телевизионщики поймали Гинзбурга и взяли у него одно из его многочисленных интервью. Один репортёр спросил Виталия, в чём состоит секрет получения Нобелевской премии. Гинзбург ответил не задумываясь: «Нужно жить долго». Виталий Лазаревич славился своим остроумием, но в данном случае он обнаружил ещё и чувство юмора: ему присудили Нобелевскую премию за работы, которые он опубликовал в 1950 году. Он знал, что его знание английского далеко не совершенно, но тем не менее бросал экспромты направо и налево. (И. Бозович)

8 декабря 2003 года в Большом аудиторном зале Стокгольмского университета три новых нобелевских лауреата по физике – В. Л. Гинзбург, А. А. Абрикосов и Э. Дж. Леггетт – прочли свои нобелевские лекции. (И. Бозович)

On December 8, in the Large Auditorium of Stockholm University, three new Nobel laureates in physics: V. L. Ginzburg, A. A. Abrikosov and A. J. Leggett read their Nobel lectures. (I. Bozovic)

В Стокгольме. 2003 г.

In Stockholm. 2003.

Гранд-отель в Стокгольме, находящийся напротив Королевского дворца. Именно там во время Нобелевской недели (вручение премий и последующие мероприятия) жили лауреаты и их гости.

Grand Hotel in Stockholm, opposite the Royal Palace. It was there that during the Nobel Week (awarding and subsequent events) the Laureates and their guests lived.

НОБЕЛЕВСКИЙ ЛАУРЕАТ

В 2003 году В. Л. Гинзбургу вместе с А. А. Абрикосовым и Э. Дж. Леггеттом была присуждена Нобелевская премия за исследования по физике низких температур.

Что касается Виталия Лазаревича, то из немалого числа опубликованных им статей по сверхпроводимости и сверхтекучести, которые во многом определили развитие этой области знания, одна статья, написанная совместно с Л. Д. Ландау, представляется наиболее важной. В этой статье была сформулирована полуфеноменологическая теория сверхпроводимости. Статья была опубликована более чем за полвека до того дня, как её автор – точнее говоря, один из её авторов – был удостоен Нобелевской премии. И эта работа полностью сохранила своё значение до наших дней.

Признания со стороны Нобелевского комитета пришлось ждать более пятидесяти лет. Когда Ландау и Гинзбург писали эту статью, Виталию Лазаревичу было тридцать четыре года. А Нобелевскую премию он получил, когда ему исполнилось восемьдесят семь лет. (Б. А. Болотовский)

Король Швеции Карл Густав вручает Виталию Гинзбургу Нобелевскую премию по физике. Стокгольм, Швеция. 10 декабря 2003 года.

King of Sweden Carl Gustaf hands Vitaly Ginzburg the Nobel Prize in Physics. Stockholm. Sweden. 10 December 2003.

НА НОБЕЛЕВСКОЙ ЦЕРЕМОНИИ

Кульминация Нобелевских празднеств наступила в среду 10 декабря, в день смерти Альфреда Нобеля. В этот день утром лауреаты в течение часа выдержали репетицию в соответствующих костюмах в Концертном зале Стокгольма перед церемонией вручения премии.

Все мужчины должны быть в смокингах и белых галстуках. Дамам полагалось быть в длинных вечерних платьях, при этом цвет и фасон они могли выбирать сами. В этом и состояла вся сложность: выбор всегда вещь непростая. Поскольку туалет дам состоял не только из платья, в Гранд-отеле работала целая армия обслуживающего персонала: парикмахеры, гримёры, портные и ещё масса других специалистов.

Когда церемония началась, сначала вошли и сели члены Комитета Нобелевских премий и некоторые другие высокопоставленные лица.

Затем под звуки шведского национального гимна входит королевская семья: Его Величество Король Швеции Карл XVI Густав, Её Величество Королева Сильвия, трое их детей – крон-принцесса Виктория, принц Карл Филипп и принцесса Мадлен, а также родственница короля принцесса Лилиан.

Нобелевских лауреатов десять: Гинзбург, Абрикосов и Легgett (по физике), Агре и Маккиннон (по химии), Лаутербур и Мэнсфилд (по медицине), Кутзее (по литературе), Энгл и Грэйнджер (по экономике). Все встают. Появление каждого лауреата сопровождается овацией. Встают даже члены королевской семьи, что я счёл очень демократичным. Это свидетельствует об огромном уважении к науке, к учёным.

После этого все садятся снова, слушают короткую речь и прекрасную музыку – «Ликуй от радости, дочь Сиона» из оратории Генделя «Мессия» (ария для сопрано с оркестром в исполнении Королевского Стокгольмского филармонического оркестра).

Далее на сцену вызываются все 10 лауреатов. Они по очереди подходят к королю, который вручает им дипломы. В. Л. Гинзбург получает свой диплом нобелевского лауреата и золотую медаль из рук короля Карла XVI Густава во время церемонии вручения Нобелевских премий в Концертном зале Стокгольма. Король пожимает ему руку. Затем каждый из лауреатов кланяется три раза: в сторону короля, членам Нобелевского комитета и публике, после чего возвращается на своё место. (И. Бозович)

На Нобелевскую премию
Гинзбурга номинировали
учёные пяти стран:
России, США, Германии,
Швеции, Австрии.
Редчайший случай.

Scientists from five
countries – Russia, the United
States, Germany, Sweden, Austria
nominated Ginzburg for
the Nobel Prize.
An extraordinary case.

Виталий Гинзбург удостоен Нобелевской
премии вместе с российским учёным Алексеем
Абрикосовым и британцем Энтоном Легgettом.
Награда присуждена за новаторский вклад
в теорию сверхпроводников.
Vitaly Ginzburg is awarded the Nobel Prize together with
the Russian scientist Alexei Abrikosov and the British
Anthony Leggett. The award was given for the innovative
contribution to the theory of superconductors.

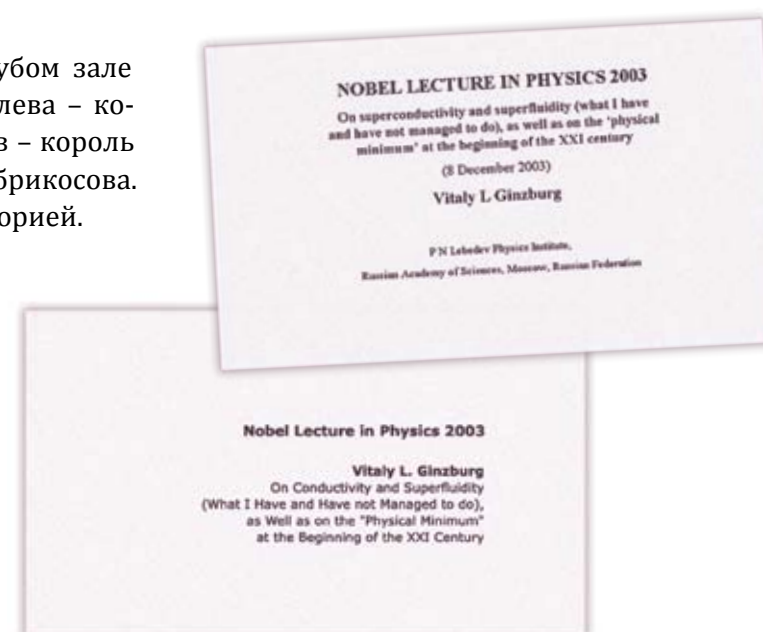
Виталий Лазаревич Гинзбург на праздничном банкете рядом с королевой Швеции Сильвией.
Vitaly Lazarevich Ginzburg at a festive banquet sitting next to the Queen of Sweden Silvia.

БАНКЕТ В ЧЕСТЬ НОБЕЛЕВСКИХ ЛАУРЕАТОВ

Банкет в честь новых лауреатов даётся в Голубом зале
Стокгольмской ратуши. В центре – В. Гинзбург, слева – ко-
ролева Сильвия. За ней – Нина Ивановна, напротив – король
Карл Густав, справа от него – Светлана Юрьевна Абрикосова.
Тони Легgett сидит рядом с крон-принцессой Викторией.

Кроме новых и «прежних» нобелевских лау-
реатов, за столами сидит множество важных са-
новных лиц и их гостей. Король поднимает бокал
в честь Альфреда Нобеля, к этому тосту все при-
соединяются. Слышится звон бокалов в форме
флейты, в которых обычно подаётся шампанское
«Дом Периньон». Потом все начинают есть и пить,
всё заглушает звон ножей и вилок. Подают «Шато
Лафит» из погребов Ротшильда.

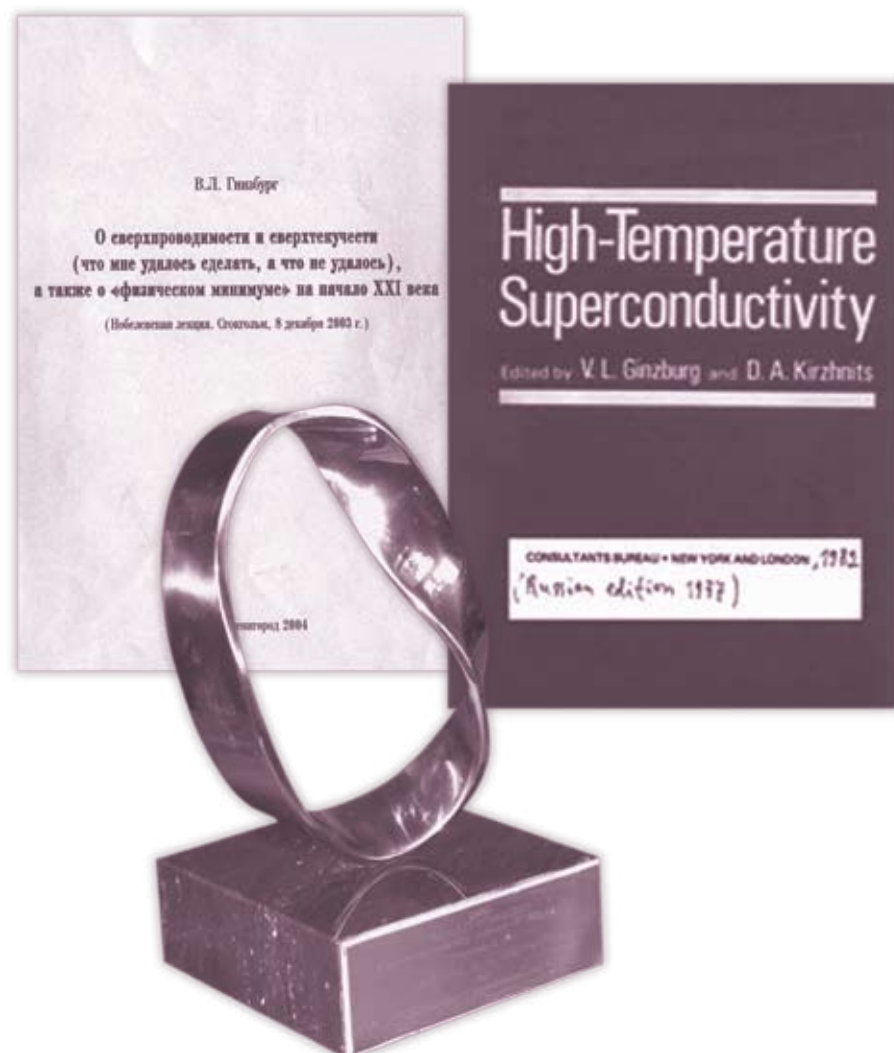
В. Л. Гинзбург сидит рядом с королевой и дер-
жится при этом так, как если бы он родился при
королевском дворе. (И. Бозович)

Нобелевский сертификат.

The Nobel certificate.

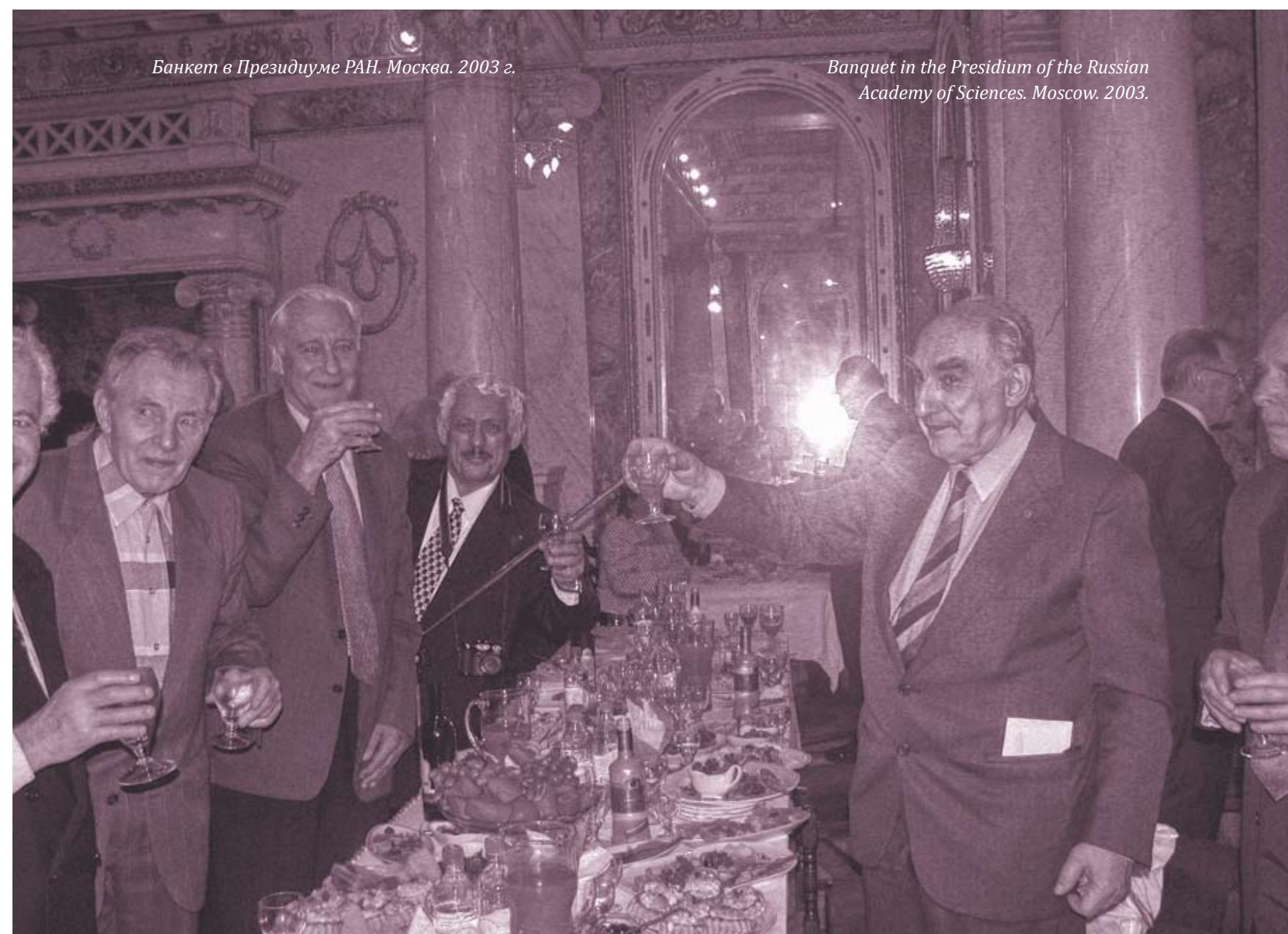

Я был искренне рад, когда В. Л. Гинзбург получил Нобелевскую премию. Он оказался в центре внимания журналистов. Телевизионная популярность сделала Виталия Лазаревича известным и позволила ему излагать широкой аудитории свои взгляды по вопросам, которые его волновали, – религии и атеизма, науки и лженауки, судьбы науки в России. Все эти вопросы до сих пор не потеряли своей актуальности. (П. Э. Волковицкий)

Нобелевская лекция
в Доме учёных.

Nobel lecture in the
House of scientists.

Банкет в Президиуме РАН. Москва. 2003 г.

Banquet in the Presidium of the Russian
Academy of Sciences. Moscow. 2003.

Виталий Лазаревич был крупнейшим, выдающимся учёным. Его работами был основан целый ряд направлений в физике, которые сейчас активно развиваются. Он был замечательным воспитателем молодёжи. Его семинар всемирно знаменит. Его ученики работают во всех странах мира. (А. В. Гуревич)

К тому, что происходит с наукой, Виталий Лазаревич относился крайне негативно. Он считал, что наука – это та область, которая должна быть финансируема государством и должна поддерживаться государством.

Виталий Лазаревич был недоволен утечкой мозгов на Запад, но при этом с пониманием говорил: «Как они могут тут работать, когда у них нет для этой работы никаких условий?» Несмотря на своё отношение к утечке мозгов, никогда не отзывался плохо о тех, кто уезжал. Конечно, он хотел бы, чтобы наша наука не несла таких потерь и учёные оставались и трудились на родине, но для своих коллег он всегда желал лучшего и понимал, что лучшие условия они найдут только за рубежом.

В. Л. Гинзбург лелеял идею, чтобы государственные деньги шли на строительство дома для молодых учёных. Он всегда был окружён талантливой молодёжью и всегда старался ей всячески помочь.

Виталий Лазаревич всегда интересовался, как живут и работают те, кто уехал за границу. Когда оттуда приезжали наши учёные, он всегда приходил с ними общаться и часто задавал множество различных вопросов, но сам никогда не думал о том, чтобы уехать из России. Он не представлял себя за границей. (Ф. Каменец)

Особое внимание Виталий Лазаревич уделял воспитанию молодёжи. Среди учеников В. Л. Гинзбурга много кандидатов и докторов наук, лучшие выпускники регулярно пополняют Теоротдел ФИАна. Виталий Лазаревич был чрезвычайно внимателен к студентам, он вкладывал душу в эту работу. (А. В. Гуревич)

МИРОВАЯ НАУЧНАЯ ШКОЛА ГИНЗБУРГА

Значительное место в жизни и научной биографии В. Л. Гинзбурга занимала педагогическая деятельность. Он преподавал раньше в Горьковском университете, а с 1968 года возглавлял созданную им кафедру проблем физики и астрофизики в Московском физико-техническом институте.

За годы существования кафедры её закончило более двух сотен студентов и аспирантов, из которых около 80 человек защитили кандидатские и более 30 – докторские диссертации. Среди учеников В. Л. Гинзбурга – члены-корреспонденты и академики Российской академии наук.

Исключительная доброжелательность и научная бескомпромиссность, широчайший диапазон научных интересов и глубокое проникновение в сущность решаемых научных задач, заботливое отношение к молодому поколению научных сотрудников, к аспирантам и студентам – всё это не могло не привлекать к В. Л. Гинзбургу молодых и уже набравшихся собственного опыта физиков и астрофизиков. Им создано несколько крупных научных школ, каждая из которых пользуется заслуженным авторитетом в науке.

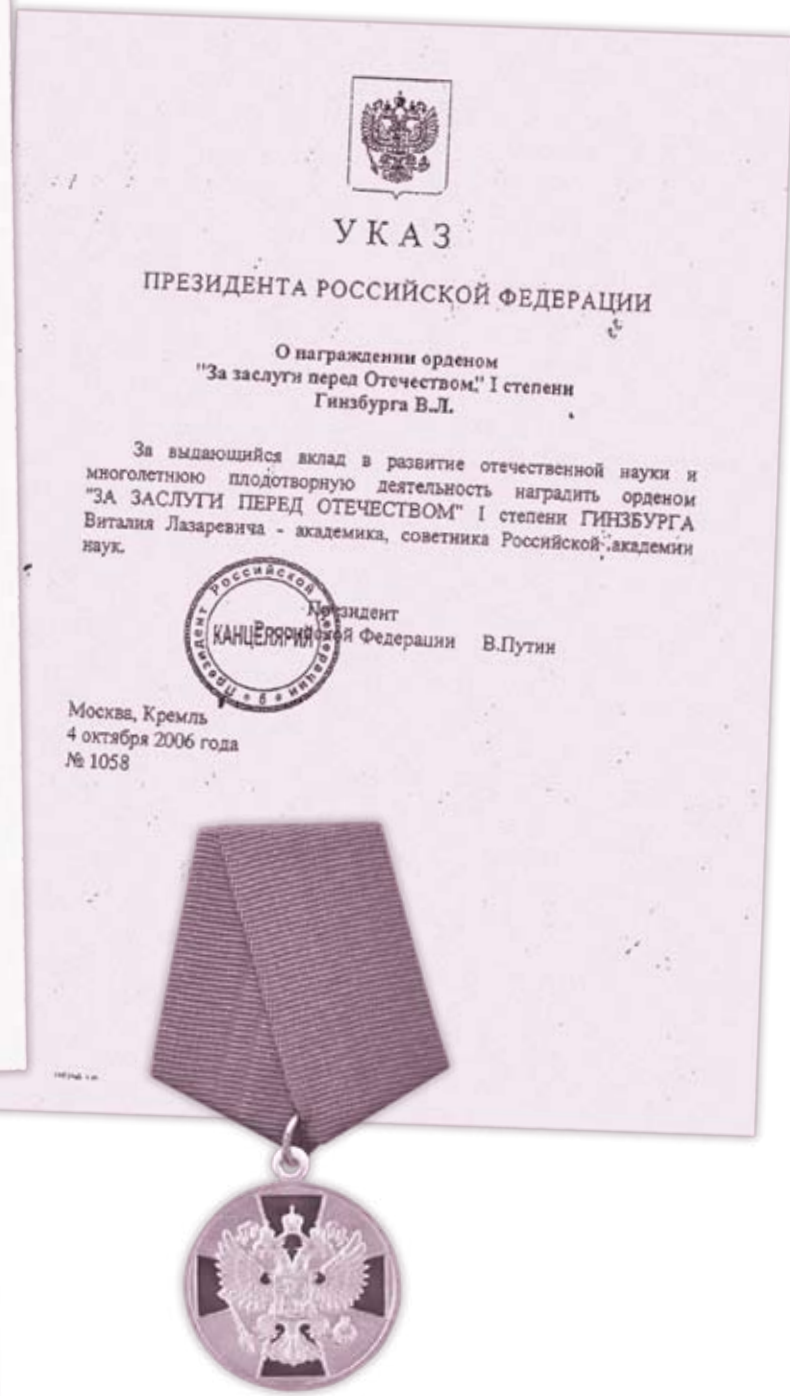
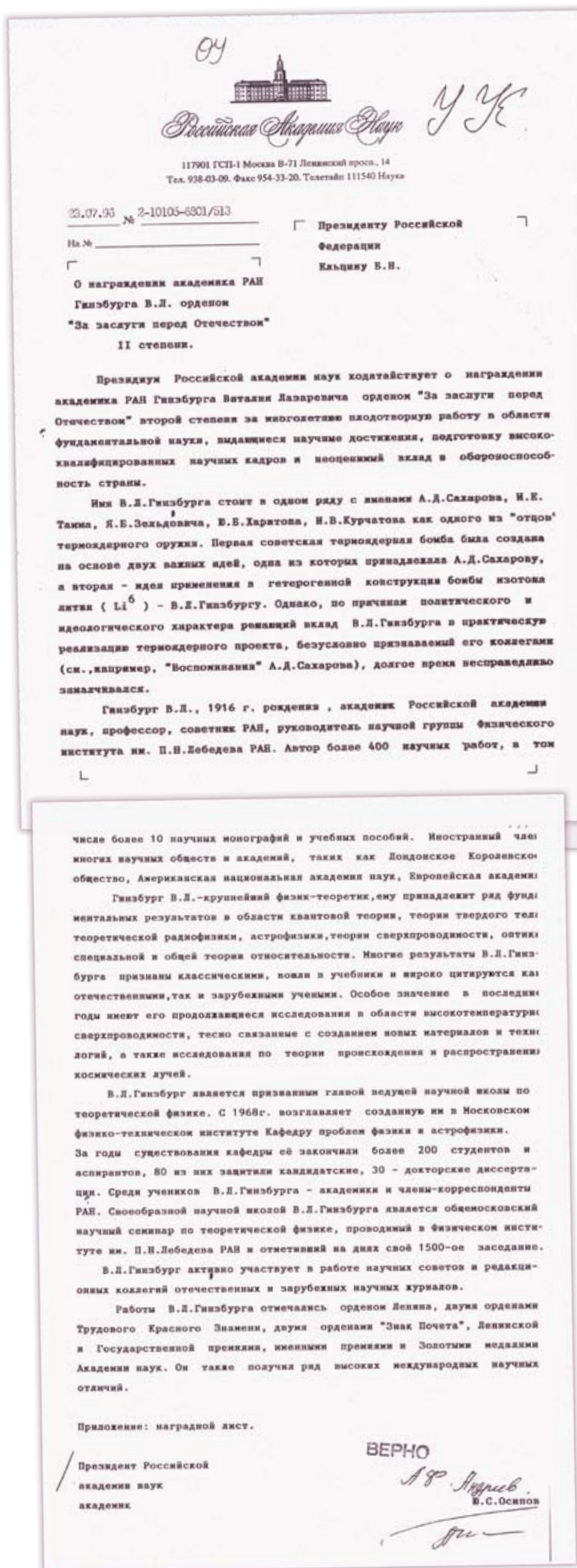
Преподаватели кафедры проблем физики и астрофизики в Московском физико-техническом институте. Слева направо: Я. Н. Истомин, В. С. Бескин, Ф. Ф. Каменец, В. Л. Гинзбург, А. П. Силин, В. Н. Цытович, В. А. Догель.

Teaching staff of the Chair of Problems of Physics and Astrophysics at Moscow Institute of Physics and Technology. From left to right: Ya. N. Istomin, V. S. Beskin, F. F. Kamenets, V. L. Ginzburg, A. P. Silin, V. N. Tsytovich, V. A. Dogel.

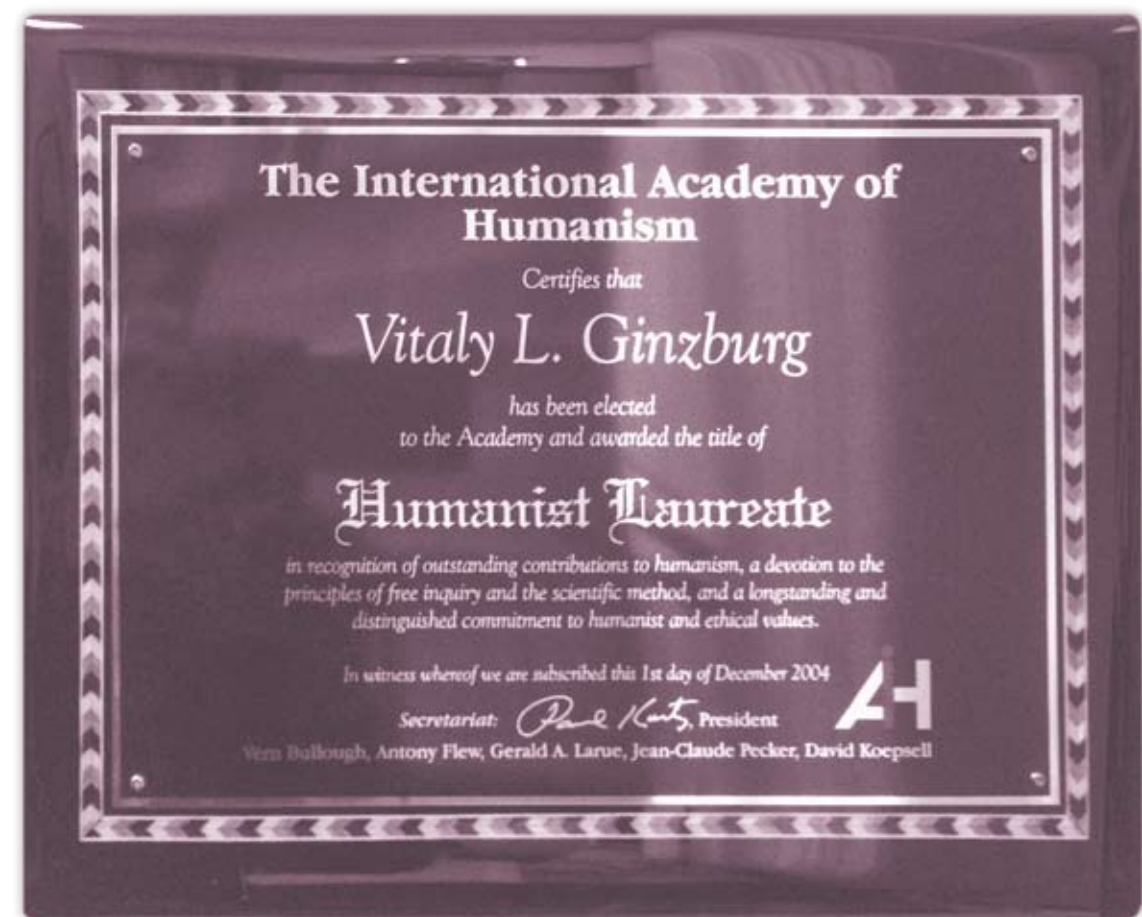
Диплом Учёного совета Московского физико-технического института (университета) о присвоении почётного звания «Заслуженный профессор МФТИ» В. Л. Гинзбургу. 25.11.2003 г.

Diploma of the Academic Council of Moscow Institute of Physics and Technology (University) on conferring the honorary title of «Honored Professor of MIPT» to V. L. Ginzburg. 11/25/2003.

3 октября 1996 года «За выдающиеся научные достижения и подготовку высококвалифицированных кадров» был награждён орденом «За заслуги перед Отечеством» III степени.
4 октября 2006 года «За выдающийся вклад в развитие отечественной науки и многолетнюю плодотворную деятельность» был награждён орденом «За заслуги перед Отечеством» I степени.

On October 3, 1996 V. L. Ginzburg was awarded the Order «For Merit to the Fatherland» III class
«For outstanding scientific achievements and training of highly qualified personnel».
On October 4, 2006 he was awarded the Order «For Merit to the Fatherland» I class
«For outstanding contribution to the development of national science and many years of fruitful activity».

Диплом лауреата Национальной премии общественного признания достижений граждан Российской Федерации «Россиянин года» за 2006 г. в номинации «Наука и образование». 6.06.2006 г.

Diploma of the laureate of the «Russian of the Year» National Award of public recognition of the Russian Federation citizens' achievements for 2006 in the nomination «Science and Education». 06/06/2006.

В. Л. Гинзбург в рабочем кабинете беседует с А. Г. Молчановым, который много лет был секретарём семинара Гинзбурга.

V. L. Ginzburg in his study talks with A. G. Molchanov, who for many years was the secretary of the Ginzburg seminar.

Мэтр мировой физической науки академик Виталий Лазаревич Гинзбург вручает молодым исследователям – победителям конкурса – почётные дипломы.

The master of the world physical science, Academician Vitaly Lazarevich Ginzburg, presents honorary diplomas to young researchers – winners of the competition.

«БУМАЖНЫЙ ТИГР»

Виталий Лазаревич занимал активную общественную позицию. Выступал против преподавания религии, Закона Божьего в школах, «Основ православной культуры». Виталий Лазаревич считал, что, преподавая религию в школах, представители религиозных конфессий хотят заманить души детей. «Представьте, детям вбивают с малых лет в голову, что Бог создал человека, а потом у них будет урок биологии, на котором они узнают, что есть эволюция. Это абсурд!»

В. Л. Гинзбург боролся со знахарями и шарлатанами-самоучками, создававшими псевдомедицинские приборы. Но это была борьба с ветряными мельницами – яростная, но тщетная. С горечью В. Л. Гинзбург однажды признался, что Комиссия по борьбе с лженаукой – «бумажный тигр».

– Вы знаете, поразительная вещь – люди крайне необразованны, – удручающе заметил он. – И я не знаю, как изменить эту катастрофическую ситуацию. (С. Кузина, из интервью в газете «КП»)

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ НА СОБРАНИИ ВЫПУСКНИКОВ МГУ

Дорогие коллеги!

Могу приветствовать вас от выпускников трёх поколений. Я окончил физфак МГУ в 1938 г., моя единственная дочь Ирина Дорман окончила физфак МГУ в начале 60-х годов, а моя внучка Виктория Дорман окончила физфак МГУ в конце 80-х годов. Что касается правнучки Елизаветы Петровой и правнука Григория Петрова (они близнецы), то им только 4 года, и я могу лишь сказать, что хотел бы, чтобы и они окончили МГУ.

Сейчас имеются все предпосылки и условия для того, чтобы Российская академия наук (РАН) и МГУ, да и другие университеты, гармонично делали общее дело в области образования и развития науки в России.

Нельзя не заметить, что в нашем обществе сегодня недооценивают роль науки, её значение и в настоящем, и в будущем. Я принадлежу к тем, надеюсь, их немало и в этом зале, кто убеждён в следующем. Светлое будущее всего человечества и, в частности, России (извините за, быть может, злоупотребление «высоким стилем») возможно только на пути торжества демократии, светского гуманизма и расцвета просвещения и науки.

И почему же роль науки часто недооценивается не только массами, но и властями? Думаю, что это объясняется в основном тем, что человеческая жизнь коротка и даже недавнее прошлое легко забывается. Забывают, что очень-очень многому, чем мы сегодня пользуемся, всего лет сто. Радио, рентген, авиация – всему этому около ста лет. Телевидение, сотовые телефоны, современная генетика – это уже всего десятилетия. И всё это плоды фундаментальной науки. Вместе с тем её развитие происходит несравненно быстрее, чем трансформация искусства.

Напомню, что Шекспир умер в 1616 году, а его пьесы идут и до сих пор, и они не кажутся чем-то древним, принадлежащим только истории. А вот современные физика и астрономия родились, условно говоря, всего в 1610 г., когда великий Галилей направил свою подозрительную трубу на небо и увидел 4 больших спутника Юпитера. Тем самым он, по сути дела, доказал справедливость гелиоцентрической системы Коперника (XVI век). Он же заложил фундамент современной механики. В то же время даже Кеплер ещё считал, что «звёзды вкраплены в сферу из льда или кристалла». Какой же гигантский путь проделала наука за прошедшие 400 лет, всего за 400 лет!

Многое нужно сделать и многое можно сделать. Вот я и призываю мощный отряд выпускников МГУ не опускать руки, а побольше делать для развития науки и образования. Многое хотелось бы ещё сказать, но я и так слишком долго говорил. Извините за это. Благодарю за внимание.

В. Л. Гинзбург. 2 декабря 2004 года

В. Л. Гинзбург со студентами своей кафедры.

Слева направо:

М. Ерехинский, Е. Скворцов, Е. Нохрина, В. Л. Гинзбург, А. Чеховской.

V. L. Ginzburg with students of his department.

From left to right:

M. Erekhinsky, E. Skvortsov, E. Nokhrina, V. L. Ginzburg, A. Chekhovskoy.

Активная научная деятельность в разных областях теоретической физики не останавливалась, несмотря на проблемы со здоровьем.

Уже в последние годы им выполнены важные исследования в области высокотемпературной сверхпроводимости, в теории распространения космических лучей; решались задачи, связанные с межмолекулярными взаимодействиями, проблемой сверхдизмагнетизма, детектированием гравитационного излучения, физикой галактических и звёздных объектов. Особое внимание В. Л. Гинзбург уделяет наиболее актуальным задачам теории сверхтекучести и сверхпроводимости. Им подготовлен и опубликован ряд статей, в которых анализируются различные возможности объяснения механизмов высокотемпературной сверхпроводимости – явления, открытие которого в значительной степени было инициировано ранними работами и энтузиазмом возглавляемой В. Л. Гинзбургом группы. Следует особо подчеркнуть важность этих исследований в связи с технологическими приложениями и проблемой получения новых материалов для технических применений.

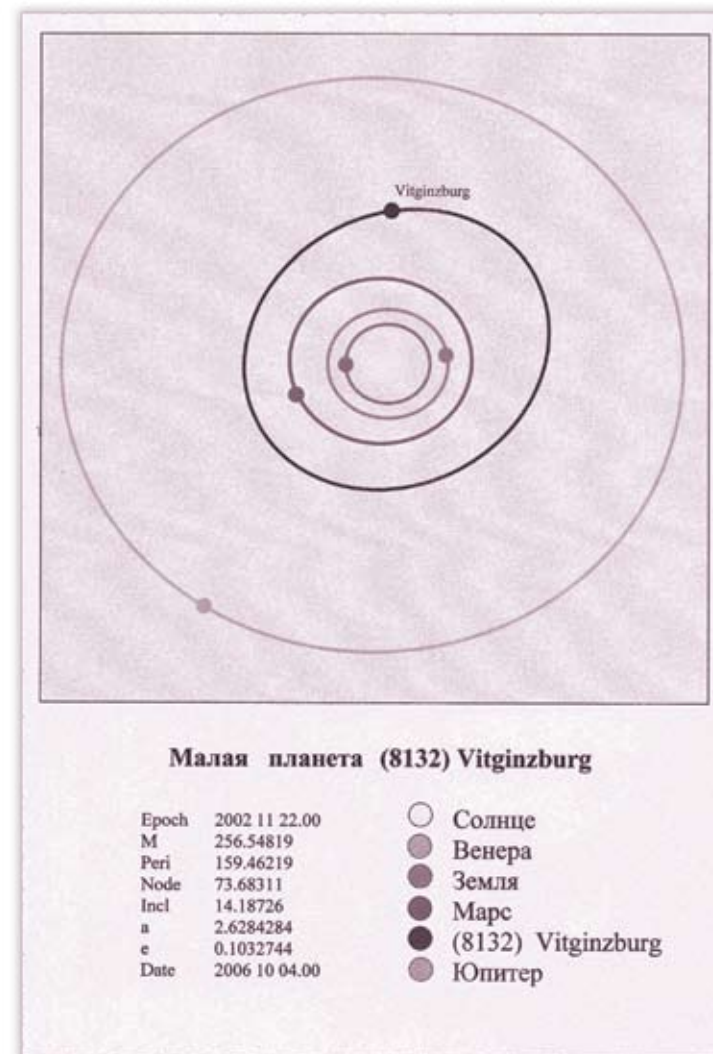

Свидетельство о присвоении малой планете № 8132 имени Витгинзбург (в честь В. Л. Гинзбурга). 1.10.2006 г.
The certificate of assigning the name Vitginzburg to the small planet No. 8132 (in honor of V. L. Ginzburg). 10/01/2006.

НА ПЕРВОЕ МЕСТО – НАУКУ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВО

Уверен, что будущее нашей страны только в демократии, у нас не должно быть авторитаризма. Огромная роль должна принадлежать просвещению и науке. Увы, уровень знаний в стране катастрофически падает. Вот элементарный вопрос на уровне седьмого класса, который я задаю самым разным людям: «Почему меняются времена года?» И подавляющее большинство отвечает, что при вращении Земли изменяется расстояние от нашей планеты до Солнца. Но это неверно. Причина в наклоне земной оси, а вместе с ним и угла падения солнечных лучей за Землю.

Почему-то считается, что человек не образован, если он не знает, например, автора «Капитанской дочки» или «Казаков». Но я не понимаю, как в XXI веке можно считать себя образованным и не знать, как устроен атом или что такое хромосома. Так вот, если наука и просвещение будут в стране на первом месте, если им будет отдан приоритет, то многие проблемы России отпадут. (В. Л. Гинзбург)

ОБ АКАДЕМИИ НАУК

Я не могу отвечать за правительство, но считаю, что оно поступает неверно, желая сделать из Российской академии наук казённый департамент. Могу высказать своё частное мнение: в правительстве есть недобросовестные люди, которые просто хотят хапнуть. У РАН много земли и зданий – есть силы, желающие на этом нажиться. Это одна категория людей. Другие вполне искренне считают: кто платит, тот музыку и заказывает. Раз мы даём деньги из госбюджета, то о какой самостоятельности академии может идти речь? Был даже большой документ, рекомендовавший превратить Президиум Академии в некий менеджерский орган, который будет решать, чем заниматься институтам.

Это совершеннейший абсурд! Я всей душой за менеджеров, организация дела – важная вещь, но есть абстрактные менеджеры, а есть – организаторы науки. Например, значение Сергея Вавилова, Мстислава Келдыша, Игоря Курчатова состояло в том, что они одновременно были и учёными, и организаторами науки. Выдающийся учёный – редкость, выдающийся менеджер – тоже редкость, а уж сочетание того и другого в одном лице – редкость в квадрате.

Сейчас грядёт новый закон, регламентирующий условия работы РАН, и я готовлю статью

насчёт изменения устава. Реорганизация нужна, но крайне важно сохранить стержень Академии. Этого, увы, не понимают многие министерские чиновники. Они намерены оставить крупные, известные на весь мир институты и сократить мелкие, якобы не способные конкурировать на мировом научном рынке. Это глубочайшая ошибка. Если Россия претендует на роль великой страны, она должна участвовать в научных исследованиях по всем направлениям. Конечно, далеко не везде мы способны занимать передовые позиции, но ведь и США лидируют не всюду, однако там наука охватывает широкий спектр исследований.

Академия должна быть не государственной, а общественной демократической организацией, частью гражданского общества. Президента РАН должны избирать сами учёные. Я категорически не согласен с введением возрастного ценза при выборах в Академию, что якобы позволит пополнить ряды РАН молодыми учёными. Да, Академия не должна превращаться в клуб стариков. Ну и что, отстреливать их? В РАН надо выбирать, только исходя из научных результатов. Нет другого критерия. Конкурс для молодых абсурден. Я не знаю ни одного случая, когда бы очень талантливых людей не избирали в Академию. (В. Л. Гинзбург)

ВОПЛОЩЕНИЕ ИДЕИ

Теория Гинзбурга-Ландау, за которую Виталий Лазаревич получил Нобелевскую премию, не только не потеряла своего значения, но, напротив, продолжает использоваться в тысячах работ. Релятивистское обобщение теории Гинзбурга-Ландау и частично связанная с этой теорией идеология нашли широкое применение в квантовой теории поля, а также в космологии и целом ряде других разделов физики и математики.

Диапазон интересов В. Л. Гинзбурга в физике сверхпроводимости простирался от термоэлектрических явлений в сверхпроводниках до проявлений сверхпроводимости во Вселенной.

Трудно оценить в полном объеме ту роль, которую сыграл В. Л. Гинзбург в открытии и исследовании высокотемпературных сверхпроводников. Он на протяжении почти четверти века неизменно верил в реальность высокотемпературной сверхпроводимости и с поразительной энергией воплощал эту веру в практическую деятельность. (По материалам журнала «УФН»)

МЕЧТА, СТАВШАЯ РЕАЛЬНОСТЬЮ

Долгих 22 года (с 1964 по 1986 год), впрочем, быстро промелькнувших, высокотемпературная сверхпроводимость была для меня мечтой, думать о ней было чем-то вроде азартной игры. Сейчас это огромная область исследований, ей посвящены десятки тысяч работ, в том или ином плане занимаются сотни, если не тысячи людей. Много сделано, но очень многое не сделано. (В. Л. Гинзбург)

В последние годы жизни у Гинзбурга было одно большое желание – создать в Физическом институте имени Лебедева высококласную лабораторию по сверхпроводимости. Он говорил мне, что употребил всё своё влияние, чтобы воздействовать на руководство института, и ему обещали изыскать научные и материальные возможности для осуществления этой идеи. Таким образом я узнал, что осуществить эту сложнейшую задачу было поручено Владимиру Моисеевичу Пудалову. С точки зрения Гинзбурга, он вполне подходил для этой цели и как учёный, и как организатор». (И. Бозович)

ПИСЬМО ПРЕЗИДЕНТУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В 2006 году В. Л. Гинзбург написал Президенту РФ Владимиру Путину письмо в защиту фундаментальной науки и изложил просьбу о создании специальной лаборатории для изучения высокотемпературных сверхпроводников и возможностей создания комнатнотемпературных сверхпроводников.

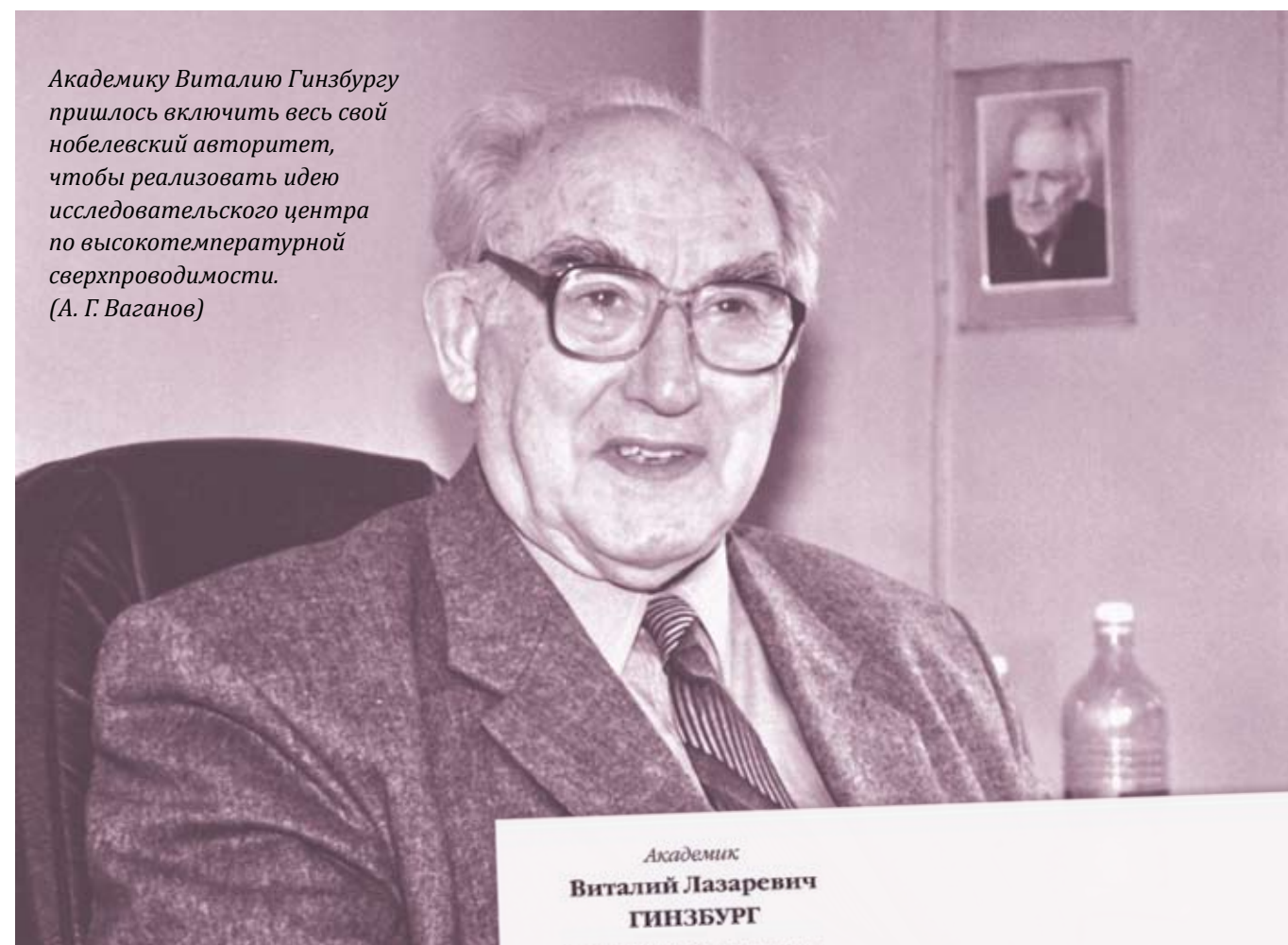
Из письма В. Л. Гинзбурга В. В. Путину от 10 февраля 2006 года:

«Происходившее в последнее время широкое обсуждение путей развития науки в России ясно показало, что нахождение здесь оптимального решения очень нелегко. Такое решение должно, с одной стороны, быть направлено на достижение высоких целей – направлено на то, чтобы наука в России находилась на самом передовом, мировом уровне. С другой стороны, нужно считаться с реальными возможностями необходимого финансирования.

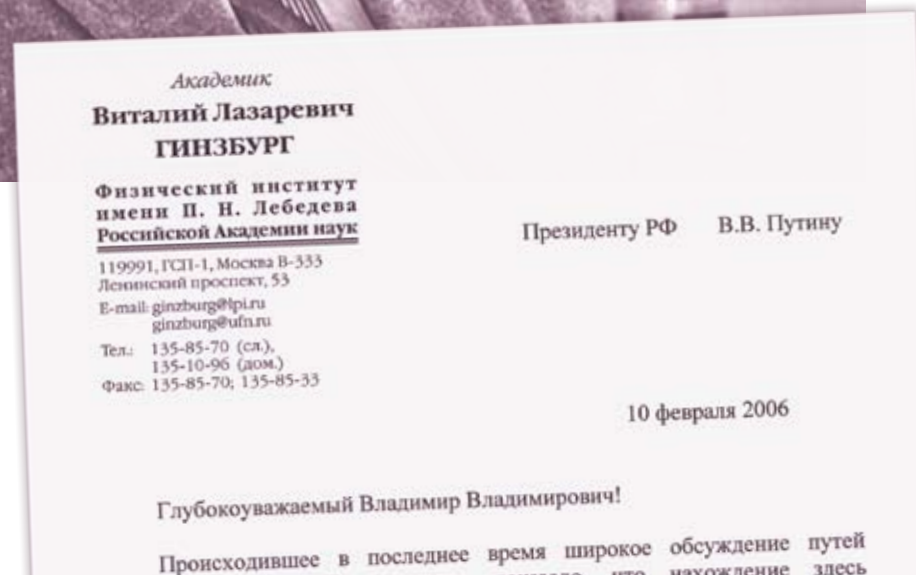
<...> Перехожу к цели настоящего письма: я знаю область физики, удовлетворяющую ясным из сказанного требованиям. Это принципиально важная фундаментальная физика, она обещает колоссальные практические полезные «выходы», и, наконец, для её адекватного современности развития нужны не миллиарды долларов, а всего лишь миллионы долларов.

Речь идёт о сверхпроводимости и, более конкретно, о высокотемпературной сверхпроводимости (ВТСП) и комнатнотемпературной сверхпроводимости (КТСП).

<...> Предлагаю основать специальную Лабораторию для изучения сверхпроводимости, в основном высокотемпературной, и путей создания комнатнотемпературных сверхпроводников. Эту лабораторию, я считаю, наиболее целесообразно создать на базе Физического института им. П. Н. Лебедева РАН».

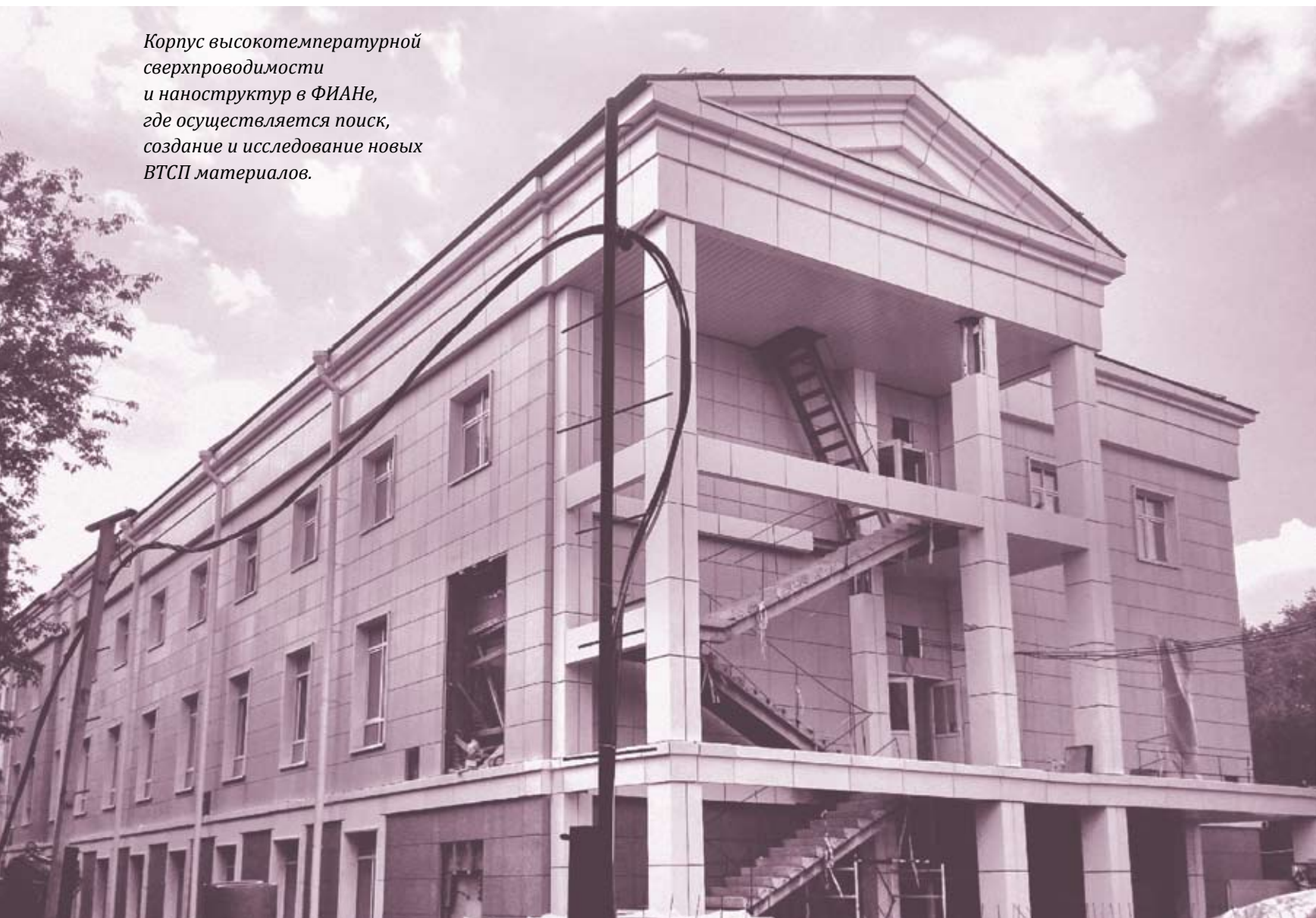
Академику Виталию Гинзбургу пришлось включить весь свой нобелевский авторитет, чтобы реализовать идею исследовательского центра по высокотемпературной сверхпроводимости. (А. Г. Ваганов)

Нобелевский лауреат Виталий Гинзбург дарит Президенту РФ Владимиру Путину свои труды.

Nobel laureate Vitaly Ginzburg presents his works to the President of the Russian Federation Vladimir Putin.

Корпус высокотемпературной сверхпроводимости и наноструктур в ФИАНе, где осуществляется поиск, создание и исследование новых ВТСП материалов.

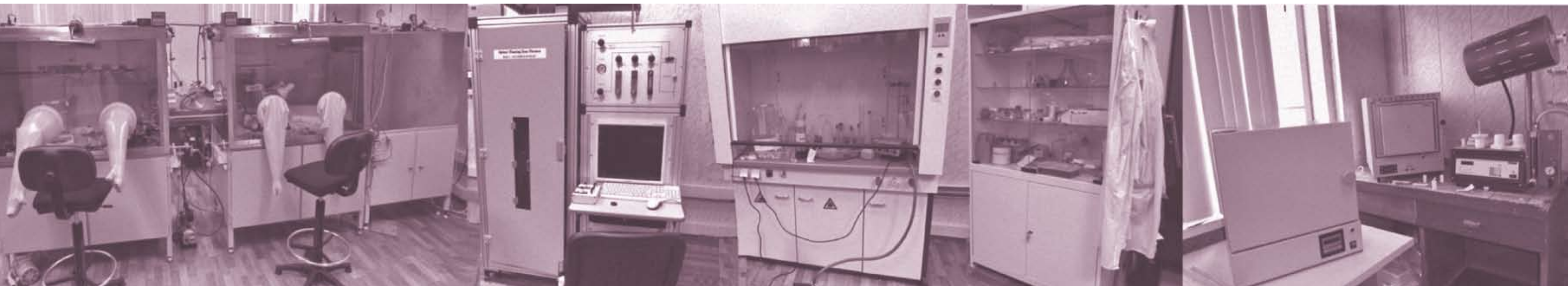
The building for high-temperature superconductivity and nanostructures where the search, creation and investigation of new high-Tc materials are carried out at the LPI.

В. Л. Гинзбург в целом ряде своих статей, книг и выступлений обосновал следующую цель – получить переход в сверхпроводящее состояние при комнатной температуре. Это стало его мечтой. Виталию Лазаревичу удалось убедить довольно много людей в том, что его мечта реальна. Возник проект создания Национальной лаборатории высокотемпературной сверхпроводимости, и такая лаборатория в ФИАНе была создана, проект получил ассигнования правительства, для нужд лаборатории реконструируется один из корпусов московской площадки ФИАН. (По материалам «ФИАН-Информ»)

ПРИЗНАК НАСТОЯЩЕЙ ГЕНИАЛЬНОСТИ

Задача, когда-то поставленная Виталием Лазаревичем, – создание комнатно-температурных сверхпроводников – это долговременная, не сиюминутная задача. Для её решения надо большую дорогу пройти. И то, что мы научились делать «железные» сверхпроводники, – первый шаг на этом пути. Даже этот первый шаг открывает колоссальные перспективы: создание сверхмощных (40–100 Тл и выше) постоянных магнитов, при этом обладающих лабораторными размерами; внедрение энергоэффективных технологий; развитие геномной инженерии и науки о жизни...

Всё дальше продвигаясь в обозначенном когда-то В. Л. Гинзбургом направлении, я получаю всё большее удовольствие от исследования высокотемпературной сверхпроводимости и всё больше и больше убеждаюсь в невероятной проницательности его как учёного. Наверное, это и есть признак настоящей гениальности... (В. М. Пудалов)

Комплектация новых лабораторий современным оборудованием для синтеза и анализа ВТСП.

Provision of new laboratories with modern equipment for synthesis and analysis of high-temperature superconductors.

Гостя ФИАНа встречают портреты Нобелевских лауреатов.

LPI guests are greeted by portraits of Nobel laureates.

С ЛАНДАУ НА «ТЫ»

Гинзбург – блестящий физик-теоретик, оставивший след во многих разделах современной физики. Он – великий гражданин России, внёсший огромный вклад в становление гражданского общества. Около 70 лет он проработал в Физическом институте им. П. Н. Лебедева Российской академии наук, фактически с момента окончания МГУ. Это институт, из которого вышли многие советские лауреаты Нобелевской премии по физике. Первая была вручена Черенкову, Тамму и Франку. Потом – Басов, Прохоров. Среди физиков ФИАНа у Гинзбурга была третья.

Формально Виталий Лазаревич был учеником Игоря Евгеньевича Тамма. Но считал себя одновременно и учеником Ландау. Если с Таммом он начал работать, будучи ещё совсем мальчишкой, то к моменту работы с Ландау стал уже постарше, поэтому они очень быстро перешли на «ты». А это редкий случай: с Ландау мало кто был на «ты». (А. Аршинова)

БЕССТРАШНЫЙ

Виталий Лазаревич никогда и никого не боялся! Он был редким исключением в эпоху всеобщего страха и пресмыкательства. В конце 40-х годов, будучи сотрудником ФИАНа и участвуя в сверхсекретном атомном проекте, он женился на женщине, приговорённой к ссылке, проживание которой в крупных городах СССР было запрещено. И был за это наказан: он не получил должных наград, хотя его вклад в создание первой советской водородной бомбы был сравним с вкла-

дом Сахарова. Впоследствии он не был допущен и к своим собственным засекреченным работам! В 1949 году, когда готовился разгром физики, подобный разгрому генетики на сессии ВАСХНИЛ, Виталий Лазаревич оказался в ряду тех, кого атаковали философы и физики – ортодоксальные марксисты (в основном – с физфака МГУ).

Помимо идеализма в физике, Гинзбурга обвиняли в космополитизме и низкопоклонничестве перед Западом. Слово «космополит» в те времена служило просто подстановкой вместо слова «еврей», так что здесь обвинение было «обоснованным». Обвинение в низкопоклонничестве перед Западом было основано на том, что в своих работах Гинзбург часто ссылался на западных учёных. (Фигурировал даже термин: тангенс угла низкопоклонства, равный отношению числа ссылок на работы иностранных учёных к числу ссылок на работы советских учёных.) Такие обвинения таили в себе нешуточную угрозу.

Я был на большом собрании в МГУ, посвящённом философским проблемам физики. На этом собрании присутствовали Тамм, Гинзбург и другие физики, сидевшие в первом ряду. Я помню, как на трибуну поднялся секретарь парткома одного из институтов Зребный. Он, видимо, умышленно надел красную рубашку. Зребный оглядел зал, остановил свой взгляд на первом ряду и закричал: «Расстреливать таких надо!» Но Виталий Лазаревич не испугался и не изменил своего стиля работы. Физику спасало то, что Сталин понял: если разгромить физику, то не будет атомной бомбы. (Б. Л. Иоффе)

Виталий Лазаревич Гинзбург скончался 8 ноября 2009 года после тяжёлой и продолжительной болезни. Похоронен он в Москве, на Новодевичьем кладбище.

Vitaly Lazarevich Ginzburg passed away on November 8, 2009 after a severe and prolonged illness. He was buried in Moscow, at the Novodevichy Cemetery.

Виталий Лазаревич – человек чести и долга, с обострённым чувством справедливости и ответственности, человек принципиальный и очень смелый. Его глубокий интеллект и громадный талант, широта интересов и выдающиеся профессиональные достижения прославили наше Отечество, нашу Академию наук. (Академик Ю. С. Осипов)

Виталий Лазаревич оставил неизгладимый след не только в науке – в физике, но и в нашем обществе, и в душах многих людей. (Академик Л. В. Келдыш)

Он был прекрасный педагог, блестящий просветитель... Всякая встреча Виталия Лазаревича со студентами в Московском университете превращалась в праздник. (Ректор МГУ им. М. В. Ломоносова В. А. Садовничий)

ИСТОЧНИКИ МАТЕРИАЛОВ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ПРИ СОСТАВЛЕНИИ АЛЬБОМА

1. Фотографии и документы:
 - фонд В. Л. Гинзбурга в Архиве РАН;
 - фонд В. Л. Гинзбурга в Архиве ФИАН;
 - фонд В. Л. Гинзбурга в Архиве МГУ;
 - кабинет истории ФИАН;
 - музей физического факультета МГУ;
 - мемориальный кабинет В. Л. Гинзбурга в ФИАНе;
 - личный архив Н. И. Гинзбург;
 - личный архив И. В. Дорман;
 - личный архив Л. Е. Чернышева.
2. В. Л. Гинзбург. О физике и астрофизике. Статьи и выступления. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Бюро Квантум, 1995.
3. В. Л. Гинзбург. О науке, о себе и о других. Статьи и выступления. 3-е изд., доп. – М.: Издательство Физико-математической литературы, 2003.
4. Виталий Гинзбург. Об отце и нашей семье. Журнал «Семь искусств», № 2 (15) – февраль 2011 г.
5. Виталий Л. Гинзбург. Автобиография (Приложение к Нобелевской лекции, 2003).
6. В. М. Березанская. Легендарный ФИАН глазами легендарных сотрудников. Журнал «История науки и техники», № 5, 2009/ФИАН 80 лет: люди, работы, достижения. – М.: РИИС ФИАН, 2014.
7. Yakov Alpert. Making Waves. Stories from my life. Yale University Press. New Haven, London.
8. В. А. Догель, Ю. П. Илясов, Н. Л. Кайдановский, Ю. Л. Кокурин, А. Д. Кузьмин, А. Е. Саломонович, Р. Л. Сороченко, В. А. Удальцов. Радиоастрономические исследования в Физическом институте им. П. Н. Лебедева АН СССР. Очерки истории радиоастрономии в СССР. Сборник научных трудов. – Киев: Наукова думка, 1985 г.
9. Л. Е. Родин. Пять недель в Южной Америке.
10. А. А. Андронов. Презентация к докладу «100 лет В. Л. Гинзбургу. В. Л. Гинзбург в г. Горьком и не только. Картинки науки и жизни».
11. Кип С. Торн. Чёрные дыры и складки времени. Дерзкое наследие Эйнштейна. Перевод В. Б. Брагинского. – М.: Изд-во Физматлит, 2007.
12. Наука и жизнь, № 10, 1986 г.
13. Наука и жизнь, № 1, 1942 г.
14. М. С. Аксентьева. УФН. В. Л. Гинзбург и публикации. Первая гинзбурговская конференция по физике. Мемориальная сессия 28 мая 2012, Москва, ФИАН.
15. Личность в науке. В. Л. Гинзбург. – Нижний Новгород. 2010.
16. Литературная газета. 4 октября 1947 г.
17. А. Д. Сахаров. Воспоминания. 2016.
18. Г. Е. Горелик. Андрей Сахаров. Наука и свобода.
19. О заявлении 72 академиков в «Известиях». Советский архив В. Буковского.
20. Михаил Львович Левин. Жизнь. Воспоминания. Творчество. 2-е изд., доп. – Н. Новгород: ИПФ РАН, 1998.
21. Виталий Гинзбург. Письма к любимой./Составление, подготовка к публикации и комментарий Г. Е. Горелика. – М.: Время, 2016.
22. Виталий Гинзбург в воспоминаниях друзей и современников. Составитель Ю. М. Брук. – М.: Физматлит, 2011.
23. Семинар. Статьи и выступления. Составители: Б. М. Болотовский, Ю. М. Брук. – М.: Физматлит, 2006.
24. В. Л. Гинзбург. О сверхпроводимости и о сверхтекучести. Автобиография. Сборник статей и выступлений. – М.: Изд-во Физматлит. 2006.
25. В. С. Губарев. Портрет интеллекта: Виталий Гинзбург. – СПб: Людовик, 2008.

Тираж 600 экз.

Корректор О. Ю. Гусева.

Подготовка к печати: В. В. Базанов, В. М. Гамбург.

ООО «Издательство «РМП»

150040, г. Ярославль, ул. 1905 года, 8Б, стр. 1

152901, г. Рыбинск, ул. Крестовая, 55

e-mail: rmposad@mail.ru

www.izdatelstvo-rmp.ru